

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1

Москва
2024

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE

RUSSIAN LANGUAGE

AND LINGUISTIC THEORY

№ 1

Moscow
2024

Журнал индексируется в БД: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science (WoS), Slavic Humanities Index.

The Journal is indexed in: MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (eLibrary and RSCI, Web of Science Platform), Slavic Humanities Index.

Журнал выходит под лицензией CC BY-NC-ND 4.0

All content of the journal is published under the CC BY-NC-ND 4.0 license

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — Молдован А. М.,
академик РАН, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет

Андерсен Х. — Ph.D., профессор,
Калифорнийский университет,
Лос Анжелес, США

Богуславский А. — D.Sc., профессор,
Варшавский университет, академик
Польской академии наук, Польша

Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор,
Мадридский технический университет,
Испания; Институт проблем передачи
информации РАН

Вайс Д. — Ph.D, профессор,
Цюрихский университет, Швейцария

фон Вальденфельс Р. — Dr. phil.,
профессор, Йенский университет
им. Фридриха Шиллера, Германия

Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор,
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

Вежбицкая А. — Ph.D., профессор,
Австралийский национальный универ-
ситет, Канберра, Австралия

Гиппиус А. А. — академик РАН,

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc.
(Russian Language), Vinogradov Russian Lan-
guage Institute of the RAS, Full Member of the
RAS, Moscow, Russia.

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language),
Professor, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia;

Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and
Literatures), Professor, University of Califor-
nia, Los Angeles, USA;

Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Full Member of the Polish Academy
of Sciences, Warsaw University, Poland;

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Technical University of Madrid,
Spain; Institute for Information Transmission
Problems of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitrij O. Dobrovolskij, D.Sc. (General Linguis-
tics), Professor, Vinogradov Russian Language
Institute of the RAS, Moscow, Russia;

Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Lit-
eratures), Professor, Harvard University, Cam-
bridge, USA;

Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language), Na-
tional Research University Higher School of
Economics, Full Member of the RAS, Mos-
cow, Russia;

Ilya B. Itkin, D.Sc. (Comparative and Contrastive
Linguistics and Linguistic Typology), Institute
of Oriental Studies of the RAS; National Re-
search University Higher School of Economics,
Moscow, Russia;

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Ди Сальво М. — Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия
- Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
- Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- Золтан А. — Dr., профессор, Будапештский Университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия
- Иткин И. Б. — д. ф. н., Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия
- Кленин Э. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, США
- Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
- Мелиг Х.-Р. — Ph.D., профессор, Кильский университет, Германия
- Мельчук И. А. — Ph.D., профессор, Монреальский университет, Канада
- Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
- Плунгян В. А. — академик РАН, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
- Сичинава Д. В. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
- Стойнова Н. М. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
- Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;
- Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;
- Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
- Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;
- Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;
- Igor Meščuk, Ph.D. (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;
- Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
- Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;
- Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;
- Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
- Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;
- Dmitri V. Sitchinava, Ph.D. (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
- Natalia M. Stoyanova, Ph. D. (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia
- Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;
- Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
- Hannu Tommola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tam-

Тимберлейк А.— Ph.D., профессор,
Калифорнийский университет, Беркли;
Колумбийский университет,
Нью Йорк, США

Толстая С. М. — академик РАН, профес-
сор, Институт славяноведения РАН

Томмола Х. — D.Sc., профессор,
Университет Тампере, Финляндия

Флайер М.— Ph.D., профессор, Гарвард-
ский университет, Кембридж, США

Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор,
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

Шмелев А. Д. — член-корреспондент
РАН, профессор, Московский государ-
ственный педагогический университет;
Институт русского языка им. В. В. Ви-
ноградова РАН

Ответственный секретарь — Пичхадзе
А. А., член-корреспондент РАН, Ин-
ститут русского языка им. В. В. Вино-
градова РАН

pere, Finland;

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Pro-
fessor, Vinogradov Russian Language Institute
of the RAS, Moscow, Russia;

Ruprecht von Waldenfels, Dr. phil. (Slavic Lin-
guistics), Professor, Friedrich Schiller Univer-
sity, Jena, Germany;

Daniel Weiss, Ph.D (Slavic Languages), Professor,
University of Zurich, Switzerland;

Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Profes-
sor, Australian National University, Canberra,
Australia;

András Zoltán — Dr. (Slavonic Studies), Professor
em., Eötvös Loránd University, Budapest,
Hungary

Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages),
Institute of Slavic Studies of the RAS; Lo-
monosov Moscow State University, Moscow,
Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc.
(Russian Language), Vinogradov Russian Lan-
guage Institute of the RAS, Corresponding
Member of the RAS, Moscow, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>Alina Israeli</i> . Repetitions (reduplications and tautologies) in Russian.....	9
<i>С. В. Князев</i> . Русская диалектная просодия и интонационная фонология русского языка: восходящий акцент.....	54
<i>С. В. Дьяченко, А. Б. Колесникова, П. А. Пилипец</i> . Предударный вокализм мосальских говоров: история и современность.....	96
<i>А. В. Мальшева</i> . Управление глаголов смеха и насмешки в русском языке: лингвогеография и история.....	131
<i>С. А. Бурлак</i> . История суффикса <i>-(р)аст</i> : морфонология в некодифицированной речи.....	166
<i>Г. А. Мольков</i> . Конкуренция форм родительного, дательного падежей и адъективов в древнейших восточнославянских списках Паримейника.....	183
<i>И. И. Макеева</i> . Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в цикле молитв Кирилла Туровского.....	197
<i>А. П. Майоров</i> . Документный дискурс XVIII в.: социолингвистическая интерпретация.....	232

Из истории науки

Переписка А. В. Исаченко с А. А. Алексеевым (1976–1977 гг.).....	251
Адреса университетов и институтов	324
Правила подачи статей	325

CONTENTS

<i>Alina Israeli</i> . Repetitions (reduplications and tautologies) in Russian.....	9
<i>Sergey V. Knyazev</i> . Phrase prosody of Russian dialects and intonational phonology of Russian: rising pitch accent.....	54
<i>Svetlana V. Dyachenko, Anna B. Kolesnikova, Polina A. Pilipets</i> . Vocalism of the first pretonic syllable in the Mosalsk dialects: history and modernity.....	96
<i>Anna V. Malysheva</i> . Argument encoding in verbs of laughter and ridicule in Russian: linguogeography and history	131
<i>Svetlana A. Burlak</i> . A history of the suffix <i>-(r)ast</i> : morphophonology in conversational speech.....	166
<i>Georgiy A. Molkov</i> . Variation of forms of genitive, dative cases and adjectives in the oldest East Slavonic manuscripts of the Paroemiaron	183
<i>Irina I. Makeeva</i> . Word order in attributive collocations in the cycle of prayers of Kirill of Turov.....	197
<i>Alexandr P. Mayorov</i> . Documentary discourse of the eighteenth century: sociolinguistic interpretation	232

History of Russistics

Correspondence of A. V. Isachenko with A. A. Alexeev (1976–1977)	251
Addresses of universities and institutes.....	324
Notes for contributors	326

ИССЛЕДОВАНИЯ

doi.org/10.31912/rjano-2024.1.1

ALINA ISRAELI

American University
(Washington DC, USA)
aisrael@american.edu

REPETITIONS (REDUPLICATIONS AND TAUTOLOGIES) IN RUSSIAN

The article represents a comprehensive catalogue of all currently known non-compositional repetitions and tautologies, and it examines their semantics and pragmatics. Particular attention is paid to quasi-synonymy of constructions.

Keywords: repetitions, reduplications, tautologies, phrasemes, Russian syntax, semantics, pragmatics, discourse, quasi-synonymy, adversative constructions

Introduction

Russian language, while not having grammatical reduplication, is prone to lexical, semantic, and syntactic repetitions. When discussing and classifying these various types of repetition, one has to identify to what extent the doublet is fixed in the language and/or to what extent the doubling is free and what kind of semantic or pragmatic change occurs when doubling.

The study of Russian repetitions is relatively new, and there hasn't been a comprehensive study of all known constructions; typically, one construction and its variations would be covered in a study (such as those cited below). There are two works that covered a number of repetitions: Sannikov's chapter 2.5 «Конструкции с тождественными словоформами» in [Санников 2010: 191–208], which serves as a foundation for the discussion below, and [Киклевич 2016]. The few types discussed by Kiklewicz (despite listing many more) do not add anything to Sannikov's discussion. In addition, he mentions any phrase or construction where the word is repeated, thus he lists [Ibid.: 63] the idiom *рука руку моет* 'I scratch your back, you scratch mine' together with *душа в душу* 'in perfect harmony' and *дурак дураком* 'real fool', that is constructions that have neither syntactic nor semantic similarity. Elsewhere [Ibid.: 62] he lists under coordination such pairs as *пишет и пишет* 'keeps on writing' and *два и два* 'two and two'. This touches upon the nature of repetition discussed below. If one describes a writer by saying *пишет и гуляет* 'writes and takes strolls', we would understand that these two actions alternate. If the same writer is de-

scribed as *пишет и курит* ‘writes and smokes’, we would understand that these two actions sometimes overlap. But saying *пишет и пишет* ‘writes and writes’ does not fall under either type; instead it means ‘writes for a long time’. On the other hand, *два и два* ‘two and two’ requires summing them up the same way as *два и три* ‘two and three’ or any other numerals, contrary to the idiom *как дважды два (четыре)* lit. like two times two (equals four) ‘easy as pie’. This points, on the one hand, to the flaw of his classification, and on the other, to the non-compositional nature of repetitions discussed below.

Lexical reduplication which represents reduplication within one lexeme, such as *баба, Кока, шурь-мурь*, has been covered in [Israeli 1996; Крючкова 2004] and others.

There are instances where the meaning of [XX] is different from [X], for example, *вот* is a particle with a variety of meanings, the most typical one being ‘pointing at an object or quality’.

- (1) — **Вот** здесь, — говорю я, указав на двухэтажный мрачный дом (С. Дигол. Мои пыльные ноши // «Волга», 2010).
 ‘“Right here,” I say, pointing at a gloomy two story building.’

However, one of the meanings of *вот-вот* is about shortness of time between the speech event and the narrated event:

- (2) **Вот-вот** приедет отец, а тебе с ним встречаться нельзя (А. Ткачева. Приворот (1996)).
 ‘My father will come any day now, and you are not allowed to meet with him.’

I consider this also lexical reduplication, which will not be examined in this article.

The goal of the article is to attempt to catalogue all non-lexical repetitions known to date that are of non-compositional nature, in other words free idioms, and to provide their semantic analysis.

The main types are: 1. reduplication and simple repetition, 2. repetition before juxtaposition, 3. nominal tautologies, 4. non-nominal tautologies and free idioms. Each type has a large number of subtypes.

I. Reduplications and simple repetition

- [XX], X = N, Adj, Adv, V
 [X-PrefX], X = Adj, Adv, Participle
 [X и X], X = N, V, Adj, Adv
 [Adj_{comp} Adj_{mascGen.sg}]
 [V_{inf} **не** V_{finite}]
 [N_{nom} **не** N_{nom}]
 [**без** N₀ N_{nom} **не** N_{nom}]
 [(**и**) N_{nom} **не в** N_{acc}]

1. Simple reduplication

Simple repetition [XX] exists in several forms:

- a) Non-echo repetition, i. e. X hasn't been uttered by another speaker and [XX] does not have an explicit consequence introduced by a conjunction.

This «spontaneous» repetition is often explained as 'very X', 'true X', 'prototypical X'. Traditionally adjectives and adverbs were represented in this group, but [Гилярова 2010] notes that nouns are beginning to be used as well:

- (3) Зато каждой весной все вокруг **белые-белые**, а он будто с курорта вернулся (Ф. Кандель. Коридор (1981)).
'But to make up for it, in the spring everyone around is *very white*, and it is as if he came from a southern vacation.'
- (4) Бульвар — правительственная трасса. Иной раз, — **редко-редко**, — машины гуськом идут: на Арбат, а оттуда в Дорогомилово, на дачи (Ф. Кандель. Коридор (1981)).
'The boulevard is a government road. At times, *very rarely*, the cars are going in line, to Arbat, and from there to Dorogomilovo, to the summer residences.'
- (5) Очень хорошие фотографии и рассказ, такое **лето-лето!** (цит. по [Гилярова 2010: 92]).
'The pictures are very good, and so is the story, such *real summer!*'

Гилярова [2010: 90] mentions that the doubled entity constitutes a single prosodic unit. This is true, but the double unit has two stresses, and the first element is higher in pitch (unless the utterance is a question).

We do not have such constructions for verbs and for good reason. *Belye-belye* or *redko-redko* describe an entity at a single point of time as being 'truly/real X'. A verb, if it is imperfective, progresses in time and produces an outcome (this will be discussed later); if it is perfective, there must be some pragmatic reason for repetition, for example insistence on the fact of action in case of incredulity, but this is not the only pragmatic trigger:

- (6) [Маруся (Ингеборга Дапкунайте), жен., 31, 1963] Ну как я могла в два месяца что-то сказать?
[Митя (Олег Меньшиков), муж., 34, 1960] Ой/ **сказала^P/ сказала^P** (/ *ой сказала^P). А не сказала/ так подумала (Н. Михалков, Р. Ибрагимбеков. Утомленные солнцем, к/ф (1994)).
'Mariusya. How could I have said anything at the age of two months? Mitya. Well, you did say something. And if you didn't say something, then you thought it.'

- b) Echo repetition, i. e. X has been uttered by another speaker immediately before the speaker utters [XX].

This type most often happens in dialogues and represents the application of Grice's Cooperative Principle (see [Israeli 1997]).

Due to the complexity of these types, it is worth pointing to a divergence of pragmatic messages within this type. In (7) Speaker 1 (Sp₁) / Participant 1 (P₁) says that she had thought... To which Speaker 2 (Sp₂) replies with a put-down and a disparaging remark whose traditional ending *и в суп попал* ‘and got into the soup’ i. e. got cooked, is not mentioned. In (8) Sp₁ / P₁ asks if Sp₂ / P₂ thought P₁ lived in luxury. When Sp₂ / P₂ denies it, Sp₁ insists that P₂ had thought it. Thus, the same construction could be used either as a put-down or an insistence:

- (7) [Анюта (Любовь Орлова), жен., 32, 1902] Я думала...
 [Костя (Леонид Утесов), муж., 39, 1895] *Думалаⁱ/ думалаⁱ*... Индюк тоже думал (Г. Александров, Н. Эрдман, К. Исаев. Веселые ребята, к/ф (1934)).
 ‘Аnyuta. I thought...
 Kostya. *You thought, you thought*... The turkey also thought [but got into the soup].’
- (8) — Думал, здесь у меня хоромы с хрустальными стенами и золотыми унитазами?
 — Да, в общем-то, нет...
 — *Думалⁱ, думалⁱ*, — усмехнулся старый гаишник. — Все так думают (Д. Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011)).
 ‘“You thought, I have here a palace with crystal walls and golden toilets?”
 “Well, actually no...”
 “*You did too*,” the old road policeman grinned. “Everybody thinks that.”’

There may be other pragmatic implications. In (9), unlike (6), there is no challenge to the information and a single *сказал* ‘said’ could have been used, which was not the case in (6). The message here is most likely ‘stop pestering me with this question’.

- (9) [Антоновна, жен., нянька] Погоди, самовар вскипит... Сказал Егорке-то?
 [Павел Федорович Протасов, муж.] *Сказал^p, сказал^p*... (М. Горький. Дети солнца (сцены) (1905)).
 ‘“Wait, the samovar will boil... Did you tell Egor, hm?”
 “*I did, I did*.”’

c) Non-echo repetition, and [XX, а/и/да/да и] does have explicit consequence or contradiction introduced by a conjunction.

One of the main subtypes is [XX, а], which means ‘limitation of X’. See below **Simple repetition before juxtaposition**, for example:

- (10) Видят они: **дурак, дурак, а** не дурее других (Ф. Кандель. Зона отдыха (1979)).
 ‘They see: *a real fool, but* no more foolish than others.’

However, there may be also an outcome or a change as a result of the action X. If we use Vendler's (1957) classification of verbs, we will see the following classification of repetitions:

- a state may spontaneously end:

(11) [Я] **Лежалⁱ-лежалⁱ** — и уснул (Д. Сабитова. Где нет зимы (2011)).
'I lay there for a long time, and fell asleep.'

The change of state is part of the meaning of the reduplication and has to be expressed. Compare two sentences:

- (12) a. *Книга лежалаⁱ-лежалаⁱ.
'The book lay and lay.'
b. Книга лежалаⁱ-лежалаⁱ и пропала^p.
'The book lay and lay (there) and disappeared.'

- an activity may or may not come to a result:

(13) Мучилась Анфиса: как помочь ему? **Думалаⁱ-думалаⁱ** и надумала (И. Грекова. Вдовый пароход (1981)).
'Anfisa was tormented: how could she help him? She *thought and thought* and (finally) came up with an idea.'

(14) [Зверушки] **Думалиⁱ-думалиⁱ**, а ничего путного придумать не могут (А. Г. Асмолов. Софьины сказки (2015)).
'[The animals] *Thought and thought* but could not come up with anything sensible.'

Among perfectives only delimitatives tend to abruptly change actions, similar to states:

(15) Тот [отец] тоже не смог [решить задачу] — **подумал^p, подумал^p** да бросил (П. Мейлахс. Избранник (1996) // «Звезда», 2001).
'The latter [father] also could not [solve the problem], he *thought for a while* and gave up.'

Perfective accomplishments and achievements do not form this construction:

- (16) a. * Упал^p, упал^p и...
'[I/he/it] fell and fell and...'
b. * Прочитал^p, прочитал^p и...
'[I/he/it] read through and read through and...'

2. Reduplication of the type [X-PrefX] of

- adjectives and adverbs with the reduplicator adding an intensifying prefix *pre-, ras-/raz-*

(17) На третьем этаже Токарев позвонил, и дверь им открыла высокая крупная старуха с **белыми-пребелыми** волосами (В. Перуанская. Прохладное небо осени (1976)).

‘At the third floor Tokarev rang the bell, and a tall large old woman with *very white* hair opened the door.’

- (18) Чернобровый, кудрявый, с усиками, зубы белые, ровные, **весёлый-развесёлый** (М. Горький. Жизнь ненужного человека (1908)).
‘[He had] black eye-brows, curly hair, a mustache, even white teeth, and he was *full of joy*.’
- (19) ...глаза смотрели из двух щелок **весело-превесело...** (М. С. Шагинян. Агитвагон (1923)).
‘...their eyes looked through two cracks *very joyfully*...’
- (20) Как хорошо у вас! В кухне **чисто-пречисто!** А борщ — одно объедение! (Н. Голубятников. Подвиг человека... (2022)).
‘It is so nice here! It is *super-clean* in the kitchen! And the borscht is just delicious!’

With the exception of colors, other *pre*-adjectives exist in a non-reduplicated state: *превысокий, претолстый, превредный, предорогой*. *Raz*-adjectives are limited to a few tokens: *развеселый, разудалый, разэтакий* due to the multiplicity of meanings of the prefix *raz*-.

- participles with the reduplicator adding an intensifying iterative prefix *pere*-
- (21) А все **читано-перечитано**. Много подчеркиваний — красным карандашом, желтым (С. Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013).
‘Everything is *read and re-read*. Much is underlined with a red pencil, and a yellow one.’
- (22) Эти мысли, много раз **думанные-передуманные**, пробежали быстро... (Н. Беспалова. В той стране (2021)).
‘These thoughts, which were *thought over and over* many times, passed fast...’

Pere-participles typically exist in a non-reduplicated state and mean that the action was done many times over: *перевидано, перестирано, пересказано, перебито, перевышито* etc.

3. Repetition [X и X]

There are five types of the construction [X и X]; three of them are mentioned in [Санников 2010: 200–205]. They differ semantically, prosodically and in part syntactically and morphologically.

3.1. [V_{exist} N_{absr/pl} и N_{absr/pl}]; the intonation goes up after the first N and down after the second N. This construction establishes or postulates different types of N and can be used only with an *existential* verb:

- (23) **Есть собрания — и собрания.** У каждого собрания свое лицо (Л. Р. Кабо. Ровесники Октября (1964, 1997)).
'*There are meetings and meetings. Each meeting has its own "face".*'
- (24) Как говорил Ульянов-Ленин, **бывают компромиссы — и компромиссы** (Б. Немцов. Провинциал в Москве (1999)).
'*As Ulyanov-Lenin used to say, there are compromises and compromises.*'
- (25) **Есть вранье и вранье** (А. С. Серафимович. Заметки обо всем (1902–1903)).
'*There are lies and there are lies.*'

3.2. Repetition of imperfective verbs, adverbs, nouns, and address forms separated by the conjunctions *и* and *да*: There is a strong overtone of displeasure.

The implications of this meaning fall into two categories:

a) either there should be a lot more of X, typically in irrealis, but this is impossible; in (26) it is so because the character is dead, and in (27) because of the singer's voice problems.

- (26) У Веры Гавриловны пометка сделана, узелок завязан на проклятой Германии: братская могила, а в могиле сын Лёка, девятнадцати лет, которому бы только **жить да жить**, да растить детей, да радовать стариков-родителей (Ф. Кандель. Коридор (1981)).
'*Vera Gavrilovna has a black mark on damn Germany; there is a common grave, and her son Leka in it. He was 19 years old and could have lived a very long time, raise children and be the joy of his old parents.*'
- (27) Казалось бы, с таким голосом Саша [Ворошило] **будет еще петь и петь**. (...) Но вот случилось, что его голос «устал» (М. Магомаев. Любовь моя — мелодия (1999)).
'*It seemed that with such a voice Sasha would be singing and singing. (...) But it so happened that his voice "got tired."*'

b) or that X is excessive. In (28) the extended V is a sign of Zolotov's depression, in (29) the author herself wonders about her prolific output, in (30) the repetition is a sign of the protagonist's selfishness, and in (31) the repetition of the requests is the expression of aggravation by the hospital nurse: the visitors keep asking permission, and she gets the wrath of her superiors:

- (28) Пока этаж не опустел, Золотов **всё сидел и сидел** в кресле, и всякий раз, когда девочка проходила мимо, провожал ее взглядом (Е. Козловский. Мы встретились в Раю... (1992)).
'*Until the floor emptied, Zolotov kept sitting in the armchair, and each time when the girl passed by, he followed her with his eyes.*'
- (29) Ах, вот некому запретить — **всё пишу и пишу**... неужели всё это Вам читать?! (К. А. Куприна. Куприн — мой отец (1979)).

‘Gee, there is no one to forbid me, I *keep writing and writing*... would you really read all of this?!’

- (30) Как ты была эгоисткой, так и осталась. Все **о себе да о себе**, любимой! (М. Полетика. Однажды была осень (2012)).
 ‘You remain as selfish as you were. You keep *talking only about yourself*, your beloved!’
- (31) — Пустите меня на одну минутку. ... Ну как? Можно?
 — Какие вы посетители несознательные! **Можно да можно**, а мне влетает (И. Варламова. Мнимая жизнь (1978)).
 ‘“Let me in just for a minute. ... So, may I?”
 “How irresponsible you visitors are! “*May I*” and “*may I*”, and I am the one who gets scolded.”’

3.3 and 3.4 look very similar in the case of $X = N$, but the connotations are different. In addition, 3.4 includes verbs unlike 3.3. Both are mentioned in [Санников 2010: 194–195].

3.3. [(ну) N^{Nom} и N^{Nom}]

Some entity N_0 looks similar or feels similar to N , but is not N . The speaker uses the construction to say that N_0 is exactly like N . In (32) her face looks exactly like a hot water bottle. In (33) hard liquor tastes like water.

- (32) Лицо ее сегодня было расплюснутым: **грелка и грелка**. Разве что не булькало (И. Варламова. Мнимая жизнь (1978)).
 ‘Her face today was squooshed, *just like a hot water bottle*, only it didn’t gurgle.’
- (33) Спирт следует пить так (<...> бросаешь туда кусочек сухого льда... И когда уже весь стакан покроется инеем, ты берешь его и пьешь, как простую воду. Никаких тебе градусов, никакого жжения или там сухости: **вода и вода**. Можно даже маленькими глоточками (Е. Козловский. Мы встретились в Раю... (1992)).
 ‘Alcohol should be drunk like this ... you throw in a piece of dry ice... And when the whole glass is covered with frost, you take it and drink it like simple water. No proofs, no burning or dryness, *just like water*. You can even take small sips.’

3.4. а. [(ну) N^{Nom} и N^{Nom}]

Unlike in 3.3, in this case there is an actual N described as $[N \text{ и } N]$, so the entity is indeed N , but the pragmatic implication is that it bears no importance or that there is nothing special or unusual in the N (or N ’s) under discussion:

- (34) Вот муравейник. А в муравейнике — те же самые муравьи, что вчера, позавчера и в прошлом году. А даже, если и другие, их все равно не отличишь от прежних. **Муравьи и муравьи** (В. Токарева. Неромантичный человек (1978)).

‘Here’s an ant-house. And in the ant-house there are the same ants as yesterday, and a day before and last year. And even if there are different ones, you can’t tell them apart from the previous ones. *There are all just ants.*’

The described entity may indeed be a common one, as in (34), but there may be something unusual about it; yet not everyone would be able to recognize its special character, for to many observers it is just a common one, as in (35) or (36). In (35) it is the quality of observer that may prevent proper identification of N, while in (36) the observer is deliberately tricked into seeing a common N, while it is actually not a common one.

- (35) — Откуда же она [Божья мать] является?
 — Ну, в воде, конечно... Только не все ее видят, который человек очень грешный, тому ничего не видно... **Вода и вода** (В. Осеева. Динка (1959)).
 ‘“Where does the mother of God appear?”
 “In the water, of course... Only not everyone sees her. One who is sinful can’t see anything... *Just water.*’
- (36) В том-то и была Сашкина затея, чтобы на весь рынок торчала из кармана драгоценная тридцатка, а рядом напихали обрезков из пачки папирос «Беломор-канал»... Поди разгляди с ходу-то, **пачка и пачка**, и видно по тридцатке, что деньги торчат (А. Приставкин. Ночевала тучка золотая (1981)).
 ‘That was exactly Sashka’s idea, that the cherished 30-ruble bill would stick out of the pocket for all the market to see, and next to it they stuffed cuts from a pack of “Belomorkanal” cigarettes... Who could see on the run, *just a pile of money*, one can see from the 30-ruble bill that money is sticking out.’

This construction is also used when there is an unusual *name* of an item or a person which signifies acceptance by the speaker:

- (37) Парасюк. А я, представьте себе, даже ничего такого странного не замечаю. **Ну Парасюк и Парасюк**. Обыкновенная украинская фамилия (В. Катаев. Миллион терзаний (1931)).
 ‘Parasyuk. Imagine, I don’t notice anything strange. *Just Parasyuk*. An ordinary Ukrainian last name.’
- (38) Вообще в семье у вещей прозвища. Большой ножик с широким лезвием — единственный режущий во всем доме, старинный, с серебряной ручкой — называется «кардиналом». Почему? **Кардинал и кардинал** (И. Грекова. Пороги (1984)).
 ‘In general things in our family had nicknames. A large knife with a wide blade, the only cutting instrument in the whole house, an ancient one with a silver handle is called “cardinal”. Why? *Just so, cardinal.*’

- (39) Я понятия не имел, что такое «подлинник», но переспрашивать не стал. **«Подлинник» и «подлинник»**... Подумаешь невидаль! У нас с Шурой таких подлинников в альбомах было несколько сотен... (В. Кунин. Кыся (1998)).

‘I had no idea what “original” meant, but did not ask. All right, *be it “original”*. Who cares! Shura and I had several hundred of such “originals” in our albums.’

- b. [(ну) Adj^{Nom} и Adj^{Nom}] and [(ну) Adv и Adv]

Steksova [Стексова 2006] mentions several adjectives and adverbs in this construction, whose meaning is speaker’s indifference, unimportance of the feature. It is notable that the adjectives she mentions exemplify high ranking of the object: *красивая* ‘beautiful’, *первый* ‘first’, in addition to some possessives *мамин* ‘mother’s’, *твоя* ‘yours’. Only when the adjective marks exceptional quality, is the indifference possible.

- (40) «Да будет вам, — говорил его вид. — Ну, **золотой и золотой**, чего тут такого...» (Б. С. Рябинин. Яранг — золотой зуб (2023)).
‘His whole demeanor said, “Big deal, *so it is gold*, so what?...”’

Her adverbs are *много* ‘much’ and *грустно* ‘sad(ly)’. In both cases the speaker dismisses the state or description as non-consequential:

- (41) — Ты много куришь.
— Ну **много и много**. Подумаешь [Стексова 2006: 84].
‘“You smoke a lot.”
“So what if *a lot*.”’

- c. [(ну) V и V]

Sannikov [Санников 2010: 205] calls this action “usually undesirable” and “in the past”. It is indeed an undesirable action, such as saying an offensive ethnic slur in (42) or not calling in (43):

- (42) «Да оставь ты его, Мара, ну, **сказал и сказал**, и что? Что обижаться-то? Пьяный человек, дурной», — сказал Неня с досадой (М. Зайчик. В нашем регионе // «Звезда», 2002).
‘“Leave him alone, Mara, *so what if he said it?* Why get offended? A drunk, a bad man.” Nenya said it with aggravation.’
- (43) — Ты извини, что я не звонил.
— Зачем извиняться? **Не звонил и не звонил** (В. Токарева. Будет другое лето (2000)).
‘“Forgive me that I did not call.”
“Why apologize? *So you did not call*.”’

However, there may be present and future events as well:

- (44) Сам Вася о смерти не думал, **придет и придет**, не ты первый, не ты последний (Н. Катерли. Между весной и летом (1986)).
‘Vasya himself did not think of death, *so it will come*, you are not the first, you are not the last.’

While future perfective is more common and more logical (‘so what if it happens?’), we do encounter present tense examples as well:

- (45) **Ну кричат и кричат**, что с того? Во-первых, кто будет в таких вопросах слушать толпу? (Д. Евдокимов. Игра на повышение (2021)).
‘So *they are screaming*, so what? First, who is going to listen to the crowd about such issues?’

Additionally, this construction means acceptance and/or inconsequential quality of the action.

3.5. [V и V] means insistence on the right to do V or to decide to do V. Typically it is said by the speaker about himself/herself.

- (46) — Послушай, Викторова, в чем дело у тебя с Левиным? Дружила-дружила, а теперь не хочешь.
— **Не хочу и не хочу**. А на кой он мне сдался? Нудный он. Вот с тобой бы я пошла (И. Грекова. Свежо предание (1995)).
‘Listen, Viktorova, what’s the story with Levin? You were friends for a long time and now you don’t want to be.’
‘*I just don’t want to*. What have I got to do with him? He is boring. But I would go with you.’
- (47) [На танцах. Платонов оставил Лелю, увидев Машу.]
Платонов (Радостный, приблизился к Маше). А уж я отчаялся.
Маша. Видела.
Платонов. Где же вы были?
Маша. Миленькая. Чего ее бросили?
Платонов. **Бросил и бросил**.
Маша. Неприлично. Чему вас в училище учили? (А. Штейн. Океан (1960)).
‘[At the dances. Platonov left Lyola when he saw Masha.]
Platonov (excited, approaching Masha). And I was already despairing.
Masha. I saw.
Platonov. Where were you?
Masha. Very pretty one. Why did you leave her?
Platonov. *Just did*.
Masha. It is indecent. What have they taught you in the academy?’

4. Repetition of adjectives

[Adj_{comp} Adj_{masGen.sg}] — exceptional quality

We can create the progression: *страшный, страшный-страшный, страшный-престрашный, страшнее страшного*, each modifier being even scarier than the previous one.

- (48) а. Зубной врач **страшнее страшного** (Ф. Кандель. Коридор (1981)).
'The dentist is *scarier than scary*.'
- (49) **Легче легкого** будет узнать про Варвару Фоминичну. Полчаса от дома сюда на автобусе (В. Перуанская. Зимние каникулы (1988)).
'It will be *as easy as pie* to find out about Varvara Fominichna; it takes half an hour from home to get here by bus.'
- (50) Вся ситуация глупа, а ты в ней — **глупее глупого!** (В. Рецепттер. Ностальгия по Японии (2000)).
'The whole situation is stupid, and you in it are *stupidest of all*.'

[Paillard & Плунгян 1993] analyzed several types of verbal repetition under the same umbrella. The types that they viewed as similar fall into the aggregated formula [V_{inf/past} (-то) (не) V_{finite} (а/но)]. Later [Июмдин 2013] offered his interpretation of these constructions. Considering that some constructions have obligatory following adversative clauses and some do not, and given the semantic distinctions, I will treat them separately.

5. Repetition of verbs

[V_{inf} не V_{finite}] — absolute negation

This type represents the absolute negation of V, even though the addressee might suspect the presence of V for some reasons previously stated or implied. The most representative examples are *знать не знаю/знает/знал(а), ведать не ведаю/ведает/ведал(а)* 'do/does/did not know at all'.

- (51) **Знать** я его **не знаю, ведать не ведаю**, и дела мне до него никакого нет (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)).
'*I don't know him at all*, and I have nothing at all to do with him.'
- (52) Но что-то последние дни чаще молчит и нет-нет прикорнет с книжечкой, **а читать — не читает** (В. Корнилов. Демобилизация (1969–1971)).
'Somehow lately he is mostly silent and occasionally falls asleep with a book, but he *does not read at all*.'

The next example is from the point of view of a pre-school boy:

- (53) Утром мама уехала... Но [я] не заплакал, нет. Это по правде о себе сказать могу: **реветь не ревел** (С. Георгиевская. Жемчужный остров (1961)).
'In the morning Mom left... But I did not cry, no. This I can say truthfully: *I did not wail at all*.'

6. *Repetition of nouns*[N_{nom} **не** N_{nom}]

The meaning of this construction is ‘not clear whether it is N or not N’. It is similar to the conjunctions *не то... не то...* discussed in [Israeli 2007]. In this case it could be paraphrased by [не то N, не то не N].

- (54) Теперь линейка переходила в классный час — эдакий **урок не урок**, аналог ежедневной пятнадцатиминутки в начальной школе (Б. Евстигнеев. Школьная мафия (2022)).
‘Now the lining up merged into a class hour, *sort of a lesson or not a lesson*, analogous to a 15-min event in elementary school.’
- (55) Нагоняю странную фигуру. **Ребенок — не ребенок**, но какой-то маленький человечек в длинном до земли черном плаще (Ю. В. Алексеев. Дневник (1980)).
‘I catch up to a strange figure. *Maybe a child or maybe not*, but some small person in long black raincoat that reached the ground.’

7. *Repetition of noun*[без N₀ N_{nom} **не** N_{nom}]

This type includes an obligatory element N₀ without which N is not N. N in this case has an experiential function, unlike 6.

- (56) Всё утро готовила, осталось довести до ума только салат оливье, **без оливье** ведь **праздник не праздник** (М. Блехман. Римские цифры // «Ковчег», 2012).
‘I cooked all morning, all I have left is to get the salad “Olivier” ready, for *without “Olivier” a holiday is not a holiday*.’
- (57) Остальные встретили нового гостя так шумно, как будто именно его и поджидали, что **без него и веселье не веселье** (О. Эминов. Будь осторожен, Бекназар! (1978)).
‘All the others met the new guest with such a noise as if they’d been waiting just for him, and *without him merriment is not merriment*.’

8. *Repetition of nouns*[(и) N_{nom} **не в** N_{acc}]

The meaning of this construction is similar to 7, although there is no set obligatory element N₀ that renders N a proper N. N also has experiential function, as in 7.

- (58) Уже тосковали, что никто из сыновей не приехал, и **праздник не в праздник**, а он приехал (В. С. Савельев. Дневник (1983)).
‘They already despaired that none of their sons came, and *the holiday is not a holiday*, and he arrived.’

- (59) Опять на двор вышел, послонялся по свалке, затеял, было, игру с маленькими, да **без Ваньки** и **игра не в игру** (Вл. Тамбеллики. К работе // «Юные строители», 1924).
 ‘He again went out in the yard, moped around the dump, was about to start a game with the little ones, but *without Vanya* the game is not a game.’

II. Repetition before or as juxtaposition

The types in this section indicate adversative construction, a violation of expectation due to the intensity or iteration of the action indicated in the main clause.

- [X-X, **а/да**], X = N, Adj, V
 [X **не** X, **а/но**], X = N, Adj, Adv, V
 [V_{inf} **не** V_{finite}, (**но**)]
 [X-то (N/Pr) X, **а/только/но/да**], X = N, Adj, Adv and
 [V_{inf} (**-то**) V_{finite}, **а/только/но/да**]
 [V_{inf} V_{finite}]: [V_{inf} V_{finite}, **но**] and [**а** V_{inf} V_{finite}]

1. Simple repetition

[X-X, **а/да**]

1.1. Repetition of nouns and adjectives:

[N_{nom}-N_{nom}, **а**] and [Adj_{nom}-Adj_{nom}, **а**]

This construction signifies limitation of the quality of the entity described as N, or violation of expectations ensuing from the quality ascribed to the entity N or defined by Adj.

In (60) the foolishness of the fool in question is limited by the bar set by other fools; in (61) the coward violated the expectations by performing an act of bravery. In (62) despite being sick in the hospital, he is courting a woman, and in (63) the person in question violates the expectation: he is quiet, yet he stands his ground.

- (60) Видят они: **дурак, дурак, а** не дурее других (Ф. Кандель. Зона отдыха (1979)).
 ‘They see *a real fool*, but not more of a fool than others.’
- (61) — А Житин—то... **трус, трус, а** вот подите!.. [спас упавшего за борт матроса] — продолжал капитан (К. М. Станюкович. «Человек за бортом!» (1887)).
 ‘And Zhitin, look... *A real coward*, but here you go!.. [saved a sailor who had fallen overboard] — the captain continued.’
- (62) В этот момент мужчины, шумно переговариваясь, толпой ввалились в палату.

— Смотрите-ка, он тут амурничает! — воскликнул один.
 — **Больной-больной, а** время зря не теряет! (И. Варламова. Мнимая жизнь (1978)).
 ‘At that moment the men talking loudly in a rowdy crowd entered the hospital room.
 “Just look, he is making passes here!” they exclaimed.
 “He *may be sick*, but he is not wasting time!” ’

- (63) **Тихий-тихий, а** стоит на своем (В. Шульпина. Слабая женщина (1971)).
 ‘*Very quiet*, but holds his own.’

1.2. Repetition of verbs: [V_{finite}–V_{finite}, а]

Unlike in part I, after performing V for a long period of time, the human subject performs an action contrary to V and contrary to the observer’s expectation. Similar to part I, only states and activities can form this construction:

- (64) а. А мужик ее хоть и молчал, да фельшерице от этого было не легче: такие молчуны самая дрянь; **молчат-молчат, а** потом айда до главного и давай катить бочки... (Е. Терновский. Приемное отделение (1979)).
 ‘And even though her man was quiet, the nurse was not feeling any better from it. Such silent types are the worst of all; they are *silent for a long time* and then march to the head doctor and start trouble...’
- (65) Он сидел в поселке, **пил-пил, а** потом поехал в тундру, в свой балок, и застрелился там (В. Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий (2002)).
 ‘He sat in the village, *kept on drinking* and then went to the tundra to his hut and shot himself to death.’

1.3. Repetition of verbs in imperative:

[V_{imper}–V_{imper}, да]

This type represents a warning against the consequence of repeated or prolonged V; *ври-ври, да не завирайся* ‘lie but don’t overdo it’ is the most typical example.

- (66) — Ты **шуты-шуты, да** не очень... За такие шутки к ответу притянут (Ф. Кандель. На ночь глядя (1985)).
 ‘*Keep joking*, but not too much... For such jokes you may go to prison.’
- (67) — Ты **говори-говори, да** не заговаривайся! (Н. Дежнев. Принцип неопределенности (2009)).
 ‘*Keep talking*, but don’t overdo it.’

2. Repetition with a negative particle

[X не X, а/но]

2.1. Repetition of nouns, adjective and adverbs:

X = N_{nom} / Adj_{nom} / Adv with highly positive X

This construction means that the entity in question is ‘not quite X, but its approximation’.

- (68) **Амур не амур**, но у меня что-то вроде любви (В. Некрасов. Маленькая печальная повесть (1985)).
‘Not quite *amour*, but something like love.’
- (69) — По-моему, он теперь наш первый артист.
— **Первый не первый, но** один из первых (М. А. Алданов. Ключ (1930)).
‘I think he is now our first actor.
“Not quite the very first, but one of the first.”’

There may be of course ironic usage of the “target” entity:

- (70) **Тысяча не тысяча, а** человек сорок на банкет пришло (Н. Катерли. Червец (1990)).
‘Not quite a thousand, but about forty people came to the banquet.’
- (71) [8] <— Они чемпионы края... >
— Поздравляю! Это замечательно!
— **Замечательно не замечательно, а** все же приятно (цит. по [Paillard & Плунгян 1993: 269]).
[“They are champions of the region...]
“Congratulations! That’s great!”
“Not quite great, but still feels good.”’

Occasionally we find N and Adj in oblique cases:

- (72) ...и [мы] считали себя не похожими ни на кого другого, **гениями не гениями**, но чем-то вроде этого... (В. Некрасов. Дедушка и внучек (1968)).
‘...and [we] considered ourselves to be unlike anyone else, *maybe not quite geniuses*, but something like that...’

2.2 Repetition of imperatives

[V_{2p.sg/imp} не V_{2p.sg/imp}, а]

This construction indicates the futility of the action V. The most typical phrase is actually not imperative due to the lack of the standard imperative form: *хочешь не хочешь, а...* ‘whether you want it or not’.

- (73) Старость она старость и есть. **Крепись не крепись** — она свое возьмет (И. Грекова. Вдовый пароход (1981)).

‘Old age is old age. *Whether you fortify yourself against it or not*, it will take hold.’

- (74) — **Плачь не плачь**, — сказал я, — а она [Настя] уже на другом конце земли (В. Железников. *Жизнь и приключения чудака* (1974)).
 ‘“*Whether you cry or not*,” I said, “but she [Nastya] is already at the other end of the Earth.”’

2.3. Repetition [X не X, а/но], with X = N, Adj, Adv

This is semantically similar to the type 2.2 above. Regardless of the situation or event X, the action in the second clause takes precedence, even though X could have prevented it; yet X is disregarded and presented as if X = -X.

- (75) ...а он опять останется. В степи, в жаре, в мошке. **Жара не жара** — вкальвай. И всегда так (И. Грекова. *На испытаниях* (1967)).
 ‘...and he will remain again. In the steppe, in the heat, in the midge. *Heat or no heat*, plow away.’
- (76) Злился, ворочался с боку на бок, а потом решил, что **жалко не жалко**, а весной все равно ее [собаку] пристрелит (Б. Васильев. *Не стреляйте в белых лебедей* (1973)).
 ‘He was angry, tossing and turning, and then decided that *whether he feels pity or not*, in the spring he will shoot her [the dog] anyway.’

3. Repetition of verbs

[V_{inf} не V_{finite}, (но)]

[Paillard & Плунгян 1993] describe this type as follows: Some situation should or could lead to V, but in fact V did or does not take place, as if V was stopped midway through (term of Paillard & Плунгян). This is illustrated by (77):

- (77) По возвращении из Парижа было еще две-три неприятных минуты. Пригласили в гостиницу «Москва» на некое собеседование. **Угрожать не угрожали, но** дали понять, что вел себя за рубежом не совсем так, как положено советскому гражданину (В. Некрасов. *Маленькая печальная повесть* (1985)).
 ‘Upon return from Paris there were another two or three unpleasant moments. They invited [me] into the hotel “Moscow” for some interview. No, they *did not quite threaten* me, but made it clear that [I] conducted myself abroad not quite the way a Soviet citizen should have.’

Июмдин [2013], on the other hand, suggests that in (78) we encounter the same meaning as described by Paillard & Плунгян: ‘I wasn’t sick, but did not feel well enough and therefore I could not write’:

- (78) Болеть я не болел, но и писать — не писал.
 ‘*I wasn’t (really) sick*, but I did not write either.’

The difference between (77) and (78) is in the semantics of the verb in the second clause: in (77) *дали понять* ‘made it clear’ is semantically close to the verb in the main clause *угрожать* ‘threaten’, while in (78) *болеть* ‘be sick’ and *писать* ‘write’ have nothing in common. This means that the interpretation of (78) could be the one Iomdin suggested or a totally different one, ‘even though I wasn’t sick, I wasn’t writing’, with no reason given, at least not in the sentence. Similarly in (79), where the cause is the war, the construction underscores the reader’s expectation that he might have been sick:

- (79) **Болезнь, не болел.** Но проучился только до пятого класса (Военное детство Виктора Гапонова // <https://exo-ykt.ru/articles/voennoe-detstvo-viktora-gaponova>).
‘No, I wasn’t sick. But I was schooled only till fifth grade.’

4. Repetition

[X-то (N/Pr) X, а/только/но/да], X = N, Adj, Adv and

[V_{inf}(-то) V_{finite}, а/только/но/да]

I believe that there is a substantial difference between type 4 with the particle *-то* and types 2 and 3 with the particle *не*. In the case of *не*, the entity either did not quite reach the target X, as in the case of type 2.1, or X was an insufficient barrier, as in the case of type 2.3.

[Paillard & Плунгян 1993] see in this construction partial agreement of the speakers and partial disagreement. The rest of their semantic interpretation does not always explain the many examples of this type. I believe that the common semantic feature is ‘despite (a positive) X, there is a concomitant negative feature’, which may annihilate or reduce X.

- (80) — ... Данные для рэнкинга мы возьмем из последней финансовой отчетности.
— Ну что ж, замечательно, — прокомментировал я.
— **Замечательно-то замечательно**, — с сомнением произнесла Елена. — Но вот насколько объективен будет такой рэнкинг (Ш. Бекасов. Банковская тайна (2006)).
‘“We’ll take the data for the ranking from the latest financial statement.”
“Well okay, great,” I commented.
“It may be great,” Elena said with doubt. “But how objective will such a ranking be?”’
- (81) **Жалко-то жалко** [умершего старика], а ни старика не вернешь, ни завещания не было! (Н. Карпухина-Лабузная. Исповедь живодера и другие истории адвокатского бытия (2017)).
‘One may feel sad [for the dead old man], but you could not return the old man, and there was no will!’
- (82) — Поговорите с Еленой Ароновной. Она хороший человек.

— **Хороший-то** вроде **хороший**. Да больно суровый (И. Варламова. Мнимая жизнь (1978)).

‘“Talk to Elena Aronovna. She is a good person.”’

‘*Well, maybe she is good, but too stern.*’

- (83) Так, мол, и так, Егор Борисович, не хотел вас беспокоить по такому пустяку, но **пустяк-то он пустяк, да** подкладка у него не пустяковая (Л. Ленч. Сарайчик, в кн.: Душевная травма (1981)).

‘Things are like that, he says, Egor Borisovich, I did not want to bother you for such trifle, but *while it is a trifle indeed*, the inside part is not a trifle at all.’

- (84) **Учиться-то он учился, только** не очень усердно (И. Грекова. Вдовый пароход (1981)).

‘*Studying he did, only not very diligently.*’

5. Repetition of verbs

[V_{inf} V_{finite}]

This is an adversative construction par excellence.

5.1. [V_{inf} V_{imper}, но P] —

‘if you want to do V, do it, but within the limits P’

If V is impf, then the imperative is also impf; however, if V is pf the imperative may be pf or impf, as in (87):

- (85) ... в этой книге действовал строгий закон: **радоваться радуйся**, но не выше и не ниже седьмого неба (Ф. Кривин. Фразеологическая арифметика (1981)).

‘...in this book there was a strict law: *if you want to rejoice, do so*, but not higher or lower than seventh heaven.’

- (86) Маша (вздвoгнув, после паузы). Да, любила. ⟨...⟩ И всегда буду любить.

Полина Андреевна. Что ты говоришь! Зачем? **Любить люби**, но зачем говорить! (Б. Акунин. Чайка // «Новый Мир», 2000).

‘Masha (shuddering after a pause). Yes, I loved. ⟨...⟩ And always will love.

Polina Andreevna. What are you saying? What for? *If you want to love, do so*, but why talk about it?’

- (87) Но Паша с этой минуты места себе не находил, потому что на Семи ветрах не принято было обращаться в милицию и он знал, что товарищи его осудят. **Избить^p — избей^p, убить^p — убивайⁱ**, но без милиции (С. Соловейчик. Ватага «Семь ветров» (1979)).

‘But Pasha from this moment on could not find a place for himself, because in the Seven Winds it was not customary to go to the police, and he knew his comrades would judge him. If you want to beat up someone, do it, if you want to kill someone, do it, but without the police.’

5.2'. [V_{inf} V_{finite} , но]

This construction is similar to type 4 above, and the particle *-mo* can be added without any change of meaning:

- (88) Игорь уже два года как отслужил в армии, но все никак не мог устроиться на службу... **устроиваться он устраивался**, но через месяц-другой уходил (Б. Бочштейн. Занимательная кремленология (1988)).
 ‘It’s been two years since Igor returned from military service, but still could not find a job... *well, he would get a job*, but after a month or two would leave.’

In (88) the construction could be replaced with (88’):

(88’) **устроиваться-то он устраивался**, но...

- (89) — На-ка вот! Снова к людям идем! Прибавь шагу!
Прибавить прибавили, но других признаков жилья больше не попало (М. Успенский. Там, где нас нет (1995)).
 ‘“Here, we are going to people again! Pick up the pace!”
We did pick up the pace, but there were no other signs of human life.’

In (89) the construction could be replaced with (89’):

(89’) **Прибавить-то прибавили**, но...

5.2". [P , а V_{inf} V_{finite}]

This construction *cannot* be replaced by the one with *-mo*. The meaning is ‘despite P, V took / takes / will take place.’

- (90) Никто, вроде, не видал, а **болтать болтают** (Ф. Кандель. Зона отдыха (1979)).
 ‘Sort of no one saw, yet *they chatter*.’
- (91) Усольцев. <...> Без балды, сочинение твое — дерьмо. Средней руки. (Валерик листает рукопись.) А **пойти — пойдет**. Тема актуальная, издательство заинтересовано (А. Кургатников. Практически счастливый человек (1990)).
 ‘Usoltsev. <...> Seriously, your composition is crap, middle range. (Valerik leafs through the manuscript.) But *as far as publishing*, it would *work*. The topic is timely, the publishing house is interested.’

III. Nominal Tautologies

Nominal tautologies with the Nominative

These tautologies were discussed in detail in Israeli [2018].

1. а. [N **есть** N]

This type has five semantic subtypes:

α. N is obligatory for everyone, including the person in question:

- (92) — ...но в комнате Вас одного оставить не могу. Поэтому пойдёмте со мной, — предложила Татьяна Михайловна.
— **Порядок есть порядок**, — согласился я и вышел в коридор (В. И. Максимов. Дневник научного сотрудника (2008)).
‘ “...but I cannot leave you alone in the room. Therefore, come with me,” suggested Tatiana Mikhajlovna.
“*Order is order*,” I agreed and stepped into the hallway.’

β. Obligation of a specific individual towards N:

- (93) **Сын есть сын**, и плохого о нём я никогда не скажу (К. Шахназаров. Курьер (1986)).
‘*A son is a son*, and I will never say anything bad about him.’

γ. The N in question behaves as all N’s do:

- (94) Но **мафия есть мафия**, живо расправились, выкинули кого куда. А одного, говорили, самого горластого, чуть не в тюрьму, они, если надо, всё могут (Н. Катерли. Долг (1989)).
‘But *the mafia is the mafia*, they quickly dealt with everyone, they threw different people wherever. And one, the loudest of all, the talk had it, maybe even in prison. They can do anything if need be.’

δ. One has to accept N with all of its features:

- (95) Обидно было расставаться с призом, но **спорт есть спорт**, и сильнейшего определяют соревнования (И. Мазуров. Итоги спортивного сезона 1965 года // «Спортсмен-подводник», 1966).
‘It was sad to part with the prize, but *sport is sport*, and the strongest is chosen by competition.’

ε. An expression of appreciation of N (the rarest meaning):

- (96) Но о войне никто не говорит! **Париж есть Париж!** (Ю. Н. Тынянов. Пушкин (1935–1943)).
‘But no one talks of the war! *Paris is Paris!*’

It must be added that Russian does not have the meaning common to English tautologies of *constancy* of N, such as *Math is math*, meaning that it is the same everywhere. In order to convey this meaning, one uses the constructions [N везде N] and [N Pr и в Африке N] described below.

б. [N₁ **есть** N₁], а [N₂ **есть** N₂]

This construction has two meanings.

α. It emphasizes the distinction between two or more N's:

- (97) И вообще **роман есть роман, повесть есть повесть, а кино есть кино** (В. Некрасов. Три встречи (1959)).
 ‘And in general, *a novel is a novel, a novella is a novella, and a film is a film.*’

β. It emphasizes that N₁ and N₂ do not interfere:

- (98) Разве не ясно всякому, что **жизнь есть жизнь, а смерть — есть смерть** и что смешивать жизнь со смертью и смерть с жизнью может либо безумие, либо злая воля... (Л. И. Шестов. На весах Иова (1929)).
 ‘Isn't it clear to everyone that *life is life and death is death*, and that mixing life and death is either madness or ill will...’

2. а. [N это N]

This construction is typically treated with the constructions with *есть* listed above; Булыгина & Шмелев [1997] are an exception. I also believe that this is a distinct type emphasizing the exceptional value of N:

- (99) И мне их очень жаль. Потому что **Париж — это Париж**. Лучший город земли, что бы мне ни говорили его оппоненты... (Париж — это праздник Город, который нужно увидеть, чтобы жить! // https://www.tourister.ru/responses/id_16405).
 ‘And I pity them very much. Because *Paris IS Paris*, the best city on Earth, whatever its opponents might tell me...’

б. [N₁ это N₁], а (но) [N₂ это N₂]

Contrary to Вилинбахова [2016], I believe that this construction emphasizes that N₂ is more important than N₁ (she maintains the opposite):

- (100) К сожалению, Арафат подливал масло в огонь.
«Обязательства — это обязательства, а клятва — это клятва», — говорил он на митинге в Газе через несколько дней после взрывов в Иерусалиме. — «Мы будем продолжать этот долгий, тяжелый путь джихада» (А. Е. Бовин. 5 лет среди евреев и мидовцев (2000)).
 ‘Unfortunately, Arafat poured fuel on the fire.
 “*Obligations are obligations, but an oath IS an oath*,” he said at a rally a few days after the explosions in Jerusalem. “We will continue this long and difficult path of Jihad.” ’

Clearly *клятва* ‘oath’ is more important than *обязательства* ‘obligations’.

3. Both constructions in this type mean that the referent N in question behaves like all elements of the class {N}. Typically, something negative is said about N and often N is inherently negative. The difference between 3a and 3b is

that in 3b the speaker, or the person the speaker empathizes with, is affected by that negative feature or negative N, while in 3a the speaker is not affected by the specific N.

а. [N₁ Pr₁ и есть N₁]

- (101) **Баба она и есть баба.** По мне они все на одно лицо (А. Мацанов. Бабник // «Ковчег», 2012).
‘A woman is just that, a woman. For me they all look alike.’
- (102) Еще раз прошу не судить строго, хотя **обман — он и есть обман**, рано или поздно откроется (Н. В. Нестерова. Конфликт хорошего с лучшим (2013)).
‘Once again I ask not to judge too harshly, although a deception is just that, a deception, sooner or later it will be revealed.’

б. [N₁ Pr₁ N₁ и есть]

- (103) Польстился я на твое образование, думал, помогнешь чем, а зря, видно. Не обессудь, но, видно, **баба она баба и есть** (С. Заикина. Рассказы с Терека // «Огонек». № 3, 1970).
‘I got enticed by your education, I thought you would help me with something, I was apparently wrong. Don’t judge me harshly, but apparently a woman is just that, a woman.’

The next example is her musings about the faked love-kiss:

- (104) **Обман он обман и есть**, другого проведешь, а про себя всегда правду знать будешь (М. Сурикова. Сердце Стужи (2019)).
‘A deception is just a deception, you can deceive another, but you’ll always know the truth about yourself.’

4. [N и есть N]

This construction is similar to type 3 above and semantically to 3.4 above [(ну) N и N] in signaling the insignificance of the object designated as N. However, this construction typically first either identifies the object as N or confirms its identity as N, and N carries an element of negativity or of a put down. In the first example, the mother downgrades a shearling coat to a sheep skin coat:

- (105) Дубленку она [бабушка Машиного ребенка] Маше тоже подарила, правда монгольскую, но ничего, вполне. Жестковатая, но ведь что взять с монголов?
— **Кожух и есть кожух**, — сказала мать, но Маша видела — это она от зависти. У нее-то никакой, да и не будет никогда. С каких денег? (Г. Щербакова. Три любви Маши Передреевой (1996)).
‘She [the grandmother of Masha’s child] also gave her a shearling coat, true, a Mongolian one, but still a shearling coat. A little bit hard, but what can you expect from the Mongols?’

“*A sheep skin coat, just a sheep skin,*” said the mother, but Masha could see that this was from envy. She has nothing like that and will never have. With what money?’

In (106), the protagonist knows it is a summer house, but she sees it for the first time, and upon observation concludes that it is nothing more than a summer house.

- (106) Наконец-то Таня получила возможность рассмотреть дом, в котором ее бывший супруг провел последний год жизни. **Дача и есть дача**, ничего особенного. Двухэтажный деревянный дом с кирпичным основанием (Е. Романова, Н. Романов. *Дамы-козыри* (2002)).
‘Finally, Tanya got an opportunity to examine the house where her former spouse spent the last year of his life. *A summer house, just a summer house*, nothing special. A two-story wooden house with a brick foundation.’

For comparison, the [(ну) N и N] construction additionally signals the lack of effect of N on the speaker:

- (107) Очень понравился экскурсовод, сама дача особенно впечатления не произвела. Ну, **дача и дача**, возможно, мы просто не любим такого плана экскурсии (https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g4424193-d10059643-r431634079-Stalin_s_Summer_Residence-New_Athos_Abkhazia.html).
‘We liked the tour guide a lot, the summer house itself did not impress. Well, *it’s just a summer house*; it is possible that we simply don’t like this type of visit.’

5. [N всегда N]

This construction deals with N’s that are inherently positive (Paris, son) or inherently flawed (woman, youth), and no mitigating circumstances could ruin the positive N or eliminated the flaws of a negative N:

- (108) **Париж всегда Париж**. Даже во время четырехлетней ночи оккупации он оставался Парижем (О. А. Горчаков. *От Арденн до Берлина* (1988)).
‘*Paris is always Paris*. Even during the four-year long night of occupation it remained Paris.’
- (109) Когда Новиков стал прощаться, он понял, что не так уж сильна она и что **женщина всегда женщина**, даже если она и наделена от Бога ясным и насмешливым умом (В. Гроссман. *Жизнь и судьба*, часть 2 (1960)).
‘When Novikov began to say “good-bye” he realized that she is not that strong and that *a woman is always a woman* even if she is endowed by God with a wry and clear mind.’

If the N is designated by one of its features (soldier), it means that this feature is a constant no matter what. In (110) they discuss racers' attitude towards women.

- (110) **Гонщик — всегда гонщик.** Жажда побед в этих людях неистребима, о чем бы ни шла речь (В. Маккавеев. Три холостяка (2001) // «Формула», 15.11.2001).
'*A racer is always a racer.* The thirst for victory in these people is in-
eradicable, no matter what the subject is.'

5'. [N Pr всегда N]

The same construction complicated by a pleonastic pronoun emphasizes the immutable character of N; people don't change over millenia, nor does the Soviet mentality.

- (111) Ну а народность — так **«пипл», он всегда «пипл»**, в Первом или Четвертом Риме (М. Симашко. Пятый Рим. Главы из книги (2000) // «Октябрь», 2001).
'Well, the nation, but then "*people*", *they are always "people"*, in the First or Fourth Rome.'
(112) Все-таки **совок, он всегда совок**, — удовлетворенно прошипел Бурлюк. Так, чтобы собеседнику стало ясно: речь идет не только об официантке (С. Данилюк. Бизнес-класс (2003)).
'"*Still, a Soviet person is always a Soviet person,*" Burlyuk hissed satisfied, so that it would be clear to his interlocutor that he was speaking not just about the waitress.'

6. The following variations are used to convey the meaning that N is constant everywhere, similar to the English *Math is math*.

a. [N везде/всюду N]

The variation with *всюду* is not as common as *везде* due to the semantic difference between the two adverbials (see [Israeli 2011: 204–211]).

- (113) Если его сегодня утверждают зарубежным корреспондентом (а его, конечно, утверждают), писать ему придется на новые для него темы. Но это не страшно. **Люди везде люди. И бездны везде бездны.** Просто из тех бездн он никого тащить не будет. Их дела (Г. Щербакова. Реалисты и жлобы (1997)).
'If he is confirmed today as foreign correspondent (and he will certainly be confirmed), he will have to write about subjects new to him. But this is not a big deal. *People are people everywhere.* And *abysses are abysses everywhere.* Simply he will not pull anyone from those abysses. It's their problems.'

b. [N Pr везде/всюду N]

The variation with the pleonastic pronoun is more general than without it, similarly to 5' above.

- (114) **Студент он везде студент.** Хоть в МГУ, хоть в РПУ (будем привыкать к новому сокращению) (Экология души (1998) // «Профессионал», 01.07.1998).
'A student is a student anywhere. Be it at MGU or RPU (we'll get used to the new acronym).'

c. [N и Loc N]

c'. [N Pr и Loc N]

Both c and c' mean that not so positive N (old age, policeman, feminism) are the same in the Loc as in Russia. The pleonastic variant c' is by far more common.

- (115) **Болезнь и в Америке болезнь** (https://vk.com/wall-20910559_113386).
'Illness is illness even in America.'
- (116) Не успел зритель «свыкнуться» с увиденной картиной, как зал огласился многочисленными выстрелами: **разборки — они и в Англии разборки...** (Э. Савкина. «Надо просто балдеть от театра» (2002) // «Дело» (Самара), 25.06.2002).
'No sooner had the spectator gotten "accustomed" to the setting when multiple shots resounded in the theater; *settling scores are settling scores even in England...*'

d. [N и в Африке N]

d'. [N Pr и в Африке N]

This construction, which has been proliferating since the 1990's, is truly an equivalent of *Math is math*. There is no comparison of Russia with Africa, but rather it conveys the immutable quality of the N no matter where it is encountered or used. Unlike the c/c' type, N may be positive or negative. The non-pleonastic examples are extremely rare, which is logical given that the pleonastic version underscores the immutable quality of the N.

- (117) А что, ваш [заключенный сын] особенный, что ли? **УДОшник и в Африке УДОшник** (Форум: Колонии и лагеря (общие вопросы). Для родственников и близких (2010–2011)).
'What is it, your [prisoner-son] is special? *A paroled prisoner is a paroled prisoner even in Africa.*'
- (118) — Но стоит включить телевизор и ничего высокотехнологического — **пропаганда она и в Африке пропаганда...** (В. А. Рубанов. Пропагандой выиграть нельзя, доминированием в технологиях — можно // «Огонек», 2016).

‘But as soon as you turn the TV on, there is nothing high-tech, *propaganda is propaganda even in Africa.*’

- (119) За смену пройдет два десятка лесовозов, что там особо проверять? **Бревна, они и в Африке — бревна!** (Д. Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011)).
 ‘During one shift two dozen wood trucks would pass, what is there to check? *Logs are logs even in Africa!*’

IV. Non-nominative tautologies, complex repetitions, and free idioms

1. [N^{Nom} N^{Ins}]
2. [X **как** X], X = N, V
3. [(уж / вот) X **так** (уж) X], X = N, V
4. [(**всем/и**) N^{Dat pl} N^{Nom sg/pl}]
5. [N^{Nom sg} (**из**) N^{Gen pl}]
6. [N^{Nom} **на** N^{Prep}]
- 6'. [N^{Nom} **на** N^{Prep} **сидит/едет и** N^{Ins / Acc} **погоняет**]
7. [N^{Nom sg} N^{Dat sg} **рознь**]
8. [N^{Nom sg} **к** N^{Dat sg}]
9. [N^{Nom} **в** N^{Acc}]
10. [**что** X₁ **что** X₂], X = N, Adj, V
11. [“**что**” X “**то**” (и) X], X = V, (N), Adv
12. [N^{Nom} **на то и** N^{Nom}, **чтобы** (Pr^{Nom}) inf]
- 12'. [N^{Nom} **на то и** N^{Nom}, **что**]
13. a. [N^{Nom} N^{Ins}, **а/но/только**]
- b. [N₁^{Nom} N₁^{Ins}, (**а**) N₂^{Nom} N₂^{Ins}]

1. Repetition of nouns [N^{Nom} N^{Ins}]

This construction is used as a predicate or a predicate modifier for negative N only. It is discussed in detail in [Israeli 2014]. Its most typical phrase is *дурак дураком* ‘a total fool’. N₀ is compared with a very negative repeated N, which either describes N₀ metaphorically, as in (120), or describes it in highly negative terms, as in (121).

- (120) И отсутствие конечного результата: Ирочка [N₀] лежала **бревном** [N] **бревном** [после авткатастрофы] (В. Токарева. Я есть. Ты есть. Он есть (1991)).
 ‘And the absence of the final result: Irochka lay *like a real log.*’
- (121) Он молчал **дурак дураком**, и лупил на нее глаза (И. Грекова. Свежо предание (1995)).
 ‘He was silent *like a real fool* and stared at her.’

Example (122) represents the case where $[N^{Nom} N^{Ins}]$ is a predicate with a null subject meaning ‘vodka’ and a null copula:

- (122) Сотворил нам Господь Бог поначалу твердую водку. **Сухарь сухарем** (Ф. Кандель. Первый этаж (1982)).
 ‘At first God Almighty created for us hard vodka, *like a piece of dry bread.*’

This type should not be confused or conflated with the type $[N^{Nom} N^{Ins}, a/но/только]$ (see type 14 below) which has several important distinctions: in type 14, N is positive or neutral, and the construction is used as an adversative clause.

2. Repetitions $[X \text{ как } X]$, $X = N$ or V

2.1. $[N^{Nom} \text{ как } N^{Nom}]$

This construction means ‘ordinary N, just like any other N’. The main problem is to define its semantic distinction from 3.4 a $[(\text{ну}) N^{Nom} \text{ и } N^{Nom}]$. The construction $[N \text{ как } N]$ examines the N and makes a pronouncement about it: N is nothing unusual, it is just like any other N of its class.

- (123) Котя рисует главным образом зверей ... И сочиняет стихи, иные из которых прелестны. Ему — десять лет — он не чувствует себя вундеркиндом, **мальчик как мальчик**, очень простой и естественный (К. И. Чуковский. Дневник (1960)).
 ‘Kotya draws mainly animals ... And writes poetry, some of which is charming. He is ten years old, and he doesn’t feel like a prodigy, *just a regular boy*, very simple and natural.’

The similar construction $[N \text{ и } N]$ does *not* examine the N; quite the opposite, it signals that there is nothing to look at, not worth a second look; Endresen’s [2019] “nothing special” and Урысон’s [2020] «ничего особенного» are not strong enough, since these definitions can be applied to $[N \text{ как } N]$ as well. In addition, there is usually a reason why the N in question is discarded or presumed to be “discarded”: there is something peculiar about N. In (124) the boy is on a reconnaissance mission, which would not be expected since he is just a boy, in (126) the building in question turned out to be a palace, while in (128) the guy is the heir to the throne yet not worth another look:

- (124) Его задержали немцы. Потасили в комендатуру или штаб. Ну, допросят. А что они с него возьмут? Ведь доказательств у немцев против Вани никаких нет. **Мальчик и мальчик**. Подержат и отпустят (В. П. Катаев. Сын полка (1944)).
 ‘He has been detained by Germans, dragged to the command post or HQ. So, they’ll question him. What can they do to him? After all the Germans have absolutely no proof against Vanya. He is *just a boy.*’

Similarly, a pair of examples about a building: in the first, a certain building is described and the verdict is that it is a regular building. The second example is about a building which the speaker deemed not worthy of a second look, but now recognizes that he had been mistaken:

- (125) **Дом как дом** — дверь, как и везде в Голландии, глубокого черного цвета — настолько глубокого, что он, наверное, темно-зеленый, — в обрамлении светло-серого портала и кремовых наличников (С. Штерн. *Ниже уровня моря* // «Звезда», 2003).
 ‘*Just a regular building*, the door, like everywhere in Holland, of deep black color, so deep that it is probably dark-green, the edges of the doorway are light grey, and the shutters are of cream color.’
- (126) Институт философии я вижу впервые, всегда думал: **дом и дом**, стоящий боком к Волхонке, а оказалось — дворец Сергея Голицына (С. Н. Есин. *Дневник* (2004)).
 ‘I see the Philosophy Institute for the first time. I always thought: *just another building* standing sideways to Volkhonka-street, and it turned out it’s a palace of Sergey Golitsyn.’

The next pair deals with a word *парень* meaning ‘young guy’. In (127), the speaker claims that the guy in question is just like any other in his squadron; in fact he is lying, the guy is the best and he was selected to become a cosmonaut. In (128), they are talking about the heir to the throne, whom the second speaker actually saw, and that’s the end of it, the conversation moves to another topic.

- (127) ...да и зачем стал бы я его рекомендовать? **Парень, как парень**, ничем не лучше тех десяти (Г. Семенихин. *Космонавты живут на земле* (1976)).
 ‘...and why would I recommend him? *He’s just another guy*, not any better than the other ten.’
- (128) — На наследника престола хочешь посмотреть?
 — Я уже видела. Он в ректорате сидит. Я зашла, а он там. **Парень и парень**. На тебя похож. И с ним два таких робота... — она изобразила лицом, каких именно робота (А. Лазарчук. *Все, способные держать оружие...* (1995)).
 ‘“Do you want to see the heir to the throne?”
 “I already saw [him]. He is sitting in the (university) president’s office. I walked in, and there he was. *Just an ordinary guy*. He looks like you. He has two robots with him...” she made a face to show what kind of robots.’

The use of proper names offers an insight into these two constructions. Max in (129) and Kozintsev in (130) are **immutable**, the same as before despite some trying events.

- (129) Алексу одному из четырёх предстояло нести гроб и закапывать могилу. Макс и Толик стояли тут же. **Макс как Макс**, будто и не случилось ничего (Н. Б. Черных. Слабые, сильные. Часть вторая // «Волга», 2015).

‘Alex alone out of four had to carry the coffin and dig the grave. Max and Tolik stood nearby. *Max was as usual*, as if nothing had happened.’

- (130) **Козинцев как Козинцев**, благородно и мужественно вступился за Тарковского (В. Катанян. Лоскутное одеяло (1980–1989)).

‘*Kozintsev as his typical self*, honorably and valiantly defended Tarkovsky.’

In (131), on the other hand, the name of the author — Samsonov, is irrelevant, while in (132) the fact that the newlywed belongs to the Romanov family is immaterial.

- (131) Для того чтобы роман «Аномалия Камлаева»... производил должное впечатление, совершенно не обязательно знать, кто его автор — **ну, Самсонов и Самсонов** (Л. А. Данилкин. Хомо люденс (2016)). ‘In order for the novel the “Kamlaev Anomaly” ... to make an appropriate impression, it is totally irrelevant who its author is, *well some Samsonov*.’

Here is a comment to the article announcing Prince Romanov’s wedding at the St. Isaac’s Cathedral:

- (132) Простите, а кто вам сказал, что — император? Ну, **Романов и Романов**. И что? (<https://colonelcassad.livejournal.com/7107077.html?page=5>). ‘Excuse me, who told you that he’s an emperor? *Just a Romanov*. So what?’

In other words, [N как N] means that N is immutable even under duress, while [N и N] means that the identity of N is immaterial, or in other words, the value of N is irrelevant.

At this point we must compare [N как N] and [N есть N] since the latter also means constancy. [N есть N] typically means the consistent exceptional quality of N, although this is not obligatory; in (133) it is Gena’s negative features that are in focus:

- (133) **Гена есть Гена**, он со всеми такой, и девочка привыкнет к этому, как привыкнет к яростному мужскому мату во время перевязок (А. Берсенева. Возраст третьей любви (2005)).

‘*Gena is Gena*, he is like that with everyone, and the girl will get used to it, as she will get used to fierce male cussing while changing their wound dressing.’

- (134) **Кобзон есть Кобзон**. Равнозначная себе величина (М. Магомаев. Любовь моя — мелодия (1999)).

‘[Singer] *Kobzon is Kobzon*. A constant.’

- (135) Фильм снят великолепно и смотрится неотрывно, **Скорсезе есть Скорсезе** (И. В. Козлов. Теорема Зеро под кожей волка с Уолл-стрит // «Волга», 2014).
 ‘The film is shot magnificently, and one watches it non-stop, Scorsese is Scorsese.’

Examples (133)—(135) underscore the constant quality of N, while (129)—(130) state the immutable quality of N under duress, death in (129) and fighting for the release of Tarkovsky’s film “Andrey Rublev” in (130).

2.2. [V как V]

This type signifies acceptance of events, similar to the English phrase *It is what it is*.

- (136) А жизнь **сложилась, как сложилась**, изменить уже ничего нельзя (Н. Катерли. Прощальный свет (1981)).
 ‘And *life is as it is*, nothing can be changed already.’
- (137) — Конечно, человек должен заниматься одним делом и жить с одной женщиной. Но бывает, что не найдешь своего дела и не встретишь свою женщину. Всё **бывает, как бывает**, а не так, как хочешь, чтобы было. Поэтому надо уметь радоваться тому, что есть, а не печалиться о том, чего нет (В. Токарева. Инструктор по плаванию (1969)).
 ‘Of course, a man should do one thing and live with one woman. But it happens that you would not find your occupation and would not meet your woman. Everything *happens as it happens*, and not the way you want it to be. Therefore, one should know to enjoy what is and not be moan whatever isn’t.’

3. Repetition [X так X]

3.1. [(уж / вот) X **так** (уж) X] means an exceptional or absolute quality of X. The infinitive variant *есть так есть* ‘if one decided to go, one should do it’ was mentioned by Paillard & Плунгян [1993: 267].

In (138) a young woman is really like a squirrel, while in (139) they got into real trouble.

- (138) А я слышал, как ты ее зовешь. Белка! (...) **Вот уж белка так белка!** Пусть сюда почаще приходит, попрыгает, а то Ирина не по годам серьезная (В. Розов. Вечно живые (1943)).
 ‘I heard what you call her. Squirrel! (...) She is *a real squirrel!* Let her come here more often and hop around, otherwise Irina is too serious for her age.’

- (139) Милославский (...). Вот **попали, так попали!** (М. Булгаков. Иван Васильевич (1936)).
'Miloslavsky. We got into real trouble!'
- (140) Спешить было не в его характере. **Делать так уж делать.** Основательно (В. Буковский. «И возвращается ветер...» (1978)).
'It was not in his nature to hurry. If he is *to do something, then he would really do it.* Fundamentally.'

It is important to note that a) the pitch of this type of [X так X] is higher than neutral, b) it goes up on the first X, and c) there is an emphasis on the second X.

3.2. [X так X] in answers, meaning agreement or acquiescence with the previous speaker. X can be any part of speech, nouns and adjectives in any case, with or without prepositions. In this type the intonation stays neutral.

- (141) Когда дети или взрослые хотели познакомиться с Виолеттой, девочка всем говорила, что ее зовут Белкой. Никто не спорил: **Белка так Белка**, так даже прикольное. В конце концов, даже мама стала ее так называть. Но не бабушка! (О. А. Панферов. Белка // http://samlib.ru/p/panferow_o_a/belka.shtml).
'When children or adults wanted to meet Violetta, the girl would tell everyone that her name is Squirrel. No one argued: *Squirrel it is*, it's even cooler. In the end even her mother started calling her that. But not her grandmother!'
- (142) Последнюю точку поставит Арбузов:
— Галич был способным драматургом, но ему захотелось и славы поэта — и тут он кончился.
Ну что ж, — **кончился, так кончился** (А. Галич. Генеральная репетиция (1974)).
'Arbuzov will dot the i's: "Galich was a gifted playwright, but he also desired poet's fame and here he ended."
Okay, (I) ended.'
- (143) — Ребятки, голову с меня снимут! Хорошие мои, не подведите!
— **Снимут так снимут.** Чужая беда не дерет (Ф. Кандель. Зона отдыха (1979)).
'"Guys, they'll kill me! My dear ones, do not let me down!"
'If they kill, *so be it.* Someone else's trouble doesn't bother us.'
- (144) Проков хотел вынуть друга из коляски и занести в дом, но тот остановил его: в другой раз, Коля. Ну что ж, **в другой так в другой** (В. М. Шапко. Синдром веселья Плуготаренко // «Волга», 2016).
'Prokov wanted to take his friend out of the wheelchair and bring him inside, but his friend stopped him: another time, Kolya. Well okay, *another time it is.*'

4. *Repetition of nouns* [(всем/и) N^{Dat pl} N^{Nom sg/pl}]

This construction specifies the exceptional quality of a N, as if it were a model to all other N's. Grammatically, the dative pl. form may not be a regular form for those nouns that have stem alternation between sg and pl. For example, the dat. pl. of *друг* is *другьям*, but in this construction a form without alternation may also be used:

- (145) Был у меня друг, **всем друзьям друг** (Ф. Кандель. Зона отдыха (1979)).
'I had a friend, *a friend above all friends*.'
- (146) Это мой лучший друг, Дусенька. **Всем друзьям друг!** Один у него минус — женат (Ф. Незнанский. Чисто астраханское убийство (2012)).
'This is my best friend, Dusya. *A friend above all friends*. He has one defect, he is married.'

In the case of suppletive, the basic stem is used, in this case *человек* instead of *люди*:

- (147) Оля Кудиненко — **всем человекам человек** (<http://open.ua/openpeople/tag/Olga-Kudinenko/>).
'Olya Kudinenko is *a human above all humans*.'

In two-syllable end-stressed -á nouns, the stress may remain on the ending in the dat. pl form even though in the standard speech it should be on the stem, in this case *сестрам*:

- (148) Какая это была сестра! **Всем сестра́м сестра!** Бухгалтер, не кто-нибудь (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы (1980–2006)).
'What a sister she was! *A sister above all sisters!* An accountant, not just anybody.'

Nom. pl. of the second noun is typical for pluralia tantum:

- (149) Моряк купил их за границей, то ли в Бомбее, то ли в Лондоне, и часы были — **всем часам часы** ... (В. Ю. Васильев. Право на легенду (1984)).
'The sailor bought it [the watch] abroad, either in Bombay or in London, and the watch was *a watch above all watches*.'

5. *Repetition of nouns* [N^{Nom sg} N^{Gen pl}]

This construction means 'the best among equals'; some typical phrases are *основа основ* 'the foundation of foundations', *наука наук* 'the science of all sciences'.

- (150) Что ты делаешь с великим русским языком? Это же **святыня святынь!** На нем разговаривал сам Пушкин! (В. Железников. Жизнь и приключение чудака (1974)).

‘What are you doing with the great Russian language? It’s the *holiest of holies!* Pushkin himself spoke it!

- (151) ...однако на другой же день в доме появился Валериан Михайлович, профессор, **светило светил...** (Н. Катерли. Цветные открытки (1986)).
 ‘...however on the very next day professor Valerian Mikhailovich, the *luminary among luminaries*, appeared in their home...’
- (152) С одной стороны, мы — **чернорабочие чернорабочих**, а с другой — короли в изгнании (Г. Щербакова. Романтики и реалисты (1997)).
 ‘On one hand, we are *the laborers of laborers*, and on the other, kings in exile.’

5'. *Repetition of nouns*

[N^{Nom sg} **из** N^{Gen pl}] and rarely [N^{Nom sg} **от** N^{Gen pl}]

This construction is the same as 5 above, except that the variant with **из** ‘among, of’ is a lot more common.

- (153) Уколот палец — срочно врача, да не какого попало, а хирурга, профессора, **светило из светил**, иначе верный сепсис (Н. Катерли. Цветные открытки (1986)).
 ‘You pricked your finger, immediately get a doctor, but not just any doctor, but a surgeon, a *luminary among luminaries*, otherwise sure sepsis.’
- (154) Вот на полке он у меня и углядел переплетенного Булгакова, тогда еще **раритет из раритетов** (Г. Щербакова. Косточка авокадо (1995)).
 ‘Here on my shelf, he noticed a bound edition of Bulgakov, then still a *rarity of rarities*.’
- (155) добрый мальчик — любомудр — **херувим от херувимов...** (А. Бахтырев. Эпоха позднего реабилитанса (1973)).
 ‘kind boy, philosopher, *angel of angels...*’

6. *Repetition of nouns*

[N^{Nom} **на** N^{Prep}]

This construction means proliferation of usually negative N or irony toward such proliferation.

- (156) — Доказательство теоремы исправь. Там у тебя **ошибка на ошибке**, я на полях отметила. Множить надо не справа, а слева (И. Грекова. Пороги (1984)).
 ‘Correct your theorem proof. You have there *mistake after mistake*, I notated on the margins. You have to multiply from the left, not from the right.’

- (157) Александр Николаевич — Лиза не раз удивлялась — какими только городишками не восхищался, совсем старыми, деревянными, **развалюха на развалюхе**, а если церковь — так по пояс в землю ушла (Н. Катерли. Жара на севере (1988)).
‘Liza was amazed more than once: Aleksandr Nikolaevich admired all kinds of little towns, very old ones, towns with wooden houses, each *more dilapidated than the next*, and if there was a church, it would have sunk up to its waist into the ground.’
- (158) Захожу — ты можешь себе представить? — огромный зал и все деканы. В буфете — **декан на декане!** В углу пинг-понг — та же самая картина: два декана играют, два ждут очереди (Л. Жуховицкий. Одни, без ангелов (1976)).
‘I enter, and can you imagine? An enormous hall and everyone is a dean. At the snack bar *dean after dean!* There was a ping-pong table in the corner, same exact thing: two deans are playing and two are waiting their turn.’

6'. Repetition of nouns

[N^{Nom} на N^{Prep} сидит/едет и N^{Ins/Acc} погоняет] only for negative N

The image that is created by this construction is that N₁Nom is sitting on top of N₂Prep and riding it (N₃Acc), in this case N₃ refers to the bottom object (N₂) and the instrument of driving it is omitted (160). If N₃ is in Instrumental, N₃ refers to the whip and the second reference to bottom object (N₂) is omitted (ellipsis) (159).

- (159) Ложь... Кругом ложь: **ложь на лжи едет и ложью_{Ins} погоняет** (А. Соколова. Люди, звери и бананы (1985)).
‘Lit: Lies, lies everywhere, *one lie on top of another lie and using a lie as a whip.*’ = ‘Nothing but lies.’
- (160) **Калека на калеке сидит и калеку_{Acc} погоняет!** (Илья Оганджанов. Эксперимент // «Сибирские огни», 2013).
‘Lit: *A cripple is sitting on a cripple and is driving this cripple!* [like a horse]’ = ‘A lot of cripples around.’

It should be added that the Accusative variety, as in (160) is extremely rare.

7. Repetition of nouns

[N^{Nom sg} N^{Dat sg} **рознь**]

This construction is the most rigid as far as adding words or changing word order. On the other hand, it can be used for absolutely any noun. The meaning is the difference between this specific N and all others or the difference between all the N of the class of {N}.

- (161) Елисеев — фотограф. Но **фотограф фотографу рознь**. Ему заказывали обложки ведущие западные журналы. И за одну обложку

платили столько, сколько здесь за всю жизнь (В. Токарева. Антон, надень ботинки! (1995)).

‘Eliseev is a photographer. But *there are photographers and photographers*. Leading Western magazines commissioned covers from him and paid for one cover as much as here [in the USSR] for an entire lifetime.’

- (162) Евтушенко: «Никита Сергеевич, **абстракционизм абстракционизму рознь!!!** Важно, чтобы это не было шарлатанством...» (И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015)).
 ‘Evtushenko: “Nikita Sergeevich, *there is abstractionism and abstractionism!!!* It is important that it not be the work of a charlatan...”’

8. *Repetition of nouns*
 [N^{Nom sg} к N^{Dat sg}]

This construction has two meanings.

8.1. *Kratkaja russkaja grammatika* [КРГ 1989: 459–460] mentions the meaning as ‘model items, selected’, for example, *Ребята молодец к молодцу; Яблочко к яблочку*. ‘all excellent guys; all perfect apples’.

Indeed, we encounter such a meaning, for example:

- (163) — Я вас таким вареньем угощу, — восклицал Федор Федорович, — чудо! ... **Ягодка к яголке** ... (А. А. Фет. Семейство Гольд (1870)).
 ‘“I’ll treat you to such a jam,” exclaimed Fedor Fedorovich, “a wonder! *Perfect berries to the last one* ...”’

We also encounter the sarcastic negative use of this meaning:

- (164) — Вот это бригада! Хоть тони, хоть гори — никому дела нет! — с досадой проговорила Нюшка.
 — Да, бригадка как на подбор. **Ягодка к яголке**... — со вздохом согласился Уклекин... (А. И. Мусатов. Земля молодая (1960)).
 ‘“Some team! You may drown or burn, no one cares,” Nyushka said aggravated.
 “Yes, the team is exemplary, *like ducks in a row*...” Ukleykin agreed sighing.’

Note, the use of the suffix -k- in *brigadka* also points towards the negative reading of the utterance.

8.2. The second meaning is ‘two or more tightly packed or arranged or in close proximity items’.

- (165) [Черемуха] хоть и мягкая, поздняя, она чудом не мялась и ложилась **ягодка к яголке** (В. Распутин. Последний срок (1970)).
 ‘[bird cherry] even though soft and in late season, it miraculously did not get smooched and lay *evenly one berry to the next*.’

- (166) Толстый и тонкий сидели вдвоём на лавочке, **голова к голове**, как сообщники, и о чём-то негромко беседовали (В. Белоусова. Второй выстрел (2000)).
‘The fat one and the skinny one sat together on the bench, their *two heads together*, like conspirators, and softly discussed something.’
- (167) Подводка лежит идеально, брови — всем на загляденье — **волосок к волоску!** (Открываем секреты визажа: идеальный — значит стойкий! // «Даша», 2004).
‘The eye lining is perfect, the eyebrows are a work of beauty, *every hair in its place!*’

9. *Repetition of nouns*
[N^{Nom sg} **в** N^{Acc sg}]

Similarly to type 8, it means very similar quality of N or close proximity of N: *след в след* ‘traces or tracks perfectly coincide’, *день в день* ‘to the day’.

- (168) Они переехали в новый, удивительный дом, в котором жили одни писатели. Левые и правые, славянофилы и западники, удачливые и непризнанные, богатые и нищие, враги и единомышленники — в одном подъезде, на одной площадке, на общих лоджиях, **дверь в дверь, стена в стену**, потолок к потолку (Ф. Кандель. На ночь глядя (1985)).
‘They moved into a new amazing apartment building, where only writers lived. Leftists and rightists, Slavophiles and Westernizers, the successful and the unrecognized, rich and poor, enemies and the like-minded — in the same entryway, on the same landing, on common balconies, *doors next to one another, common walls, ceiling to ceiling.*’
- (169) И ровно через двадцать лет после этой свадьбы — **день в день** — сгорел в танке её первородный сын (М. Палей. Поминование (1987)).
‘And exactly twenty years after this wedding, *to the day*, her first-born son burned in a tank.’

10. *Repetition of conjunctions* [что X₁ что X₂], X = N, Adj, V

This type signifies non-differentiation between X₁ and X₂ under certain conditions. The nouns are typically in the nominative case, however, they may be in other cases, especially if there is an ellipsis.

- (170) Для собак **что** красный, **что** зелёный, **что** жёлтый цвета, всё едино (Когда светофор будет черно-белым? // «Знание — сила», 2003).
‘For dogs, *whether* red, green, or yellow, are all the same.’
- (171) **Что** математика, **что** физика были мне просто недоступны (Н. Склярова. Казаки-разбойники // «Вечерняя Москва», 2002.01.10).
‘Math *like* physics was totally unattainable for me.’

- (172) А совершив сей труд, объявил, что устал и что ему — **что** писать, **что** блох ловить — все едино (И. С. Тургенев. Степной король Лип (1870)).
‘Having accomplished this labor, he announced that he is tired, and that for him *whether* it’s writing or catching flees, it is all the same.’
- (173) А чаще всего — просто тихо лежал, улыбаясь каждому проходящему, одинаково ласково, **что** больным, **что** профессору, **что** санитарке (И. Варламова. Мнимая жизнь (1978)).
‘But most often he simply lay quietly, smiling at every passing person equally tenderly: *whether* it be patients, the professor, or the orderly.’

11. Repetition

[“**что**” X “**то**” (и) X], X= V, (N), Adv

Strictly speaking this type encompasses not just *что* — *то*, but any wh-word and its echo reply: *сколько* — *столько*, *куда* — *туда*, *какой* — *такой*, *как* — *так* and so on. The construction can also be negative, in which case the wh- and its echo will be *чего* — *того*.

It must be added that apparently the only noun that can be used in this construction is *правда* ‘truth’, which is understandable since X is a predicate.

This is a truism with the pragmatic implication of agreement, acceptance, or limitation meaning “this much is true/correct, but it is not the whole story”. The limitation in (174) is that while the tumors seem to be smaller, they are still present and the speaker is still in the cancer ward. In (175), while the protagonist is desperately looking for the missing person, the second speaker does not care and may not know where he may have gone. In (176), the student’s answer is obvious and non-informative; the implication being that “that part is correct, but you don’t know the rest of the answer”.

- (174) — [Опухоли] Как будто поменьше стали, **что правда, то правда** (И. Варламова. Мнимая жизнь (1978)).
‘[The tumors] kind of became smaller, *that much is true*.’
- (175) — Куда он пошел? — **Куда пошел, туда и пошел**. Мне-то что! (В. Орлов. Альтист Данилов (1980)).
‘“Where did he go?” “*He went wherever he went*. What do I care?”’
- (176) Чиков. Война тысяча восемьсот двенадцатого года была в тысяча восемьсот двенадцатом году...
Виктор Николаевич. **Что верно, то верно...** (О. Данилов. Три пишем — два в уме (1985)).
‘Chikov. The war of 1812 was in 1812...
V.N. *THAT much is correct...*’

The negative constructions exhibit limitation by default:

- (177) Это, конечно, сомнительно, чтобы дело было именно так, но **чего не знаем, того не знаем** (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940)).
‘Of course, it is doubtful that the matter would be exactly that, but *this is something we don’t know.*’
- (178) ...и **как есть, так есть**, тут уже сам Бог ничего не исправит... (А. Львов. Двор (1981)).
‘...and *it is what it is*, here God himself cannot rectify anything...’

12. Repetition

[(уж) “что-что”, а/но]

In this case, as in type 11 above, “что” stands for a question word; it could be *кто* and *что* in all cases and with prepositions, as well as questions regarding place and direction (*куда, где, откуда*), and time (*когда*). In addition, adjectives, such as *какой* and all other forms are possible, as well as the possessive *чей* and all of its forms.

Nonsyllabic and monosyllabic prepositions can be used, as well as the bisyllabic preposition *перед* ‘before, in front of’.

Mel’čuk [2020] calls this construction an idiom, while Feldstein [2016] calls it concessive-adversative. Mel’chuk’s definition is as follows: “The expression ‘КТО-КТО, А [Y X-it]’ is an idiom—that is, a non-compositional phraseme.” His definition can apply to any construction under examination and it is clearly too broad. Consequently, Feldstein’s definition seems more appropriate.

- (179) **Для кого, для кого, но** для них христианское дитя было абсолютно неприкосновенно (А. Эппель. Разрушить пирамиду (1994)).
‘*For them of all people* a Christian baby was absolutely sacrosanct.’
- (180) Уж, **откуда-откуда, а** из космоса мы угрозы пока не ждали (<https://www.spb.kp.ru/daily/217163.5/4263421/>).
‘*Of all places*, we did not expect any threats from outer space.’
- (181) **Какой-какой, а** скучной смерть Петра Борисовича Лиго назвать было никак нельзя (Т. Устинова. Подруга особого назначения (2003)).
‘*If anything*, the death of Petr. B. Ligo could not be called boring.’
- (182) **Чьи-чьи, а** уж Модины вкусы мне известны, будьте покойны (<https://gazeta.rjews.net/Lib/tarn/Nu.shtml>).
‘*If anyone’s*, Modi[gliani]’s tastes are known to me, you may rest assured.’

13. Repetition of nouns

[N^{Nom} **на то и** N^{Nom}, **чтобы** Ø_N^{Nom} /Pr_N^{Acc} inf]

This construction underscores the essence of or the purpose of N. The pronoun in the second clause, coreferential with N, could be a subject or an object in that clause.

- (183) **Ребенок на то и ребенок**, чтобы его баловать, — это твердое мнение нянечки тети Веры (В. Перуанская. Зимние каникулы (1988)).
'*This is what the child is for*, to be spoiled; this is the firm opinion of the cleaning lady "auntie" Vera.'
- (184) Но **писательница на то и писательница**, чтобы знать ответы на трудные вопросы (Л. Г. Матвеева. Продлёнка (1987)).
'*But this is why a (female) writer is a writer*, so that she would know the answers to difficult questions.'

14. Repetition of nouns
[N^{Nom} N^{Ins}, а/но/только]

The most common and most typical example of this construction is *шутки шутками*, where *шутка* means 'a joke' or *смех смехом*, where *смех* means 'laughter', as in:

- (185) **Шутки шутками**, а приходится мне тут сурово (Л. Жуховицкий. Рудник «Светлана» (1972)).
'*All kidding aside*, I am having a tough time here.'

Cotta Ramusino [2022] consistently translates this construction as 'N is N'. However, this meaning does not correspond to any of the four possible meanings of English tautologies outlined in [Wierzbicka 1987]. In the case of *jokes* and *laughter*, one can translate it as 'all joking/laughter aside', but this translation would not work for *law*; *law is law* is a commonly described tautology which means that 'everyone has to obey the law'. In (186), the meaning is quite different:

- (186) К человеку тоже необходимо снисходительность проявить. **Закон законом**. Мало ли какие законы есть? Человека видеть надо. А потом, ведь даже самый неправильный закон можно правильно повернуть (Е. Парнов. Третий глаз Шивы (1985)).
'One has to be lenient towards a person. *Laws are fine*, but who knows what kinds of laws there may be. One has to see the person. And also, even the most incorrect law could be turned correctly.'

I suggest that the meaning in this and similar constructions is 'X is nice, but setting X aside...'. This is particularly evident in the examples with *только* 'only':

- (187) — Одесса, конечно, хорошо, но Нью-Йорк — столица мира!
— Ай, брось пудрить нам мозги! — горячо возразил Ефим Наумович. — **Столица столицей, только жарить мясо** здесь не умеют (А. Мацанов. В следующем году в Одессе! // «Ковчег», 2013).
' "Odessa, of course, is nice, but New York City is the capital of the world!"
"Nah, stop BS'ing!" Efim Naumovich retorted with gusto. "*A capital is nice*, only they don't know how to fry meat here.'

Formally this construction could be classified together with Repetitions before a juxtaposition, however that group includes adversative constructions, while the construction in question does not have any adversative meaning.

14'. Repetition of nouns
[N₁^{Nom} N₁^{Ins}, (a) N₂^{Nom} N₂^{Ins}]

A typical example of this subtype is *дружба дружбой, а служба службой* 'friendship is friendship, but service is service' meaning that the two do not mix. Here it is possible to translate as 'N₁ is N₁ and N₂ is N₂' because the English construction also means that N₁ and N₂ are either different or should not be mixed.

(188) — Ну а это зачем? — он выудил из чемодана свитер. — Лето же...
— **Лето летом, а Канада Канадой**, — мама перехватила свитер и опять сунула в чемодан. — Та же Сибирь... (В. Некрасов. Маленькая печальная повесть (1995)).

‘“What is this for?” He pulled a sweater from his suitcase. “It’s summer, no?”

“*Summer is summer, but Canada is Canada,*” Mom grabbed the sweater and stuck it again in the suitcase. “Just like Siberia...” ’

(189) — А что ты мне принес? — интересуется Витька [дочь] и заглядывает в самые мои зрачки.

Любовь — любовью, подарки — подарками. Витька эти вещи не смешивает (В. Токарева. Рубль шестьдесят — не деньги (2004)).

‘“What did you bring me?” asks Vitia [the daughter] and looks straight into my eyes.

Love is love and gifts are gifts. Vitia does not mix these things.’

Conclusion

First, it must be noted that Russian language possesses more types of repetitions, reduplications and tautologies than most European languages.

Second, the question arises: what could this possibly mean? There are two general types that are of particular interest:

1. There are a number of repetitions that mean ‘acceptance of things or events as they are’, *it is what it is*, acceptance of somebody else’s statement and/or agreement with limitation. And while such constructions are present in other languages, the number of such constructions in Russian is much higher.
2. There are a large number of adversative constructions with the underlying meaning of ‘contrary to expectation’.

References

- Булыгина & Шмелев 1997 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997.
- Вилинбахова 2016 — Е. Л. Вилинбахова. Сопоставительные тавтологии в русском языке // Вопросы языкознания. 2016. № 2. С. 61–74.
- Гилярова 2010 — К. А. Гилярова. Такая девочка-девочка. Семантика редупликации существительных в русской разговорной речи и языке интернета. Диалог 2010. <https://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/pdf/15.pdf>.
- Иомдин 2013 — Л. Л. Иомдин. Читать не читал, но...: об одной русской конструкции с повторяющимися словесными элементами // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции «Диалог», № 12 (19). М.: РГГУ, 2013. С. 309–322.
- Киклевич 2016 — А. Киклевич. Зачем повторяют слова? // Притяжение языка (Т. 4: Языковая деятельность: семантические и прагматические аспекты). Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej, 2016. P. 55–74.
- КРГ 1989 — Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М.: Русский язык, 1989.
- Крючкова 2004 — О. Ю. Крючкова. Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2. С. 63–85.
- Санников 2010 — В. З. Санников. Конструкции с тождественными словоформами // Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, В. З. Санников. Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 191–208.
- Стексова 2006 — Т. И. Стексова. Интерпретационный потенциал синтаксических фразем типа ну приехал и приехал // VERBUM: язык, текст, словарь. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 81–88.
- Урысон 2020 — Е. В. Урысон. Об одном типе русских предложений тождества (Платье и платье, ничего особенного) // Труды ИРЯ РАН. Вып. к юбилею Ю. Д. Апресяна. М.: ИРЯ РАН, 2020. С. 104–114.
- Cotta Ramusino 2022 — P. Cotta Ramusino. Закон законом, а жизнь диктует свое: the function in discourse of the construction [X1–X1om, a/no] // Русский язык в научном освещении. 2022. № 2. С. 242–262.
- Endresen 2019 — A. Endresen. Ну работа и работа: Russian constructions with reduplication. https://site.uit.no/novemberseminaret/wp-content/uploads/sites/444/2019/12/Endresen_Novemberseminaret2019.pdf.
- Feldstein 2016 — R. Feldstein. On Russian concessive-adversative construction with pronominal reduplication of the type «уж чем-чем, а этим его не удивишь» // Труды ИРЯ РАН. М.: ИРЯ РАН, 2016. С. 329–344.
- Israeli 1996 — A. Israeli. Лексическая редупликация в русском языке // Russian Language Journal L (165–167). 1996. P. 83–90.
- Israeli 1997 — A. Israeli. Syntactic reduplication in Russian: a cooperative principle device in dialogues // Journal of Pragmatics. 1997. 27. P. 587–609.
- Israeli 2007 — A. Israeli. Russian conjunctions: Two types of uncertainty // Journal of Uncertain Studies. 1 (4). 2007. P. 267–276. Online at: www.jus.org.uk.

Israeli 2011 — A. I s r a e l i. What you always wanted to know about Russian grammar but were afraid to ask. Bloomington, Indiana: Slavica, 2011.

Israeli 2014 — A. I s r a e l i. Russian repetition as excoriation: nominative plus instrumental // Figurative Language. Festschrift for Dmitrij O. Dobrovol'sky / Eds. M. Dalmas & E. Piirainen in cooperation with Natalia Filatkina. Stauffenburg Linguistik, 2014. Band 83. Tübingen: Stauffenburg Verlag. P. 251–256.

Israeli 2018 — A. I s r a e l i. Nominal tautologies in Russian. American Contributions to the 16th International Congress of Slavists, Belgrade, August 2018. Vol. 1 / Ed. Christina Y. Bethin. Bloomington, Indiana: Slavica, 2018. P. 139–165.

Mel'čuk 2020 — I. M e l ' č u k. The Russian idiom 'kto-kto, a...'. // Russian Linguistics. 2020. № 44 (1). P. 13–20.

Paillard & Плунгян 1993 — D. P a i l l a r d, В. А. П л у н г я н. Об одном типе конструкций с повтором глагола в русском языке // Russian Linguistics. 1993. № 17 (3). P. 263–277.

Wierzbicka 1987 — A. W i e r z b i c k a. Boys will be boys: 'radical semantics' vs. 'radical pragmatics' // Language. 1987. № 63 (1). P. 95–114.

Алина Израэли

Американский университет
(Вашингтон, Колумбия, США)
aisrael@american.edu

ПОВТОРЫ (РЕДУПЛИКАЦИИ И ТАВТОЛОГИИ) В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

С середины 90-х гг. XX в. лингвисты стали обращать особое внимание на повторы (в широком смысле) в русском языке, появился целый ряд статей, уделявших внимание какому-нибудь одному повтору или редупликации или тавтологии. Со временем их стали группировать, хотя по-прежнему доминирует изучение единичного подтипа. Однако до сих пор не существовало единого свода всех выявленных на сегодняшний день типов повторов. В то время как были работы, анализирующие многозначность конструкций, не было анализа схожих по смыслу повторов. Данная работа восполняет этот пробел: с одной стороны, она представляет собой наиболее полный свод известных в лингвистике типов повторов (редупликаций, тавтологий, фразем), а с другой стороны, дает семантический анализ квази-синонимических конструкций, например *мальчик как мальчик* и *мальчик и мальчик*. При анализе используются принципы семантики и прагматики и факторы дискурса.

Ключевые слова: повторы, редупликации, тавтологии, фраземы, русский синтаксис, семантика, прагматика, дискурс, квази-синонимия, адверсативные конструкции.

Статья получена 26.05.2023

References

Bulygina, T. V., & Shmelev, A. D. (1997). *Iazykovaia kontseptualizatsiia mira (na materiale russkoi grammatiki)*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.

Cotta Ramusino, P. (2022). *Zakon zakonom, a zhizn' diktuet svoe*: the function in discourse of the construction [X1–X1om, a/no]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 242–262.

Endresen, A. (2019). *Nu rabota i rabota: Russian constructions with reduplication*. Retrieved from https://site.uit.no/novemberseminaret/wp-content/uploads/sites/444/2019/12/Endresen_Novemberseminaret2019.pdf

Feldstein, R. F. (2016). On Russian concessive-adversative construction with pronominal reduplication of the type «uzh chem-chem, a etim ego ne udivish'». *Trudy IRIa RAN*, 10, 329–344.

Giliarova, K. A. (2010). *Takaia devochka-devochka. Semantika reduplikatsii sushchestvitel'nykh v russkoi razgovornoj rechi i iazyke interneta*. Retrieved from <https://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/pdf/15.pdf>

Iomdin, L. L. (2013). *Chitat' ne chital, no...: ob odnoi russkoi konstruktsii s povtoraiushchimisia slovesnymi elementami*. In V. P. Selegei (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (Vol. 12(19), pp. 309–322). Moscow: RGGU.

Israeli, A. (1996). Leksicheskaia reduplikatsiia v russkom iazyke. *Russian Language Journal*, 50(165–167), 83–90.

Israeli, A. (1997). Syntactic reduplication in Russian: a cooperative principle device in dialogues. *Journal of Pragmatics*, 27, 587–609.

Israeli, A. (2007). Russian conjunctions: Two types of uncertainty. *Journal of Uncertain Studies*, 1(4), 267–276.

Israeli, A. (2011). *What you always wanted to know about Russian grammar but were afraid to ask*. Bloomington, Indiana: Slavica.

Israeli, A. (2014). Russian repetition as exhortation: nominative plus instrumental. *Stauffenburg Linguistik*, 83: *Figurative Language. Festschrift for Dmitrij O. Dobrovol'sky*, 251–256.

Israeli, A. (2018). Nominal tautologies in Russian. In C. Y. Bethin (Ed.), *American Contributions to the 16th International Congress of Slavists, Belgrade, August 2018* (Vol. 1, pp. 139–165). Bloomington, Indiana: Slavica.

Kiklevich, A. (2016). *Pritiazhenie iazyka*. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej.

Kriuchkova, O. Yu. (2004). Voprosy lingvisticheskoi traktovki leksicheskoi reduplikatsii v russkom iazyke. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 63–85.

Mel'čuk, I. (2020). The Russian idiom *kto-kto, a...* *Russian Linguistics*, 44(1), 13–20.

Paillard, D., & Plungian, V. A. (1993). Ob odnom tipe konstruktsii s povtorom glagola v russkom iazyke. *Russian Linguistics*, 17(3), 263–277.

Sannikov, V. Z. (2010). Konstruktsii s tozhdestvennymi slovoformami. In Yu. D. Apresian, I. M. Boguslavskii, L. L. Iomdin, & V. Z. Sannikov, *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodeistvie grammatiki i slovaria* (pp. 191–208). Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Shvedova, N. Yu., & Lopatin, V. V. (Eds.). (1989). *Kratkaia russkaia grammatika*. Moscow: Russkii iazyk.

Steksova, T. I. (2006). Interpretatsionnyi potentsial sintaksicheskikh frazem tipa *nu priekhal i priekhal*. In L. G. Babenko (Ed.), *VERBUM: iazyk, tekst, slovar'* (pp. 81–88). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.

Uryson, E. V. (2020). Ob odnom tipe russkikh predlozhenii tozhdestva (*Plat'e i plat'e, nichego osobennogo*). *Trudy IRIa RAN*, 24(2), 104–114

Vilinbakhova, E. L. (2016). Sopostavitel'nye tautologii v russkom iazyke. *Voprosy jazykoznanija*, 2, 61–74.

Wierzbicka, A. (1987). Boys will be boys: 'radical semantics' vs. 'radical pragmatics'. *Language*, 63(1), 95–114.

Received on May 26, 2023

С. В. КНЯЗЕВ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
svknia@gmail.com

РУССКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ПРОСОДИЯ И ИНТОНАЦИОННАЯ ФОНОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА: ВОСХОДЯЩИЙ АКЦЕНТ

В статье рассматривается возникший в ходе создания электронного ресурса «Просодия русских диалектов» вопрос о фонологической трактовке восходящего тонального акцента современного русского литературного языка в рамках автосегментно-метрической модели описания фразовой просодии. Приводятся обширные данные о фонологической интерпретации вариантов соответствующего тонального акцента в русских диалектах, в том числе: 1) уровневый H^* = высокий ровный тон на ударном гласном словоформы-акцентоносителя (оскольские и смоленские говоры); 2) переходный от собственно диалектного к литературному $(L+)H^*$ = восходящий + ровный высокий тон (западные среднерусские говоры); 3) L^*+H = ровный низкий + восходящий тон (белозерские и восточные среднерусские говоры); 4) L^*+H^* = ровный низкий + восходящий + ровный высокий тон (калужский и чухломской говоры); 5) $(L+H>)^*$ = восходящий тон на всем протяжении ударного гласного с продолжением повышения ЧОТ на заударной части словоформы-акцентоносителя, так что тональный максимум может достигаться даже на втором заударном слоге (вятские говоры). На основании приведенных сведений и с учетом существующих в современной интонологии подходов к описанию фразовой просодии, а также экспериментальных данных, свидетельствующих о наличии тонального плато в большинстве собственно диалектных типов, обосновывается выбор фонологической трактовки $(L+H)^*$ для литературного русского восходящего тонального акцента (= восходящий тон на всем ударном слоге словоформы-акцентоносителя с тональным максимумом на границе ударного и первого заударного слогов).

Ключевые слова: русский литературный язык, русские диалекты, фразовая интонация, восходящий тональный акцент.

1. Восходящий тональный акцент в русском литературном языке

1.1. В современной автосегментно-метрической фонологической модели (далее — АММ) [Pierrehumbert 1980; Beckman, Pierrehumbert 1986; Beckman et al. 2005] просодия описывается как трехуровневая система, включающая в себя

- **просодические единицы** разной размерности,
- ассоциированные с ними **тональные явления** и
- разделяющие их границы — **просодические швы** (ПШ, ‘prosodic breaks’).

Просодические единицы образуют континуум от минимальных до самых крупных: мора (M) — слог (Syl) — стопа (F) — лексическое слово в роли просодической единицы (Wd) — фонетическое слово (prosodic word, PrWd) — акцентная группа (accentual phrase, AP) — синтагма (intermediate phrase, ip) — фраза (intonational phrase, IP) — высказывание (utterance, Ut). В языках мира набор этих единиц может быть различным.

Тональные просодические явления подразделяются на лексические (слоговые и словесные тоны) и постлексические (фразовые), собственно интонационные, ассоциированные с единицами, большими, чем слово: 1) тональные акценты (pitch accents), служащие для выделения одной из единиц в ряду подобных; 2) начальные и конечные пограничные тоны (boundary tones), маркирующие границы между единицами; 3) фразовые тоны (phrase accents), связывающие тональные акценты и пограничные тоны¹. Тональные акценты подразделяются на ядерные (nuclear), несущие основную коммуникативную нагрузку и тяготеющие к концу фразы, и неядерные (в том числе орнаментальные).

Эти элементы просодической структуры в севернорусских диалектах описаны в [Князев 2022б; 2022а; 2023б]; настоящая статья посвящена анализу восходящего тонального акцента в русских говорах и литературном языке.

1.2. Базовый набор тональных средств в современном русском литературном языке (далее — СРЛЯ) описан Е. А. Брызгуновой в рамках модели интонационных конструкций (далее — ИК) [Брызгунова 1963; 1980]², он включает в себя:

- три тональных акцента:
 - восходящий (ИК-3, ИК-5³, ИК-6⁴, ИК-7) и
 - два нисходящих (ИК-1, ИК-2, ИК-4, ИК-5);
- два конечных пограничных тона:
 - высокий (ИК-4, ИК-6) и
 - низкий (ИК-1, ИК-2, ИК-3, ИК-5).

1.3. В СРЛЯ базовый восходящий акцент на гласном центра⁵ ИК-3, ИК-5, ИК-6, ИК-7 характеризуется «восходящим движением тона выше уровня предцентральной части» [Брызгунова 1980: 111, 115, 118], после чего тон может либо сохраняться высоким (ИК-5, ИК-6), либо резко понижаться

¹ Здесь перечислены основные функции, их набор этим не исчерпывается.

² Более подробный анализ тональных (и нетональных) просодических средств СРЛЯ см. в [Кодзасов 2009].

³ См. [Дурягин 2021: 152–153].

⁴ См. [Odé 2005].

⁵ Первого в случае ИК-5.

(ИК-3, ИК-7) [Там же]. Наиболее распространенным типом ИК с восходящим тональным акцентом в СРЛЯ является ИК-3⁶ («На ударном слоге выделенного слова тон резко повышается... На заударном слоге тон резко понижается» [Брызгунова 1963: 240, 243]), которая используется для оформления общего вопроса, незавершенности, вежливой просьбы.

Этот восходящий акцент в СРЛЯ характеризуется **поздним таймингом**: максимум частоты основного тона (далее — ЧОТ) приходится на конец ударного слога, а при наличии заударного — на его начало [Igarashi 2006: 190, 193]; см. рис. 1.1, 1.2. При этом начало восходящего движения тона (low turning point, LTP) ассоциируется обычно с инициалью (начальным согласным) ударного слога слова-акцентоносителя [Ibid.: 190]. По данным нашего эксперимента (13 дикторов, 109 предложений), точка тонального максимума восходящего акцента общего вопроса в СРЛЯ в среднем приходится практически точно на самый конец ударного гласного (см. рис. 1.3).

Если заакцентная часть (безударные слоги после ударного гласного словоформы-акцентоносителя) в высказывании отсутствует, этот тональный контур в СРЛЯ подвергается усечению ('truncation'): падения тона после его подъема не происходит [Янко 2004: 92; Odé 2005; Rathcke 2017: 225], см. рис. 1.1.

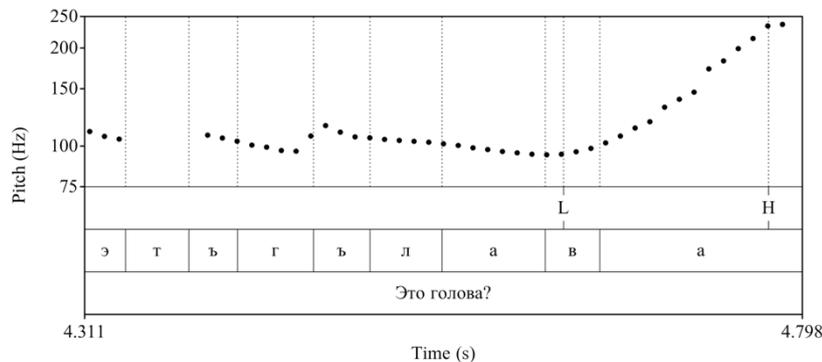

Рис. 1.1. Кривая ЧОТ общего вопроса *Это голова?* СРЛЯ

⁶ «Акцент типа ИК-3 — это прототипический русский подъем. Характеризуется подъемом тона на ударном слоге словоформы-акцентоносителя плюс падение на заударных, если они есть» [Янко 2008: 31].

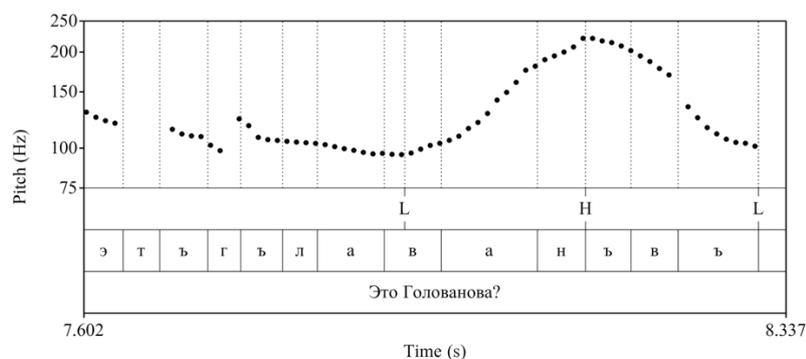

Рис. 1.2. Кривая ЧОТ общего вопроса *Это Голова́нова?* СРЛЯ

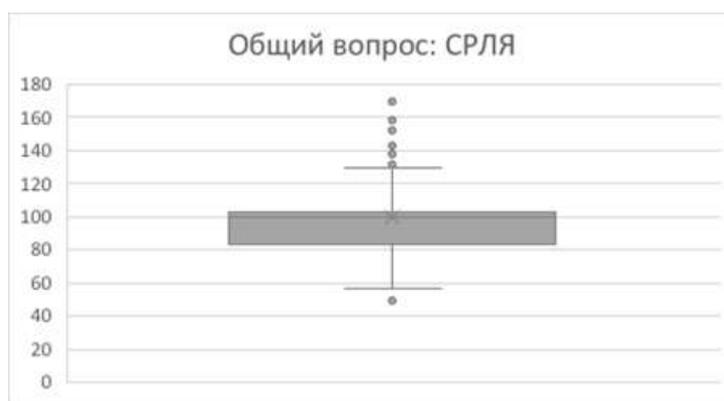

Рис. 1.3. Диаграмма размаха длительности отрезка ударного гласного до точки максимума ЧОТ (в процентах от общей длительности гласного) в общем вопросе, СРЛЯ⁷

1.4. В общепринятой сейчас автосегментно-метрической модели фонологического описания фразовой просодии принято считать, что базовыми интонационными примитивами являются тональные цели или уровни (например, низкий или высокий), а тональные движения (например, восходящее и нисходящее) представляют собой лишь переходы (интерполяции) между этими уровнями. В соответствии с этим восходящий акцент СРЛЯ всеми авторами анализируется как битональный LH [Йокояма 2003: 119].

⁷ Границы серого «ящика» — первый и третий квартили (25-й и 75-й процентиля соответственно), линия в середине ящика — медиана (50-й процентиль), крестик — среднее арифметическое. Концы «усов» — края статистически значимой выборки (без выбросов).

Однако один и тот же по структуре (например, восходящий или нисходящий) тональный акцент может интерпретироваться по-разному в зависимости от того, какой именно тон (низкий или высокий) наиболее стабильно ассоциирован с ударным слогом акцентоносителя; в АММ такой тон маркируется астериском (звездочкой, *), соответственно, восходящий тональный акцент может трактоваться как L^*+H , L^*+H^* или $L+H^*$, а нисходящий — как H^*+L , H^*+L^* или $H+L^*$, см. рис. 1.4. В этом отношении — выбора конкретного типа восходящего акцента для СРЛЯ — единства уже не наблюдается [Rathcke 2017: 197–199]. Так, Сесилия Оде в своей модели русской интонации ToRI анализирует этот акцент как $L+H^*$, аналогичного мнения придерживаются Йосуке Игараша [Игараша 2002; Igarashi 2005; 2006⁸] и некоторые другие исследователи⁹, в то время как основная часть авторов склонна трактовать его как L^*+H — см., например, [Rathcke 2006¹⁰; 2017; Янко 2008; Дурягин 2021; 2022¹¹].

1.5. Сложность в трактовке восходящего тонального акцента СРЛЯ (а также сходных с ним акцентов в мексиканском испанском [Prieto et al. 1995] и греческом [Arvaniti et al. 1998] языках¹²) в рамках АММ обусловлена тем, что его фонетическая реализация не дает оснований для обоснованного выбора между L^*+H и $L+H^*$: ударный слог словоформы-акценто-

⁸ «Igarashi (2006: 183) further points out the difficulty of correctly identifying the associated tone in the $L+H$ rise, typical of Russian yes-no questions. From an acoustic point of view, both tones seem to be located around the edges of the accented syllable, and the possibility of a contrast between L^*+H and $L+H^*$ is rather doubtful. Igarashi (2006) proposed the $L+H^*$ pitch accent for this type of interrogatives, acknowledging that this proposal is rather arbitrary and therefore unsatisfactory» [Rathcke 2017: 198–199].

⁹ «We would describe the shape of this accent as $L + H^*$ followed by an obligatory low tone... The F_0 maximum occurred even significantly later than the end of the syllable bearing lexical stress, i.e., it was delayed into the postnuclear syllable... The Russian YNQs discussed in this paper are marked by a special pitch accent, a steep $L + H^*$ with peak delay into the postnuclear syllable, followed by a secondary L^* target» [Meyer, Mleinek 2006: 1625, 1633].

¹⁰ «Recent investigations of Russian intonation are mostly inspired by the autosegmental-metrical model and the possibility of reducing the intonational phonology to a small number of contrasts. In this framework, phonological categories of pitch peaks in Russian may be expressed in terms of the following three tone accents: $H(+L^*$, $H^*(+L)$ and $L^*(+H)$, which are primarily related to the basic linguistic functions of a simply statement, a statement with contrastive emphasis and a question, respectively» [Rathcke 2006: 68].

¹¹ «На основании имеющихся сведений представляется возможным предварительно принять предложенную в экспериментальных исследованиях русской интонации интерпретацию тонального акцента, используемого в контексте перечисления, как L^*+H . Вариант L^*+H представляется предпочтительным по сравнению с вариантом $L+H^*$, поскольку он лучше отражает стабильность тайминга тональной цели L и, напротив, подвижность H относительно границ ударного слога» [Дурягин 2022: 96].

¹² Об их трактовке см. раздел 3 ниже.

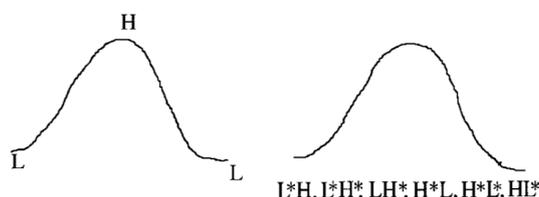

FIGURE 15.4 Temporal alignment of tones. The basic L+H+L accentual gesture (left) and available timings of the L+H or H+L part of it (right).

Рис. 4. Соотношение тонального движения с сегментной последовательностью. Базовое изменение L+H+L (слева) и возможный тайминг его восходящей и нисходящей частей (справа) [Bruce 2005: 414]

носителя не содержит ни ровного низкого тона в начале, ни ровного высокого тона в конце, поэтому решение принимается либо относительно произвольно, либо на основании весьма косвенных данных. Наша гипотеза заключается в том, что решению вопроса о фонологической сущности тонального акцента в СРЛЯ могут способствовать данные о реализации акцента того же типа в других просодических системах того же языка — в частности, русских диалектных. Сходная идея была реализована одним из идеологических предшественников АММ шведским лингвистом Ёстой Брюсом, который для адекватной трактовки словесных тональных акцентов в стокгольмском варианте шведского языка обращается к сопоставлению их с соответствующими акцентами в восточном, западном и южном вариантах шведского [Bruce 2005]¹³.

2. Восходящий тональный акцент в русских диалектах

Ниже рассмотрены четыре разных типа восходящих тональных акцентов, служащих для оформления общего вопроса и незавершенности в русских говорах.

2.1. Роговатое

Говор с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области принадлежит к Оскольским межзональным говорам типа Б южнорусского

¹³ См. также: «F0 landmarks are consistently aligned with segmental anchors, and patterns of alignment can vary from language to language (and, as it now appears, from one variety of a language to another) ... However, the most striking thing about the differences in alignment reported here is that, though apparently robust, they are rather small. This makes it rather difficult to treat them as based on differences in phonological representation» [Atterer, Ladd 2004: 192]. Описание просодии общего вопроса в региональных вариантах итальянского языка см. в [Savino 2012].

наречия. Его просодическая система описана в [Князев 2024]. Примеры оформления общего вопроса в говоре приведены на рис. 2.1.1—2.1.4, незавершенности — на рис. 2.1.5.

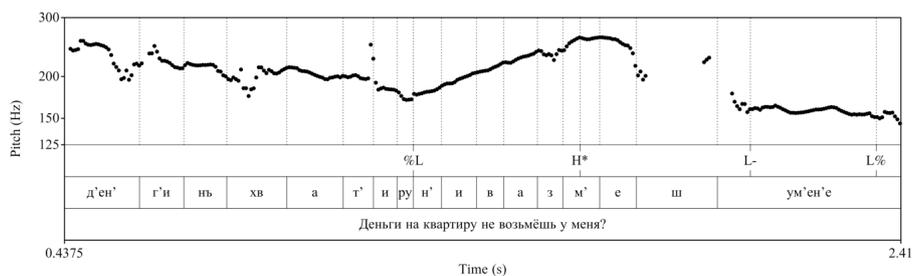

Рис. 2.1.1. Кривая ЧОТ общего вопроса *Деньги на квартиру не возьмёшь у меня?* ААД1926

Рис. 2.1.2. Кривая ЧОТ общего вопроса *А ничто это, всегда вы, наверно, находитесь у неё?* ААД1926

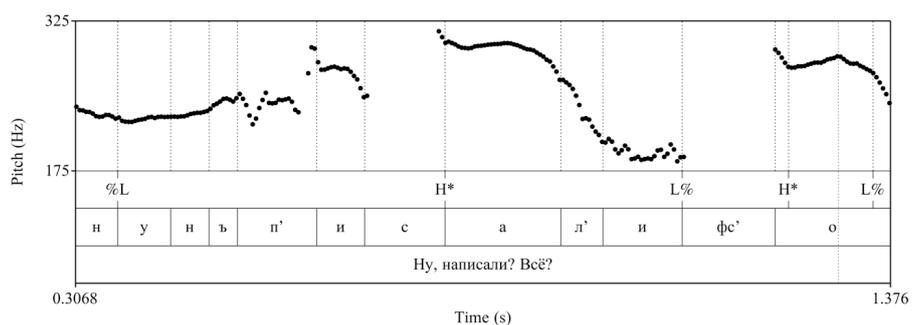

Рис. 2.1.3. Кривая ЧОТ общего вопроса *Ну, написали? Всё?* ААД1926

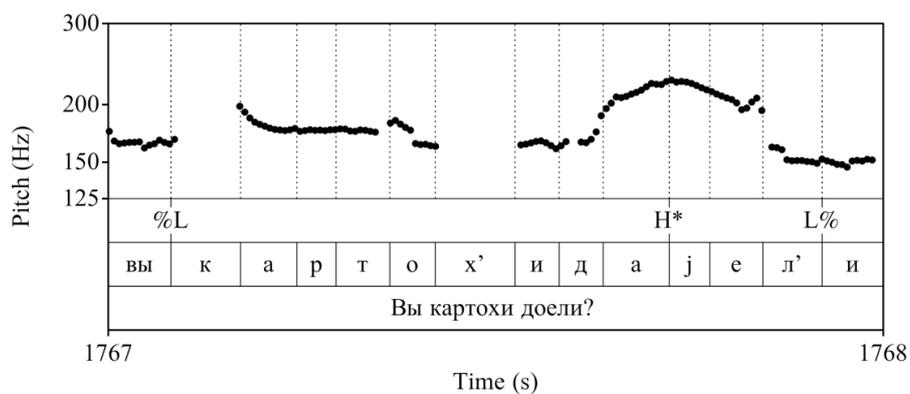

Рис. 2.1.4. Кривая ЧОТ общего вопроса *Вы картохи доели?* АИФ1949

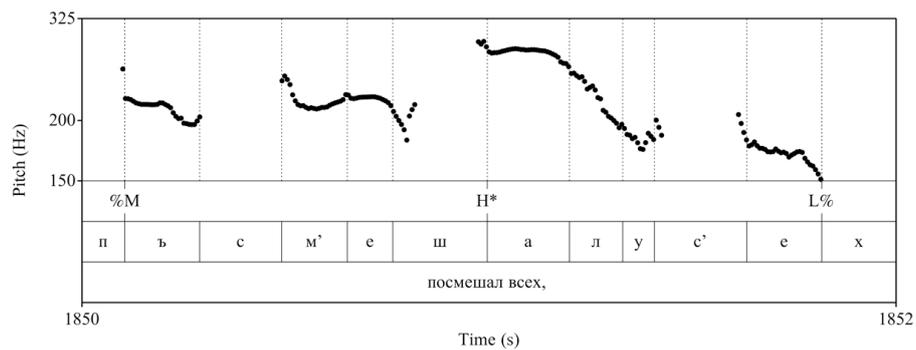
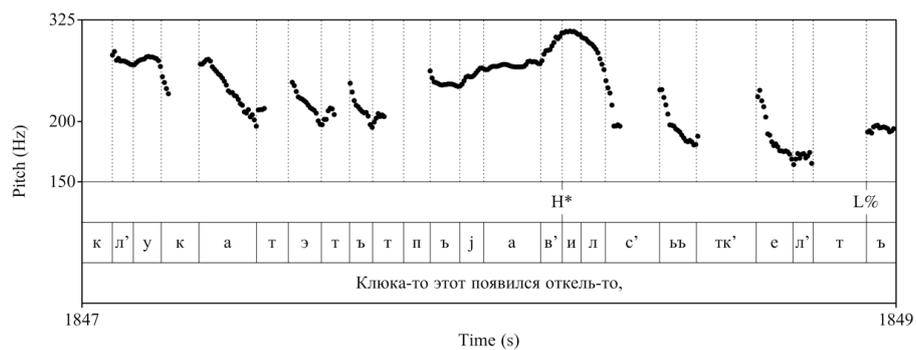

Рис. 2.1.5. Кривая ЧОТ фразы *Клюка-то этот появился откель-то, посмешал всех...* ААД1926

В большинстве случаев (содержащих преакцентные слоги или сонорные согласные в инициали ударного) мелодический контур выглядит следующим образом:

- фраза обычно начинается не с высокого тона¹⁴;
- повышение ЧОТ, как правило, происходит постепенно **на всех преударных слогах**;
- тональный максимум достигается **до начала ударного гласного**, обычно на границе начального в слове согласного и гласного, реже — на согласном инициали или даже до его начала;
- в большинстве случаев после достижения тонального максимума сохраняется ровный высокий тон как минимум до середины ударного гласного, после чего в пределах того же ударного гласного может начинаться падение тона;
- в других случаях **падение тона** начинается сразу после достижения максимума — **с начала ударного гласного**, реже — с начала ударного слога; см. рис. 2.1.4, 2.1.5 (первый акцент)¹⁵.

На основании этих данных в [Князев 2024] предложено интерпретировать тональный акцент общего вопроса в роговатовском говоре не как восходящий (битональный L*+H или L+H*), а как **монотональный H*** (ровный высокий).

Аргументами в пользу такого решения служат, во-первых, собственно фонетические особенности контура общего вопроса:

- подъем тона происходит не только на ударном слоге, а (в большинстве случаев) на всех преударных;
- тональный максимум может достигаться до начала ударного слога (11 % всех случаев);
- на ударном слоге фиксируется и нисходящее движение тона;
- наиболее стабильным элементом в пределах ударного слога является именно ровный высокий тон.

Во-вторых, имеются и собственно фонологические основания, связанные с характером оформления общего вопроса в других русских диалектах (см. ниже).

Отметим в заключение этого раздела, что аналогичный способ оформления общего вопроса представлен в южнорусском смоленском говоре Починковского района [Князев, Дьяченко 2025]:

¹⁴ На иллюстрациях этот начальный пограничный тон условно маркируется как средний (%M), поскольку **фонетически** отличается как от высокого, так и от низкого; **фонологически**, однако, он противопоставлен только высокому %H, поэтому в формальной фонологической модели должен обозначаться как низкий %L или не отмечаться вовсе.

¹⁵ В этих случаях носителями СРЛЯ высказывание вне контекста воспринимается как утвердительное, а не как вопросительное.

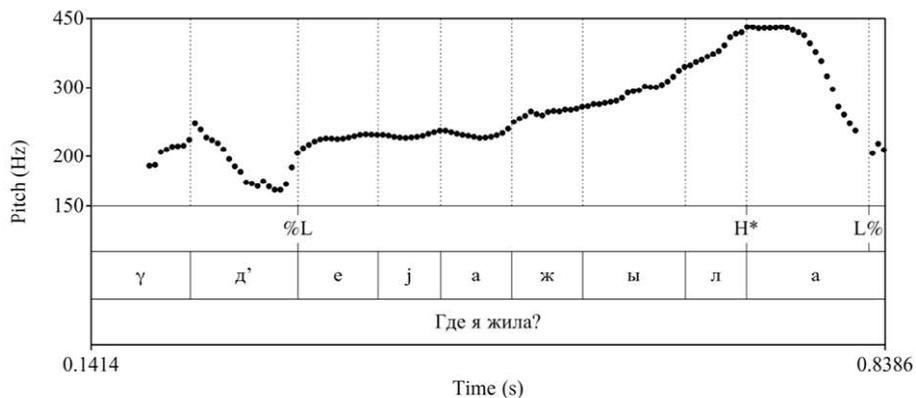

Рис. 2.1.6. Кривая ЧОТ общего вопроса *Где я жила?* МИЛ1923-смл

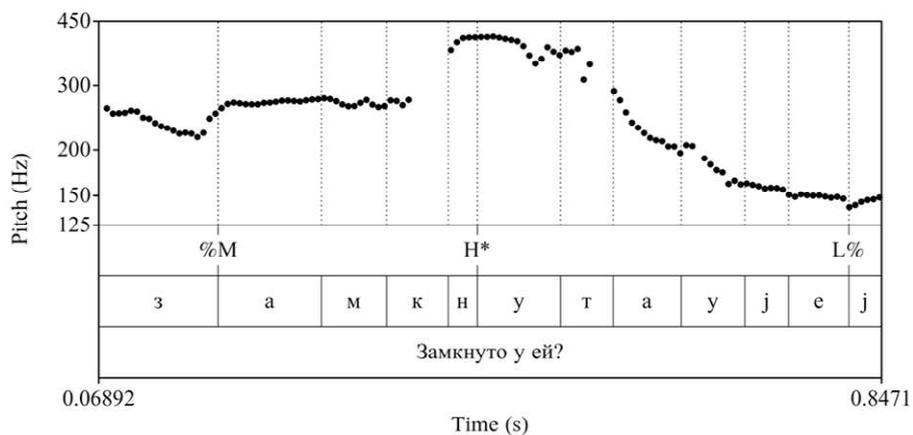

Рис. 2.1.7. Кривая ЧОТ общего вопроса *Замкнуто у ей?* ЛЕА1931-смл

2.2. Западные среднерусские говоры

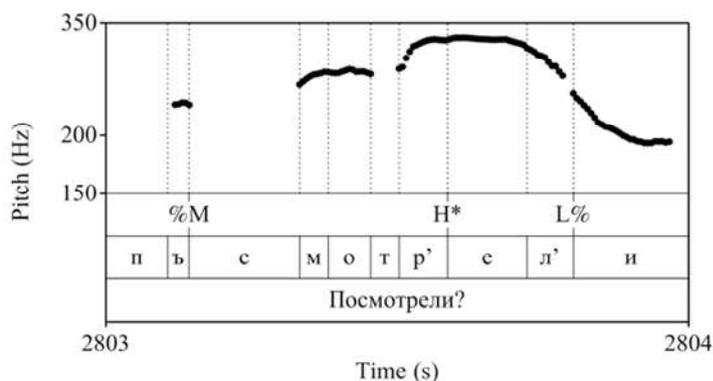
Анализ тонального контура общего вопроса в западных среднерусских (новгородских, псковских, селигеро-горжковских) говорах показал, что в них наряду с описанным выше типом представлен и (более частотный) мелодический контур, в котором тональный максимум восходящего акцента достигается значительно раньше, чем в СРЛЯ: не в конце (или после окончания), а в середине ударного гласного словоформы-акцентоносителя [Князев, Дьяченко 2023а; 2023б; 2023в], см. Таблицу 1.

Соответствующие примеры приведены на рис. 2.2.1—2.2.6.

Таблица 1

**Основные различия тональных акцентов общего вопроса в СРЛЯ,
Роговатом, владимирских, новгородских, псковских,
селигеро-торжковских, белозерских и чухломском говорах**

	СРЛЯ	Блзр.	Вл.-П.	Новг.	Пск.	Сел.-Т.	Рог.	Чух.
Отрезок ударного гласного до точки тонального максимума ¹⁶	97 % (109)	96 % (183)	64 % (145)	47 % (101)	43 % (192)	42 % (180)	13 % (119)	123 % (131)
Тайминг восходящего акцента	поздний	поздний	поздний	ранний	ранний	ранний	сверх-ранний	сверх-поздний
Начало восходящего движения тона (ЛТР) ¹⁷	С	V _y	V _y	С	С	С	V _{п/у}	V _y
Тональный акцент	?	L*+H	hL*+H	(L)+H*	(L)+H*	(L)+H*	H*	L*+H*

Рис. 2.2.1. Кривая ЧОТ общего вопроса *Посмотрели?* НАМ1937-новг

¹⁶ Средние значения, в скобках — общее количество примеров.

¹⁷ С — на согласном инициали ударного слога; V_y — на ударном гласном, V_{п/у} — на предударном гласном.

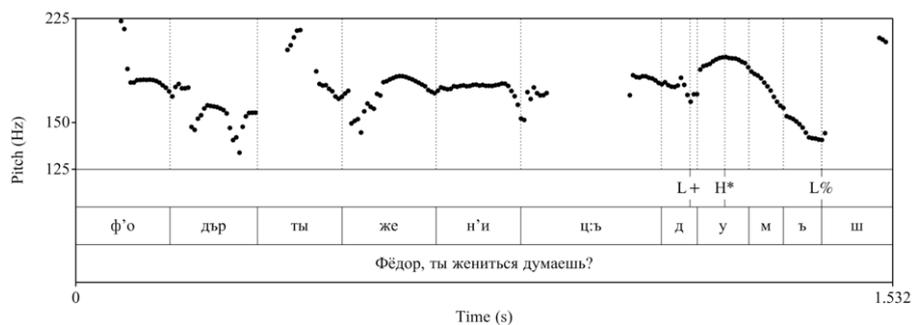

Рис. 2.2.2. Кривая ЧОТ общего вопроса *Фёдор, ты жениться думаешь?* МВП1931-новг

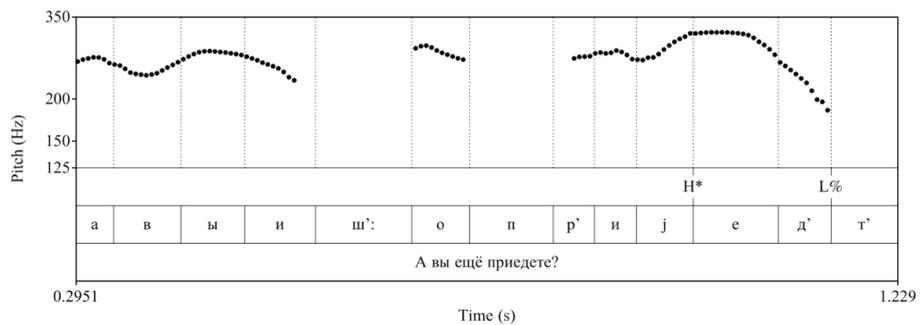

Рис. 2.2.3. Кривая ЧОТ общего вопроса *А вы ещё приедете?* ЗВП1927-сел-тор

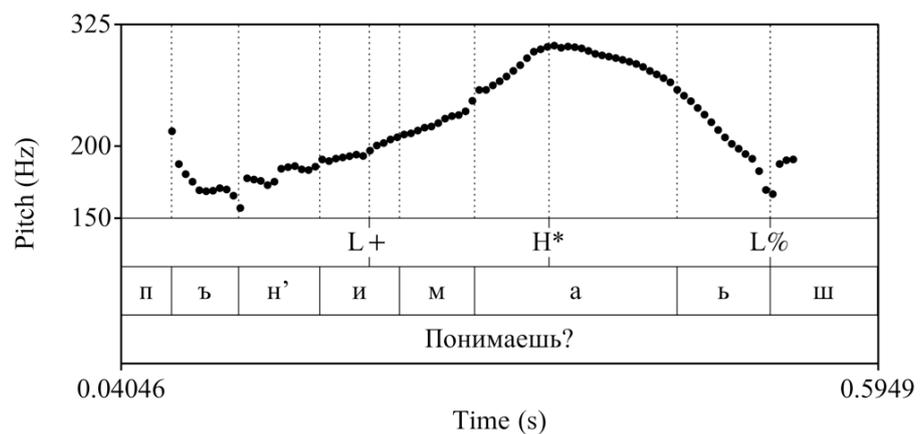

Рис. 2.2.4. Кривая ЧОТ общего вопроса *Понимаешь?* ГВГ1942-сел-тор

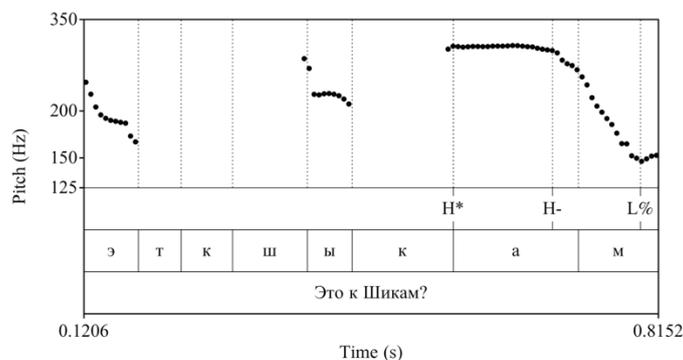

Рис. 2.2.5. Кривая ЧОТ общего вопроса *Это к Шикам?* ТИИ1932-пск

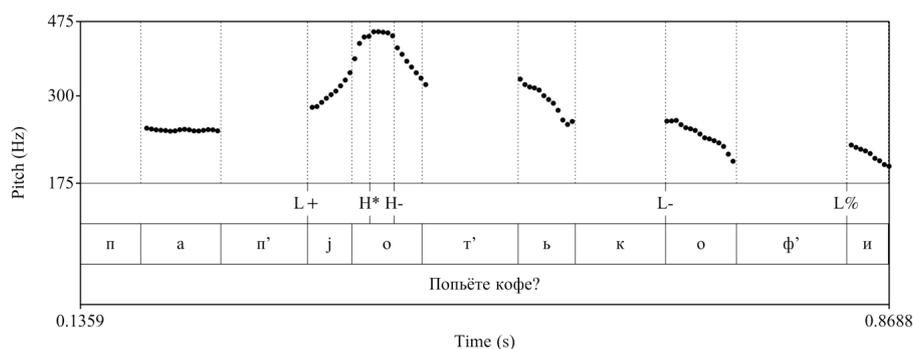

Рис. 2.2.6. Кривая ЧОТ общего вопроса *Попьёте кофе?* ЛАВ1945-пск

Полученные нами данные позволяют предположить, что в западных среднерусских говорах происходит перестройка мелодического контура общего вопроса: тональный максимум восходящего акцента смещается от начала ударного гласного акцентоносителя к его середине (по всей видимости — под влиянием литературного языка, в котором восходящее движение характеризуется более поздним таймингом). Мы анализируем этот переходный тип тонального акцента как **(L+)H***, где скобки маркируют инновационную его часть.

Сходная картина, по нашим данным, наблюдается и в елецком говоре д. Свишни¹⁸ (см. рис. 2.2.7, 2.2.8):

¹⁸ Запись С. В. Князева, Е. В. Щигель 1991 г.

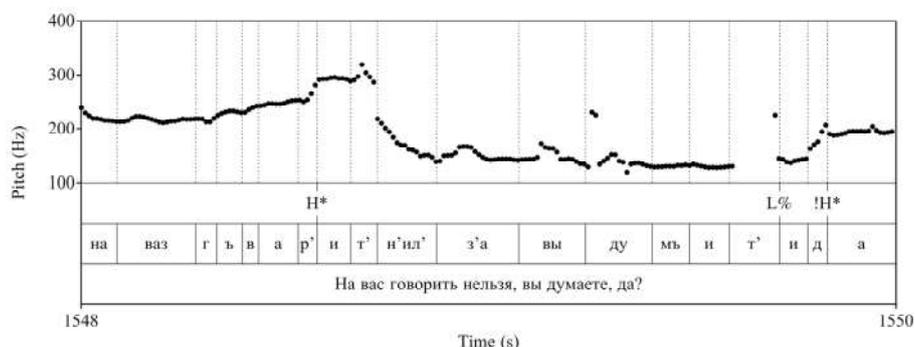

Рис. 2.2.7. Кривая ЧОТ общего вопроса *На вас говорить нельзя, вы думаете, да?* ЧВФ1922-ел

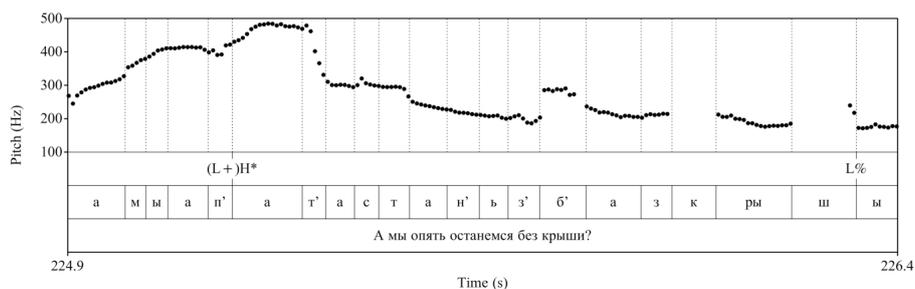

Рис. 2.2.8. Кривая ЧОТ общего вопроса *А мы опять останемся без крыши?* ЧВФ1922-ел

2.3. Белозерские говоры

В других говорах, например западных севернорусских (белозерских), тональный максимум восходящего акцента общего вопроса достигается в конце ударного слога, но повышение тона начинается гораздо позже, чем в СРЛЯ и западных среднерусских говорах, — не в начале согласного инициали ударного слога, а со второй четверти ударного гласного [Князев, Дьяченко 2023г] (см. общий вопрос на рис. 2.3.1, 2.3.2 и незавершенность на рис. 2.3.3, 2.3.4, а также рис. 2.3.5), в то время как тональный максимум достигается в конце ударного слога (реже — за его пределами). Это прототипический акцент **L*+H**. Легко видеть, что он не идентичен тому, что представлен в СРЛЯ.

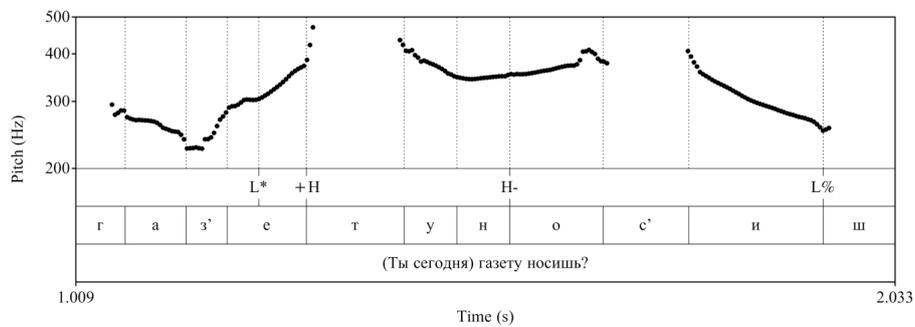

Рис. 2.3.1. Кривая ЧОТ общего вопроса
(Ты сегодня) газету носишь? АИ-белоз

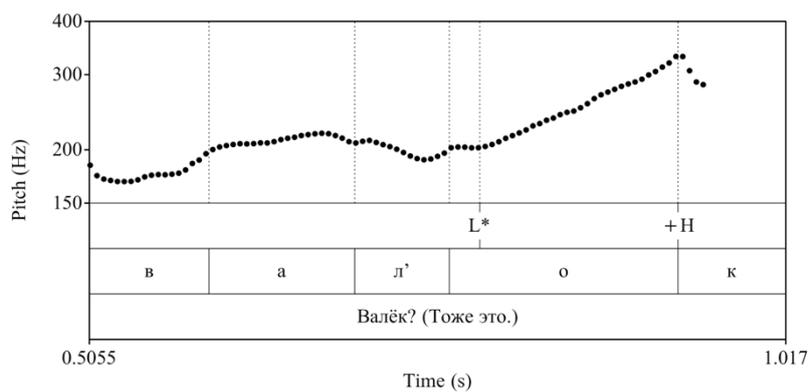

Рис. 2.3.2. Кривая ЧОТ общего вопроса Валёк? ЛФ1932-белоз

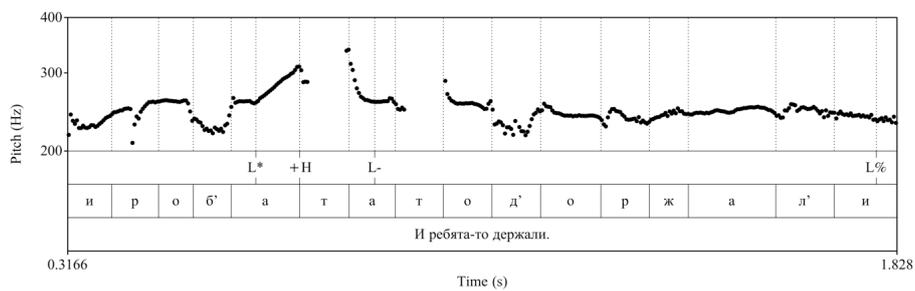

Рис. 2.3.3. Кривая ЧОТ И ребята-то держали... ЛФ1932-белоз

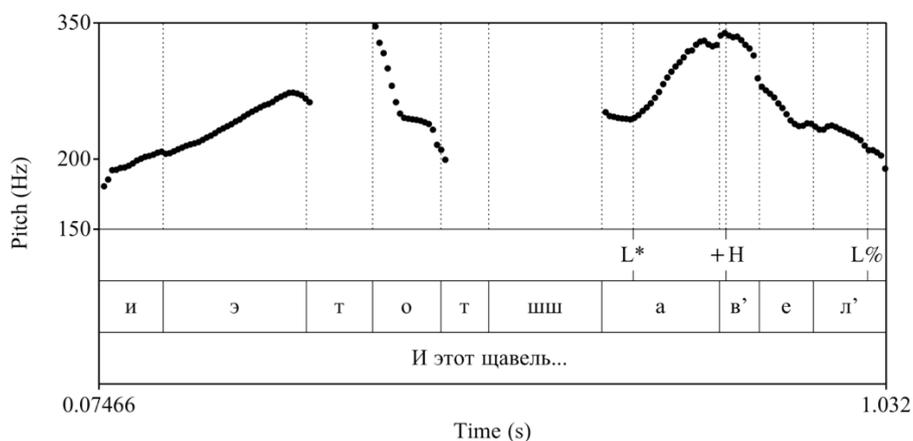

Рис. 2.3.4. Кривая ЧОТ *И этот щавель...* ЛФ1932-белоз

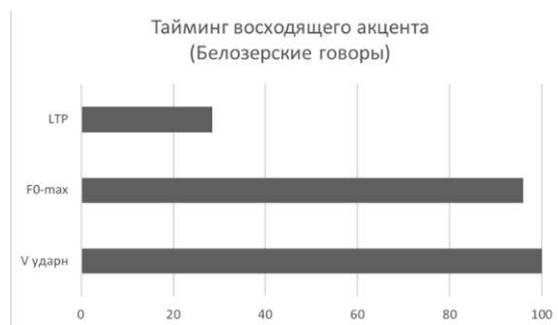

Рис. 2.3.5. Длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя 1) до точки начала повышения тона (вверху, LTP) и 2) до точки максимума ЧОТ (в середине, F0-max) в процентах от общей длительности ударного гласного

2.4. Владимирские говоры

Фразовая просодия двух соседних восточных среднерусских говоров Меленковского и Гусь-Хрустального районов Владимирской области (акающего и окающего) описана в [Князев, Дьяченко 2023д].

Одной из самых ярких особенностей их просодических систем является наличие в них **двух восходящих тональных акцентов** — **L+H*** и **L*+H** в предложенной нами интерпретации. Основное отличие заключается в тайминге — месте достижения точки максимума ЧОТ (см. рис. 2.4.1—2.4.4): в случае **L*+H**¹⁹ он приходится обычно на конечную часть ударного гласного (в редких случаях — на согласный или гласный следующего слога,

¹⁹ Используется в общем вопросе, для оформления незавершенности и вежливой просьбы.

см. рис. 2.4.5), в случае $L+N^*$ ²⁰ — на его первую часть или середину. Другое отличие — наличие значимого понижения тона на ударном слоге после его повышения, т. е. сопоставимая длительность и тональный интервал восходящего и нисходящего движений у $L+N^*$, см. те же рис. 2.4.1—2.4.4 (особенно показательным является пример 2.4.2 с двумя разными акцентами на одном и том же слове *его* в идентичной фразовой позиции). Наконец, во владимирских, как и в белозерских, говорах акцент L^*+N характеризуется более поздним началом повышения ЧОТ (LTP) — со второй четверти ударного гласного. Еще одна важная его особенность заключается в понижении ЧОТ на предударном гласном перед последующим подъемом на ударном слоге словоформы, которое мы предлагаем маркировать знаком *h* перед обозначением тонального акцента.

На основании всего изложенного выше можно отнести акцент hL^*+N к классу собственно восходящих, а $L+N^*$ — восходяще-нисходящих²¹.

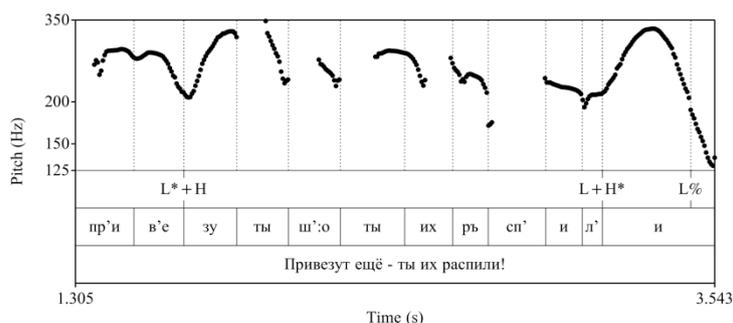

Рис. 2.4.1. Кривая ЧОТ фразы *Привезут ещё — ты их распили!* КАМ1939-вл-ак

²⁰ Используется преимущественно для оформления утверждений с узким фокусом и императива.

²¹ Один из анонимных рецензентов статьи отмечает: «Мы считаем трактовку владимирского акцента $L+N^*$ как восходящего или восходяще-нисходящего недостаточно убедительной. Наш основной аргумент — системный. Мы полагаем, что контраст, который комбинируется со значениями, выражаемыми восходящими (и нисходящими) акцентами, увеличивает диапазон частоты и интенсивность звука. Возможно также добавление предшествующего основному движению тона “заноса” частотной кривой в противоположную сторону. Соответственно, можно предположить, что акцент типа ИК-2, который в важнейшей из своих функций служит контрастным коррелятом ИК-1, удобнее считать нисходящим акцентом (чем вдруг восходящим или восходяще-нисходящим), так как ИК-1 нисходящий. Даже во владимирских говорах. Об этом говорит и набор иллокутивных значений, которые приписываются $L+N^*$ в примечании 18... Мы бы скорее видели в том, что автор статьи называет восходящим компонентом акцента, собственно занос и полагали бы, что занос имеет в системе фонетический статус». Наше решение, однако, базируется на том факте, что собственно нисходящий акцент типа ИК-2 (H^*+L) во владимирском говоре также имеет место; тональный акцент $L+N^*$ отличается от него низким (нисходящим), а не высоким (восходящим) тоном предакцентного слога [Князев, Дьяченко 2023д].

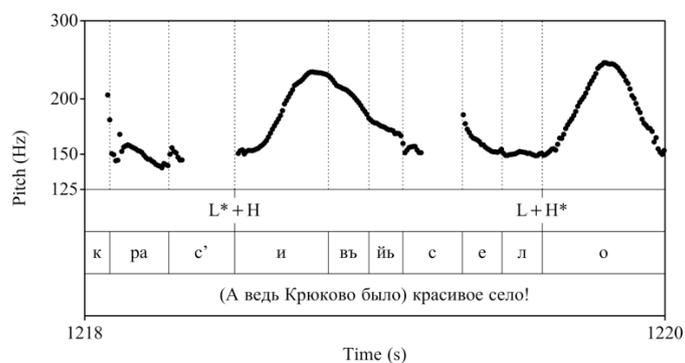

Рис. 2.4.2. Кривая ЧОТ фрагмента фразы *красивое село!* ЕАС1932-вл-ок

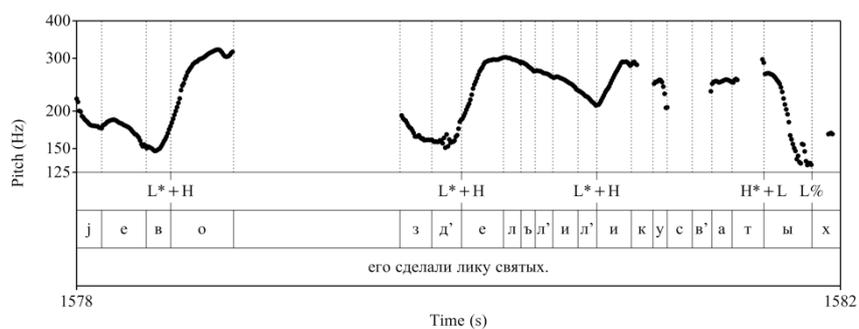
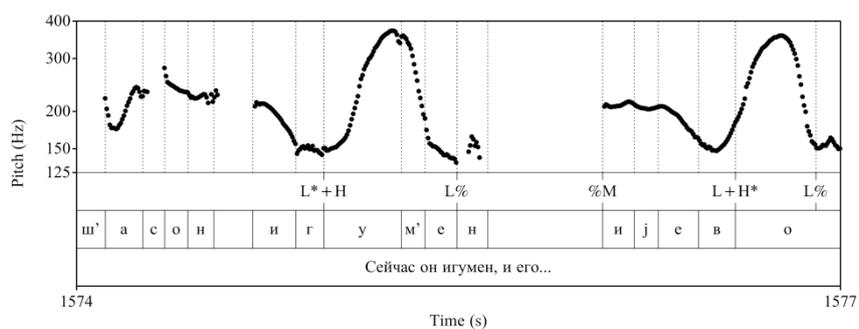

Рис. 2.4.3. Кривая ЧОТ фразы *Сейчас он игумен, и его... его... сделали лику святых.* ЕАС1932-вл-ок

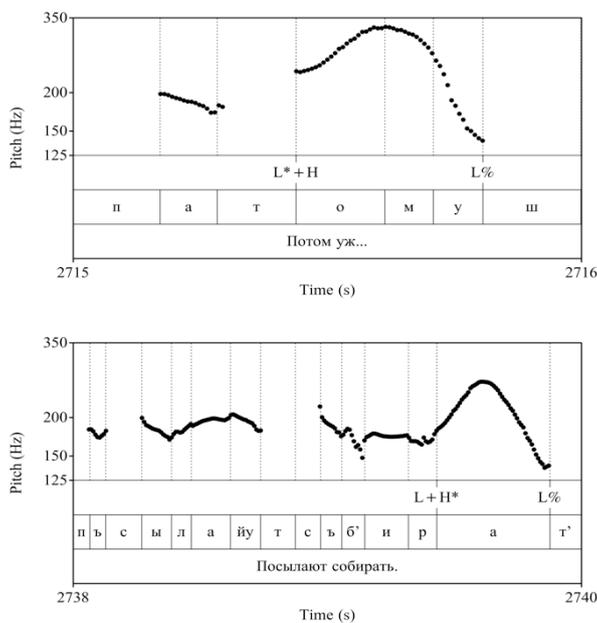

Рис. 2.4.4. Кривая ЧОТ фраз *Потом уж...* *Посылают собирать.* ТМГ1938-вл-ак

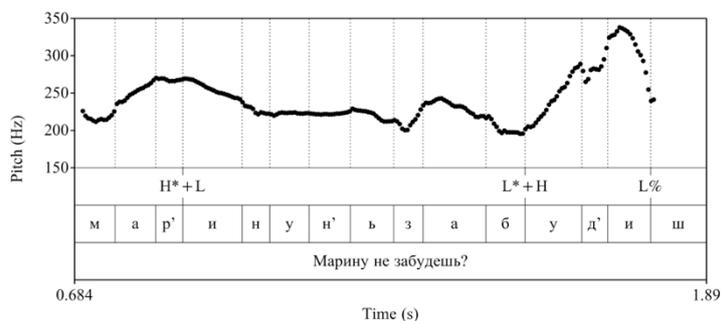

Рис. 2.4.5. Кривая ЧОТ общего вопроса *Мари́ну не забуде́шь?* ЕАС1932-вл-ок

2.5. Калужский говор

Интонация общего вопроса в южнорусском калужском говоре с. Бояновичи Хвастовического района охарактеризована в одной из работ Р. Ф. Касаткиной:

«Прослушивание диалектного материала и анализ интонограмм показали, что общий вопрос в калужском говоре оформляется не по общерусской модели, а по той модели, которую условно можно назвать “польской”. Охарактеризовать этот контур можно следующим образом: незначительный подъем тона от предударной части высказывания к гласному центра, затем

ровный тон и дальнейшее восхождение на заударной части высказывания. Этот контур для трехсложного слова, завершающего синтагму, можно характеризовать как трехступенчатое восхождение (“лесенку”)...

Интонационный контур, оформляющий высказывание с общим вопросом в литературном языке, имеет совершенно другой характер — восходяще-нисходящий (“шляпу”).

Отличается диалектный контур и от стандартной ИК-4, для которой характерно понижение тона, а не восхождение, на гласном ударного слога» [Касаткина 2002: 147].

Таким образом, предполагаемый Р. Ф. Касаткиной контур в стандартной записи АММ может быть представлен как $L^*+H\ N\%$, что в той или иной мере соответствует тому, как оформляется общий вопрос в польском языке — в первую очередь именно высоким конечным пограничным тоном (но после нисходящего тонального акцента) [Durand et al. 2002].

Следует, однако, отметить, что Р. Ф. Касаткина приводит лишь четыре примера, два из которых содержат всего один заударный слог, а в двух других заударные слоги вообще отсутствуют (*У Саши?*; *У ее невестки?*; *Ты поплывешь?*; *У тэй?*); на таком материале определить, что именно представляет собой повышение ЧОТ в конце фразы — часть тонального акцента или пограничный тон — затруднительно, если вообще возможно.

Мы проанализировали просодическое оформление общего вопроса в аналогичном говоре с. Нехочи, расположенного в 5 км от Бояновичей, на материале диалектного корпуса этого говора [Тер-Аванесова и др. 2020]. Наши данные свидетельствуют о том, что интонация вопроса и незавершенности в говоре довольно разнообразна.

Во-первых, собственно общий вопрос (запрос на получение новой информации) и незавершенность оформляются в говоре преимущественно²² ровным высоким тоном (H^*) в сочетании с низким конечным пограничным ($L\%$), т. е. тем же мелодическим контуром, что и в южнорусских оскольском и смоленском говорах (см. выше п. 2.1). Примеры такого оформления приведены на рис. 2.5.1 и 2.5.2.

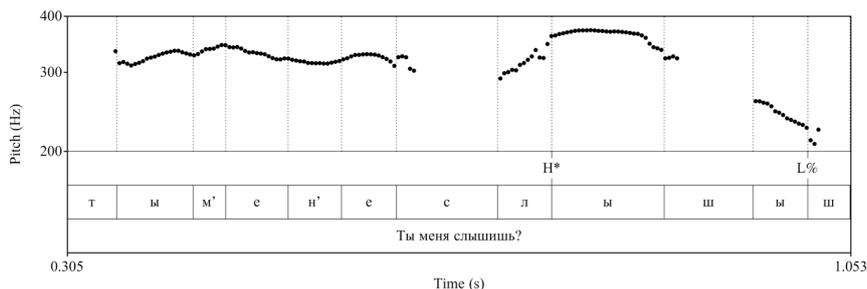

Рис. 2.5.1. Кривая ЧОТ общего вопроса *Ты меня слышишь?* МКФ1943-нех

²² Особенно часто — в диалогах между носителями диалекта, а не с носителем СРЛЯ.

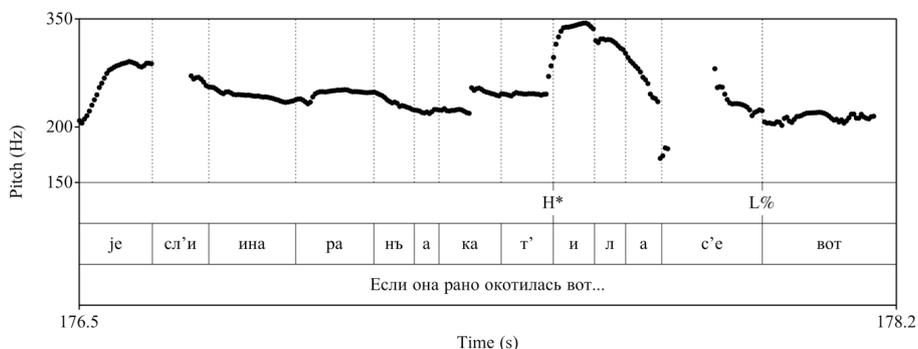

Рис. 2.5.2. Кривая ЧОТ синтагмы *Если она рано окотилась вот...* НГА1939-нех

Во-вторых, контур, описанный Р. Ф. Касаткиной, в говоре встречается довольно часто, но наибольшее количество примеров его использования приходится на переспросы (в связи с этим заслуживает внимания тот факт, что из четырех приведенных Р. Ф. Касаткиной примеров как минимум три являются переспросами). Сам контур при наличии только одного заударного слога или полного их отсутствия зачастую действительно представляет собой восходящую «лесенку», как это видно на рис. 2.5.3. Однако в случае, если заударных слогов больше одного, становится очевидным, что конечный пограничный тон в этих высказываниях — не высокий, а низкий: высокая ЧОТ сохраняется только на первом заударном слоге (см. рис. 2.5.4) или даже только на согласном его инициали (см. рис. 2.5.5—2.5.7), после чего следует понижение ЧОТ с минимумом на конечном во фразе слоге. На этом основании мы предлагаем считать, что ровный высокий тон в калужском говоре является частью тонального акцента L^*+H^* .

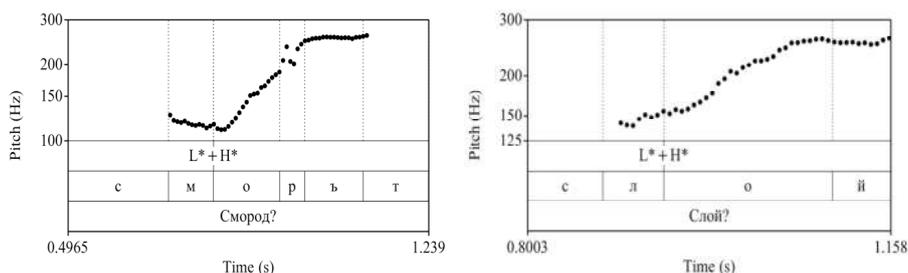

Рис. 2.5.3. Кривая ЧОТ переспросов *Смород?* *Слой?* МКФ1943-нех

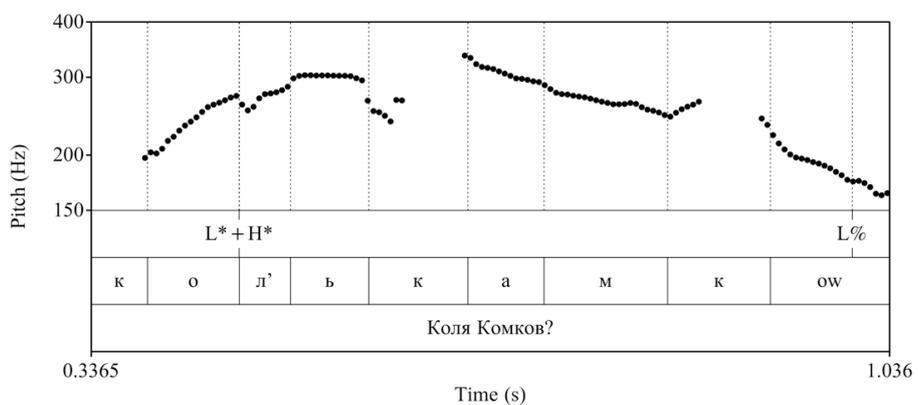

Рис. 2.5.4. Кривая ЧОТ переспроса *Коля Комков?* МКФ1943-нех

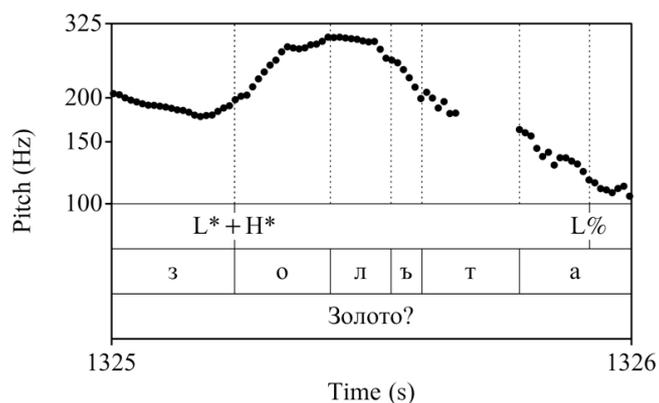

Рис. 2.5.5. Кривая ЧОТ переспроса *Золото?* МКФ1943-нех

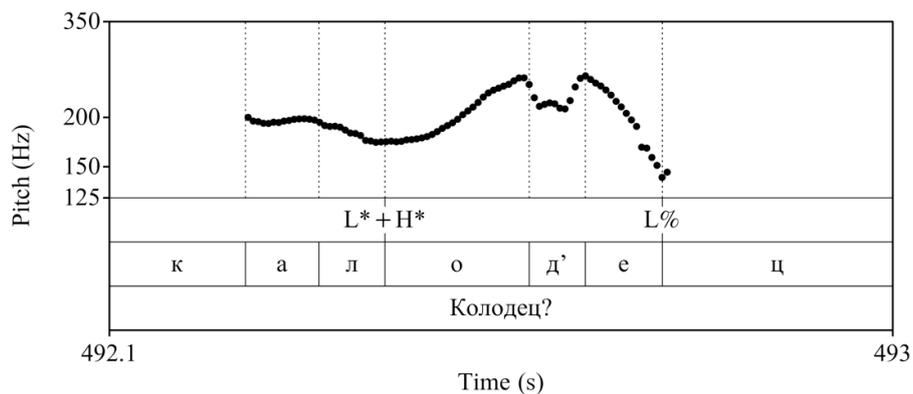

Рис. 2.5.6. Кривая ЧОТ переспроса *Колодец?* МКФ1943-нех

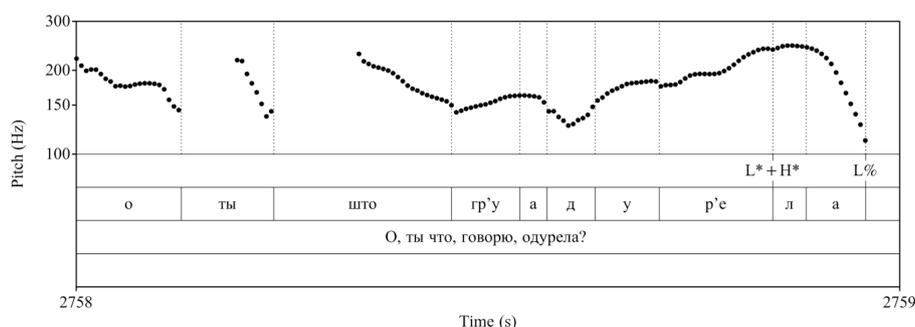

Рис. 2.5.7. Кривая ЧОТ вопроса *О, ты что, говорю, одурела?* МКФ1943-нех

Соответствующие данные суммированы в Таблице 2.

Таблица 2

Распределение тонального движения по слогам в говоре с. Нехочи (общий вопрос)²³

	Ударный слог (137)	Первый заударный (81)	Второй заударный (28)
Восходящий тон	65 %	9 %	0
Ровный высокий тон	88 %	31 %	7 %
Нисходящий тон	12 %	85 %	93 %

Сходная картина наблюдается во многих севернорусских (преимущественно архангельских) говорах: на ударном слоге фиксируется повышение ЧОТ, затем сохраняется ровный высокий тон, после чего происходит понижение ЧОТ (см. рис. 2.5.8). Сходство это тем не менее лишь поверхностное: в архангельских говорах высокий тон имеет место на всех заакцентных слогах до самого последнего (реже — предпоследнего), на котором происходит падение [Post 2005: 49; 2008; Пост 2007]. Мы трактуем этот контур как сочетание восходящего тонального акцента с ранним таймингом, высокого фразового тона и низкого конечного пограничного (L+H* H- L%) [Князев 2022б].

Картина в калужском говоре иная: ровный высокий тон сохраняется только на одном заударном сегменте, максимум — на одном заударном слоге. Таким образом, ровный высокий тон после повышения ЧОТ на ударном слоге или в инициали заударного наряду с ровным низким в начале ударного гласного и восходящим в его основной части является частью

²³ В скобках — общее количество примеров. Сумма внутри столбцов может превышать 100 % в случае наличия двух типов тонального движения на одном слоге.

тонального акцента (а не фразовым тоном, как в архангельских говорах, и не пограничным тоном, как это следует из описания Р. Ф. Касаткиной). Мы интерпретируем этот тональный акцент как L^*+H^* , а весь мелодический контур — как $L^*+H^* L\%$.

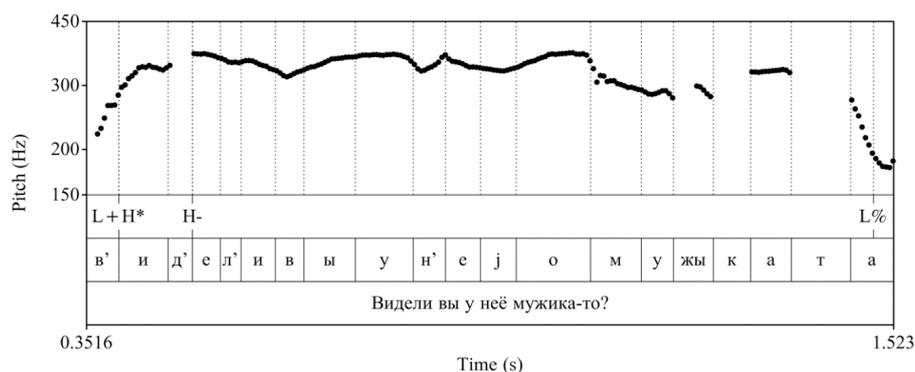

Рис. 2.5.8. Кривая ЧОТ общего вопроса *Видели вы у неё мужика-то?* (д. Вадюга Верхнетоемского района Архангельской обл.)

2.6. Чухломской говор

Если в калужском говоре восходящий тональный акцент L^*+H^* является не единственным и даже, по-видимому, не основным вариантом оформления собственно общих вопросов и незавершенности, то в говоре д. Ножкино Чухломского района Костромской области²⁴ («чухломский акающий остров») именно этот акцент практически безальтернативно выступает в данной функции.

В целом мелодический контур общего вопроса в Ножкине выглядит следующим образом: в первой части ударного гласного слова-акцентоносителя тон ровный низкий, после чего происходит повышение ЧОТ, продолжающееся или переходящее в ровное высокое плато на начальном согласном первого заударного слога; падение тона чаще всего начинается строго на границе инициального согласного и гласного заударного слога, гораздо реже — в начале второго заударного слога; в случае отсутствия заударных слогов ровный высокий тон может наблюдаться в конце ударного. Конечный пограничный тон — низкий; см. рис. 2.6.1, 2.6.2 (вопрос) и 2.6.3, 2.6.4 (незавершенность).

²⁴ От всей души благодарю С. В. Дьяченко и А. В. Малышеву за любезное разрешение ознакомиться с их записями из д. Ножкино.

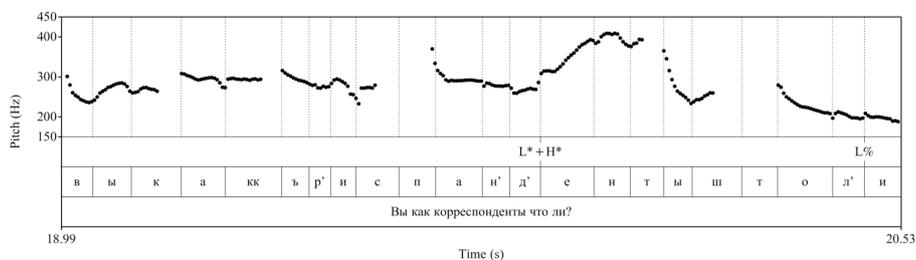

Рис. 2.6.1. Кривая ЧОТ общего вопроса *Вы как корреспонденты что ли?* МИК1930-чух

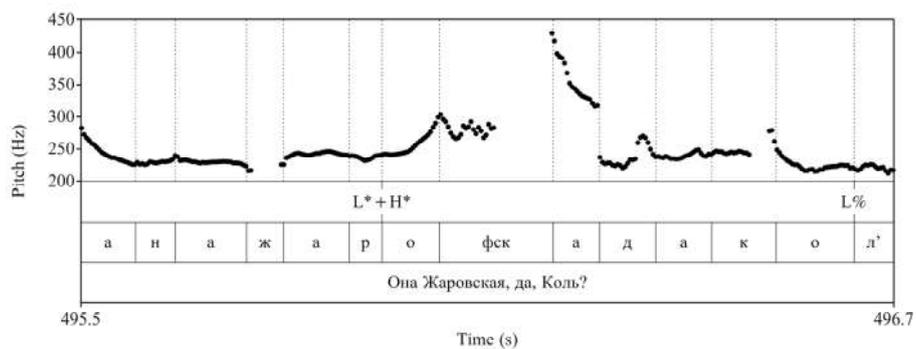

Рис. 2.6.2. Кривая ЧОТ общего вопроса *Она Жаровская, да, Коль?* МИК1930-чух

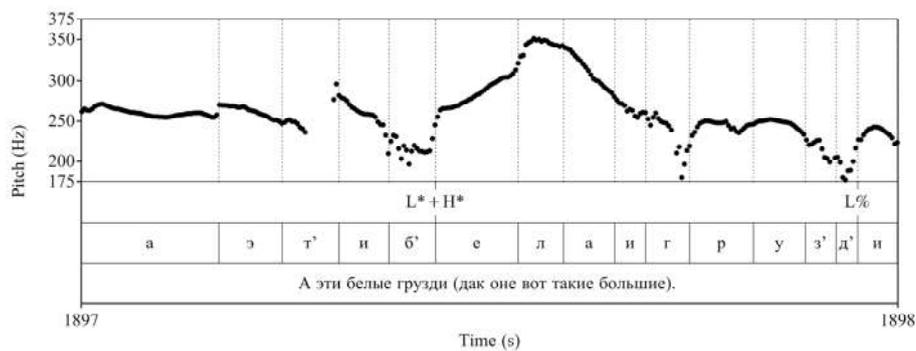

Рис. 2.6.3. Кривая ЧОТ синтагмы *А эти белые грузди...* МИК1930-чух

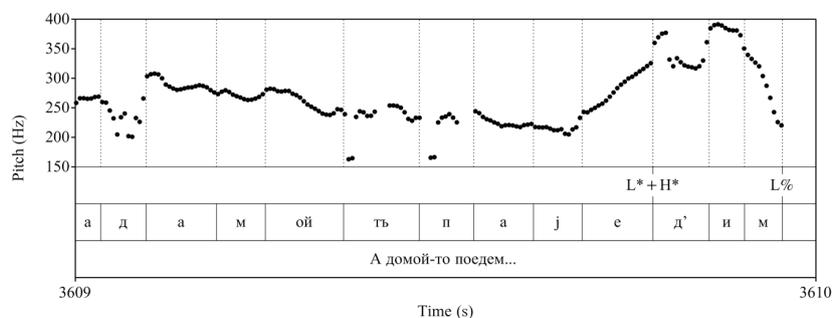

Рис. 2.6.4. Кривая ЧОТ синтагмы *А домой-то поедем...* МИК1930-чух

Наконец, тот же самый акцент встречается в говоре д. Поповка Старо-юрьевского района Тамбовской области²⁵:

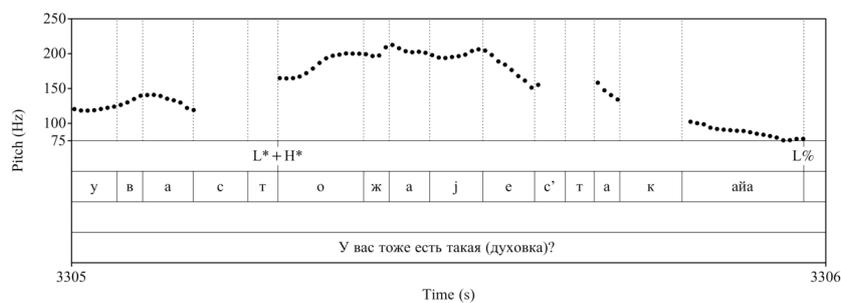

Рис. 2.6.5. Кривая ЧОТ общего вопроса *У вас тоже есть такая?* КИС1912-тмб

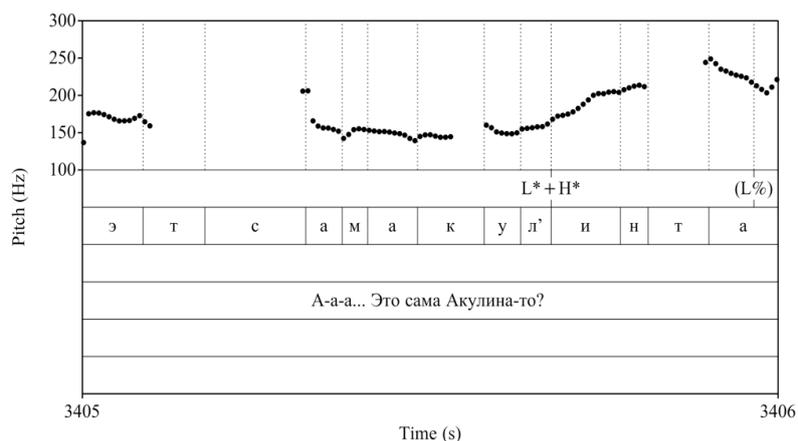

Рис. 2.6.6. Кривая ЧОТ общего вопроса *Это сама Акулина-то?* ПАС1927-тмб

²⁵ Запись С. В. Князева, А. Н. Левиной, Е. В. Щигель 1992 г.

и в говоре с. Новопанское Михайловского района Рязанской области²⁶:

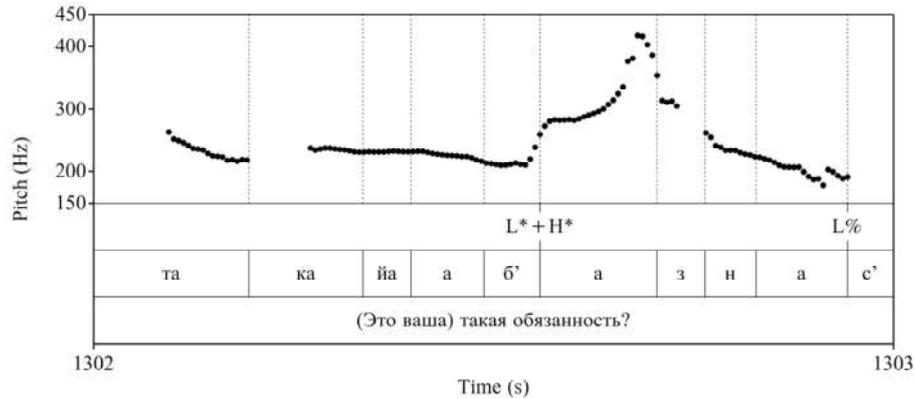

Рис. 2.6.7. Кривая ЧОТ общего вопроса (Эта ваша) такая обязанность? СМЕ1914-ряз

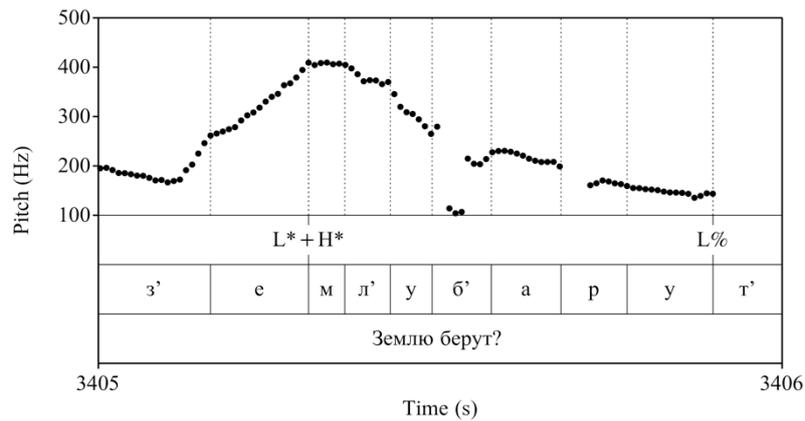

Рис. 2.6.8. Кривая ЧОТ общего вопроса Землю берут? СМЕ1914-ряз

2.7. Трункция пограничного тона

Еще одним важным фонетическим показателем принципиального отличия диалектных восходящих тональных акцентов от литературного²⁷ является, на наш взгляд, отсутствие в них трункции (усечения) конечного пограничного тона: на ударном гласном словоформы-акцентоносителя

²⁶ Запись С. В. Князева, А. Н. Левиной, Е. В. Щигель 1992 г.

²⁷ Кроме самого сложного из них трехчастного L*+H*; в этом случае наличие или отсутствие трункции зависит от структуры ударного слога: нисходящее движение тона обязательно только при сонорном согласном в слоговой финали конечного слога фразы.

ни при каких условиях не должно быть никакого другого тона, кроме восходящего. В случае диалектных акцентов H^* , $(L+)H^*$ и L^*+H , наоборот, нисходящее тональное движение имеет место даже при реализации акцента на конечном во фразе гласном [Князев, Дьяченко 2023 а–д; Князев 2024], см. рис. 2.7.1—2.7.7. Таким образом, главное в диалектных акцентах — манифестация тех или иных тональных уровней, в литературном — непрерывного тонального изменения.

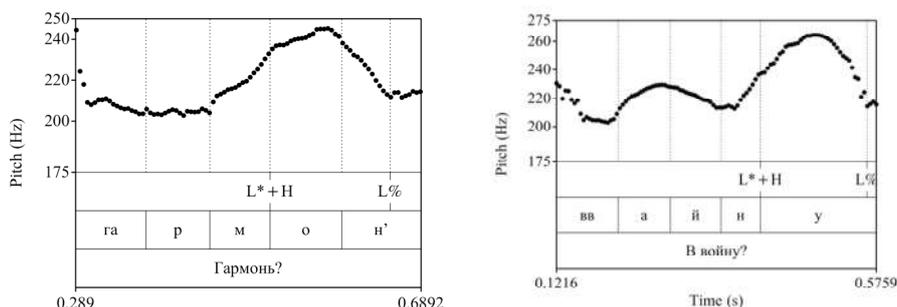

Рис. 2.7.1. Кривая ЧОТ фраз *Гармонь? В войну?* ТКК1914-вл-ак

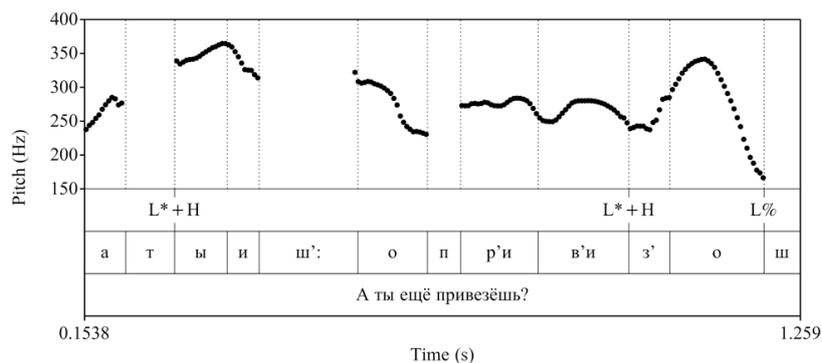

Рис. 2.7.2. Кривая ЧОТ общего вопроса *А ты ещё привезёшь?* ЕФБ1923-вл-ок

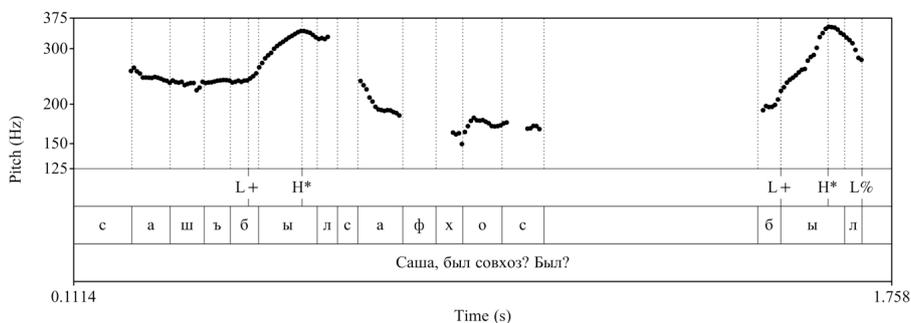

Рис. 2.7.3. Кривая ЧОТ общего вопроса *Саша, был совхоз? Был?* КАП1929-сел-тор

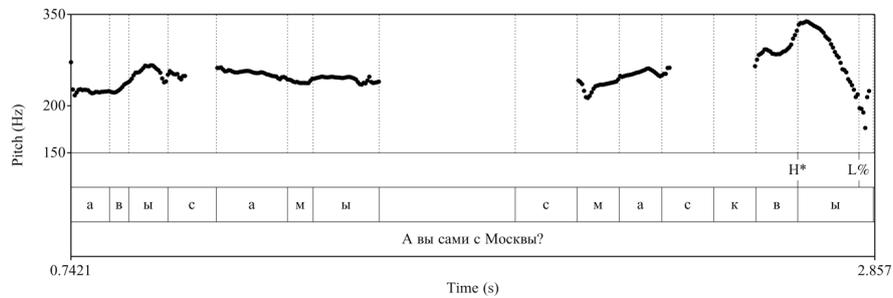

Рис. 2.7.4. Кривая ЧОТ общего вопроса *А вы сами с Москвы?* ВИИ1936-пск

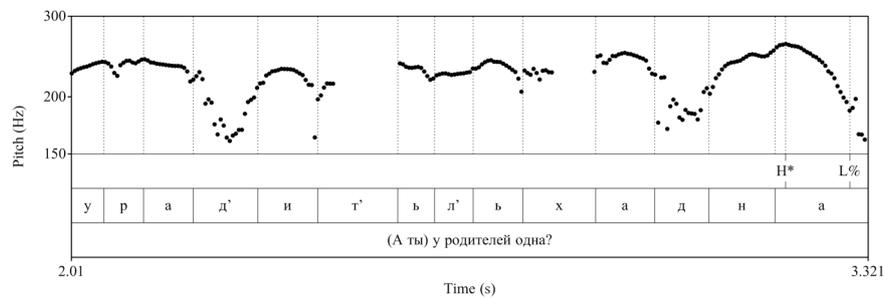

Рис. 2.7.5. Кривая ЧОТ общего вопроса *(А ты) у родителей одна?* ВИИ1936-пск

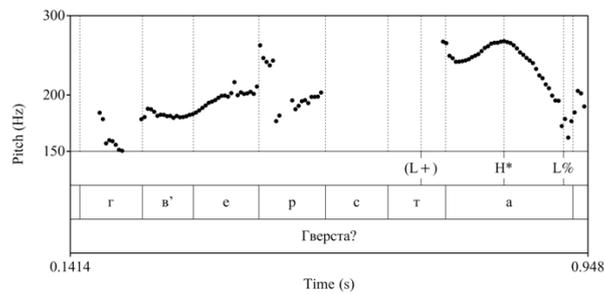

Рис. 2.7.6. *Гверста?* МВП1931-новг

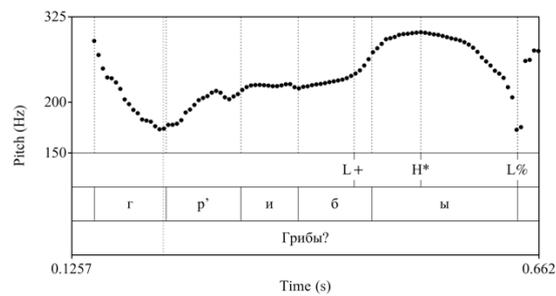

Рис. 2.7.7. *Грибы?* АВК1933-новг

2.8. «Литературный» восходящий акцент в диалектах

Итак, в русских говорах встречаются как минимум четыре разных восходящих тональных акцента, маркирующих общий вопрос и незавершенность: H^* , $(L+H)^*$, L^*+H , L^*+H^* . В большинстве диалектных систем они не являются единственными вариантами оформления незавершенности и общего вопроса, но лишь наиболее типичными (особенно в диалогах между носителями диалекта); наряду с ними почти в каждом говоре встречается и тональный акцент, характерный для литературного языка (особенно часто — в разговоре с носителями СРЛЯ), см., например, рис. 2.8.1 и 2.8.2. Этот факт свидетельствует о необходимости различной трактовки диалектных и литературного восходящих тональных акцентов. Мы интерпретируем тональный акцент типа литературного ИК-3 как $(L+H)^*$, аргументы в пользу данного решения см. в разделе 3 ниже.

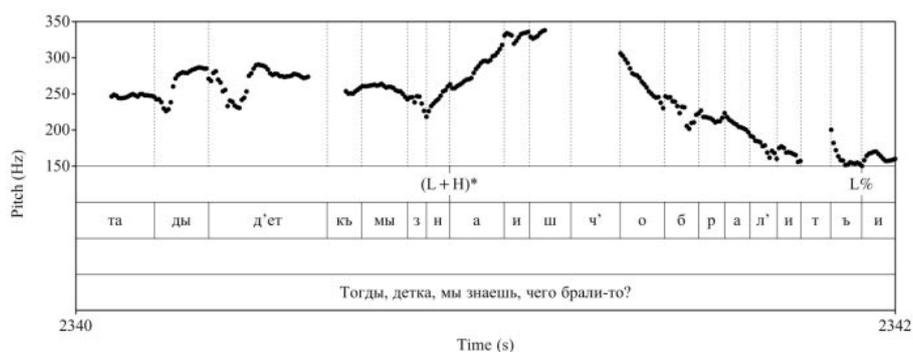

Рис. 2.8.1. Кривая ЧОТ общего вопроса *Тогда, детка, мы знаешь, чего брали-то?* ПАС1918-тмб

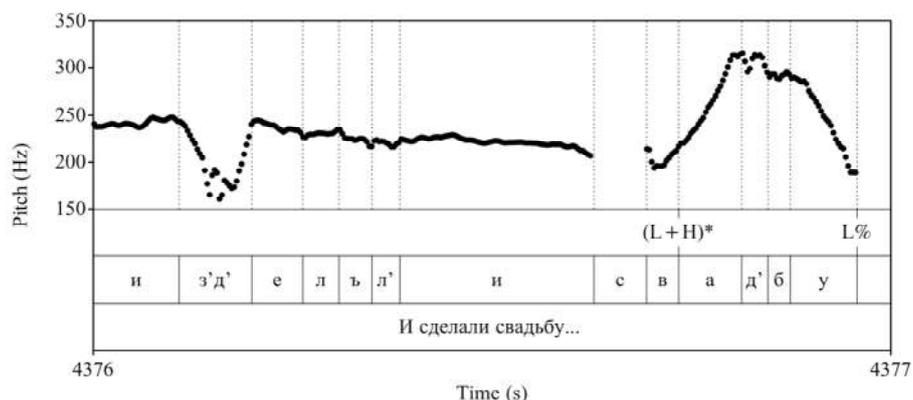

Рис. 2.8.2. Кривая ЧОТ синтагмы *И сделали свадьбу...* МИК1930-чух

Наконец, существуют и говоры, в которых восходящий тональный акцент, сходный с литературным, функционирует в качестве основного²⁸. К их числу можно отнести вятский идиом с. Кай Верхнекамского района Кировской области²⁹, где базовым тональным акцентом для оформления общего вопроса является восходящий тон на всем протяжении ударного гласного с продолжением повышения ЧОТ на заударном слоге, так что тональный максимум может достигаться даже на втором заударном слоге (а не на согласном инициали первого заударного, как в СРЛЯ). Мы предлагаем интерпретировать этот акцент как $(L+N>)^*$, где '>' означает задержку окончания тонального подъема (delayed peak); см. примеры ниже на рис. 2.8.3–2.8.5.

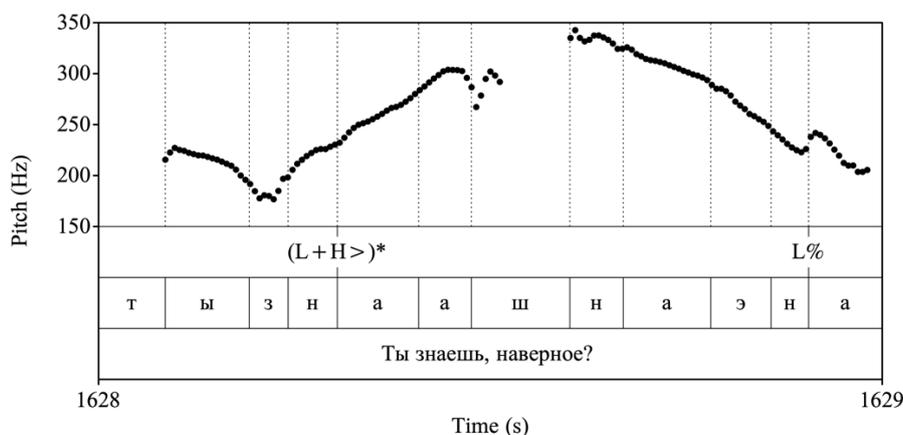

Рис. 2.8.3. Кривая ЧОТ общего вопроса *Ты знаешь, наверное?* АЕН1932-кир

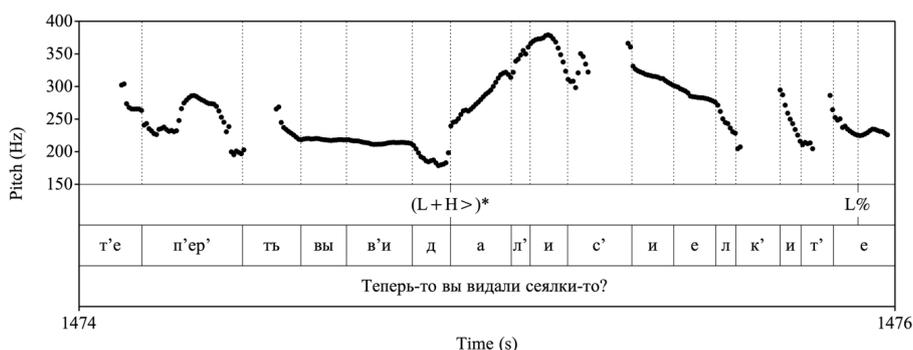

Рис. 2.8.4. Кривая ЧОТ общего вопроса *Теперь-то вы видели сеялки-то?* АЕН1932-кир

²⁸ Такие говоры редки; среди 34 исследованных до сих пор для корпуса русской просодии встретился только один подобный. Следует, впрочем, иметь в виду, что для корпуса отбирались в основном говоры, весьма удаленные от центральных.

²⁹ От всей души благодарю С. В. Дьяченко и Т. Н. Коробейникову за любезное разрешение использовать их записи при подготовке этой статьи.

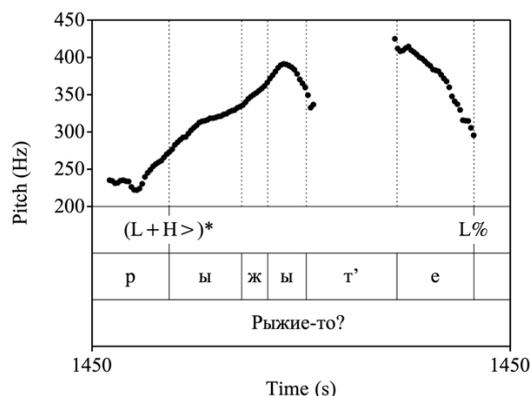

Рис. 2.8.5. Кривая ЧОТ вопроса *Рыжие-то?* АЕН1932-кир

3. Фонологическая трактовка восходящего тонального акцента СРЛЯ

3.1. Изложенные выше данные свидетельствуют о том, что при всем разнообразии типов тонального оформления общего вопроса (и незавершенности) в исследованных русских диалектах сами эти тональные акценты не представляют существенной проблемы для фонологической трактовки в рамках автосегментно-метрической модели фразовой просодии. Все они содержат отрезки ровного тона: L^*+H — низкого; H^* и $(L+)H^*$ — высокого, L^*+H^* — того и другого; таким образом, выбор фонологической интерпретации для них вполне однозначен.

Тональный акцент СРЛЯ, как уже было отмечено выше, устроен по-другому: в нем ровный тон отсутствует, на всем протяжении ударного слога наблюдается повышение ЧОТ, которое иногда завершается за пределами ударного слога³⁰, после чего — при наличии сегментного материала — сразу начинается понижение ЧОТ (конечный пограничный тон). Можно ли на этом основании считать, что русский литературный восходящий акцент устроен принципиально иначе, а именно — ориентирован не на тональный уровень, а на изменение тона?

3.2. В современной интонологии в целом нет единого ответа на вопрос, как следует описывать фразовую просодию — основываясь на тональных целях (уровнях), как это делается в АММ, или же на тональных конфигурациях, как это принято, например, в британской традиции [Crystal 1969; O'Connor, Arnold 1973] и в нидерландской интонологической школе (IPO) [’t Hart et al. 1990].

³⁰ Однако в среднем точка тонального максимума приходится именно на границу ударного и заударного слогов, см. выше рис. 1.3.

В связи с этим один из главных вопросов — является ли тот или иной способ моделирования интонации просто технически более или менее удобным либо же он обусловлен реальным устройством фразовой просодии. Сторонники описания с использованием уровневых примитивов считают, что именно наблюдаемые факты являются аргументом в пользу их точки зрения. Так, по их мнению, «In a theory in which movements are primary, it is reasonable to expect that a given type of movement will have relatively constant rate or slope» [Arvaniti et al. 1998: 24]. Поскольку в действительности это, похоже, не так, верной как будто бы является противоположная точка зрения: «the timing and scaling of the beginning and ending of the prenuclear accentual rise in Greek is not determined by properties of the rise qua pitch movement, but rather the exact opposite is true. The L and the H of the accent are anchored to segmentally defined positions, and the duration and slope of the pitch movement are completely determined by the segmental composition of the accented word» [Ibid.].

3.3. Пионером современного анализа интонации в терминах уровней справедливо считается Ёста Брюс, описавший разницу между нисходящими (HL) словесными тональными акцентами в шведском языке как различие в тайминге [Bruce 1977]. Основываясь на этой идее, Джанет Пьерхамберт предложила различать ассоциированные и не ассоциированные с ударным слогом ('starred' vs. 'unstarred') тональные цели [Pierrehumbert 1980]³¹. Постепенно, однако, исходная идея о тайминге тонального движения сменилась презумпцией, что в битональном (восходящем или нисходящем) акценте **одна** из частей обязательно **должна быть** ассоциирована с ударным слогом, т. е. такой акцент должен иметь структуру $T_1^*+T_2$ или $T_1+T_2^*$ и никак иначе, что связано, по-видимому, с идеей о том, что ассоциированный тон является метрически сильным [Atterer, Ladd 2004: 178]. В работе А. Арванити, Д. Р. Лэдда и И. Меннен тем не менее было показано, что, например, в случае восходящего предъядерного акцента в новогреческом языке обе тональные цели (L и H) ассоциированы с определенными сегментными 'якорными точками' ('anchor points'), ни одна из которых на фонетическом уровне не находится непосредственно внутри ударного слога (первая фиксируется незадолго до начала ударного слога, вторая — через 15–20 мс после его окончания) [Arvaniti et al. 1998]. На этом основании те же авторы предлагают отказаться от положения Дж. Пьерхамберт о том, что только один тон скользящего тонального акцента должен быть ассоциирован с ударным слогом акцентоносителя, и утверждают, что обе его тональные цели могут быть достаточно точно ассоциированы с определенными точками сегментной последовательности [Arvaniti et al. 2000]³².

³¹ Так что шведские словесные акценты различаются в этой системе как H^*+L и $H+L^*$.

³² В свою очередь, Джанет Пьерхамберт и Мэри Бекман предложили идею 'вторичной ассоциации' ('secondary association') тонов, в соответствии с которой на

Эта концепция была воспринята Ё. Брюсом: «for a basic L + H + L accentual gesture we can identify the following available timings for bitonal accents from early to late: H+L*, H*+L*, H*+L, L+H*, L*+H*, L*+H (see Figure 15.4). For the four Swedish prosodic dialect types, this will give us the following, highly symmetrical representations of non-focal accent I and accent II.

	East	West	South	Central
accent I	H+L*	H*+L*	H*+L	L+H*
accent II	H*+L	L+H*	L*+H*	L*+H» [Bruce 2005: 414–415].

3.4. Таким образом, для описания собственно восходящего тонального акцента (без учета Н*) есть три возможности — L+H*, L*+H*, L*+H. Все эти типы, как было показано выше, зафиксированы в русском (диалектном) языке. Как уже отмечалось, все они содержат отрезки ровного тона, поэтому выбор той или иной фонологической интерпретации для них очевиден. Ключевой проблемой при необходимости в рамках одной и той же фонологической модели интерпретировать все существующие в русском языке акценты³³ одной группы является литературный восходящий акцент.

Предлагаемое нами решение основано на наблюдении, что уровневые тоны занимают особое место в русских диалектных системах: так, например, в севернорусских говорах представлен акцент Н* [Князев 2022а], в оскольских — акценты Н* и L* [Князев 2024]. Наоборот, фразовая интонация некоторых восточных, например среднерусских владимирских, говоров ориентирована именно на скользящие тоны (включая восходящий, нисходящий и восходяще-нисходящий) [Князев, Дьяченко 2023д]. Все это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что вопрос о первичности тональных уровней или тональных движений не имеет однозначного окончательного ответа: в разных языках и даже в пределах одного языка возможны просодические системы, ориентированные как на уровневые, так и на скользящие тоны. Это различие должно быть отражено и в фонологической трактовке тональных акцентов, и, конечно, в просодической нотации.

Анализируя сходную проблему в новогреческом языке, А. Арванити, Д. Р. Лэдд и И. Меннен обсуждают предложение М. Бекман и Дж. Пьерхамберт [Beckman, Pierrehumbert 1986; Pierrehumbert, Beckman 1988] о включении в фонологическое описание фразовой просодии японского языка акцента без маркировки одной из его частей как более надежно ассоциированной с ударным слогом акцентоносителя, т. е. LH или [LH]*. Авторам подобные решения не представляются удачными — во-первых, потому, что, по их мнению, в одной системе недопустимы акценты разных типов ('starred' и 'starless'), во-вторых — потому что противоречат исходным

глубинном уровне тоны ассоциированы с вершинами или краями просодических составляющих, но фонетически могут быть 'вторично' связаны с другими элементами просодической структуры [Pierrehumbert, Beckman 1988].

³³ Например, при создании корпуса русской просодии [Князев и др. 2024].

представлениям теории: «we believe that this notation could easily be interpreted as showing a movement rather than a sequence of independent tonal targets, when one of the fundamental tenets of the theory is precisely that intonational structure is based on tones not configurations» [Arvaniti et al. 2000: 128]. В результате для описания греческого восходящего акцента, сходного с литературным русским, они избирают вариант L^*+H^* (как и Ё. Брюс для шведского, см. выше). Этот выбор, возможно, был бы идеальным и для восходящего акцента СРЛЯ, но, как показано выше, в русских говорах (калужских, чухломских, рязанских и др.) существует акцент, который в гораздо большей степени соответствует такой трактовке.

С нашей точки зрения, однако, несоответствие варианта $[LH]^*$ или более близкого к современной нотации варианта $(L+H)^*$ исходным положениям теории не является непреодолимой преградой. В последнее время все больше исследователей (в том числе изначальных сторонников идеи об уровненом устройстве фразовой просодии) начинают отходить от крайних взглядов на эту проблему. Так, М. Аттерер и Д. Р. Лэдд, основываясь на проанализированном ими материале английского, немецкого и нидерландского языков, отмечают: «the alignment of the L and the alignment of the H are not independently determined: the alignment differences between English, Northern German, and Southern German may be completely parallel for the beginning and the end of the rise. That is, it appears that Southern German aligns both L and H later than Northern German, which in turn aligns both L and H later than Dutch or English. This would suggest that the two tones of a bitonal accent are in some sense part of the same phonological “event”» [Atterer, Ladd 2004: 193], см. рис. 3.1.

M. Atterer, D.R. Ladd / Journal of Phonetics 32 (2004) 177–197

187

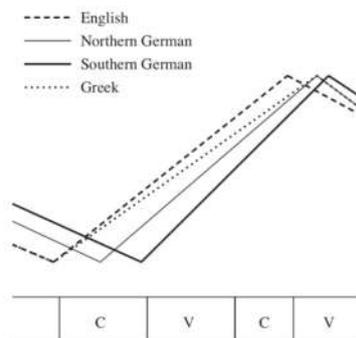

Fig. 2. Schematic representation of the alignment of rises relative to a stressed syllable in Northern and Southern German (based on Experiment 1), English (based on Ladd et al., 1999), and Greek (based on Arvaniti et al., 1998). Segment durations are necessarily somewhat idealized.

Рис. 3.1. Схематическое изображение тайминга восходящего тонального акцента относительно ударного гласного в северо- и южно-немецком, английском и греческом языках [Atterer, Ladd 2004: 187]

В соответствии с этими данными Д. Р. Лэдд приходит к итоговому выводу о том, что «the full range of empirical findings we have considered make the autosegmental explanation for segmental anchoring originally proposed by Arvaniti *et al.* (1998) less attractive than it seemed at first. In one way or another, it appears that we must acknowledge that pitch movements are ‘gestures’ in the sense of Articulatory Phonology, and seek to explain segmental anchoring in terms of a more general theory of gestural coordination» [Ladd 2004: 35].

Таким образом, на основании приведенных выше теоретических соображений, а также с учетом собственно экспериментальных данных (наличия тонального плато и отсутствия труккации пограничного тона) в диалектных типах восходящего тонального акцента общего вопроса мы предлагаем для литературного его варианта интерпретацию **(L+H)*** или **[LH]*** (= восходящий тон на всем протяжении ударного слога словоформы-акцентоносителя).

Л и т е р а т у р а

Брызгунова 1963 — Е. А. Брызгунова. Практическая фонетика и интонация русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1963.

Брызгунова 1980 — Е. А. Брызгунова. Интонация. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика, фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. Ю. Шведова (ред.). М.: Наука, 1980. С. 103–118.

Дурягин 2021 — П. В. Дурягин. Интонация частного вопроса в русском языке: экспериментальное исследование источников вариативности // Русский язык в научном освещении. 2021. № 1 (41). С. 137–177.

Дурягин 2022 — П. В. Дурягин. Фонетическая реализация русских тональных акцентов в контекстах сопоставительного вопроса и перечисления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. № 19 (1). С. 81–102.

Игараша 2002 — Й. Игараша. Так называемая «нейтрализация интонации» — фонологическое описание русской интонации // Бюллетень Японской ассоциации русистов. 34. 2002. С. 15–21.

Йокояма 2003 — О. Йокояма. Нейтральная и ненейтральная интонация в русском языке: автосегментная интерпретация системы интонационных конструкций // Вопросы языкознания. 2003. № 5. С. 99–122.

Касаткина 2002 — Р. Ф. Касаткина. Заметки о южнорусской интонации // Материалы и исследования по русской диалектологии I (VII). М.: Наука, 2002. С. 134–150.

Князев 2022а — С. В. Князев. О структуре тонального акцента в русских говорах с «пословным» мелодическим оформлением // Русский язык в научном освещении. 2022. № 1 (43). С. 113–153.

Князев 2022б — С. В. Князев. О фразовой интонации в русских говорах с пословным мелодическим оформлением // Вопросы языкознания. 2022. № 1. С. 7–39.

Князев 2023а — С. В. Князев. Интонация юго-западного архангельского говора // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2023. № 4. С. 175–195.

Князев 2023б — С. В. Князев. Севернорусская интонация: просодическое членение // Вопросы языкознания. 2023. № 2. С. 56–88.

Князев 2024 — С. В. Князев. Фразовая интонация южнорусского говора: Роговатое // Вопросы языкознания. 2024. № 1. С. 85–127.

Князев, Дьяченко 2023а — С. В. Князев, С. В. Дьяченко. Интонация западного среднерусского окающего говора // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2023. № 4. С. 149–174.

Князев, Дьяченко 2023б — С. В. Князев, С. В. Дьяченко. Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре. Ч. I. Селигеро-Торжковские говоры // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 1. С. 50–70.

Князев, Дьяченко 2023в — С. В. Князев, С. В. Дьяченко. Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре. Ч. II. Псковские говоры // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 2. С. 44–60.

Князев, Дьяченко 2023г — С. В. Князев, С. В. Дьяченко. Мелодический контур общего вопроса в белозерских говорах // Исследования по славянской диалектологии. 2023. С. 41–64.

Князев, Дьяченко 2023д — С. В. Князев, С. В. Дьяченко. Фразовая просодия двух восточных среднерусских говоров // Slovene. Vol. 12, No 1. 2023. С. 189–258.

Князев, Дьяченко 2025 — С. В. Князев, С. В. Дьяченко. Южнорусская интонация: восток-запад // Slovene. Vol. 14, No 1. 2025 (в печати).

Князев и др. 2024 — С. В. Князев, Г. А. Мороз, С. В. Дьяченко. Корпус «Просодия русских диалектов». 2024. Электронный ресурс: <https://LingConLab.github.io/PRuD/>

Кодзасов 2009 — С. В. Кодзасов. Исследования в области русской просодии. М.: Языки славянских культур, 2009.

Пост 2007 — М. Пост. К проблеме описания интонации общего вопроса в одном севернорусском говоре // Фонетика сегодня V. М.: ИРЯ РАН, 2007. С. 156–157.

Тер-Аванесова и др. 2020 — А. В. Тер-Аванесова, С. В. Дьяченко, Е. В. Корпечкова, А. В. Малышева, И. С. Пекунова, М. Н. Толстая. Корпус говора деревни Нехочи. 2020. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН. Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/nekhochi/>

Янко 2004 — Т. Е. Янко. Русская интонация в задачах и примерах // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 86–123.

Янко 2008 — Т. Е. Янко. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008.

Arvaniti 2022 — A. Arvaniti. The autosegmental metrical model of intonational phonology // Prosodic theory and practice / S. Shattuck-Hufnagel, J. Barnes (eds.). Cambridge: MIT Press, 2022. P. 25–83.

Arvaniti et al. 1998 — A. Arvaniti, D. R. Ladd, I. Mennen. Stability of tonal alignment: the case of Greek prenuclear accents // Journal of Phonetics. 26. 1998. P. 3–25.

Arvaniti et al. 2000 — A. Arvaniti, D. R. Ladd, I. Mennen. What is a starred tone? Evidence from Greek // Papers in Laboratory Phonology V: Acquisition and the Lexicon / M. B. Broe, J. B. Pierrehumbert (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. P. 119–131.

Atterer, Ladd 2004 — M. Atterer, D. R. Ladd. On the phonetics and phonology of “segmental anchoring” of F0: evidence from German // *Journal of Phonetics*. 32. 2004. P. 177–197.

Beckman, Pierrehumbert 1986 — M. E. Beckman, J. Pierrehumbert. International structure in Japanese and English // *Phonology yearbook*. 1986. 3. P. 15–70.

Beckman et al. 2005 — M. E. Beckman, J. Hirschberg, S. Shattuck-Hufnagel. The Original ToBI system and the evolution of the ToBI framework. *Prosodic typology // The phonology of intonation and phrasing / S.-A. Jun (ed.)*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. P. 9–54.

Bruce 1977 — G. Bruce. Swedish word accents in sentence perspective. Lund: Gleerup, 1977.

Bruce 2005 — G. Bruce. Intonational prominence in Varieties of Swedish Revisited // *The phonology of intonation and phrasing / S.-A. Jun (ed.)*. Oxford: Oxford Univ. Press. P. 410–425.

Crystal 1969 — D. Crystal. Prosodic systems and intonation in English. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1969.

Durand et al. 2002 — P. Durand, A. Durand-Deska, R. Gubrynowicz, B. Marek. Polish: Prosodic Aspects of «Czy» Questions // *Proceedings of Speech Prosody Conference, April 11–13, 2002, Aix-en-Provence: Laboratoire Parole et Langage*. P. 309–312.

’t Hart et al 1990 — J. ’t Hart, R. Collier, A. Cohen. A perceptual study of intonation: an experimental-phonetic approach. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.

Igarashi 2005 — Y. Igarashi. How many falling intonation patterns in Russian?: categories of F0 alignment // *Programme & Book of Abstracts: Between and Stress and Tone. The Between Stress and Tone (BeST)*. (June 18, 2005, The International Institute for Asian Studies, Leiden, Netherlands). P. 32–33.

Igarashi 2006 — Y. Igarashi. Intonational patterns in Russian interrogatives — phonetic analyses and phonological interpretations // *Prosody and syntax: cross-linguistic perspectives / Y. Kawaguchi, I. Fónagy, T. Moriguchi (eds.)*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2006. P. 175–196.

Igarashi 2008 — Y. Igarashi. Russian interrogatives and intonational categories // *The discourse potential of underspecified structures / A. Steube (ed.)*. Berlin: De Gruyter, 2008. P. 227–269.

Ladd 2004 — D. R. Ladd. Segmental anchoring of pitch movements: autosegmental phonology or speech production? // *On Speech and Language: Essays for Sieb B. Nootboom / H. Quené, V. van Heuven (eds.)*. Utrecht: LOT, 2004. P. 123–131.

Meyer, Mleinek 2006 — R. Meyer, I. Mleinek. How prosody signals force and focus—a study of pitch accents in Russian yes–no questions // *Journal of Pragmatics*. 38 (10). 2006. P. 1615–1635.

O’Connor, Arnold 1973 — J. D. O’Connor, G. F. Arnold. Intonation of colloquial English. London: Longman, 1973.

Odé 1989 — C. Odé. Russian intonation: A perceptual description. Amsterdam: Rodopi, 1989.

Odé 2005 — C. Odé. Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables // *Speech Communication*. 47 (1–2). 2005. P. 71–79.

Pierrehumbert 1980 — J. B. Pierrehumbert. The phonology and phonetics of English intonation. PhD diss. Massachusetts Institute of Technology, 1980.

Pierrehumbert, Beckman 1988 — J. B. Pierrehumbert, M. E. Beckman. Japanese tone structure. Cambridge, MA: MIT Press, 1988.

Post 2005 — M. Post. The Northern Russian pragmatic particle *dak* in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech. Doctoral dissertation. Institutt for språkvitenskap. Det humanistiske fakultet, Universitetet i Tromsø, 2005.

Post 2008 — M. Post. Post-Nuclear Prominence Patterns in Northern Russian Question Intonation // Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody. Campinas, 2008. P. 233–236.

Prieto et al. 1995 — P. Prieto, J. van Santen, J. Hirschberg. Tonal alignment patterns in Spanish // Journal of Phonetics. 23. 1995. P. 429–451.

Rathcke 2006 — T. Rathcke. Relevance of f0 peak shape and alignment for the perception of a functional contrast in Russian // Proceedings of the 3rd Conference on Speech Prosody. Dresden, 2006. P. 65–68.

Rathcke 2017 — T. Rathcke. How truncating are ‘truncating languages’? Evidence from Russian and German // *Phonetica*. 73. 2017. P. 194–228.

Savino 2012 — M. Savino. The intonation of polar questions in Italian: Where is the rise? // Journal of the International Phonetic Association. 42 (1). 2012. P. 23–48.

Статья получена 12.10.2023

Sergey V. Knyazev

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
svknia@gmail.com

**PHRASE PROSODY OF RUSSIAN DIALECTS
AND INTONATIONAL PHONOLOGY OF RUSSIAN:
RISING PITCH ACCENT**

The paper deals with the problem of phonological autosegmental-metrical interpretation for the rising pitch accent in Standard Russian, originated during the process of creation *Prosody of Russian Dialects* database.

Extensive data are provided on the phonological interpretation of the corresponding pitch accent for yes-no question in Russian dialects, including 1) high level H* (Oskol and Smolensk idioms); 2) transitional from purely dialectal to standard (L+)H* = rising + high level (Western Middle-Russian idioms); 3) L*+H = level low + rising (Belozersk and Eastern Middle-Russian idioms); 4) L*+H* = level low + rising + high level (Kaluga and Chukhloma idioms); 5) (L+H>)* = rising tone all along the stressed syllable of the tone bearing word, continued on the poststressed syllable(s) with pitch maximum up to second poststressed syllable (Vyatka idiom).

Based on the data provided and taking into consideration modern phonological approaches to phrase prosody, as well as on the obtained experimental results showing the presence of tonal plateau and lack of final boundary tone’s truncation in most of the dialectal accent types, I suggest the (L+H)* interpretation for the rising pitch accent in Standard Russian: rising tone all along the stressed syllable of the tone bearing word with tonal peak at the righthand boundary of the accented syllable.

Keywords: Standard Russian, Russian dialects, phrase prosody, intonational phonology, rising tonal accent

References

- Arvaniti, A. (2022). The autosegmental metrical model of intonational phonology. In S. Shattuck-Hufnagel, & J. Barnes (Eds.), *Prosodic theory and practice* (pp. 25–83). Cambridge: MIT Press.
- Arvaniti, A., Ladd, D. R., & Mennen, I. (1998). Stability of tonal alignment: the case of Greek prenuclear accents. *Journal of Phonetics*, 26, 3–25.
- Arvaniti, A., Ladd, D. R., & Mennen, I. (2000). What is a starred tone? Evidence from Greek. In M. B. Broe, & J. B. Pierrehumbert (Eds.), *Papers in Laboratory Phonology V: Acquisition and the Lexicon* (pp. 119–131). Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Atterer, M., & Ladd, D. R. (2004). On the phonetics and phonology of “segmental anchoring” of F0: evidence from German. *Journal of Phonetics*, 32, 177–197.
- Beckman, M. E., & Pierrehumbert, J. (1986). Intonational structure in Japanese and English. *Phonology yearbook*, 3, 15–70.
- Beckman, M. E., Hirschberg, J., & Shattuck-Hufnagel, S. (2005). The Original ToBI system and the evolution of the ToBI framework. Prosodic typology. In S.-A. Jun (Ed.), *The phonology of intonation and phrasing* (pp. 9–54). Oxford: Oxford Univ. Press.
- Bruce, G. (1977). *Swedish word accents in sentence perspective*. Lund: Gleerup.
- Bruce, G. (2005). Intonational prominence in Varieties of Swedish Revisited. In S.-A. Jun (Ed.), *The phonology of intonation and phrasing* (pp. 410–425). Oxford: Oxford Univ. Press.
- Bryzgunova, E. A. (1963). *Prakticheskaja fonetika i intonatsiia russkogo iazyka*. Moscow: Izd-vo MGU.
- Bryzgunova, E. A. (1980). Intonatsiia. In N. Yu. Shvedova (Ed.), *Russkaja grammatika. T. 1: Fonetika, fonologija. Udarenie. Intonatsiia. Slovoobrazovanie. Morfologija* (pp. 103–118). Moscow: Nauka.
- Crystal, D. (1969). *Prosodic systems and intonation in English*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Durand, P., Durand-Deska, A., Gubrynowicz, R., & Marek, B. (2002). Polish: Prosodic Aspects of «Czy» Questions. In *Proceedings of Speech Prosody Conference (April 11–13, 2002)* (pp. 309–312). Aix-en-Provence: Laboratoire Parole et Langage.
- Duriagin, P. V. (2021). Intonatsiia chastnogo voprosa v russkom iazyke: eksperimental'noe issledovanie istochnikov variativnosti. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 41(1), 137–177.
- Duriagin, P. V. (2022). Foneticheskaja realizatsiia russkikh tonal'nykh aktsentov v kontekstakh sopostavitel'nogo voprosa i perechisleniia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura*, 19(1), 81–102.
- 't Hart, J., Collier, R., & Cohen, A. (1990). *A perceptual study of intonation: an experimental-phonetic approach*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Igarashi, I. (2002). Tak nazyvaemaia «neutralizatsiia intonatsii» — fonologicheskoe opisanie russkoi intonatsii. *Biulleten' Iaponskoi assotsiatsii rusistov*, 34, 15–21.
- Igarashi, Y. (2005). How many falling intonation patterns in Russian?: categories of F0 alignment. In *Programme & Book of Abstracts: Between and Stress and Tone (June 18, 2005)* (pp. 32–33). Leiden, Netherlands: The International Institute for Asian Studies.
- Igarashi, Y. (2006). Intonational patterns in Russian interrogatives — phonetic analyses and phonological interpretations. In Y. Kawaguchi, I. Fónagy, & T. Moriguchi (Eds.), *Prosody and syntax: cross-linguistic perspectives* (pp. 175–196). Amsterdam: John Benjamins Publishing.

- Igarashi, Y. (2008). Russian interrogatives and intonational categories. In A. Steube (Ed.), *The discourse potential of underspecified structures* (pp. 227–269). Berlin: De Gruyter.
- Iokoiama, O. (2003). Neitral'naia i neneitral'naia intonatsiia v russkom iazyke: avto-segmentnaia interpretatsiia sistemy intonatsionnykh konstruksii. *Voprosy jazykoznanija*, 5, 99–122.
- Kasatkina, R. F. (2002). Zametki o iuzhnorusskoi intonatsii. In L. L. Kasatkin (Ed.), *Materialy i issledovaniia po russkoi dialektologii* (Vol. 1(7), pp. 134–150). Moscow: Nauka.
- Kniazev, S. V. (2022a). O strukture tonal'nogo aktsenta v russkikh govorakh s «poslovnym» melodicheskim oformleniem. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 43(1), 113–153.
- Kniazev, S. V. (2022b). O frazovoi intonatsii v russkikh govorakh s poslovnym melodicheskim oformleniem. *Voprosy jazykoznanija*, 1, 7–39.
- Kniazev, S. V. (2023a). Intonatsiia iugo-zapadnogo arkhangel'skogo govora. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN*, 4, 175–195.
- Kniazev, S. V. (2023b). Severnorusskaia intonatsiia: prosodicheskoe chlenenie. *Voprosy jazykoznanija*, 2, 56–88.
- Kniazev, S. V. (2024). Frazovaia intonatsiia iuzhnorusskogo govora: Rogovatoe. *Voprosy jazykoznanija*, 1, 85–127.
- Kniazev, S. V., & D'iachenko, S. V. (2022). Melodicheskii kontur obshchego voprosa v zapadnom srednerusskom akaiushchem govore. Ch. I. Seligero-Torzhkovskie govory. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 9. Filologiya*, 1, 50–70.
- Kniazev, S. V., & D'iachenko, S. V. (2023a). Intonatsiia zapadnogo srednerusskogo okaiushchego govora. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN*, 4, 149–174.
- Kniazev, S. V., & D'iachenko, S. V. (2023b). Melodicheskii kontur obshchego voprosa v zapadnom srednerusskom akaiushchem govore. Ch. II. Pskovskie govory. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 9. Filologiya*, 2, 44–60.
- Kniazev, S. V., & D'iachenko, S. V. (2023c). Melodicheskii kontur obshchego voprosa v belozerskikh govorakh. In A. F. Zhuravlev (Ed.), *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii* (Iss. 24, pp. 41–64). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Kniazev, S. V., & D'iachenko, S. V. (2023d). Frazovaia prosodiia dvukh vostochnykh srednerusskikh govorov. *Slovene*, 12(1), 189–258.
- Kniazev, S. V., Moroz, G. A., & D'iachenko, S. V. (2024). *Korpus «Prosodiia russkikh dialektov»*. Retrieved from <https://LingConLab.github.io/PRuD/>
- Kodzasov, S. V. (2009). *Issledovaniia v oblasti russkoi prosodii*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.
- Ladd, D. R. (2004). Segmental anchoring of pitch movements: autosegmental phonology or speech production? In H. Quené, & V. van Heuven (Eds.), *On Speech and Language: Essays for Sieb B. Neeboom* (pp. 123–131). Utrecht: LOT.
- Meyer, R., & Mleinek, I. (2006). How prosody signals force and focus — a study of pitch accents in Russian yes–no questions. *Journal of Pragmatics*, 38(10), 1615–1635.
- O'Connor, J. D., & Arnold, G. F. (1973). *Intonation of colloquial English*. London: Longman.
- Odé, C. (1989). *Russian intonation: A perceptual description*. Amsterdam: Rodopi.
- Odé, C. (2005). Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables. *Speech Communication*, 47(1–2), 71–79.
- Pierrehumbert, J. B. (1980). *The phonology and phonetics of English intonation* (PhD thesis). Massachusetts Institute of Technology.

Pierrehumbert, J. B., & Beckman, M. E. (1988). *Japanese tone structure*. Cambridge, MA: MIT Press.

Post, M. (2005). *The Northern Russian pragmatic particle dak in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech* (Doctoral dissertation). Universitetet i Tromsø.

Post, M. (2007). К проблеме описания интонации общего вопроса в одном севернорусском говоре. In M. L. Kalenchuk (Ed.), *Fonetika segodnia – 5* (pp. 156–157). Moscow: IRIa RAN.

Post, M. (2008). Post-Nuclear Prominence Patterns in Northern Russian Question Intonation. In *Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody* (pp. 233–236). Campinas, Brazil.

Prieto, P., van Santen, J., & Hirschberg, J. (1995). Tonal alignment patterns in Spanish. *Journal of Phonetics*, 23, 429–451.

Rathcke, T. (2006). Relevance of f0 peak shape and alignment for the perception of a functional contrast in Russian. In *Proceedings of the 3rd Conference on Speech Prosody* (pp. 65–68). Dresden, Germany.

Rathcke, T. (2017). How truncating are ‘truncating languages’? Evidence from Russian and German. *Phonetica*, 73, 194–228.

Savino, M. (2012). The intonation of polar questions in Italian: Where is the rise? *Journal of the International Phonetic Association*, 42(1), 23–48.

Ter-Avanesova, A. V., D'iachenko, S. V., Korpechkova, E. V., Malysheva, A. V., Pekunova, I. S., & Tolstaia, M. N. (2020). *Korpus govora derevni Nekhochi*. Retrieved from <http://lingconlab.ru/nekhochi/>

Yanko T. E. (2008). *Intonatsionnye strategii russkoi rechi v sopostavitel'nom aspekte*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Yanko, T. E. (2004). Russkaia intonatsiia v zadachakh i primerakh. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 8(2), 86–123.

Received on October 12, 2023

С. В. ДЬЯЧЕНКО

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
svet-lan-a@list.ru

А. Б. КОЛЕСНИКОВА

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
anna.cello04@gmail.com

П. А. ПИЛИПЕЦ

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
polina.pilipets@list.ru

ПРЕДУДАРНЫЙ ВОКАЛИЗМ МОСАЛЬСКИХ ГОВОРОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ*

Статья состоит из двух частей. В первой рассматривается история изучения вокализма мосальских говоров, в которой можно выделить четыре этапа: 1) рубеж XIX–XX вв. (работы А. А. Шахматова, О. Брока, Н. Н. Дурново); 2) середина XX в. (исследование говоров Мосальского района по программе Диалектологического атласа русского языка); 3) рубеж XX–XXI вв. (работы А. М. Красовицкого и Л. Л. Касаткина); 4) наши дни (экспедиция сотрудников Института языкознания и Института русского языка РАН, студентов Московского государственного университета и Российского государственного гуманитарного университета). Во второй обсуждаются результаты исследования системы предударных гласных мосальских говоров по материалам экспедиции 2023 г. Во время экспедиции было замечено, что диссимилятивное жиздринское аканье сохраняется у всех информантов (39 человек), представляющих разные возрастные и социальные группы: это и представители старшего поколения, и молодёжь, и жители деревень и сёл, и жители собственно Мосальска. В противоположность этому, яканье отмечено только у четырёх информантов, причём относительно последовательно выдержанный суджанский тип наблюдается у двух жительниц деревни Берно, а у двух жителей Мосальска отмечены остаточные явления яканья. Записи бесед с этими информантами были подробно изучены аудитивным и инструментальным методами. Проведённое исследование позволило, с одной стороны, выявить в современной системе предударного вокализма мосальских говоров следы старых количественных отношений между гласными первого предударного и ударного слогов после твёрдых и по-

* Авторы выражают благодарность И. Б. Иткину, С. В. Князеву, А. В. Мальшевой и А. В. Тер-Аванесовой за ценные замечания, которые позволили улучшить статью.

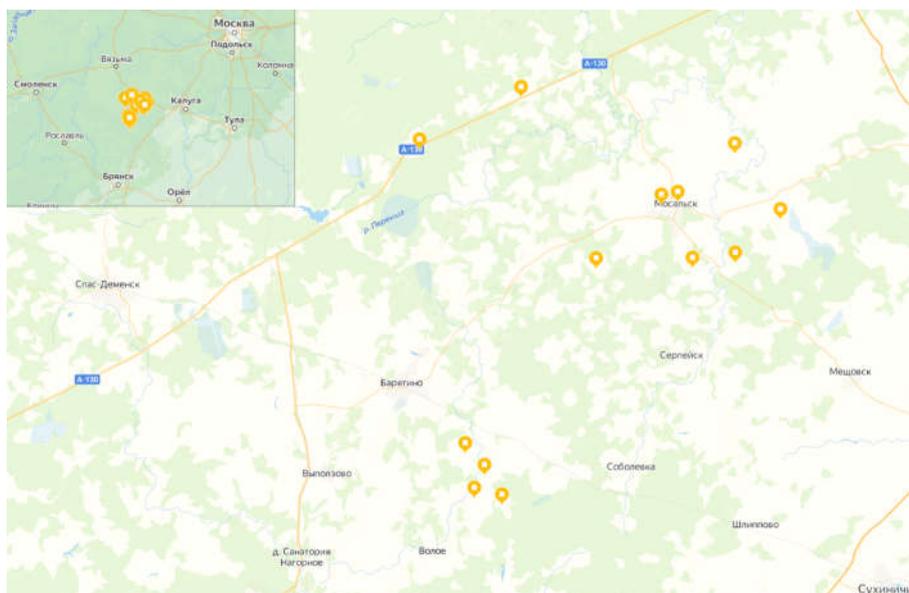
сле мягких согласных, с другой — проследить этапы разрушения яканья суджанского типа на пути к *й*канью.

Ключевые слова: диалектная фонетика, аканье, яканье, мосальские говоры.

0. Введение

В работе рассматривается вокализм первого предударного слога после твёрдых (аканье) и после мягких (яканье) согласных в южнорусском говоре г. Мосальска Калужской области, а также некоторых сёл и деревень, расположенных неподалёку от него.

Материалом исследования послужили аудиозаписи, сделанные в июне 2023 г. Экспедиция была организована сотрудником Института языкознания РАН И. И. Исаевым и сотрудниками Института русского языка РАН С. В. Дьяченко и А. В. Малышевой, в ней принимали участие студенты 1-го курса кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ (в том числе авторы этой статьи А. Б. Колесникова и П. А. Пилипец) и 3-го курса Института лингвистики РГГУ. Цель экспедиции заключалась в сборе данных по предударному вокализму и аудиофиксации спонтанной речи носителей диалекта. Обследованы населённые пункты Мосальского (г. Мосальск, деревни Дашино, Берно, Людково, Долгое, Гачки, Ивано-Дуброво и сёла Боровенск, Путогино) и Брятинского (деревни Отъезжее, Асмолово, сёла Барнятино, Новое Село — материал, записанный в Брятинском районе, не использовался в данном исследовании) районов, см. карту ниже.

Сделаны аудиозаписи речи 39 информантов от 1921 до 2005 года рождения. У всех без исключения, в том числе самых молодых, в первом предупредительном слоге после твёрдых согласных на слух фиксируется диссимилятивное аканье жиздринского типа ([а] в первом предупредительном слоге перед всеми ударными гласными, кроме [а], перед ударным [а] — [ъ])¹. В первом предупредительном слоге после мягких согласных информанты по большей части демонстрируют йкающее произношение, причём как молодые люди, так и представители старшего поколения, проживающие не только в Мосальске — городе районного значения, но и в деревнях и сёлах. Так, примеров яканья мы не обнаружили у информантов из сёл Боровенск и Путогино и из деревень Дашино, Людково, Долгое, Гачки и Ивано-Дуброво (при том что ряд других диалектных черт, фонетических и грамматических, в их речи был отмечен). Более того, старшие информанты, проживающие в некоторых из этих населённых пунктов, в беседах о том, как разговаривали их родители, бабушки и дедушки, утверждают, что яканья в их речи никогда не было (т. е. никто не произносил [н'асу́], [в'анок] и т. п.). Однако мы не склонны в полной мере доверять подобным свидетельствам наших информантов, которые, возможно, хотят продемонстрировать высокую степень «культурности» своих предков. Во всех деревнях и сёлах Мосальского района, где нам удалось побывать, отношение к своему говору негативное: считается, что это язык «тёмных», «некультурных» людей и его следует стыдиться. В отличие от этого, диалекты более южных русских областей, например Белгородской, нередко обладают высоким престижем для своих носителей, на них в сёлах говорят все, в том числе дети, исполняются песни, их стремятся сохранять даже после переезда в города местная молодёжь и т. д. В окрестностях Мосальска же не так, и мы полагаем, что это одна из причин стремительной утраты диалекта. Однако указанный процесс происходит в разных мосальских деревнях несколько по-разному. Например, в Берне в речи нынешнего самого старшего поколения сохраняется яканье, а утрата смычки у [ч'] и произношение на его месте [ш'] ([ман'иш'ка], [вал'иш'ка]) отсутствует (или встречается спорадически), при том что в речи родителей этого поколения данная черта присутствовала, о чем рассказывает одна из наших информанток, ШАВ1939. В с. Путогино у информантов такого же возраста (1930-х гг.р.), напротив, нет яканья, тем не менее хорошо сохраняется произношение [ш'] на месте [ч']. Любопытно, что двое из наших информантов, передавая речь своих бабушек, несколько меняют своё обычное произношение: МАК1937 начинает

¹ Диссимилятивное аканье — вообще очень устойчивая черта. Так, например, оно сохраняется в речи одной нашей информантки, которая в молодости уехала из деревни Дашино в Москву, прожила там 50 лет и только на пенсии вернулась в родную деревню. Следы диссимилятивного аканья могут сохраняться даже у потомков носителей соответствующих говоров, родившихся в Москве или других регионах, где диссимилятивного аканья нет, см. об этом [Дьяченко, Князев 2022].

последовательно якать, а САН1978 произносит слова с ударным [а] и предударным гласным после губного согласного с выраженными [о]: «п[о]ра». Чрезвычайно интересные вопросы, касающиеся сохранения одних и утраты других диалектных черт, требуют отдельного изучения, основой для которого могут послужить в том числе наши аудиоматериалы.

В данной работе, посвящённой преимущественно вокализму первого предударного слога мосальских говоров, мы сосредоточили своё внимание на материале, записанном от тех диалектоносителей, в речи которых в той или иной степени сохраняется яканье или его следы. Надо заметить, что это не только самые старшие жители региона из тех, с которыми нам удалось поговорить, но и один молодой мужчина. Мы анализируем аудиозаписи речи четырёх информантов: двое из них проживают в деревне Берно, двое других — в Мосальске (ниже, в разделе 2, о них говорится более подробно).

1. История изучения мосальских говоров

Мосальские говоры имеют богатую историю изучения, которая уходит корнями в XIX в., когда русская диалектология как наука только начала формироваться. В самом конце XIX в. мосальские говоры изучал А. А. Шахматов: он совершил поездку в Мосальский уезд и по этим материалам написал статью в двух частях. В 1902 г. экспедицию в мосальские говоры организовал О. Брок, в результате опубликовавший в 1916 г. книгу «Говоры к западу от Мосальска». В 1903 г. вышла работа Н. Н. Дурново «Диалектологическая карта Калужской губернии», в которой он обобщил все имевшиеся на тот момент диалектологические материалы, полученные разными исследователями по калужским говорам (в том числе материалы А. А. Шахматова и часть материалов О. Брока по мосальским говорам). Некоторую информацию о мосальских говорах находим также в книге Н. Н. Дурново «Диалектологические разыскания в области великорусских говоров» 1917 г. Позже, в 1952 г., четыре населённых пункта Мосальского района — деревни Грачёвка, Выгорь, Фурсово и Устоша — были обследованы по программе Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ) сотрудниками МГУ и ИРЯ АН СССР, а в конце XX в. деревню Сельцо-Кольцово и село Ивонино Мосальского района посетил А. М. Красовицкий; по материалам экспедиции он опубликовал статью «Просодические характеристики слова в говорах с диссимилятивным аканьем», а Л. Л. Касаткин описал вокализм этого говора. Таким образом, мы располагаем результатами исследования мосальских говоров в разные эпохи и можем сравнить с ними наши собственные результаты.

1.1. Вокализм мосальских говоров по данным А. А. Шахматова

В июне — июле 1895 г. А. А. Шахматов организовал экспедицию в мосальские говоры Калужской губернии, о чём есть заметка в «Отчёте о дея-

тельности ОРЯС» за 1895 г. [Отчёт... 1896: 10–11], а в 1896 и 1897 гг. в двух частях вышла его работа «Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров». В ней рассматривались говоры южной части Мосальского уезда, граничащей с Жиздринским уездом Смоленской губернии, а также восточной его части, граничащей с Мещовским уездом, по материалам экспедиции самого А. А. Шахматова и говоры Ельнинского уезда Смоленской губернии по материалам собирателя В. Н. Добровольского.

Определению звукового состава мосальских говоров посвящена вторая часть [Шахматов 1897: 172–209]. В ней указано, как в мосальских говорах распределяются звуки «*a* чистое» и «*á* — звук неполного образования, близкий к краткому *a* и к краткому *o*» после твёрдых согласных в первом предударном слоге: перед ударным [а] произносится *á* либо *ы*, перед прочими ударными гласными — только «*a* чистое». Кроме того, отмечается, что перед ударным [а] «под влиянием предшествующей губной», перед следующим [в], перед [л] выступает звук *у*. Он возможен также за слогом с *у* в словах типа *рукува́*, *дурукá*, *хрустуля́* и под. Перед другими ударными — только чистое *a* [Там же: 173–174]. «После смягчённых согласных» перед ударным [а] отмечается почти исключительно [и], лишь в редких случаях в этой позиции бывает [е] «открытое, широкое». Перед ударными гласными, помимо [а], результаты различны. А. А. Шахматов выделяет позиции перед твёрдыми (здесь произносится [а] или — реже — [е] «открытое») и мягкими согласными. Во втором случае единообразия нет: перед ударным [и] произносится [а] и — реже — [е] «открытое», перед ударным [е] любого происхождения и перед [’о] произносится [и] и — реже — [е] «закрытое» [Там же: 175–177]. Иными словами, А. А. Шахматов обнаружил в мосальских говорах тип яканья, который впоследствии был назван суджанским.

Его исследование имеет очень большое значение для русской диалектологии, поскольку именно в нём на материале ельнинских и мосальских говоров впервые были описаны типы аканья и яканья, предполагающие зависимость гласного первого предударного слога от гласного ударного слога, в дальнейшем обнаруженные и в ряде других говоров.

1.2. Вокализм мосальских говоров по данным О. Брока

Самым масштабным описанием мосальских говоров, безусловно, следует признать работу норвежского слависта Олафа Брока «Говоры к западу от Мосальска» [Брок 1916]. В ней рассматриваются фонетические и грамматические особенности нескольких мосальских говоров, но основное внимание уделено фонетике.

Системы предударных гласных говоров представлены двумя разновидностями.

Первая наблюдается в говоре с. Ивонино: после твёрдых согласных в первом предударном слоге перед ударным [а] произносится [ъ], перед прочими ударными гласными — [а]. Отмечено и «множество исключе-

ний», в которых перед ударным [а] произносится то [ъ], то [а]: трѣва́ и трава́, кѣн'а́ и кан'а́, нау́а, вада́, тавар́, давай́². При этом обратных примеров, с [ъ] перед другими ударными гласными, нет. Из этого следует, что переход ь > а осуществляется, скорее всего, под влиянием московского произношения [Там же: 27–28]. После мягких согласных перед ударным [а] произносится предударный [и], о качестве которого О. Брок пишет: «Судя по моему материалу, такое *i* не различается в предударном слоге количественно от старого *i*, т. е. оно в этом отношении как будто присоединилось к ряду обыкновенных гласных, с одним из которых оно, как мы видим, совпало качественно» [Там же: 28]. Перед другими ударными гласными обычно произносится предударный [а]. Имеются примеры, демонстрирующие отступления от описанной системы: это случаи с [и] или иными гласными переднего образования на месте ожидаемого [а] (т. е. не перед ударным [а]), они объясняются влиянием извне, скорее всего, влиянием московского произношения. Кроме того, приводятся примеры произношения [е], а не [а]: кл'ен'и́, йед'и́м, р'ек'и́, п'ис'м'ецо́, пл'ету́, д'ер'евн'а, пл'ет'и́, бр'ед'и́ и другие формы глаголов в положении перед мягким согласным. О. Брок пишет, что такое [е] наблюдается как будто не в отдельных случаях, а в категориях: перед [е] в глагольных формах — н'ес'эш (но н'асу́), м'ет'эш (м'ату́), хотя и не всегда; встречаются также случаи произношения [и] перед [е] в глаголах на *-ть*: зв'ин'эт', т'ирп'эт', үр'им'эт', в'ирт'эт', л'ит'эт', в'ил'эт', үл'ид'эт' (при этом те же слова в инфинитивах или в форме прошедшего времени иногда произносятся с предударным [а]) [Там же: 29]. Таким образом, в Ивонине во времена О. Брока была представлена (не в чистом виде, а с исключениями) система вокализма, которую позднее назовут жиздринским типом диссимилятивного аканья и яканья.

Вторая разновидность отмечена в говорах нескольких населённых пунктов: сс. Кобылье-Спасское и Котово, в окрестностях Силькович (Студенове и других неназванных пунктах), в Спас-Деменске, Теплове, Шелохах и Сельце. Система предударных гласных после твёрдых согласных в целом та же, что и в Ивонине, однако в этих местах зафиксировано так называемое «новое оканье», т. е. лабиализованные гласные на месте [ъ] в безударных слогах: «После велярных, и ещё отчётливее после губных согласных (особенно, конечно, если нет мягкого звука после ь), оно склоняется к более задней артикуляции. (...) Такие задние оттенки ь, по артикуляции языка уже принадлежащие или близкие к области образования о, получают в Кобылье добавочную артикуляцию в широком объёме: округление губ. (...) Результатом является то переходный звук между ь и о (который оставляю при знаке ь), то полное о, совпадающее с этимологическим о и потому, конечно, передаваемое этим же знаком. На таком основа-

² Мы используем кириллическую транскрипцию, хотя в работе О. Брока — латинская.

нии развилось нового рода “оканье³» [Там же: 52–53]. После мягких согласных здесь, в отличие от ивонинского говора, предупредный [и]⁴ перед ударным [е] любого происхождения (а также перед [’о]) — не отклонения, а правило. Приведём некоторые примеры из говора Кобыля-Спасского: перед ударным гласным [е]: р’ив’эт’, з’ил’эзь (‘железо’), д’ир’эвн’а, н’ис’эш, н’ис’эт’, пл’ит’эш, гн’ит’эш, с’ик’эш, зьпр’иу’эш, п’ийэш, п’ийэт’ (при п’ейу, п’ейут’), б’ир’эш⁵, ст’ир’эш’, пл’им’эн’н’ик’и, б’ис’эда, т’ил’эуь, л’ип’эшкa, б’ир’эм’а, л’икс’эй, св’иш’ш’эн’н’ик, пл’ич’эй, с’ил’э, тр’ит’эй, в’ир’иб’эй, ув’изд’э, см’ил’эйа, ич’м’эн’, үр’им’эл, үл’ид’эл, в’ил’эл, л’ит’эт’, зв’ин’эл; перед ударным [’о]: р’иб’оньк, в’ир’овкь, б’ир’озь, б’ир’ом, м’ишш’оцк, в’ид’ор, ч’ир’овь [Там же: 56] (далее в книге аналогичные примеры приводятся и из говоров других указанных пунктов). Таким образом, в этих пунктах О. Брок наблюдал тип предупредного вокализма после мягких согласных, который впоследствии был назван суджанским яканьем.

Современной диалектологии хорошо известно, что диссимилиация предупредных гласных по отношению к ударным выражается в их расподоблении не только по тембральным, но и по количественным параметрам. Впервые на эту количественную зависимость обратил внимание О. Брок именно в этой работе о мосальских говорах, усматривая причину зависимости в собственной длительности гласных: «В слоге непосредственно перед ударяемым ъ выговаривается кратко, между тем как а удлиняется. Говорят “sǎ́há”, но “sǎ́xǔ”. (...) Мена sǎ́há : saxú, s’istrá : s’astrú, по-видимому, связана сначала с отношениями долготы в ударяемом и предшествующих слогах. (...) Ударяемому а правильно предшествует ъ, т. е. краткость, ударяемым же і, u, y, т. е. гласным высокого образования, так же правильно предшествует а, т. е. долгота. (...) Речь идёт о количестве “натурой”; а было натурой “долгим”, і и пр. натурой “краткими” гласными» [Там же: 57–59].

Эти наблюдения позволили О. Броку выдвинуть гипотезу о механизме возникновения (диссимилиативного) аканья (и яканья) в русских говорах: «Вторым слогом слова по “весу” нужно (...) считать слог непосредственно перед ударяемым. В нём гласные высокие, і, u, y, сохранились. (...) Гласные же со средним или низким положением языка распались на две группы, в зависимости от положения после твёрдого или мягкого согласного. Нужно предположить, что разные гласные внутри каждой из этих групп

³ Разумеется, это явление может быть названо оканьем только условно. Это не различие гласных /а/ и /о/ в безударных слогах, а произношение огубленных гласных в соответствующем консонантном окружении в качестве аллофонов обеих этих фонем.

⁴ О. Брок использует разные знаки для обозначения гласных, отличных от [а]: [і], [ε], [ê], мы упрощённо приводим все эти примеры со знаком [и].

⁵ В этом и следующем примерах отражается распространённая и в наши дни черта мосальских говоров — утрата смычки у аффрикаты [ч’], т. е. произношение на её месте мягкого щелевого согласного [ш’].

все сливались в своё время в предударном слоге в одну и ту же редуцированную гласную артикуляцию, после твёрдого согласного в задний, а после мягкого согласного в передний “иррациональный” оттенок — т. е. в какие-то “ь” и “ь”, представлявшие относительные гласные положения безразличности. Первоначальная разница между гласными внутри этих групп (а, о — 'е, 'ѣ, 'а, 'о) таким образом исчезла совсем; зато развилась новая разница внутри каждой группы, но уже в зависимости от гласного следующего, ударяемого слога; судя по нынешнему состоянию — в зависимости от *качества* этого гласного, а по моим соображениям скорее — в зависимости от *количества* его. (...) Выросшее таким образом новое начало для вокализма предударного слога отчасти затемняется перекрещивающимися явлениями; главные линии однако ясны: перед *á* предударный слог удержал иррациональные гласные, отражающиеся в нынешнем языке как ь после твёрдого, *i* (ε) после мягкого согласного (у после *š, ž*); перед прочими же гласными иррациональные гласные переменялись; из заднего выросло а, из переднего также гласный более или менее широкого образования, стремившийся дойти, и в типическом развитии действительно дошедш(ий) до а» [Там же: 26]. Эта гипотеза, однако, ни самим О. Броком, ни другими диалектологами на протяжении почти всего XX в. детально не была разработана. Её подробное обоснование было предпринято только в начале XXI в. С. В. Князевым, см. [Князев 2000; 2001; 2003; Князев, Шаульский 2007].

1.3. Мосальские говоры в работах Н. Н. Дурново

В статье [Дурново 1903] обобщены довольно обширные материалы, которые к тому времени были собраны почти во всех уездах Калужской губернии разными собирателями. Мосальский уезд представлен материалами А. А. Шахматова и О. Брока. Н. Н. Дурново сообщает здесь, что аканье, «при котором гласная ударяемого слога (даже после твёрдой согласной) диссимилируется с гласной следующего слога», он называет западным (диссимилятивным) [Там же: 6, сноска 1; 15]. К говорам с таким типом аканья относятся и мосальские (группы 11 и 12 по классификации калужских говоров Н. Н. Дурново). Кроме диссимилятивного аканья, из черт вокализма для них характерно «*оканье*⁶, т. е. произношение редуцированной ударяемой гласной (перед слогом с ударяемым “а” и перед ударяемым слогом), как “о” (совá, водá, тровá, кобáк, норубíть при вадú, борадú, боранú)» [Там же: 17].

В работах [Дурново 1917а; 1917б], которые имеют чрезвычайно важное значение для русской диалектологии и диалектной фонетики, впервые были классифицированы и названы все основные типы аканья и яканья. Н. Н. Дурново использовал для этого как материалы собственных экспедиций в разные губернии, так и все имеющиеся опубликованные и рукописные данные. Именно в этих работах мы впервые находим термины «жизд-

⁶ Здесь термин «оканье» употребляется в том же значении, что и у О. Брока.

ринское яканье», «суджанское яканье» и т. д. Мосальские говоры здесь упоминаются дважды. В разделе о сильном яканье приводится материал из с. Замоще (в 37 км к западу от Мосальска, сейчас не существует): большая часть примеров с разными ударными гласными содержит предударный [’а] (у Н. Н. Дурново он передан с помощью буквы *я*), но есть и исключения с предударным [и] перед ударными [а], [о], [е], [и]. Проанализировав исключения, Н. Н. Дурново приходит к выводу о сохранении следов диссимилятивного яканья жиздринского или суджанского типа [Дурново 1917а: 174–175]. В разделе об умеренно-диссимилятивном яканье приводятся примеры из с. Козловка (в 35 км к северу от Мосальска, сейчас д. Козловка Юхновского района Калужской области): звук [и] отмечен только перед мягкими согласными перед ударным [а], во всех прочих позициях — только предударный [’а] (*я*) [Там же: 199–200].

1.4. Вокализм Мосальских говоров по данным ДАРЯ

Как отмечалось выше, по программе ДАРЯ было обследовано четыре населённых пункта Мосальского района — деревни Грачёвка, Выгорь (сейчас не существует), Фурсово и Устоша. По этим данным во всех четырёх пунктах зафиксировано диссимилятивное аканье жиздринского типа с [ъ], [ы], а также огубленными *у-* и *о-*образными звуками⁷ в качестве аллофонов фонем неверхнего подъёма перед ударным [а], но наложение штриховки на заливку на карте указывает на то, что перед ударным [а] возможны также предударные *а-*образные звуки. В деревне Устоша отмечено совмещение⁸ диссимилятивного суджанского, диссимилятивного жиздринского и умеренно-диссимилятивного кидусовского типов яканья. В де-

⁷ Наличие огубленных звуков на месте [ъ], которые отмечают все исследователи говоров с диссимилятивными типами аканья, приводило некоторых диалектологов к мысли о том, что в этих говорах сохраняются следы оканья, т. е. различения фонем /а/ и /о/ в безударных слогах, см. [Запрягаева 1998: 27–37; Касаткин 2010: 87–88]. Однако, поскольку все такие примеры, за единичными исключениями (в том числе и примеры в указанных работах), характеризуются тем, что предударный гласный находится в соседстве с губными, заднеязычными согласными или [л], нам представляется, что речь здесь должна идти не об остатках оканья, а о коартикуляции, известной не только говорам, но и русскому литературному языку [Брок 1916: 17, 20–22, 51–53; Аванесов 1949: 69–70; Кодзасов, Кривнова 2001: 67–71]. Кроме того, такие предударные возможны и на месте /а/: [мь^ома́ша], [пъ^оха́т’] и т. п.

⁸ Совмещение здесь означает сосуществование в говоре двух или трёх типов яканья, выражающееся в свободном варьировании звуков [а] и [и] в определённых позициях. На карте 8 ДАРЯ такое совмещение обозначается либо сочетанием заливок (например жёлтой — жиздринское яканье и синей — суджанское яканье:) , либо наложением штриховки на заливку или сочетание заливок (например наложение штриховки, обозначающей кидусовское умеренно-диссимилятивное яканье, на сочетание заливок, обозначающих жиздринское и суджанское яканье:) [ДАРЯ Спр. 1986: 100–103], см. также фрагмент карты 8 в разделе 1.6 ниже.

ревнях Выгорь и Фурсово после мягких согласных — совмещение диссимилятивного яканья суджанского и жиздринского типов, в д. Грачёвка — жиздринский тип [ДАРЯ 1986: карты 1, 2, 3, 8; Марченко и др.]. Любопытно, что ни в одном из этих пунктов не зафиксировано мосальское яканье — ни в чистом виде, ни совмещённое с каким-либо другим типом.

1.5. Вокализм мосальских говоров по данным А. М. Красовицкого

В экспедиции 1996 г. А. М. Красовицкий сделал записи в д. Сельцо-Кольцово в 5 км к северо-западу от Мосальска и в с. Ивонино, которое примыкало непосредственно к Мосальску на западе, а сейчас целиком вошло в его состав. Небольшой фрагмент одной из записей он расшифровал для южнорусской хрестоматии [Русские народные говоры 1999: 57–60]. В комментарии к тексту вокализм первого предударного слога охарактеризован как диссимилятивное аканье и яканье жиздринского типа.

Этот же материал стал основой статьи [Красовицкий 1999], где доказывается необходимость рассматривать характеристики предударных гласных (тембр, длительность, интенсивность) с учётом фразовой позиции. Автор, в частности, пришёл к выводу, что начальный слог словоформы-акцентоносителя (первый предударный или второй предударный; именно такие слова анализировались в работе) всегда, независимо от того, какой именно гласный ([a] или не-а) составляет вершину этого слога, получает значительное усиление. Оно выражается (помимо, видимо, высокой частоты основного тона⁹, о которой не говорится) в увеличении длительности и интенсивности гласного. Тембровые же характеристики под влиянием фразовой просодии меняются в меньшей степени, поэтому автор склонен присоединиться к учёным, считающим, что в основе диссимиляции предударных гласных лежит именно расподобление по тембру (качеству), а не по интенсивности и длительности (количеству), см. [Сталькова 1971: 47; Строганова 1977: 92]¹⁰.

И наконец, эти же материалы были использованы Л. Л. Касаткиным в [Касаткин 1999: 434–448]. Подробное описание системы предударных гласных, основанное на аудитивном анализе, включает характеристику гласных первого предударного слога после твёрдых и после мягких согласных и строится на сравнении с описанием О. Брока.

⁹ О том, что интонация мосальских говоров характеризуется высоким тоном на предударных слогах, писал ещё О. Брок: «...если ударение лежит не на первом слоге, — типичная форма интонации такая, что слог *перед* ударяемым имеет высокий тон, между тем как ударяемый слог выговаривается на значительный интервал ниже» [Брок 1916: 7–8]. О похожем в интонационном отношении говоре с. Роговатое см. [Князев 2024].

¹⁰ В [Бурова, Касаткин 1977: 67–68; Фомина 1985: 103–110], напротив, постулируется большая значимость количественных параметров (преимущественно длительности) гласных при диссимиляции.

Отмечается устойчивый характер диссимильативного аканья жиздринского типа с противопоставлением [ъ : а] в первом предударном слоге. При этом вместо [ъ] возможны звуки более высокого подъёма: [ъ] «закрытый», [ы]¹¹ «открытый», [ы] [Там же: 437]. Поскольку эти же звуки отмечены на месте [ы] в первом предударном слоге, сделан вывод о нейтрализации фонем /а, о/ и /и/ в первом предударном слоге после твёрдых согласных перед ударным [а].

Л. Л. Касаткиным описаны и огубленные гласные на месте [ъ] — гласный типа [о], реже — типа [у]. Таким образом, зафиксированное О. Броком «нового рода оканье» сохранялось и в конце XX в.

После мягких согласных отмечены те же системы, что и у О. Брока: жиздринский и суджанский типы диссимильативного яканья. Л. Л. Касаткин пишет о том, что у части информантов эти типы реализуются очень последовательно, исключений практически нет. Однако у других жиздринский тип разрушается под влиянием литературного языка: встречается много примеров произношения звуков [е] и [и] в тех позициях, где должен быть [а].

1.6. Мосальское яканье

Существует мосальский тип диссимильативного яканья, который предполагает произношение [а] перед ударными гласными верхнего подъёма и перед ударным [о] любого происхождения, включая [ʔо] из [е], и произношение [и] перед ударным [а] и перед ударным [е] любого происхождения [Русская диалектология 2005: 45]. Учитывая название этого типа, можно ожидать, что он встречается на территории распространения мосальских говоров (или на территории Мосальского района Калужской области). Однако ни из материалов многочисленных описаний мосальских говоров прежних лет (см. обзор выше), ни из материалов нашей экспедиции 2023 г. (см. результаты исследования ниже) никак не следует, что в этих говорах хоть однажды отмечен данный тип яканья. Более того, согласно карте 8 фонетического тома ДАРЯ, единственным населённым пунктом во всей Калужской области, где зафиксировано мосальское яканье (не в чистом виде, а в сочетании с суджанским яканьем, т. е. «[а] и [и] отмечены при ó из *е и *ь» [ДАРЯ Спр. 1986: 103]), является д. Асмолово Бярытинского (не Мосальского!) района. В чистом же виде этот тип отмечен только в двух пунктах ДАРЯ: д. Малая Будница Невельского района Великолукской (ныне Псковской) области и д. Самуси Велижского района Смоленской области (ныне не существует), т. е. примерно в 300 км от Мосальска и Мосальского района [ДАРЯ 1986: карта 8; Марченко и др.], см. фрагмент карты 8 ниже.

¹¹ В работе Л. Л. Касаткина используется латинская транскрипция, по всей видимости, для удобства сопоставления с работой О. Брока. Мы заменили её на кириллическую в целях единообразия оформления текста.

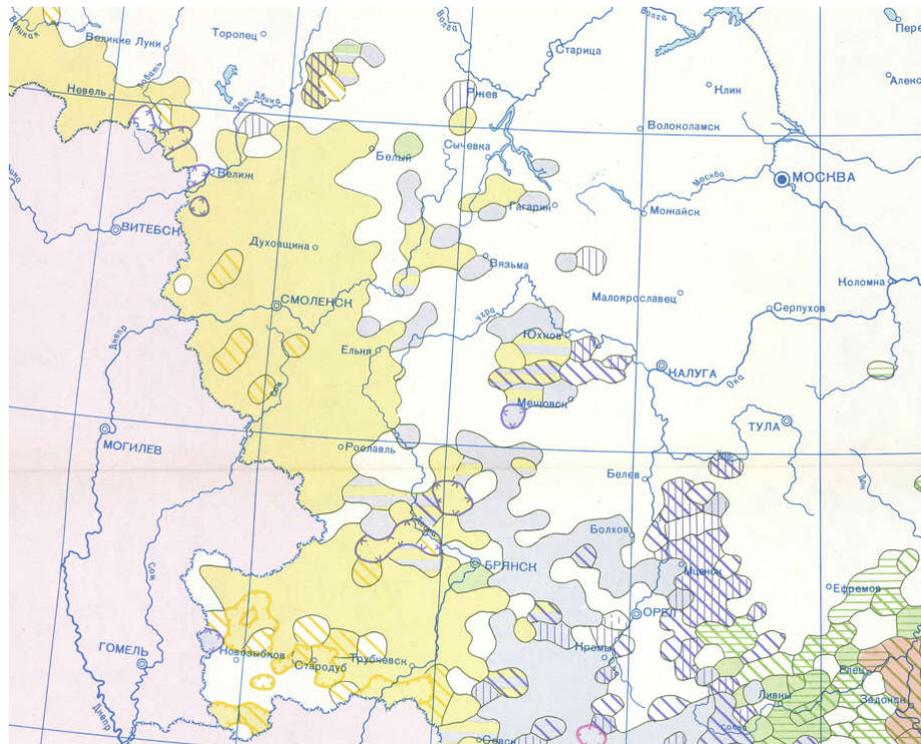
Появление термина «мосальское яканье», вероятно, относится ко времени сбора материала в русских говорах и подготовки фонетических карт ДАРЯ (начало 1960-х гг.), поскольку ни в работах Н. Н. Дурново [1917а; 1917б], где впервые охарактеризованы и классифицированы основные типы диссимилятивного яканья, ни в книге Р. И. Аванесова [1949: 80–87], где классификация Н. Н. Дурново дополнена, об этом типе никаких упоминаний нет. Первые свидетельства о нём находим в учебнике «Русская диалектология» [1964: 51], в диссертации [Захарова 1970: 327] и в статье [Аванесов 1972: 77]. Но кто и почему назвал его мосальским, в этих работах не сказано¹². В учебниках русской диалектологии мосальское яканье представлено по-разному: в одних даётся характеристика этого типа [Русская диалектология 1973: 56], иногда с указанием, что его «редко отмечают в русских говорах — лишь в Невельском и Усвятском р-нах Великолукской области» [Русская диалектология 1964: 51], в других говорится, что «мосальский тип впервые отмечен в Мосальском районе Калужской области» [Русская диалектология 2005: 45] (такое же указание обнаруживаем в школьном атласе «Язык русской деревни», см. [Язык... 1994: 83]), в третьих о нём вовсе нет никаких упоминаний [Русская диалектология 1972: 104–106; 2006: 80–82; Пожарицкая 2005: 60–65].

Открыла этот тип яканья в окрестностях Витебска белорусская исследовательница Н. Т. Войтович во время подготовки Диалектологического атласа белорусского языка, она назвала его витебским¹³ ([ДАБМ 1963: карта 4; Войтович 1966: 16–17; Вайтовіч 1968], см. также [Аванесов 1972: 77, сноска 2; 1974: 152, сноска 2]). На территории распространения белорусских говоров витебское яканье довольно широко представлено на севере и северо-востоке [ДАБМ 1963: карта 4].

Поскольку наличие этого типа яканья в мосальских говорах ничем не подтверждается, представляется целесообразным не называть его мосальским. Вместо этого можно употреблять принятый в белорусской диалектологии термин Н. Т. Войтович «витебское яканье».

¹² В поисках информации о происхождении названия мосальского яканья (которые, к сожалению, ни к чему не привели) мы обращались ко многим диалектологам. С. В. Князеву принадлежит предположение, что мосальское яканье могло быть обнаружено не в г. Мосальске или Мосальском районе, а в какой-нибудь деревне или селе с таким (или подобным) названием и поэтому названо мосальским. Мы выяснили, что на территории Беларуси есть д. Масальщина Могилёвского района Могилёвской области, а на территории России таких пунктов пять: деревня Мосальское Щёлковского района Московской области, деревня Масальское Торопецкого района Тверской области (нежил.), деревня Масальская Орловского района Орловской области, село Мосальское Каширского района Воронежской области и село Масальское Угличского района Ярославской области. Однако все эти населённые пункты расположены довольно далеко от тех мест, где когда-либо отмечался данный тип яканья, и едва ли могли послужить источником для появления этого названия.

¹³ Н. Т. Войтович — автор фонетических карт 1–24 Атласа.

У С Л О В Н Ы Е О Б О З Н А Ч Е Н И Я

ТИПЫ ДИССИМИЛЯТИВНОГО ЗНАНИЯ

	язанский		цигровский
	обонский		судманский
	обонско-цигровский		мосальский
	динтровский		ниддринский
			ниддринский с гласным [а] перед [д]

ТИПЫ КОССИМИЛЯТИВНО-ДИССИМИЛЯТИВНОГО

	новосёлковский
	ореховский
	ниддровский
	кузнецовский

ТИПЫ УМЕРЕННО-ДИССИМИЛЯТИВНОГО

	новосёлковский
	ниддровский
	ниддринский

2. Вокализм мосальских говоров по данным экспедиции 2023 г.

Несмотря на то, что мосальские говоры исследовались очень подробно в течение почти всего XX в., детальный инструментальный анализ системы предупредного вокализма этих говоров до сих пор не был произведён. Этому по большей части посвящён данный раздел нашей работы. Кроме того, мы сравниваем полученные нами результаты с результатами предшественников.

2.1. Описание материала и методики его обработки

Исследование основывается на анализе четырёх аудиозаписей следующих информантов (шифр представляет собой инициалы и год рождения):

ШАВ1939 — д. Берно, род. в д. Васильевское в 3 км от Берна, в д. Берно вышла замуж, больше нигде не переезжала, обр. 10 кл., запись 3 часа 7 минут;

МВИ1942 — д. Берно (живёт всю жизнь), обр. 7 кл., запись 1 час 40 минут;

МАК1937 — г. Мосальск, род. в д. Зубово в 33 км от Мосальска, переехала в Мосальск после окончания школы, обр. средне-специальное (окончила техникум по направлению «Товароведение»), запись 47 минут;

САН1978 — г. Мосальск, род. в д. Быстрое в 16 км от Мосальска, в школе учился в с. Боровенск (в 3 км от Быстрого), переехал в Мосальск в 2020 г., обр. 8 кл., запись 1,5 часа.

Все аудиозаписи прослушаны в программе PRAAT, из них извлечены примеры, содержащие гласные неверхнего подъёма в первом предударном слоге. При этом из записей МАК1937, МВИ1942, САН1978 взяты все встретившиеся примеры, а из записи ШАВ1939 (самой большой) — приблизительно по 30 примеров на каждую из описанных ниже 18 позиций. Всего рассмотрено 457 словоформ (255 — аканье, 202 — яканье) информанта МАК1937, 504 словоформы (254 — аканье, 250 — яканье) — МВИ1942, 449 словоформ (251 — аканье, 198 — яканье) — САН1978, 507 словоформ (255 — аканье, 252 — яканье) — ШАВ1939. Общее количество рассмотренных словоформ — 1917.

Исследование проводилось в два этапа: на первом весь отобранный материал был проанализирован аудитивным способом (на слух), на втором — в отобранных словах¹⁴ измерена длительность предударного и ударного гласных и значение первой форманты (F_1)¹⁵ предударных гласных, соответствующей их подъёму, примерно на средней трети гласного, что обычно соответствует его стационарному участку. После этого были вычислены значения относительной длительности¹⁶ предударных гласных по отношению к ударным, а также средние значения всех рассматриваемых параметров.

В мосальских говорах различия двух фонем типа *О* и двух фонем типа *Е* не было ни во времена О. Брока (см. [Брок 1916: 3–6, 50]), ни тем бо-

¹⁴ Они разбиты для каждого информанта на 18 групп в зависимости от: 1) твёрдости/мягкости согласного перед первым предударным гласным, 2) твёрдости/мягкости согласного между предударным и ударным гласными, 3) этимологии ударного гласного.

¹⁵ Значения второй форманты (F_2), соответствующей ряду гласного, не были рассмотрены ввиду того, что на эти значения в большой степени влияет консонантный контекст.

¹⁶ Значения относительной длительности предударных гласных по отношению к ударным, перед которыми они находятся, мы приводим в соответствии с традицией, сложившейся при описании фонетики говоров с диссимилятивными типами вокализма.

лее в последующие годы, нет его и сейчас, т. е. состав гласных фонем предполагает 5 единиц. В современных говорах вокруг Мосальска различие подтверждается не только аудитивно, но и инструментальным исследованием качества ударных гласных [e] и [o], имеющих разное происхождение (средние значения F_1 ударного [e] любого происхождения — 523 Гц, средние значения F_1 ударного [o] любого происхождения — 552 Гц), подробные результаты которого мы здесь не приводим. Соответствующие примеры с ударными гласными среднего подъёма мы разделили исключительно по этимологическому принципу¹⁷.

При анализе позиции предударных гласных после твёрдых согласных учитывалось, что и предлоги (*на, по, под, за* и т. п.), и приставки охвачены системой диссимилятивного аканья, поэтому примеры с предлогами и приставками, содержащими первый предударный слог, рассматриваются в числе прочих. При этом предлоги типа *без, перед* и отрицательная частица *не* в систему яканья в мосальских говорах не включены¹⁸: в случае если они содержат первый предударный слог (*без ног, перед зимними* и т. п.), в нём всегда произносится *и*-образный звук. Из рассматриваемого материала такие примеры изъяты. Приставки (*без-, пред-, пре-, пере-, не-* и др.), напротив, произносятся в соответствии с правилами яканья, такие примеры в нашей работе анализируются вместе с прочими.

Далее в каждом разделе сначала приводятся результаты слухового анализа, они сопоставляются с результатами, полученными учёными ранее, затем — результаты инструментального анализа. При этом мы делим наших информантов на две группы: условно «старшие» (МВИ1942 и ШАВ1939), которые всю жизнь прожили в деревне и в речи которых наиболее последовательно сохраняется яканье, и условно «младшие» (МАК1937 и САН1978), которые в молодости переехали из деревень в Мосальск и в речи которых яканье представлено только в виде остаточных явлений. Как видно, напрямую это деление не коррелирует с возрастом: МАК1937 старше обеих «старших» информанток, но отнесена к группе «младших».

¹⁷ Разделение анализируемого материала в зависимости от этимологии ударного гласного было произведено с целью выяснить, есть ли какие-то различия между предударными гласными перед ударными гласными среднего подъёма разного происхождения (перед [o] из **o* и [o] из **o* и **ь*, перед [e] из **ь* и [e] из **e* и **ь* соответственно). Как видно по результатам, некоторые различия сохраняются, в частности различия по длительности предударных гласных, см., например, Таблицы 1 и 3 ниже. Поэтому мы полагаем, что данное разделение оправдало себя.

¹⁸ Это наблюдается не во всех говорах с диссимилятивными типами яканья. Например, в типологически близких мосальским смоленских говорах предлоги *без* и *под* и частица *не*, оказываясь в позиции первого предударного слога, оформляются по правилам соответствующего (жиздринского) типа яканья. С другой стороны, есть говоры, в которых в систему яканья не включены не только предлоги и отрицательная частица, но и приставки. К таковым относится, например, чухломский говор костромского акающего острова [Бурова, Касаткин 1977: 72].

2.2. Система вокализма после твёрдых согласных (аканье)

2.2.1. На этапе аудитивного анализа система вокализма после твёрдых согласных была определена как диссимилятивное аканье жиздринского типа у всех четырёх информантов. В позиции первого предударного слога после твёрдого согласного фонемы /o/ и /a/ нейтрализуются в звуках [а], [ъ], [о] или [ы] в зависимости от качества ударного гласного и фонетического окружения.

Перед [á] наблюдается краткий гласный типа [ъ] или [ы], после губных согласных может звучать [о]. При этом [ы] обычно отмечается перед мягким согласным. Перед остальными ударными гласными в первом предударном слоге — гласный [а]. Перцептивно этот предударный [а] воспринимается как широкий и долгий, приблизительно равный ударному гласному.

Примеры перед [á]: [скъзáль], [пъръс'áт], [постáв'ъл'ъ]. [выл'áв'ць] МВИ1942; [скъзáл], [въинá], [хъз'áиствъ], [снъч'áль], [мъсáл'скъ], [у мо-сáл'ск'ъ], [пол'á], [брыг'já] ШАВ1939; [дъ пьтъл'кá], [тáнцплъш'áткъ], [дъвáл'ъ], [уыдá], [ныч'áл'н'ъкъм], [моуlá], [ууовáр'ъвъл'ъ], [плъховáтъ] МАК1937; [събáкъ], [тръвá], [уъвър'áт], [нъпр'áс'т'], [п'ър'въз'ъмовáт'], [болтáц'ъ], [хыз'áиствъ] САН1978.

Примеры перед гласными верхнего и среднего подъёмов: [уразú], [пасыпк'°], [пъувар'ím], [мазурк'ъ], [пр'ъкажы], [крап'ывъ], [карóвъ], [уармóшк'ъ], [пастрóбл'ъ], [платóч'ък], [сас'эд'ъ], [кал'эк'ъ], [мълад'ец], [пърáс'онк'ъ], [зайд'óш] МВИ1942; [ваинú], [капусть], [каз'бы], [скажы], [закрыльс'], [кас'ил'ъ], [рад'ил'ъ], [уалóфк'ъ], [рабóтъг'], [уадóч'къ], [такóи], [скар'еи], [зат'ель], [кан'эшнъ], [вар'эн'иъ], [ауан'ок], [атрас'т'ót] ШАВ1939; [пабыл'ъ], [хажú], [ваз'ил'ъ], [н'ъувар'ím], [вапрóсъ], [харóшги], [пашóл], [картóшк'°], [сас'эт], [пав'ес'ель], [пъмáл'эн'къ°], [кат'онъч'къ], [пъпад'óш] МАК1937; [въ-фтары́х], [тады́шн'ъ], [вару́тъ], [ф какú°], [сал'ил'ъ], [пасл'й], [бал'шóъ], [нарóдь°], [маркóфкъ], [картóшк'ъ], [мньуáл'этн'ьи], [сал'эн'иъ], [уаз'этъ], [тръ°дајóмкъ], [нъ скат'орк'°] САН1978.

Аналогичное распределение гласных находим в тех случаях, когда предударный гласный оказывается в составе предлога или приставки: [пращы́л], [памóбм], [пáјэд'ъм], [за н'еи], [паид'óш], но [пъстáв'ъл'ъ] МВИ1942.

Таким образом, в наши дни наблюдается тот же тип предударного вокализма после твёрдых согласных, который был описан А. А. Шахматовым и О. Броком на рубеже XIX–XX вв., а затем А. М. Красовицким и Л. Л. Касаткиным на рубеже XX–XXI вв. Однако случаев произношения *a*-образных звуков перед ударным [а], которые отмечались О. Броком, а также авторами мосальских материалов для ДАРЯ, мы не встретили вовсе, причём ни у «старших» информантов, ни у «младших».

2.2.2. Результаты инструментального анализа вокализма «старших» информантов (среднеарифметические значения длительности гласных первого предударного и ударного слогов, F₁ гласных первого предударного слога, а также относительная длительность первого предударного гласного по отношению к ударному) представлены в Таблицах 1–4.

ШАВ1939

Таблица 1

Средние значения длительности (в мс) и F_1 (в Гц) предударного гласного после твёрдых согласных перед твёрдыми, средние значения длительности ударного гласного (в мс) и относительная длительность предударного гласного (в % от длительности ударного)

П/у гласный	Дл-ть п/у гласного	F_1 п/у гласного	Уд. гласный	Дл-ть уд. гласного	ОД п/у гласного
а	103	696	ы у	91	115
а	108	685	ô	118	95
а	95	716	о	105	95
ь, о	65	536	а	115	59

Таблица 2

Средние значения длительности (в мс) и F_1 (в Гц) предударного гласного после твёрдых согласных перед мягкими, средние значения длительности ударного гласного (в мс) и относительная длительность предударного гласного (в % от длительности ударного)

П/у гласный	Дл-ть п/у гласного	F_1 п/у гласного	Уд. гласный	Дл-ть уд. гласного	ОД п/у гласного
а	98	652	и у	104	104
а	94	690	ê	109	88
а	96	662	е	116	88
а	96	663	’о	116	85
ь, о, ы	62	493	а	120	53

МВИ1942

Таблица 3

Средние значения длительности (в мс) и F_1 (в Гц) предударного гласного после твёрдых согласных перед твёрдыми, средние значения длительности ударного гласного (в мс) и относительная длительность предударного гласного (в % от длительности ударного)

П/у гласный	Дл-ть п/у гласного	F_1 п/у гласного	Уд. гласный	Дл-ть уд. гласного	ОД п/у гласного
а	98	828	ы у	101	99
а	93	829	ô	108	88
а	87	773	о	108	83
ь, о	63	607	а	122	53

Таблица 4

Средние значения длительности (в мс) и F_1 (в Гц) предударного гласного после твёрдых согласных перед мягкими, средние значения длительности ударного гласного (в мс) и относительная длительность предударного гласного (в % от длительности ударного)

П/у гласный	Дл-ть п/у гласного	F_1 п/у гласного	Уд. гласный	Дл-ть уд. гласного	ОД п/у гласного
а	99	840	и у	92	111
а	91	763	ê	106	89
а	92	815	е	112	84
а	86	761	'о	106	83
ь, о, ы	65	550	а	120	56

Результаты анализа речи «старших» информантов свидетельствуют о том, что предударный гласный перед [á] на 25–40 мс короче предударных гласных перед прочими ударными, а значения его F_1 на 150–300 Гц меньше. Более краткий и более централизованный предударный гласный перед [а], чем перед прочими ударными, вполне закономерен в системе жиздринского типа диссимилятивного аканья. Однако, помимо этого, у информантки МВИ1942 в большей степени, а у ШАВ1939 — в меньшей заметна ещё некоторая разница в длительности предударных гласных перед различными ударными ненижнего подъёма: во всех случаях, кроме [а] перед [ы, у] и [а] перед [ô] у ШАВ1939, предударный гласный тем длиннее, чем выше подъём ударного гласного, перед которым этот предударный находится. И хотя контраст по длительности между этими предударными гласными совсем небольшой (от 2 до 13 мс), возможно, в этом проявляются следы прежней системы долготных отношений между предударными и ударными гласными, наличие которой в этих говорах предполагал О. Брок (см. [Брок 1916: 57–59; Князев, Шаульский 2007: 214]). Тембровые характеристики предударных гласных перед ударными ненижнего подъёма различаются незначительно, в этих различиях никаких закономерностей установить не удаётся. Заметно, однако, что в целом все предударные гласные (включая предударные перед ударным [а]) у информантки МВИ1942 ниже, чем у информантки ШАВ1939.

Что касается значений длительности ударных гласных, то у обеих информанток короче других гласные верхнего подъёма. Остальные ударные гласные не выстраиваются в порядке повышения длительности с понижением подъёма, как можно было бы ожидать. Возможно, это связано с тем, что наш материал не был разделён с учётом фразовой позиции, все словоформы рассматривались вместе, а длительность ударных гласных может в значительной степени меняться под воздействием интонационных условий.

Можно предположить, что в прошлом в мосальских говорах гласные верхне-среднего и среднего подъёмов различались, в том числе по длительности (гласные, восходящие к **ω* и **ʔ* при этом представляли собой монофтонги более высокого подъёма и меньшей длительности, чем гласные, восходящие к **o* и **ʔ*), и косвенным признаком этого различия сейчас являются различия в длительности предударных гласных перед [o] из **ω* и [o] из **o* и **ʔ* (ср. строки 3 и 4 Таблиц 1 и 3, см. также строки 3 и 4 Таблицы 7 ниже).

Результаты инструментального анализа вокализма «младших» информантов (среднеарифметические значения длительности гласных первого предударного и ударного слогов, F₁ гласных первого предударного слога, а также относительная длительность первого предударного гласного по отношению к ударному) представлены в Таблицах 5–8.

МАК1937

Таблица 5

Средние значения длительности (в мс) и F₁ (в Гц) предударного гласного после твёрдых согласных перед твёрдыми, средние значения длительности ударного гласного (в мс) и относительная длительность предударного гласного (в % от длительности ударного)

П/у гласный	Дл-ть п/у гласного	F ₁ п/у гласного	Уд. гласный	Дл-ть уд. гласного	Од п/у гласного
а	120	662	ы у	139	93
а	111	659	ô	133	87
а	107	624	о	115	96
ь, о	93	545	а	154	65

Таблица 6

Средние значения длительности (в мс) и F₁ (в Гц) предударного гласного после твёрдых согласных перед мягкими, средние значения длительности ударного гласного (в мс) и относительная длительность предударного гласного (в % от длительности ударного)

П/у гласный	Дл-ть п/у гласного	F ₁ п/у гласного	Уд. гласный	Дл-ть уд. гласного	Од п/у гласного
а	107	622	и у	127	90
а	110	625	ê	138	89
а	143	645	е	140	75
а	101	611	'o	120	87
ь, о, ы	85	512	а	145	59

Данные, полученные из аудиозаписи МАК1937, отличаются повышенной длительностью всех гласных — и ударных, и предударных, что связано с медленным темпом речи информантки и некоторой склонностью растягивать слова. Поэтому здесь наблюдаются не все закономерности, выявленные в результате анализа данных «старших» информантов. Однако разница в длительности предударного гласного перед ударным [а] и гласного перед прочими ударными заметна и в некоторых случаях выражена даже сильнее, чем у «старших» информантов: она составляет от 14 до 85 мс. Кроме того, различие между предударными перед [а] и перед прочими ударными выражены качественно: разница в значениях F_1 составляет около 100 Гц. Этот контраст меньше, чем у «старших» информантов, тем не менее он значителен.

САН1978

Таблица 7

Средние значения длительности (в мс) и F_1 (в Гц) предударного гласного после твёрдых согласных перед твёрдыми, средние значения длительности ударного гласного (в мс) и относительная длительность предударного гласного (в % от длительности ударного)

П/у гласный	Дл-ть п/у гласного	F_1 п/у гласного	Уд. гласный	Дл-ть уд. гласного	ОД п/у гласного
а	87	545	ы у	100	96
а	82	559	ô	106	90
а	70	543	о	87	88
ь, о	58	458	а	131	50

Таблица 8

Средние значения длительности (в мс) и F_1 (в Гц) предударного гласного после твёрдых согласных перед мягкими, средние значения длительности ударного гласного (в мс) и относительная длительность предударного гласного (в % от длительности ударного)

П/у гласный	Дл-ть п/у гласного	F_1 п/у гласного	Уд. гласный	Дл-ть уд. гласного	ОД п/у гласного
а	88	567	и у	99	105
а	83	551	ê	102	118
а	77	538	е	99	84
а	76	555	'о	127	70
ь, ы	62	456	а	128	56

Длительность предударных гласных информанта САН1978, напротив, демонстрирует более низкие значения, чем у «старших» информантов. Однако все те закономерности, которые были отмечены для речи МВИ1942 и ШАВ1939, характерны и для его речи. Ярко выражен контраст между длительностью и качеством предударного гласного перед ударным [а] и предударного гласного перед ударными гласными ненижнего подъёма: разница в длительности составляет от 12 до 29 мс, в значениях F_1 — от 82 до 111 Гц. Менее выражена, но заметна и разница в длительности между предударным гласным перед ударными гласными верхнего подъёма и предударным гласным перед ударными гласными среднего подъёма, в чём могут проявляться следы старой системы количественных отношений между гласными первого предударного и ударного слогов.

Количественный анализ гласных и, в частности, результаты измерения длительности первого предударного гласного ([ъ] или [о]) перед ударным [а] — в среднем 62–65 мс у «старших» информантов и 58–62 мс у САН1978 — позволяют предполагать, что большое количество огубленных гласных на месте [ъ] перед ударным [а], которые отмечались в мосальских говорах всеми исследователями (в том числе нами), связано с тем, что предударный гласный перед [а] здесь (как, видимо, и во всех говорах северной зоны диссимилятивного аканья: смоленских, брянских и т. п.) вообще очень краткий. Поэтому он подвержен влиянию соседних согласных в большей степени, чем в распространённых южнее говорах с диссимилятивными типами аканья, где предударный [ъ] более долгий (хотя, разумеется, существенно короче гласного [а], с которым он находится в дополнительном распределении). Например, в говоре с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области с архаическим типом диссимилятивного аканья средняя длительность предударного [ъ] перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов колеблется в пределах 70–79 мс [Дьяченко 2015: 263–264]. Данные о длительности гласных у информантки МАК1937 мы здесь не учитываем из-за специфики её манеры говорить.

2.3. Система вокализма после мягких согласных (яканье)

2.3.1. На этапе аудитивного анализа система предударного вокализма после мягких согласных у «старших» информантов определяется как суджанское яканье: в первом предударном слоге перед твёрдым последующим согласным фонемы неверхнего подъёма совпадают в звуке [и] только перед ударным [а], перед прочими ударными они совпадают в звуке [а]; перед мягким последующим согласным они совпадают в звуке [а] исключительно перед ударными гласными верхнего подъёма [и], [у], а перед всеми ударными среднего и нижнего подъёмов — в звуке [и], см. [Русская диалектология 1964: 50]. Более последовательно этот тип представлен у ШАВ1939, а у МВИ1942 наблюдается ряд отклонений в виде предударного [и] в тех позициях, где в соответствии с суджанским типом ожидается [а]. Эти от-

клонения могут быть объяснены влиянием литературного языка, на котором говорят дочери и внуки МВИ1942, живущие в крупных городах, но часто приезжающие к ней в гости. Все они «приучают» мать и бабушку использовать литературный русский язык, а не говор. Подобных обстоятельств нет у ШАВ1939; вероятно, поэтому её яканье более последовательно.

Перед ударными гласными верхнего подъёма фонемы /o/, /a/, /e/ практически во всех случаях реализуются как гласный [a] у обеих информанток, единичные исключения в виде [и] встречаются у МВИ1942, они характеризуются позицией перед мягким согласным или сочетанием согласных: [п'ьн'асу́]¹⁹, [п'ьр'акр'йт'], [з'ьт'ан'и́] ШАВ1939; [с'астры́], [п'ьс'т'ал'у́], [б'ар'ит'ь]; [д'ьв'ит'и́], [т'ипл'и́ць] МВИ1942. Перед ударным гласным [o] разного происхождения без исключений наблюдается предударный [a]: [с'астро́и], [п'ашко́м] ШАВ1939; [гн'аздо́], [п'асо́к] МВИ1942. Перед ударными [e] из *e, *ь и [o] встречается только предударный [и]: [п'ьм'ир'эт'], [л'ип'ош'ьк] ШАВ1939; [аб'ид'эн'и́ь], [в'из'о́м] МВИ1942. Вариативность звуков [и] и [a] была отмечена в позиции перед ударным [e] из *rь, однако преобладающим вариантом здесь является [и], что соответствует суджанскому типу: [н'ид'эл'ь^o], [т'ил'эшк'ь], [н'ьл'ит'эл'ь], [в'ьс'ил'эи], [у б'ирн'э] ШАВ1939; [п'ьл'ит'эл'] МВИ1942. Как видно, среди примеров с [и] встречаются разные категории слов: существительные с ударным гласным в корне, глаголы и наречия с ударными суффиксами, существительные в М. п. с ударной флексией. Случаи произношения предударного [a] перед [e] из *rь немногочисленны, их количество составляет приблизительно пятую часть от общего числа примеров на эту позицию, и все они представляют собой формы М. п. существительного «Берно» (название деревни, в которой проживают информантки) и Д. и М. пп. существительного «земля»: [у б'арн'э] ШАВ1939, [н'ь з'амл'э] МВИ1942 (при том что эти же формы возможны и с [и]; на прямой вопрос о том, как правильно нужно говорить на диалекте Берна: у *Бярне* или у *Бирне*, — наши информантки не смогли ответить). Удовлетворительного объяснения этой вариативности на данный момент мы не имеем. Считать, что в этом говоре раньше был щигровский тип яканья, который предполагает предударный [a] перед ударным [e] из *rь, а затем в эту позицию проник предударный [и] под влиянием литературного языка, нет оснований: ни в описаниях мосальских говоров, ни на карте 8 ДАРЯ нет никаких свидетельств о щигровском типе в окрестностях Мосальска. Кроме того, наши примеры с предударным [a] в данной позиции, как отмечалось выше, единичны на фоне примеров с [и] и встречаются у обеих информанток; всё это очень отличает вариативность в этой позиции от вариативности в речи МВИ1942 в других позициях, которую мы склонны объяснять влиянием литературного языка. Единичные случаи произношения звуков, отличных от [и], в позициях, где при суджанском типе ожида-

¹⁹ Здесь в качестве примеров мы приводим только небольшую часть проанализированных словоформ.

ется [и], отмечал и Л. Л. Касаткин, однако среди трёх примеров, которые он приводит, нет ни одного с ударным [е] из **ль*: [т'ал'о́нку], [ум'ерла́], [нъч'елас'ь], см. [Касаткин 1999: 444]. Перед ударным [а] в большей части примеров наших «старших» информантов отмечается предударный [и]: [в'идра́], [атм'ич'а́ль] ШАВ1939; [м'ида́ль], [т'ил'а́т'н'ькь^о] МВИ1942. Однако в речи МВИ1942 встретилось несколько примеров с предударным [е], все они в позиции перед твёрдыми согласными: [мъс'т'ера́], [ум'ерла́] (ср. примеры Л. Л. Касаткина выше).

В речи «младших» информантов яканье представлено лишь в виде остаточных явлений. В проанализированной нами записи МАК1937 было отмечено только два примера с гласным [а] в предударном слоге: [иаз'ы́к] и [нъ л'ьд'ано́и]. В позиции перед твёрдыми согласными фонемы неверхнего подъёма часто реализуются как [е] перед всеми ударными гласными, в частности перед [а] (хотя перед [а] таких примеров в шесть раз меньше, чем примеров с [и], тогда как перед прочими ударными их число составляет от трети до половины от общего количества примеров): [уб'еру́], [пъум'ерли́], [нъ л'ьд'ено́и], [д'ела́]. Примеры с предударным [и] перед твёрдыми согласными и разными ударными гласными: [цв'иты́], [с с'истро́и], [с'т'икло́м], [д'ила́], [пр'ьб'ьр'иула́]. Перед мягкими согласными у МАК1937 наблюдается только гласный [и], независимо от гласного под ударением: [п'ьр'ьс'ик'йт'ь], [вдъл'ик'е́], [зъл'ид'ён'иь], [атвл'ич'о́ць], [пъс'ир'о́тк'ь], [уч'ьт'ил'а́], [т'ир'а́т'ь].

В записи САН1978 удалось найти следующие случаи произношения [а] в первом предударном слоге после мягкого согласного, все примеры характеризуются позицией перед твёрдым согласным и ударным гласным [о]: [мъс'т'аро́у], [нъ л'ьд'ано́и], [п'ьр'анос'ьць], [д'ьв'аносты́и], где [о] происходит из **ω*; [пъиасо́к], где [о] из **ь*. Остальные примеры свидетельствуют о том, что перед ударным [о] первый предударный чаще реализуется как [е], чем как [и]: [дъл'екó], [д'ьв'еност'ь], [пън'есло́], [в'ьр'ьт'енó]; [и] также встречается, но в подавляющем большинстве примеров он отмечен в приставке *не-*: [н'ирóвнъь], [н'имно́гъ]. Перед другими ударными гласными фонемы неверхнего подъёма в виде *e*-образного предударного реализуются реже, чем в виде *и*-образного. Чаще [е] наблюдается перед твёрдыми согласными, но возможен и перед мягкими или перед сочетанием согласных, последний из которых мягкий, причём встречается и перед ударными [е] и [а]: [с'естры́], [пр'еду́] (от *пръсть*), [н'есл'и́], [аб'иес'н'и́л], [стр'емл'ён'ьь], [п'ьр'ејэхьт'ь], [иеш'о́], [в'ьч'ера́], [д'ела́], [н'ел'з'а́]. Таким образом, нельзя считать, что изменение суджанского типа яканья происходит только путём замены предударного [а] предударным [е]. При отходе от этого типа яканья предударный [е] начинает проникать не только в позиции, свойственные [а], но и в те, где ожидается [и]. В большинстве случаев перед прочими ударными гласными, как уже отмечалось, у этого информанта на месте гласных фонем неверхнего подъёма в первом предударном слоге фиксируется *и*-образный звук независимо от следующего согласного и ка-

чества ударного гласного: [св'иты́ь], [р'ишы́л], [в'ижу́] (от *вязать*), [в л'ису́], [з'ьмл'ин'ы́къ°], [кр'ис'т'ыл'ь], [цв'итно́и], [цыво́], [с'им'јэ́], [γр'им'эт''], [т'ип'эр''], [з'ьул'ид'эн'ы́], [б'ир'оц'ь], [пр'ид'ом] (от *прядь*), [д'ила́], [в'иза́ль], [пъм'ин'ал'ьс''], [р'ьспр'имл'ат''].

Таким образом, данные «младших» информантов не позволяют выявить у них какой-то из типов диссимилятивного яканья, описанных в разное время для говоров, бытующих в окрестностях Мосальска: суджанский или жиздринский. Однако, учитывая некоторые общие процессы, наблюдаемые в яканье «старших» и «младших» информантов, в частности особо «устойчивую» позицию предударных гласных перед ударным [о] разного происхождения, мы предполагаем, что «следы» яканья, встречающиеся у «младших» информантов, — это «следы» суджанского яканья.

Выводы:

- из четырёх информантов, в речи которых мы обнаружили яканье, двое представляют более или менее сохранный суджанский тип, наблюдавшийся в мосальских говорах всеми прежними их исследователями; однако у наших информантов обнаружена вариативность звуков [и] и [а] в позиции перед ударным [е] из **ъ*, не отмеченная прежде никем и не соответствующая системе суджанского яканья;
- у двух других информантов проявляются только следы яканья; точно определить, какой тип яканья (суджанский или жиздринский) был исходным, по нынешнему состоянию их идиолектов не представляется возможным, с оговорками мы считаем, что суджанский;
- при утрате диссимилятивного яканья суджанского типа звук [а] как аллофон фонем неверхнего подъёма **наиболее устойчиво сохраняется** перед твёрдыми согласными **в позиции перед ударным [о] разного происхождения;**
- эта устойчивость выражается в том, что у «старших» информантов перед ударным [о] после мягких согласных отмечен только предударный [а] (исключений нет), а у «младших» информантов именно в этой позиции наиболее выражены остатки яканья: в некоторых случаях это предударный [а], чаще же — предударный [е];
- при отходе от диссимилятивного яканья в качестве звуков, замещающих [а], выступают [е] и [и], при этом **[е] преимущественно произносится перед твёрдыми согласными**, проникая и в позицию перед ударным [а] и тем самым разрушая сам принцип диссимилятивности, а **[и] — перед мягкими.**

2.3.2. Результаты инструментального анализа вокализма после мягких согласных «старших» информантов (среднеарифметические значения длительности гласных первого предударного и ударного слогов, F₁ гласных первого предударного слога, а также относительная длительность первого предударного гласного по отношению к ударному) представлены в Таблицах 9–12.

ШАВ1939

Таблица 9

Средние значения длительности (в мс) и F_1 (в Гц) предударного гласного после мягких согласных перед твёрдыми, средние значения длительности ударного гласного (в мс) и относительная длительность предударного гласного (в % от длительности ударного)

П/у гласный	Дл-ть п/у гласного	F_1 п/у гласного	Уд. гласный	Дл-ть уд. гласного	Од п/у гласного
а	115	641	ы у	102	123
а	107	624	ô	108	104
а	103	619	о	96	110
и	71	414	а	127	61

Таблица 10

Средние значения длительности (в мс) и F_1 (в Гц) предударного гласного после мягких согласных перед мягкими, средние значения длительности ударного гласного (в мс) и относительная длительность предударного гласного (в % от длительности ударного)

П/у гласный	Дл-ть п/у гласного	F_1 п/у гласного	Уд. глас-ный	Дл-ть уд. гласного	Од п/у гласного
а	115	591	и у	94	123
а (5 примеров, все сущ. в Д.-М. типа <i>на земле</i>)	106	645	ê	132	82
и (26 примеров, разные, в т. ч. сущ. в Д.-М.)	79	406	ê	119	71
и	75	388	е	110	70
и	69	414	'о	120	60
и	72	424	а	130	59

Результаты инструментального изучения вокализма первого предударного слога после мягких согласных наиболее последовательно являющейся информантки ШАВ1939 позволяют установить параметры *а*-образного и *и*-образного предударных гласных при суджанском типе диссимилятивного яканья и оценить разницу между ними. Заметно, что эти гласные в значительной степени различаются не только по качеству (значениями F_1), но и по длительности. Эта разница проявляется скачкообразно: звук [а] во всех позициях, где он встречается, долгий (103–115 мс) и нижнего подъёма ($F_1 = 591$ –645 Гц), звук [и] существенно короче (69–79 мс) и верхнего подъёма ($F_1 = 388$ –424 Гц). Никаких промежуточных звуков в качестве реализаций фонем неверхнего подъёма в её речи нет.

Кроме того, обращает на себя внимание некоторое уменьшение длительности предударного гласного [a] перед твёрдыми согласными с понижением подъёма ударного гласного, перед которым он находится (см. второй столбец Таблицы 9). Мы полагаем, что это тоже проявление старых количественных отношений между гласными [Князев, Шаульский 2007: 214].

М В И 1 9 4 2

Таблица 11

Средние значения длительности (в мс) и F_1 (в Гц) предударного гласного после мягких согласных перед твёрдыми, средние значения длительности ударного гласного (в мс) и относительная длительность предударного гласного (в % от длительности ударного)

П/у гласный	Дл-ть п/у гласного	F_1 п/у гласного	Уд. глас-ный	Дл-ть уд. гласного	ОД п/у гласного
а	85	652	ы у	89	107
а	86	649	ô	88	102
а	74	591	о	90	88
и (24 примера)	80	453	а	105	86
е (6 примеров)	59	520	а	85	71

Таблица 12

Средние значения длительности (в мс) и F_1 (в Гц) предударного гласного после мягких согласных перед мягкими, средние значения длительности ударного гласного (в мс) и относительная длительность предударного гласного (в % от длительности ударного)

П/у гласный	Дл-ть п/у гласного	F_1 п/у гласного	Уд. глас-ный	Дл-ть уд. гласного	ОД п/у гласного
а (32 примера)	85	635	и у	79	112
и (9 примеров)	70	427	и у	92	80
и (5 примеров)	60	420	ê	81	75
а (1 пример: на земле)	73	689	ê	82	89
и	60	413	е	96	66
и	77	429	'о	99	77
и	62	424	а	94	69

Инструментальный анализ гласных информантки МВИ1942 показывает, что, во-первых, у неё в гораздо меньшей степени выражен контраст между [а] и [и] в отношении их длительности, если вообще можно говорить о наличии такого контраста: есть позиции, в которых гласный [а] даже короче, чем [и] (ср. строку 4 Таблицы 11 и строку 7 Таблицы 12). Однако эти гласные противопоставлены качественно: F_1 предударного [а] составляет 591–689 Гц, F_1 предударного [и] — 413–453 Гц. Во-вторых, как уже говорилось в параграфе 2.3.1, у этой информантки отмечены случаи предударного [и] перед ударными гласными верхнего подъёма, и характеристики этого [и] ничем не отличаются от характеристик предударных [и], находящихся в «законной» для суджанского типа позиции. В-третьих, в позиции перед ударным [а] появляется предударный [е] — звук, по длительности такой же, как все предударные [и], но по качеству занимающий промежуточное положение между [и] и [а]: значения его F_1 в среднем составляют 520 Гц. Можно полагать, таким образом, что идиолект МВИ1942 представляет первую ступень разрушения суджанского яканья и на его примере можно наблюдать, как именно это происходит.

Результаты инструментального анализа вокализма после мягких согласных «младших» информантов (среднеарифметические значения длительности гласных первого предударного и ударного слогов, F_1 гласных первого предударного слога, а также относительная длительность первого предударного гласного по отношению к ударному) представлены в Таблицах 13–16.

МАК1937

Таблица 13

Средние значения длительности (в мс) и F_1 (в Гц) предударного гласного после мягких согласных перед твёрдыми, средние значения длительности ударного гласного (в мс) и относительная длительность предударного гласного (в % от длительности ударного)

П/у гласный	Дл-ть п/у гласного	F_1 п/у гласного	Уд. гласный	Дл-ть уд. гласного	ОД п/у гласного
а (1 пример: язык)	156	580	ы	120	130
е (14 примеров)	100	470	ы,у	120	83
и (11 примеров)	84	392	ы,у	140	60
а (1 пример: на ледяной)	117	525	ô	100	117
е (4 примера)	96	485	ô, о	97	99
и (13 примеров)	78	385	ô, о	147	53
е (7 примеров)	92	487	а	138	67
и (42 примера)	89	408	а	151	59

Таблица 14

Средние значения длительности (в мс) и F_1 (в Гц) предударного гласного после мягких согласных перед мягкими, средние значения длительности ударного гласного (в мс) и относительная длительность предударного гласного (в % от длительности ударного)

П/у гласный	Дл-ть п/у гласного	F_1 п/у гласного	Уд. гласный	Дл-ть уд. гласного	ОД п/у гласного
и	98	387	и, у	129	76
и	92	407	ê	135	68
и	82	378	е	125	60
и	79	381	а	163	48

САН1978

Таблица 15

Средние значения длительности (в мс) и F_1 (в Гц) предударного гласного после мягких согласных перед твёрдыми, средние значения длительности ударного гласного (в мс) и относительная длительность предударного гласного (в % от длительности ударного)

П/у гласный	Дл-ть п/у гласного	F_1 п/у гласного	Уд. гласный	Дл-ть уд. гласного	ОД п/у гласного
и (10 примеров)	68	362	ы у	103	75
е (6 примеров)	69	430	ы у	109	72
и (5 примеров)	62	404	ô	119	57
е (13 примеров)	67	445	ô	114	75
а (4 примера)	85	471	ô	90	100
и (7 примеров)	53	393	о	113	56
е (2 примера)	60	413	о	105	56
а (1 пример: <i>поясок</i>)	89	480	о	98	91
и (46 примеров)	62	354	а	125	64
е (6 примеров)	86	433	а	158	61

Таблица 16

Средние значения длительности (в мс) и F_1 (в Гц) предударного гласного после мягких согласных перед мягкими, средние значения длительности ударного гласного (в мс) и относительная длительность предударного гласного (в % от длительности ударного)

П/у гласный	Дл-ть п/у гласного	F_1 п/у гласного	Уд. глас-ный	Дл-ть уд. гласного	Од п/у гласного
и (18 примеров)	77	381	и у	90	92
е (7 примеров)	73	396	и у	112	68
и (15 примеров)	70	363	ê	96	76
е (1 пример: <i>переехать</i>)	110	368	ê	77	143
и (20 примеров)	63	352	е	105	62
е (4 примера)	62	390	е	104	60
и (11 примеров)	62	345	'о	111	62
и (22 примера)	59	344	а	129	52
е (1 пример)	73	441	а	110	66

Данные, полученные при инструментальном анализе гласных «младших» информантов, позволяют наблюдать следующий, по сравнению с характерным для идиолекта МВИ1942, этап разрушения системы яканья. Во-первых, на этом этапе контрастов по длительности между предударными гласными нет. Исключение составляют два примера из речи МАК1937 с предударным [а], характеризующимся высокой длительностью на фоне всех прочих предударных гласных, но эти примеры единичны и связаны с особым фразовым выделением соответствующих словоформ в речи. Во-вторых, те немногочисленные примеры произнесения предударного [а], которые мы отметили у «младших» информантов, характеризуются более низкими значениями F_1 этого предударного (от 471 до 580 Гц, ср. у «старших» информантов 591–689 Гц). В-третьих, предударные гласные, на слух воспринимающиеся как [и], у «младших» информантов значительно отличаются от [и] «старших» информантов по значениям F_1 : ср. 344–408 Гц у первых и 413–453 Гц у вторых. Вероятно, поэтому предударный звук, который у «младших» информантов имеет значения $F_1 = 368–487$ Гц, может восприниматься на слух как *e*-образный. Таким образом, все предударные гласные на этом этапе сдвигаются в зону более высокого подъёма, см. Таблицу 17.

Таблица 17

**Сопоставление значений F₁ предударных гласных —
аллофонов фонем неверхнего подъёма после мягких согласных
у «старших» и «младших» информантов**

Предударный гласный	Значения F ₁ «старших» информантов (в Гц)	Значения F ₁ «младших» информантов (в Гц)
[a]	591–689	471–580
[и]	413–453	344–408
[e]		368–487

Результаты инструментального анализа позволяют дополнить выводы, сделанные в параграфе, посвящённом аудитивному анализу яканья:

- при отходе от яканья суджанского типа **вначале утрачивается разница между длительностью предударных гласных [a] и [и]**, разница в значениях F₁ (качестве) этих гласных сохраняется дольше;
- на этом же этапе в позиции первого предударного слога **перед ударным [a] появляются случаи произношения [e]** — гласного, в качественном отношении среднего между [a] и [и], а в количественном — соответствующего предударному [и].

3. Заключение

Результаты анализа системы предударных гласных современных мосальских говоров свидетельствуют об устойчивости в них диссимилятивного аканья жиздринского типа и о неустойчивости диссимилятивного яканья суджанского типа. Если первое сохраняется у всех информантов, включая не только представителей старшего поколения, но и молодых людей, не только жителей деревень и сёл, но и жителей Мосальска, то второе отмечено буквально у единиц. Из 39 информантов лишь четверо оказались якающими, причём относительно последовательно выдержанный суджанский тип наблюдается только у двух информанток — жительниц деревни Берно, у двух других — жителей Мосальска — отмечены только остаточные явления яканья. Учитывая, что жиздринское диссимилятивное аканье сохраняется даже у тех, кто большую часть жизни прожил в Москве, мы полагаем, что диссимилятивное аканье вообще гораздо устойчивее, чем диссимилятивное яканье.

Проведённое исследование позволило, с одной стороны, выявить в современной системе предударного вокализма мосальских говоров следы старших количественных градуальных отношений между гласными первого предударного и ударного слогов после твёрдых и после мягких согласных, с другой — проследить этапы разрушения яканья суджанского типа на пути к *й*канью.

Атласы

- ДАБМ 1963 — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Минск, 1963. 338 карт.
- ДАРЯ 1986 — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. 1: Фонетика. М., 1986.
- ДАРЯ Спр. 1986 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР: В 3 вып. Вып. I: Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М., 1986.
- Марченко и др. — И. А. Марченко, О. Н. Долгов, А. С. Азанова, М. С. Замбрицкая, Е. А. Заливина, С. А. Землянская, Д. И. Мочульский, Е. И. Цейтина, Д. Г. Чистякова, Р. В. Ронько. База данных диалектологического атласа русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://da.ruslang.ru/> (дата обращения: 18.04.2024).
- Язык... 1994 — Язык русской деревни: Школьный диалектологический атлас: Пособие для общеобразовательных учреждений / И. А. Букринская, Н. Л. Голубева, О. Е. Кармакова, С. Л. Николаев, С. Г. Саркисян. М., 1994.

Литература

- Аванесов 1949 — Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. Часть первая. М., 1949.
- Аванесов 1972 — Р. И. Аванесов. Русская литературная и диалектная фонетика: Учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Русский язык и литература». М.: Просвещение, 1974.
- Аванесов 1974 — Р. И. Аванесов. Русский вокализм 1-го предупредного слога // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970 / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М.: Наука, 1972. С. 65–97.
- Брок 1916 — О. Брок. Говоры к западу от Мосальска. Пгр., 1916.
- Бурова, Касаткин 1977 — Е. Г. Бурова, Л. Л. Касаткин. Чухломское аканье // Диалектологические исследования по русскому языку. М.: Наука, 1977. С. 64–85.
- Вайтовіч 1968 — Н. Т. Вайтовіч. Ненаціскны вакалізм народных гаворак Беларусі. Мінск: Навука і тэхніка, 1968.
- Войтович 1966 — Н. Т. Войтович. Безударный вокализм народных говоров Белоруссии. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Минск, 1966.
- Дурново 1903 — Н. Н. Дурново. Диалектологическая карта Калужской губернии // Сборник Отделения русского языка и словесности. Т. 76, № 1. СПб., 1903. С. 1–35.
- Дурново 1917а — Н. Н. Дурново. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров: Ч. 1. Южновеликорусское наречие: Вып. 1 // Труды Московской диалектологической комиссии / Под ред. пред. комис. Д. Н. Ушакова; Вып. 6. М., 1917.
- Дурново 1917б — Н. Н. Дурново. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров: Ч. 1. Южновеликорусское наречие: Вып. 2 // Труды Московской диалектологической комиссии / Под ред. пред. комис. Д. Н. Ушакова; Вып. 7. М., 1917.
- Дьяченко 2015 — С. В. Дьяченко. Гласные первого предупредного и ударного слогов в архаическом южнорусском говоре. Количественный анализ // Исследования по славянской диалектологии. Выпуск 17. М., 2015. С. 244–297.

Дьяченко, Князев 2022 — С. В. Дьяченко, С. В. Князев. Эволюция диссимилятивного аканья в Москве: три поколения // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2022. № 4. С. 9–28.

Запрягаева 1998 — М. Я. Запрягаева. Фонетическое описание говора с. Русская Журавка Вернемамонского р-на Воронежской обл. // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. С. 27–37.

Захарова 1970 — К. Ф. Захарова. Типы диссимилятивного яканье. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.

Касаткин 1999 — Л. Л. Касаткин. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Языки славянской культуры, 1999.

Касаткин 2010 — Л. Л. Касаткин. Из истории аканья-яканья в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 77–102.

Князев 2000 — С. В. Князев. К вопросу о механизме возникновения аканья в русском языке // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 87–113.

Князев 2001 — С. В. Князев. К истории формирования некоторых типов аканья и яканья в русском языке // Вопросы русского языкознания. Вып. IX: Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах / Отв. ред. К. В. Горшкова, М. Л. Ремнёва. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 8–42.

Князев 2003 — С. В. Князев. О формировании важнейших типов аканья и яканья в русском языке // Славянское языкознание: Материалы конференции (Москва, июнь 2002 г.). К XIII Международному съезду славистов. М.: ИРЯ РАН, 2003. С. 90–112.

Князев 2024 — С. В. Князев. Южнорусская интонация: Роговатое // Вопросы языкознания. 2024. № 1. С. 85–127.

Князев, Шаульский 2007 — С. В. Князев, Е. В. Шаульский. Генезис диссимилятивного аканья (в связи с проблемой фонологизации фонетических явлений) // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 209–224.

Кодзасов, Кривнова 2001 — С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. Общая фонетика: Учебник. М.: РГГУ, 2001.

Красовицкий 1999 — А. М. Красовицкий. Просодические характеристики слова в говорах с диссимилятивным аканьем // Проблемы фонетики. Ч. 3. М., 1999. С. 187–196.

Отчёт... 1896 — Отчёт о деятельности второго отделения Императорской академии наук за 1895 год, составленный председательствующим в отделении ординарным академиком А. Ф. Бычковым // Сборник Отделения русского языка и словесности. Т. LXIV, № 8. СПб., 1896.

Пожарицкая 2005 — С. К. Пожарицкая. Русская диалектология: Учебник. М.: Академический Проект: Парадигма, 2005.

Русская диалектология 1964 — Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М.: Наука, 1964.

Русская диалектология 1972 — Русская диалектология / Под ред. проф. Н. А. Мещерского. М.: Высшая школа, 1972.

Русская диалектология 1973 — Русская диалектология / Под ред. П. С. Кузнецова. М.: Просвещение, 1973.

Русская диалектология 2005 — Русская диалектология: Учебник для студентов филологических факультетов высших учебных заведений / С. В. Бромлей, Л. Н. Бу-

латова, О. Г. Гецова и др.; Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Изд. центр «Академия», 2005.

Русская диалектология 2006 — Русская диалектология: пособие для вузов / В. В. Колесов, Л. А. Ивашко, Л. В. Капорулина и др.; Под ред. В. В. Колесова. М.: Дрофа, 2006.

Русские народные говоры 1999 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие. М.: Наука, 1999.

Сталькова 1971 — И. Л. С т а л ь к о в а. К вопросу о фонетической структуре слова в южнорусских говорах с диссимильтивным аканьем // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М.: Наука, 1971. С. 35–47.

Строганова 1977 — Т. Ю. С т р о г а н о в а. О вокализме 2-го предупредного слога после твёрдых согласных в акающих говорах // Диалектологические исследования по русскому языку. М.: Наука, 1977. С. 86–96.

Фомина 1985 — Т. Г. Ф о м и н а. Просодия слова в южнорусском говоре с диссимильтивным вокализмом // Градационная фонология языка и просодия слова русской диалектной речи. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1985. С. 101–131.

Шахматов 1897 — А. А. Ш а х м а т о в. Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров // Русский филологический вестник. 1896. Т. XXXVI, № 3–4. С. 60–99. (Продолжение статьи: Там же. 1897. Т. 3 XXXVIII, № 3–4. С. 172–209).

Статья получена 21.12.2023

Svetlana V. Dyachenko

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
svet-lan-a@list.ru

Anna B. Kolesnikova

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
anna.cello04@gmail.com

Polina A. Pilipets

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
polina.pilipets@list.ru

VOCALISM OF THE FIRST PRETONIC SYLLABLE IN THE MOSALSK DIALECTS: HISTORY AND MODERNITY

The article consists of two parts. The first part examines the history of studying the vocalism of Mosalsk dialects, where four stages can be distinguished: 1) the turn of the 20th century (works by A. A. Shakhmatov, O. Brok, N. N. Durnovo), 2) the mid-20th century (survey of dialects of the Mosalsk district according to the program of the Diacological Atlas of the Russian Language), 3) the turn of the 21st century (works by A. M. Krasovitsky and L. L. Kasatkin), 4) present day (the expedition of researchers of

the Institute of Linguistics and the Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences, students of the Moscow State University and the Russian State University for the Humanities). The second part discusses the results of the study of the system of pretonic vowels in Mosalsk dialects based on materials from the 2023 expedition. During the expedition, it was noticed that the dissimilative akanye of the Zhizdrinskiy type is preserved among all recorded informants (39 persons), notwithstanding their age or social group: representatives of the older generation and the young, residents of the rural area and of Mosalsk. In contrast to this, yakanye was registered in the speech of only four informants; besides, a relatively consistent yakanye of the Sudzhanskiy type was observed in the speech of two residents of the village Berno, and two residents of Mosalsk demonstrated residual phenomena of yakanye. The recordings of the interviews with the four informants were studied in detail using auditory and instrumental methods. Our research made it possible, on the one hand, to identify in the modern system of pretonic vocalism of Mosalsk dialects traces of old quantitative relationships between the vowels of the first pretonic and stressed syllables after hard and soft consonants, and, on the other hand, to trace stages of destruction of the yakanye of the Sudzhanskiy type on the way to ikanye.

Keywords: dialect phonetics, akanye, yakanye, Mosalsk dialects.

References

- Avanesov, R. I. (1972). Russkii vokalizm 1-go predudarnogo sloga. In R. I. Avanesov (Ed.), *Obshch斯拉vianskii lingvisticheskiy atlas. Materialy i issledovaniia*. 1970 (pp. 65–97). Moscow: Nauka.
- Avanesov, R. I. (1974). *Russkaia literaturnaia i dialektnaia fonetika*. Moscow: Prosvetshchenie.
- Avanesov, R. I., & Orlova, V. G. (Eds.). (1964). *Russkaia dialektologiya*. Moscow: Nauka.
- Burova, E. G., & Kasatkin, L. L. (1977). Chukhlomskoe akan'e. In R. I. Avanesov (Ed.), *Dialektologicheskie issledovaniia po russkomu iazyku* (pp. 64–85). Moscow: Nauka.
- D'iachenko, S. V. (2015). Glasnye pervogo predudarnogo i udarnogo slogov v arkhaiskom iuzhnorusskom govore. Kolichestvennyi analiz. In L. E. Kalnyn' (Ed.), *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii. Vyp. 17: Sud'ba slavianskikh dialektov i perspektivy slavianskoi dialektologii v XXI veke* (pp. 244–297). Moscow: Indrik, 2015.
- D'iachenko, S. V., & Kniazev, S. V. (2022). Evoliutsiia dissimiliativnogo akan'ia v Moskve: tri pokoleniia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 4, 9–28.
- Fomina, T. G. (1985). Prosodiia slova v iuzhnorusskom govore s dissimiliativnym vokalizmom. In Z. M. Al'mukhamedova (Ed.), *Gradatsionnaia fonologiya iazyka i prosodiia slova russkoi dialektnoi rechi* (pp. 101–131). Kazan: Izd-vo Kazanskogo un-ta.
- Kasatkin, L. L. (1999). *Sovremennaiia russkaia dialektnaia i literaturnaia fonetika kak istochnik dlia istorii russkogo iazyka*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Kasatkin, L. L. (2010). Iz istorii akan'ia-iakan'ia v russkom iazyke. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 20(2), 77–102.
- Kasatkin, L. L. (Ed.). (2005). *Russkaia dialektologiya*. Moscow: Akademia.
- Kasatkina, R. F. (Ed.). (1999). *Russkie narodnye govory. Zvuchashchaia khrestomatiia. Iuzhnorusskoe narechie*. Moscow: Nauka.

Kniazev, S. V. (2000). K voprosu o mekhanizme vozniknoveniia akan'ia v russkom iazyke. *Voprosy jazykoznanija*, 1, 87–113.

Kniazev, S. V. (2001). K istorii formirovaniia nekotorykh tipov akan'ia i iakan'ia v russkom iazyke. In K. V. Gorshkova, & M. L. Remneva (Eds.), *Voprosy russkogo iazykoznanija. Vyp. IX: Dialektnaia fonetika russkogo iazyka v diakhronnom i sinkhronnom aspektakh* (pp. 8–42). Moscow: Izd-vo MGU.

Kniazev, S. V. (2003). O formirovanii vazhneishikh tipov akan'ia i iakan'ia v russkom iazyke. In A. M. Moldovan (Ed.), *Slavianskoe iazykoznanie: Materialy konferentsii (Moskva, iyun' 2002 g.). K XIII Mezhdunarodnomu s"ezdu slavistov* (pp. 90–112). Moscow: IRIa RAN.

Kniazev, S. V., & Shaul'skii, E. V. (2007). Genesis dissimiliativnogo akan'ia (v sviazi s problemoi fonologizatsii foneticheskikh iavlenii). *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 13(1), 209–224.

Kodzasov, S. V., & Krivnova, O. F. (2001). *Obshchaia fonetika*. Moscow: RGGU.

Kolesov, V. V. (Ed.). (2006). *Russkaia dialektologiya*. Moscow: Drofa.

Krasovitskii, A. M. (1999). Prosodicheskie kharakteristiki slova v govorakh s dissimiliativnym akan'em. In R. F. Kasatkina (Ed.), *Problemy fonetiki* (Iss. 3, pp. 187–196). Moscow: Nauka.

Kuznetsov, P. S. (Ed.). (1973). *Russkaia dialektologiya*. Moscow: Prosveshchenie.

Meshcherskii, N. A. (Ed.). (1972). *Russkaia dialektologiya*. Moscow: Vysshiaia shkola.

Pozharitskaia, S. K. (2005). *Russkaia dialektologiya*. Moscow: Akademicheskii Proekt; Paradigma.

Stal'kova, I. L. (1971). K voprosu o foneticheskoi strukture slova v iuzhnorusskikh govorakh s dissimiliativnym akan'em. In E. A. Makaev (Ed.), *Sinkhronno-sopostavitel'nyi analiz iazykov raznykh sistem* (pp. 35–47). Moscow: Nauka.

Stroganova, T. Yu. (1977). O vokalizme 2-go predudarnogo sloga posle tverdykh soglasnykh v akaiushchikh govorakh. In R. I. Avanesov (Ed.), *Dialektologicheskie issledovaniia po russkomu iazyku* (pp. 86–96). Moscow: Nauka.

Vaitovich, N. T. (1968). *Nenatsiskny vakalizm narodnykh gavorak Belarusi*. Minsk: Navuka i tekhnika.

Voitovich, N. T. (1966). *Bezudarnyi vokalizm narodnykh govorov Belorussii* (Doctoral dissertation summary). BSSR Academy of Sciences, Minsk.

Zakharova, K. F. (1970). *Tipy dissimiliativnogo iakan'a* (Doctoral dissertation). USSR Academy of Sciences, Moscow.

Zapriagaeva, M. Ya. (1998). Foneticheskoe opisanie govora s. Russkaia Zhuravka Verznemamonskogo r-na Voronezhskoi obl. In V. I. Sobinnikova (Ed.), *Materialy po russko-slavianskomu iazykoznaniiu* (pp. 27–37). Voronezh: Izd-vo VGU.

Received on December 21, 2023

А. В. МАЛЫШЕВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
annamaly@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ ГЛАГОЛОВ СМЕХА И НАСМЕШКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ¹

В статье рассматриваются особенности синтаксической сочетаемости общерусского глагола смеяться, а также других глаголов с семантикой смеха и насмешки в современном русском языке и в диахронии. Исследование проведено на материале основного и исторического корпусов НКРЯ, диалектных электронных корпусов и диалектных словарей. В древнерусском подкорпусе НКРЯ у глагола *смеяться* фиксируется только управление дательным падежом без предлога, данные старорусского подкорпуса отражают широкую вариативность управления, которая в XVIII в. сводится к конкуренции двух основных вариантов *ДП* и *над + ТП*. Материалы современных диалектных словарей показывают наибольшее разнообразие управляемых конструкций в западнорусских говорах (онежских, новгородских, псковских, смоленских, брянских), в частности, отмечены варианты *смеяться вокруг, около кого-н., для кого-н., на кого-н., от кого-н., за кого-н.* и др. Южнорусские говоры (курско-орловские, оскольские, воронежские, донские) характеризуются наличием моделей *с + РП, из + РП: смеяться с кого-н., из кого-н.* Абсолютное доминирование варианта *над + ТП* и почти полное отсутствие вариативности демонстрируют современные северо-восточные говоры. Проанализированный материал показывает, что специфика моделей управления может рассматриваться как различительная черта русских говоров.

Ключевые слова: эволюция глагольного управления, глаголы смеха и насмешки, русские говоры, лингвогеография, исторический синтаксис, семантика.

Введение

Со второй половины XX в. в фокусе внимания исследователей диалектного синтаксиса находятся предложно-падежные конструкции разной семантики [Собинникова 1977; Акаткина 1983; Кузьмина 1983; 1993]. В качестве примера можно привести объектно-целевую конструкцию, которая состоит из глагола целенаправленного движения или глагола с семантикой 'послать' и имени с предлогами *в, по, для, по-за: пойти в дрова, по дрова, для дров* и др. [Кузьмина 1993: 59]. В данном случае в состав конструкции

¹ Автор благодарит Е. В. Урысон, О. Е. Кармакову, А. В. Тер-Аванесову, Р. В. Ронько и анонимного рецензента за прочтение статьи и ценные замечания.

входит предложно-именное сочетание и управляющий глагол, но возможны и конструкции без знаменательного глагола: *круг завалинов было полно муравьев* (пространственная конструкция со значением местонахождения вокруг предмета) [Там же: 74–75]. Описывая предложно-падежные сочетания, основное внимание авторы уделяют функционированию в говорах предлогов. Второй задачей является определение круга существительных, которые могут образовывать ту или иную конструкцию. Вопрос о глаголах в составе конструкций подробно не рассматривался. Важно подчеркнуть, что для диалектных предложно-падежных сочетаний устанавливаются территории их распространения. Как показывает настоящее исследование, особенности глагольного управления также могут иметь лингвогеографическое распределение и, таким образом, также могут рассматриваться как различительная черта русских говоров.

Специфика синтаксической сочетаемости отдельных глаголов неоднократно фиксировалась в публикациях материалов народных говоров (см., например, [Солодовников 1867: 70; Шахматов 1896а: 335–354; 1896б: 549–573; 1896в: 952–1004; Чернышев 1900: 5, 12, 19; Дурново 1903: 131; Гринкова 1947: 109; Расторгуев 1960: 155; Ровнова, Юмсунова 2003: 313; Дьяченко и др. 2013: 291; Букринская, Кармакова 2018: 317 и др.]) и в работах по диалектному синтаксису (см. [Собинникова 1961]). Особенности управления некоторых семантических групп глаголов (например, глаголов чувства, глаголов речи) в отдельных говорах описаны в [Черенкова 1983; Малышева 2018; Ронько 2021], см. также [Иванова 1961; Горелова 1983].

В данной работе обсуждаются модели управления глаголов, имеющих семантический компонент ‘насмехаться, издеваться’. Эти глаголы характеризуются значительным количеством диалектных вариантов управления: *смеяться над кем-н., кому-н., с кого-н., на кого-н., около кого-н., от кого-н.* и др. При описании этих вариантов возникает вопрос, насколько меняется значение глагола в зависимости от того, каким предложно-падежным сочетанием он управляет, ср. *смеются надо мной* и *смеются с меня*. Очевидно, что при изменении управления происходит некоторый сдвиг в значении конструкции. Эти тонкие семантические различия ощущают сами говорящие. Например, в [Горицкая 2021: 206] упоминается о восприятии сочетаний с предлогом *с* как «более мягких» и приводится контекст, записанный от носителя русского языка в Белоруссии: «“*Смеяться над кем-то*” может быть в значении “насмехаться”. А “*я с тебя смеюсь*” — это такой неформальный способ сказать, что ты такой смешной чувак»². Тонкая

² Ср. также комментарий носителя русского языка на портале «Ответы mail.ru»: «*Над кем-то* — значит, ты смеешься над человеком (например, он смешно одевается). *С кого-то* — чаще подразумевает, что ты смеешься над какими-то делами человека (например, смеюсь с того, как ты поёшь). Вариант “над” является более правильным с точки зрения литературности. Также вариант “над” имеет более

семантика конструкций с разными вариантами управления остается в данной работе за пределами рассмотрения. При анализе диалектных контекстов кроме значения ‘насмехаться, издеваться’ выделяется прежде всего значение ‘говорить кому-н. что-н. со смехом, шутить’ (*я соседке смеюсь*), при этом глагол переходит в другой семантический класс.

Известно, что в диалектном узусе часто сохраняются архаические черты фонетики и грамматики, утраченные литературным языком. Таким образом, требует обсуждения также вопрос, являются ли обнаруженные диалектные модели управления архаическими или они представляют собой диалектные инновации.

Чтобы иметь точку отсчета для анализа современных диалектных вариантов управления, рассмотрены некоторые значения глагола *смеяться* и свойственные этим значениям модели управления в современном русском литературном языке (далее — СРЛЯ). Следовательно, анализ управления глаголов смеха и насмешки произведен на достаточно широком материале — СРЛЯ, современных говоров и памятников письменности.

Далее в разделе 1 приводятся значения и модели управления глагола *смеяться* в СРЛЯ, в разделе 2 — некоторые сленговые и региолектные модели, раздел 3 посвящен эволюции управления глагола *смиатиса* (*смѣятиса*) по материалам древнерусского и старорусского подкорпусов исторического корпуса НКРЯ и материалам XVIII в. основного корпуса НКРЯ, в разделе 4 показаны модели управления глаголов смеха и насмешки, зафиксированные в словарях русских говоров, и, наконец, в разделе 5 представлена вариативность моделей управления в современных говорах на материале диалектных электронных корпусов и баз данных.

1. Значения и управление глагола *смеяться* в СРЛЯ

Базовым глаголом для семантической группы ‘насмехаться, издеваться’ следует признать общерусский глагол *смеяться*. В разных значениях он может обозначать неречевое действие, например реакцию на смешное: *смеяться над шуткой*, выражать радость или другую эмоцию: *смеяться от радости*, *смеяться до упаду*, отношение к кому/чему-н.: *показывали пальцем и смеялись*. С другой стороны, он может обозначать речевой акт — отношение к объекту речи, выражаемое через речь: *смеялись над какой-то Оксаной*; *из-за угла смеяться надо всеми*. Соответственно, в зависимости от значения *смеяться* может сближаться с эмотивными глаголами (*радоваться*, *грустить*, *сердиться*) или с глаголами, обозначающими речевые действия (*насмехаться*, *шутить*, *издеваться* и др.). Разные аспекты се-

негативную окраску» (в других комментариях опровергается принадлежность варианта *с + РП* русскому литературному языку), см. <https://otvet.mail.ru/question/04315950?ysclid=lq32rkwzt0568029555>.

мантики и сочетаемости этих групп глаголов достаточно подробно описаны на материале СРЛЯ [Иорданская 1970; Зализняк Анна А. 1992; Апресян 1995: 366–373; Санников 2003; Serdobolskaya, Letuchiy 2005; Ovsjannikova 2013; Апресян В. 2015 и др.]; о существительном *смех* см. [Урысон 2004: 1056–1059]. При описании семантических актантов глагола *смеяться* далее используется терминология Московской семантической школы, см., например, [Апресян 1967; 1995: 125–126; НОСС 2004 и др.].

Рассмотрю некоторые значения, которые кажутся наиболее важными для дальнейшего описания вариативности управления³.

1. Насмехаться, издеваться над кем/чем-н.' с управляемыми конструкциями *над + ТП, за + ВП, из-за + РП*.

Над-конструкция является основной для данного значения, она заполняет валентность объекта насмешки, издевательства. Глагол *смеяться* в этом значении входит в синонимический ряд *насмехаться, потешаться, шутить₂, насмешиничать* и сближается с синонимическими рядами *подшучивать, подтрунивать; высмеивать, осмеивать* и др.; *издеваться, глумиться* и др.; *посмеяться₂, насмеяться₂* [Санников 2003: 89]. Эти слова рассматриваются как глаголы речи [Там же: 92, 137]. Особенность конструкции с предлогом *над* при лексеме *смеяться* 'насмехаться, издеваться' состоит в наличии «иерархического» компонента: «X тем или иным способом воздействует на Y, причем описание отношений между X и Y дается с позиции X-а... X утверждает свое превосходство над Y» [Пайар, Плунгян 2000: 94].

- (1) — Папа, послушай, — сказала Надя, — отчего мы *смеемся над* этой женщиной в метро? (В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960))⁴.

³ В словарях СРЛЯ у глагола *смеяться* выделяются следующие значения. 1. Издавать смех [СОШ; СУ; МАС]: *девицы смеялись и перешептывались*; выражать веселость (о глазах, лице и т. п.): *глаза ее весело смеялись* [МАС]; выражать смехом свои чувства по отношению к кому-/чему-н.: *Чему вы так выразительно смеетесь?* [СУ]. 2. Насмехаться, издеваться над кем/чем-н., чем-н.: *смеяться над глупостью, над бедностью; люди смеялись над стариком* [СОШ; СУ; МАС]. 3. Пренебрегать кем/чем-н., не считаться с кем/чем-н., не уважать, не бояться кого/чего-н.: *смеяться над опасностью, над угрозами* [СОШ, СУ]. 4. Говорить несерьезно, шутить [СОШ; СУ; МАС]: *не принимай всерьёз: он смеётся*. Основным вариантом управления для второго и третьего значений является *над + ТП*. Вариативное управление беспредложным ДП, обычно со стилистическими пометами *разг.* или *устар.*, фиксируется в первом значении: *Чему вы так выразительно смеетесь?* [СУ], втором: *Чужой беде не смейся, голубок* [МАС; СУ] — и третьем: *Я смеюсь твоим угрозам* [СУ]. Для второго значения отмечается также управление *с + РП* с пометой *неправ.*: *С нас, ведь, теперь смеяться будут* [СУ].

⁴ Здесь и далее примеры из НКРЯ.

В этом значении возможно альтернативное управление беспредложным ДП.

- (2) *Чужой беде не смейся, голубок. Бессильному не смейся, слабого обидеть не моги* [СУ] (с пометой *устар.*).

Эта лексема управляет также конструкциями *за + ВП*, *из-за + РП*. Они заполняют валентность причины, из-за которой объект подвергается насмешкам (ср. [Санников 2003: 92]).

- (3) *Разве можно над человеком смеяться за то, что его отец-мать бросили?* (М. Горький. Исповедь (1908));
(4) *Про себя он грустно думал, что какие бы революции в мире ни произошли, над ним все будут по-прежнему смеяться из-за его крошечного роста* (М. А. Алданов. Истоки. Части 9–17 (1942–1946)).

2. «Иерархический» компонент присутствует также в значении ‘пренебрегать кем/чем-н., не считаться с кем/чем-н., не уважать, не бояться кого/чего-н.’ с конструкцией *над + ТП* или *ДП* (в словарях с пометой *устар.*): *смеяться над опасностью, над угрозами/угрозам.*

3. ‘Реагировать на смешное’ с управлением *над + ТП* или *ДП*.

В этом значении *над*-конструкция уже не имеет «иерархического» компонента: *смеяться над шуткой* [Пайар, Плунгян 2000: 94]. Ю. П. Князев отмечает, что отсутствие «иерархического» компонента наблюдается в тех случаях, когда причиной смеха служат объекты, специально предназначенные для того, чтобы вызывать смех: шутка, анекдот, остроты и т. п. [Князев 2007: 680–682]. Здесь *над*-конструкция заполняет валентность причины, в отличие от примеров типа *смеяться над Петей*, где реализуется семантическая роль объекта.

- (5) *Дежурные на связь не выходили, хотя и смеялись над шутками неистощимого на выдумки обследуемого* (Л. А. Данилкин. Юрий Гагарин (2011)).

Возможно также управление беспредложным ДП:

- (6) *Он заранее смеялся островам маленького человека и словно таял от удовольствия* (И. С. Тургенев. Гамлет Щигровского уезда (1849)).

4. ‘Выражать смехом свои чувства, эмоции по отношению к кому/чему-н.’ с конструкцией *от + РП*, которая указывает на причину возникновения эмоции (обычно это радость).

- (7) *Он смеется от ясной простоты этой мысли* (В. А. Ярмолинец. Лев в Москве // «Волга», 2015);
(8) *Смеется от восхищения, от удивления перед силой стиха, его красотой, точностью слова, музыкой* (З. Е. Гердт. Рыцарь совести (2010)).

5. ‘Говорить о ком/чем-н. со смехом, смеясь’ с управляемой конструкцией *о + ПП*.

В значении ‘говорить о ком/чем-н. со смехом, смеясь’ валентность причины осложняется семантической ролью содержания. Это отмечается и для некоторых глаголов эмоционального отношения [Апресян В. 2015: 46–47]. С одной стороны, модель *о + ПП* реализует валентность причины, как у глаголов эмоций *радоваться, плакать, беспокоиться, грустить о чем-н.* С другой стороны, глагол *смеяться* в этом случае сближается по семантике с глаголами речи или ментальными глаголами *говорить, рассказывать, знать, думать о чем-н.* и др., которые имеют валентность содержания.

Исследователи указывают, что *о*-конструкция характерна для литературного языка XVIII — начала XIX в.: *И потужить и позлословить / И посмеяться кой о чем.* А. С. Пушкин [Виноградов 1947: 702]. Однако в основном корпусе НКРЯ фиксируются и более поздние примеры, в том числе относящиеся уже к XXI в. (11)–(12).

- (9) ...мы все семь человек уселись около лавочек и... разговаривали и смеялись о разных обстоятельствах игры (Л. Н. Толстой. Разжалованный (Из кавказских воспоминаний) (1856));
- (10) Смеялись о девице, приходившей к Вячеславу Ивановичу за зародышем (М. А. Кузмин. Дневник (1907));
- (11) О чем они смеялись, о чем плакали, шепча друг другу, неизвестно (С. Пилявская. Грустная книга (2000));
- (12) ...они вдвоем тянули бы кофе, смеялись о пустяках, и, змеиная мать, кто знает, что бы из этого вышло (У. Нова. Инка (2004)).

2. Просторечные, сленговые и региональные варианты управления

Употребление предикатов с семантикой насмешки с управлением *с + РП* может являться средством художественной выразительности, языковой игрой (13), а также чертой просторечия (14) или жаргонизмом (15). В примере (14) интересно использование синонимичных конструкций *из-за + РП* и *с + РП*. О причинной семантике конструкции *с + РП* (*заплакал с горя, вытьем с устатку*) см. [Агафонова 2000: 325].

- (13) Тогда чуть слышно реку им я: / «Ошибка вышла. Увы, друзья. / Ваш клич безумен. Мне с вас смешно. / Ведь я же умер. Причем давно» (М. Щербаков)⁵;
- (14) Они смеялись из-за ленты на башке. Я тоже с этого смеюсь⁶.

⁵ URL: http://www.avtorskimgolosom.ru/opus.php?author=Shcherbakov&opus=peshkom_s_vostoka&part=bards&type=songs

⁶ URL: <https://m.galya.ru/clubs/show?id=650706&ysclid=luzx5zqbsq81880012>

Стоит отметить также сленговые глаголы с семантикой ‘смеяться, насмеяться’ с управлением *с + РП*, например *угорать с кого/чего-н.*:

(15) *Я с тебя угораю!* [Словарь русского арго 2002].

Управление *с + РП* можно рассматривать и как регионализм. Оно характерно для украинского и белорусского языков и их диалектов [ДАБМ, карта 224; Ломтев 1954: 119; Нарысы... 1964: 315–316; ССВЯ 1968: 182–184; Черенкова 1983: 123–124; СБГ 1984: 512], а также для некоторых южнорусских говоров (курских, орловских, русских говоров Одесщины, см. раздел 4)⁷. Управление *с + РП* при предикатах смеха и насмешки отмечается в речи носителей русского языка в Белоруссии [Горицкая 2021: 197, 204], является яркой чертой одесского городского койне (о лингвистическом статусе речи жителей Одессы см. [Степанов 2013; Савченко, Хмелевский 2020] и др.).

(16) Одесса-мама стоит на трёх китах: медицине, искусстве и торговле, держа на руках своих детей, основателей портового города Дерибаса, Деволана, Ланжерона, Ришелье и Воронцова. Как, вы не знаете кто это? «**Мне с вас смешно**», — ответил бы на это товарищ Рабинович [Апостол-Рабинович 2018: 12].

3. Эволюция управления глагола *смеяться* по материалам НКРЯ

3.1. Исторические корпуса НКРЯ

В материалах древнерусского и старорусского подкорпусов НКРЯ и основного корпуса XVIII в. у глагола *смиатиса* (*смѣятиса*, *смеяться*) отмечены следующие формы управления: *ДП* (наиболее частотный вариант), *над + ТП*, *о + МП*, *к + ДП*, *с + РП*, *от + РП*, *в + МП*, *для + РП*, *насчет + РП*, а также сочетания *сам в себе*, *меж себя*, *меж собой*. Количественное распределение конструкций показано в Таблице 1.

Данные исторического корпуса НКРЯ демонстрируют доминирование конструкции с беспредложным *ДП* (см. Таблицу 1)⁸. Архаическое беспред-

⁷ Модель *с + РП* находим также в польском языке: *śmieje się z dziecka*, который, возможно, и послужил источником интерференции этой модели в украинский и белорусский, а также в пограничные западно- и южнорусские говоры. С. М. Прохорова рассматривает конструкцию *смеяться с кого* как балто-славянскую новацию с центром на литовской территории [Прохорова 1991: 29].

⁸ «Словарь русского языка XI—XVII вв.» дает для *смѣятиса* (*смиатиса*) в значении ‘насмеяться’ только управление *ДП* [СРЯ XI—XVII, вып. 25: 192], в «Словаре древнерусского языка XI—XIV вв.» у *смиатиса* в этом значении приведены многочисленные примеры с *ДП* [СДРЯ XI—XIV, т. 11: 408], то же у глагола *посмиатиса* в значении ‘посмеяться, отнестись насмешливо’.

Таблица 1

**Варианты управления глагола *смѣатисѧ* (*смѣятисѧ*, *смеяться*)
в древнерусском и старорусском подкорпусах НКРЯ
и в материалах XVIII в. основного корпуса НКРЯ**

	ДП	над + ТП	о + МП	к + ДП	с + РП	от + РП	перед + ТП	в + МП	для + РП	насчет + РП	сам в себе	меж себя	меж собой
Древнерус.	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Старорус.	19	1	4	1	1	1	1	1	—	—	1	1	1
Основной XVIII в.	146	68	1	—	—	—	—	—	1	1	1	—	—

ложное управление на современном этапе сохраняется во многих южно- и западнославянских языках, ср. сербск. *смеје се детету*, хорв. *smije se djetetu*, словенск. *se smeji otroku*, чеш. *směje se dítěti*, словацк. *smeje sa dieťaťu*.

В древнерусском подкорпусе (объем — 248 текстов и 807 904 словоупотреблений) зафиксировано 10 примеров использования глагола *смѣатисѧ* в трех текстах (двух переводных и одном оригинальном древнерусском). При этом всего в трех контекстах имеется управляемая форма, и во всех случаях этой формой является беспредложный ДП. Глагол во всех контекстах имеет значение ‘насмехаться’. В качестве объекта смеха, высмеивания выступает человек или его свойства (ср. невозможность употребления в СРЛЯ при лексеме ‘насмехаться’ одушевленного существительного в форме ДП: **смеяться Пете*).

- (17) *аще се юму повѣси. да смѣати ти ся начнетъ. по всему бо юсть исполненъ блуднаго демона* (Житие Андрея Юродивого (середина XI в. — середина XII в.));
- (18) *очима бо плачются со мною, а сердцемъ смѣють ми ся* (Слово Даниила Заточника (XII–XIII вв.));
- (19) *стѣдѧ же средѣ ихъ. смѣашесѧ смраду юго и нелѣпотѣ юго* (Житие Андрея Юродивого (середина XI в. — середина XII в.)).

Глагол *посмѣатисѧ* употреблен в пяти переводных текстах 14 раз. В 9 случаях он управляет беспредложным ДП (в значении ‘посмеяться, отнестись насмешливо’). Встретился также один пример с конструкцией *на + ВП* (20), в остальных случаях управляемая форма отсутствует.

- (20) *в се же бывѣ ѿ сна юпифанъ. дививсѧ бѣю члѣвколюбю. скорому заступлению. посмѣасѧ на лице лукаваго дѣмона* (Житие Андрея Юродивого (середина XI в. — середина XII в.)).

В старорусском подкорпусе (объем — 7560 текстов и 8 843 355 слов) появляется значительное количество вариантов управления, но, по-прежнему, преобладает беспредложный ДП. В большинстве контекстов глагол имеет значение ‘насмехаться’.

ДП

ДП маркирует объект насмешки; в 12 примерах из 19 в роли объекта употребляется одушевленное существительное, см. (21), (22), реже — неодушевленное (23).

- (21) *Аще ли кому смѣются, а ты хвали и люби, да от Бога примемши мѣзду, а от людей — похвалу, а от него — честь* (Наставление отца к сыну (вторая половина XIV в. — первая половина XV в.);
- (22) *Дѣлаему же ковчегу за сто лѣтъ, и повѣдаше Нои людемъ, яко быти потопу на земли: «покаитесь отъ злобъ вашихъ», и смѣяхутся ему* (Новгородская пятая летопись (1550));
- (23) *Он же не внимаше того, глаголя: «Како азъ хошу инъ закон приати единъ, а дружина сему смѣются начнут»* (Новгородская Карамзинская летопись. Первая выборка (первая половина XV в.)).

Во многих контекстах слово *смѣются* выступает в сочетании с *(но)ругаются*. В единственном в старорусском корпусе примере с конструкцией *над + ТП* глагол *смѣются* ‘насмехаться’ также употреблен в сочетании с *ругаются* (см. (26)).

- (24) *Людие же веси тоя, стояще, смеяхуся и ругающеся преподобному, и понужающе псов своих на преподобного* (Житие Герасима Болдинского (1585–1590));
- (25) *Да не токмо намъ ругаются и смѣются, но самому Создателю образу и Рождьшней Его* (Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском (1610–1611)).

над + ТП

- (26) *И уже еще нечего имъ, врагомъ, замыслити и встѣхъ насъ, православныхъ християнъ, тѣснити и ругатися надъ ними и величаться и смѣются* (Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском (1610–1611)).

о + МП

О-конструкция маркирует объект насмешки:

- (27) *И блаженнаго Михаила узрѣвши, уродствено грядуща по улицы, вси дѣтние игры своя оставльши, аки на чудо к Михаилу притекоша, смѣющеся о нем и рукающеся ему* (Повесть об Ионе, архиепископе новгородском (1495–1505)).

В примере (28) форма ДП (*ти*) указывает на объект насмешки, а *о* + МП — на причину смеха.

- (28) *А еже от преизлишнаго надменія и гордості, мящесе о собѣ мудрѣ и всея вселенныя учитель быти, пишеши до чюждие земли и до чюждых слуг, аки научающе ихъ и наказующе, яже паче здѣ смеют ти ся о семъ и наругаются...* (Андрей Курбский. Третье послание Курбского Ивану Грозному (1577–1583)).

В (29) форму *о* + МП (*о семъ*) можно интерпретировать как указание на объект (над чем смеются) или на причину, из-за которой объект подвергается осмеянию (из-за чего смеются), ср. также (31), (32) с вариантами *от* + РП и *с* + РП.

- (29) *И рече ему: «Любимый мнѣ и милый Каньсире, иже кая полза от воспанія сего хоцет быти, колѣна ногамъ своимъ воспай, има же да укрепится; аще ли псаломъ старость крепиши, ни глаголю тебѣ — не воспайся, — яко да вапсило тебѣ не превратит мене себѣ млада, и старостию напрасно умрети имаеши». О семъ властели его много смеялися* (Александрия (XV в.)).

В следующем примере представлены две конструкции *о* + МП, замещающие валентности объекта (*о том*) и причины (*не о чем* ‘незачем’).

- (30) *А Овдеи, государь, писал ложно, никуды ево не таскивал(и), да и нигде не сиживал, и смеятца нам о том не о чем* (Грамотка приказчика М. Антипьева в с. Спасское (1681.11.03))⁹.

от + РП

- (31) *...да по стѣмъ искусни доволнѣ будемъ и изберемъ мудрѣ сущимъ посредняя; и когда ни естъ сызнова в тиски свое учение воиньское справлено буди, да отъ несоветовъ нашихъ посторонные не смеялися...* (С. У. Ремезов. Ремезовская летопись по Мировичеву списку (1690–1700)).

с + РП

Управление *с* + РП встретилось один раз в трактате «О причинах гибели царств». Это произведение А. И. Соболевский считает переводом с польского,

⁹ Ср. также аналогичное построение фразы с глаголом *тужить*: *И кая деревня сидела на полуверсте, а по тому розмеру аще протягнетца на версту, или и на полторы, то о том тужить не о чем* (И. Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему... (1718—1725)). Сочетание *не о чем* ‘незачем’ имеет синоним *нечего*: *Нас, государь, и впрям(ь) берут, да поб(ь)еши челом, так и отпустят, а смѣятца, государь, тому нам нечево, ево ли или ково-нибуд(ь) воз(ь)мут* (Грамотка приказчика М. Антипьева в с. Спасское (1681.11.03)).

а язык трактата характеризует как «церковно-славянский с полонизмами» (цит. по [Салмина 1954: 334]). М. А. Салмина допускает, что сочинение прошло двойной перевод — с польского на украинский и с украинского на русский или является компиляцией из нескольких переводов [Там же]. Отмечается, что в памятнике встречаются языковые особенности, характерные как для польского, так и для украинского языка. К числу таких особенностей относится и управление *с* + *РП* у глагола *смѣяться*.

- (32) *И з того постановленья царя Теопомпуса смеялась одного времени жена его, говоря тѣми словы: «Какъ ся ты не соромишь того, царь Теопомпись, что ты меньшую власть и достоинство царское сыномъ своим оставляешь, нежели ею от прародителей своихъ взял еси?»* (О причинах гибели царств (1600–1610)).

в + МП

- (33) *А тотъ воръ Тимошка передъ вами, Фредерикомъ княземъ, съ нашими царского величества посланными, съ Васильемъ Шилкинъмъ да съ новгородцомъ съ Петромъ Микляевымъ, на очной ставкѣ, какъ они его воровство и худую природу учили уличать, во всемъ смѣлся и то объявилъ впрямь, что онъ, воръ, Демки холщевника да матери Соломанидки сынъ (Царская грамота к герцогу голштинскому Фредерику с выражением удивления по случаю невыдачи герцогом подьячего Тимофея Анкидинова... (1653.08.02));*
- (34) *А того отнюд не моги сотворити, еже бы ему в чем либо посмеятися; аще и ухнетца, яко человек, ты же храни его, яко отца своего, дабы тебе от Бога за непочитание его не принять какой казни...* (И. Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему... (1718–1725)).

Кроме ‘насмехаться’, в старорусском корпусе встретилось всего два значения: ‘пренебрегать кем/чем-н., не бояться кого/чего-н.’ с управлением *ДП* (35) и ‘говорить с кем-н. со смехом, смеясь’ с управлением *к* + *ДП* (36). Значение глагола *смѣяться* с управлением *к* + *ДП* в этом контексте можно сформулировать также как ‘смеяться, издавать смех’ [СДРЯ XI–XIV, т. 11: 407]. Важно, что здесь глагол не имеет семантики насмешки.

- (35) *О сем же сей терпеливый мужъ всему сему дѣемому над ним смеяся, а иже с ним стражующим и плачущихся от биения, и тѣх утешаше...* (С. Азарьин. Житие архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия (1648–1654));
- (36) *Воспитай дѣтице с прещениемъ, и обрящеши о немъ покой и благословение; не смѣйся к нему, игры творя: в мале бо ся ослабиши — в велицѣ поболити, скорбя, и после же яко оскомины твориши души твоей* (Домострой (1500–1560)).

3.2. Смеяться 'насмехаться' в материалах основного корпуса НКРЯ
(подкорпус XVIII в.).

В корпусе XVIII в. несколько сокращается количество вариантов управления (см. Таблицу 1) и, при преобладании *ДП*, появляется уже много примеров *над*-конструкции.

- (37) *Онъ самъ весьма себя почитаетъ, но всѣ ему смѣются* (Ф. А. Эмин. Адская почта или курьеръ изъ ада съ письмами (1788));
- (38) *Кто за сіе злится, тотъ другихъ надъ собою смѣяться понуждаетъ* (С. С. Волчков. Придворной человѣкъ [перевод книги Грациана с французского] (1742)).

Прослеживается тенденция к распределению вариантов в зависимости от типа объекта: при неодушевленном объекте преобладает *ДП*, при одушевленном — *над + ТП*, см. Таблицу 2.

Таблица 2

Распределение вариантов *ДП* и *над + ТП* в зависимости от типа объекта

	Одуш.	Неодуш.	Всего
<i>ДП</i>	40 (28 %)	103 (72 %)	143
<i>над + ТП</i>	54 (78 %)	15 (22 %)	69

Строгого распределения, однако, нет, что проявляется в возможности употребления одинаковой формы для одушевленного и неодушевленного объекта в одном контексте:

- (39) *Ты смеешься моим письмам — смейся, мой друг: я сам часто себе смеюсь* (М. В. Сушков. Российский Вертер (1801)).

В качестве объекта может выступать человек или, реже, животное. При этом если объект насмешки — животное, чаще выбирается форма *ДП*, хотя примеров для уверенного утверждения недостаточно (три примера с *ДП*, один — с *над + ТП*).

- (40) *Можно легко рассудить, что ему в том отказали, а как о том пронесся в лесу слух, то начали ослу звери смеяться* (Д. И. Фонвизин. Осел библиотекарем [перевод басни Л. Хольберга с немецкого] (1761–1765));
- (41) *Невестки смеялись заочно над лягушкой и говорили: «Что-то муж ее завтра к королю принесет»* (Сказка девятая о лягушке и богатыре (1787)).

Кроме того, встречаются следующие варианты управления: *для + РП*, *насчет + РП*, *о + МП*, *сам в себе* и др.

- (42) *Увидит то царь Сезостр, сидящий на колеснице, и вопрошает, для чего смеется; а он отвечает, для того, рече, что вижду колесо обращающееся, и тая часть, которая была низу, идет горе, а тая, которая была горе, идет низу* (митрополит Стефан (Яворский). Проповеди (1700–1722));
- (43) *Сотовариществовал ему в путешествии шурин его Гвардии Офицер, человек молодой любящий шутку безвредную, и охотно смеялся на шет глупцов* (А. Н. Радищев. Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений (1789)).

Глагол с управлением *о + МП* (44) не имеет семантики насмешки, ср. (27), (28).

- (44) *Потищсь узнавать того, кто смѣется безъ причины, и другова, которой никогда о пустомъ, и ложномъ не смѣется* (С. С. Волчков. Придворной человѣкъ [перевод книги Грациана с французского] (1742)).

Процесс дальнейшего вытеснения *ДП* и закрепления *над*-конструкции как доминирующего варианта управления при глаголе *смеяться* в течение XIX–XX вв. требует отдельного изучения и в данной работе не рассматривается.

По мнению Ю. Д. Апресяна, экспансия формы *над + ТП* подчиняется определенной тенденции развития синтаксического строя языка, состоящей в том, что «слова одного семантического класса стремятся объединиться одним типом связи с подчиненным (управляемым) словом» [Апресян 1967: 28]. Таким образом, происходит так называемое «выравнивание по аналогии» — управление беспредложным *ДП* сменяется вариантом *над + ТП* под воздействием других глаголов данного семантического класса, которые управляют сочетанием предлога *над* и имени в творительном падеже: *смеяться кому/чему-н.* > *смеяться над кем/чем-н.* как: *глумиться, издеваться, измываться, насмехаться, шутить над кем/чем-н.* [Там же].

4. Управление глаголов смеха и насмешки в диалектных словарях

В русских говорах вариативность управления при предикатах смеха и насмешки представлена чрезвычайно широко, в частности, в «Словаре русских народных говоров» у глагола *смеяться* фиксируются следующие варианты управления: *вкруг кого-н.* *Да й не надо ти смеяться вкруг богатырей* Петрозав. Олон., Гильфердинг; *за кем-н.* *Они за ним смеялись.* Козл. Тамб., 1896; *за кого-н.* Мосал. Калуж., Втор. Доп., 1905–1921; *из кого-н.* *Смейтесь из старого.* Бесед. Курск., 1966; *кем-, чем-н.* *Ей вперед приснился сон, она этим сном смеялась.* Р. Урал, 1976; *кого-, что-н.* *Не смейся людей, когда все смешки у тебя в мешке.* Петрозав. Олон., 1896;

кому-, чему-н. Слов. Акад. 1822. Олон., 1885–1898; *Станут люди все мне смеяться. Будут звать меня как заугольником.* Пудож. Олон.; *Смеяться будут мне.* Бесед. Курск. Слов. Акад. 1962; *около кого-, чего-н. Я долго около его смеялся.* Смол., 1905–192; *Кул меня пая* [милый, возлюбленный] смеется, *А я хуже кул его.* Осташк. Твер.; *о чем-н.* Даль; *с кого-, чего-н.* Курск., Орл., Тул., Калуж., 1840. Смол.; *Муж у меня смеется с меня.* Рост.; *Пусть добрые люди не смеются с нашего рода-племени.* Оренб. [СРНГ 2005: 15].

Обследование русских диалектных словарей проводилось на базе сводного тезауруса, который представляет собой гипертекстовую базу данных с системой поиска [Лесников и др. 2019]. Поиск производился по глаголу *смеяться*. В результате были найдены все встречающиеся в словарях контексты со словом *смеяться* (в виде заголовочного слова, в составе примера или в составе толкования), также были отобраны все приставочные дериваты. Согласно полученным результатам, материал условно можно разделить на три группы: данные севернорусских говоров, западнорусских и южных и юго-восточнорусских. Это соответствует структурно-типологической классификации русских диалектов, разработанной Н. Н. Пшеничновой, в которой на первом классификационном уровне выделяются три типа говоров: Севернорусский, Западнорусский и Южнорусский (четвертая классификационная единица первого уровня — переходные Среднерусские говоры) [Пшеничнова 1996: 44, 49].

4.1. Для анализа моделей управления были рассмотрены следующие словари **западнорусских говоров**: «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК), «Новгородский областной словарь» (НОС), «Псковский областной словарь» (ПОС), «Словарь смоленских говоров» (ССГ), «Словарь народных говоров Западной Брянщины» (СНГЗБ). Ниже приводятся варианты управления разных глаголов смеха и насмешки, обнаруженные в перечисленных источниках.

1) *над + ТП*: *га́лить, га́литься, досмея́ться, доха́хаться, зуба́рить, издева́ться, нага́литься, насмея́ться, отсмея́ться, подша́лить, помы́ть зубы, присмея́ться, прихота́ться, расхо́хать, смея́ться, чи́райдать, шкóдничать, шмо́нить* [СРГК]; *га́кать, смея́ться, посмея́ться, ку́брить, пога́лить, стрю́каться* [НОС]; *костопы́житься, надрига́ться, надрыга́ться* [ПОС]; *надражня́ться, покати́ться по́катом, уха́хатыва́ться, уха́хота́ться* [ССГ].

2) *ДП*: *Кто-ть прийшо́л к мужыку́ аннаму́ и ньшуті́л яму́: взял дъ́ и сня́л замо́к с двéри* [ПОС, вып. 20: 442].

3) Модели с предлогами *около, вокруг, возле*¹⁰.

¹⁰ Об употреблении предлогов *вокруг, около* при обозначении лица, вызывающего насмешку или удивление (после глаголов *смеяться, дивиться*), в псковских говорах см. также [Гомонов 1968: 104].

а) *около/кул/вокыло/коло* + *РП*: *Хватит вам около них галиться, около ребят смеяться* [СРГК, вып. 1: 324]; *Что ты зубы омываешь около Тани?* [СРГК, вып. 2: 259]; *Окол меня смеются* [НОС: 710]; *Дефки фсе вижжали кул ёво* [ПОС, вып. 4: 14]; *Апсмиёсси кола вас* [ПОС, вып. 22: 400]; *Ну й нъригытались жа мы вокыла яго* [ССГ, вып. 7: 36]; *Як табе не стыдно! Чаго ты кала яго глузуешь!* [СНГЗБ: 80]; *Ну й парэгатали ж мы кала его!* [СНГЗБ: 199].

б) *вокруг/круг* + *РП*: *А теперь меньше стали говорить, молодые-то вокруг стариков смеяться стали* [СРГК, вып. 1: 220]; *Пооскалились круг бабок* [СРГК, вып. 5: 74].

в) *возле* + *РП*: *Нарот весь нъсмешылся вóзле явó* [ПОС, вып. 20: 280].

4) *для/гля/гли* ‘около, возле’ (или ‘для’) + *РП*: *Чавó для старáва чилавёка смийёсса? Аны́ для миня смиюцца* [ПОС, вып. 9: 77]; *Я сама хохотала гли старых, когда молодая была. Смеяться гля детей вредно, заболеют* [НОС: 166]¹¹.

5) *за* + *ВП*: *Я сама за себя стала смеяться* [СРГК, вып. 2: 78].

6) *на* + *ВП*: *Она только просмеется на это* [СРГК].

7) *от* + *РП*: *Быу учора сват, дък мы ат яго ныйкытались, аж сягни жывот балить* [ССГ, вып. 7: 5].

В материалах диалектологических экспедиций в смоленские говоры в 1929–1931 гг. отмечены варианты управления *около* + *РП*, *кала* ‘около’ + *РП*, *с* + *РП* наряду с *над* + *ТП* [Расторгуев 1960: 155]; в монографии о синтаксисе смоленских говоров на основе экспедиционных данных 1968–1982 гг. — *ка́ла/каля́* + *РП*, *около* + *РП*, *над* + *ТП*, *с/з* + *РП*, *про* + *ВП*, *против* + *РП*, *для* + *РП* [Прохорова 1991: 115].

4.2. Данные южных и юго-восточных говоров извлечены из «Словаря курских говоров» (СКГ), «Словаря курских народных говоров» (СКНГ), «Словаря орловских говоров» (СОГ), «Опыта областного словаря Белгородчины» (ООСБ), «Словаря современного русского народного говора (д. Деулино)» (Деул.), «Словаря тульских говоров» (СТГ). Были рассмотрены также «Большой толковый словарь донского казачества» (БТСДК), «Словарь донских говоров Волгоградской области» (СДГВО), «Словарь русских говоров Одесщины» (СРГО). Выделены следующие варианты управления глаголов смеха и насмешки.

1) Модель *над* + *ТП* здесь также представлена чрезвычайно широко при глаголах *смеяться* [СКНГ; СТГ; СДГВО], *гоготать* [СОГ; ООСБ], *надсмехаться* [Деул.], *подсмеять* [БТСДК], *галегóниться*, *га́литься*, *зака́таться*, *наку́тить*, *осмехаться*, *подъефэ́ривать*, *хлехотать*, *хохотать*, *шалова́нить* [СДГВО].

¹¹ О наличии в псковских, новгородских, олонечских говорах предлогов-омонимов *для* (с вариантами *дле*, *дли*, *гля*, *гле*, *гли* и др.) со значениями ‘для, ради’ и ‘около, возле’ см. [Гомонов 1962: 78–80]; ср. также пример (43) из подкорпуса XVIII в.

2) *с + РП*: *Как зъргигатали с ниё, девка и ушла* [СКГ, вып. 4: 86]; *Гра-хачу я с канаплятых* [СРГО, вып. 1: 147]¹².

3) *из + РП*: *Адин насмиялси из ней, типерь иво судить будуть* [БТСДК, 311].

4) *на + ВП*: *Што ты гызыкаиш на кажный пустяк? Ай дурьщкь?* [СОГ, вып. 3].

В описаниях воронежских [Собинникова 1961: 165] и старооскольских говоров [Солодовников 1867] фиксируется также управление беспредложным *ДП*.

4.3. Материалы словарей **севернорусских говоров** демонстрируют отсутствие столь широкой вариативности управления при глаголах смеха и насмешки. Данные извлечены из «Архангельского областного словаря» (АОС), «Ярославского областного словаря» (ЯОС), «Словаря вологодских говоров» (СВГ), «Областного словаря вятских говоров» (ОСВГ), «Словаря говоров Костромского Заволжья» (СГКЗ).

Преобладающим во всех этих словарях является вариант *над + ТП*: *зубáнить, лы́биться, поглуми́ть, смеяться, хахáлиться* [ЯОС]; *гоготáть, грáять, досме́ху досмея́ться, залива́ть* [АОС]¹³; *бахва́лить, га́литься, пога́литься, загра́ять, награ́яться, комéдить, камéдить, надéковаться, натруни́ться, оскала́ться, присмея́ться, скура́житься, схáхатъ, схохотáть* [СВГ]; *ва́згать, галу́шиться, гига́нить, надмуца́ться, озóйничать, оскала́ться, осмеха́ться, пога́литься, подéковаться, подтовáривать, призыва́ться, усмея́ться* [ОСВГ]; *смеяться* [СГКЗ].

Кроме того, в [ЯОС] зафиксирован вариант *на + ВП*: *Я сегодня на него просто угалился* [ЯОС, вып. 10: 8].

4.4. Для восточных среднерусских говоров репрезентативный материал словарей отсутствует. Вариант *на + ВП* при глаголе *смеяться* отмечен в современных владимирско-поволжских говорах Гороховецкого района Владимирской области [Букринская, Кармакова 2018: 317].

Таким образом, предикаты со значением насмешки, которые управляют предложно-падежным сочетанием *над + ТП*, есть во всех рассмотренных словарях и этот вариант управления следует признать наддиалектным, общерусским. В северных говорах он почти не имеет конкурирующих вариантов.

Варианты *с + РП*, *из + РП* характерны для южных и юго-восточнорусских говоров: *с + РП* — для курско-орловских, а также донских, русских говоров Одесщины, *из + РП* — для донских говоров (а также некоторых воронежских, белгородских, см. раздел 5).

¹² Вариант *с + РП* обнаруживается также в словаре говора уральских (яицких) казаков [СГУК].

¹³ Картотека АОС при глаголах *смеяться*, *хохотать*, на которые еще нет словарных статей, также дает только управление *над + ТП*.

Наиболее широкая вариативность управления при глаголах смеха и насмешки имеет место в западнорусских говорах. Только здесь фиксируются управляемые формы с предлогами *около, коло, кул, возле, вокруг, круг, для*. Единичными примерами представлены также варианты *ДП, за + ВП, на + ВП, от + РП*.

5. Управление глаголов смеха и насмешки в современных диалектных корпусах

Рассмотренные электронные корпуса размещены на сайте Международной лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ¹⁴. Эти корпуса также можно условно разделить в зависимости от территории на западнорусские, южнорусские и севернорусские. В корпусах ивановских и костромских говоров (восточных среднерусских и северо-восточных) интересующего меня материала не встретилось. К исследованию была привлечена также база данных подмосковного владимирско-поволжского окающего говора д. Пустоша, который относится к восточным среднерусским говорам [Пст].

5.1. Западнорусские корпуса

Особенности управления общерусских глаголов насмешки описываются на материале шести современных западнорусских электронных корпусов.

1) Корпус опочецких говоров: Опочецкий район Псковской области; объем — 49 654 словоформы; Псковская группа акающих среднерусских говоров [Опч].

2) Корпус говора деревень Шетнево и Макеево: Западнодвинский район Тверской области; объем — 58 003 словоформы; Псковская группа говоров [ШМ].

3) Корпус говоров Лужниковского сельского поселения: Вышневолоцкий городской округ Тверской области; объем корпуса — 68 666 словоформ; селигеро-торжковский говор, западные среднерусские акающие говоры [Лжн].

4) Корпус говора деревни Нехочи: Хвастовичский район Калужской области; объем — 88 965 словоформ; Верхне-Деснинская группа говоров южного наречия [Нхч].

5) Корпус говора Хиславичского района: западная часть Хиславичского района Смоленской области; объем — 260 793 словоформы; Западная группа южного наречия [Хсл].

6) Корпус с. Спиридонова Буда: Злынковский район Брянской области; объем — 70 564 словоформы; белорусско-северский говор [СП].

Говоры Опочецкого района, Лужникова и Шетнева и Макеева являются среднерусскими северо-западными, диалекты Хиславичского района и Не-

¹⁴ См. <http://lingconlab.ru/>.

хочей относятся к южному наречию. Особого комментария требует корпус Спиридоновой Буды, который содержит пограничный белорусско-северский говор [Расторгуев 1927; ДАРЯ, I: VI]. Два корпуса — Лужниковский и Нехочинский — представляют говоры, расположенные на восточной границе Западной диалектной зоны (по классификации единиц диалектного членения [Захарова, Орлова 1970]).

В материале западнорусских корпусов у глаголов насмешки представлены три варианта управления: *над* + *ТП*, *ДП*, и *на* + *ВП* (количественное распределение см. в Таблице 4)¹⁵. В качестве объекта во всех примерах выступает человек.

над + ТП

Над-конструкция есть во всех рассмотренных корпусах, в большинстве из них она сосуществует с диалектными вариантами управления, кроме Опочечского корпуса, где зафиксирован только вариант *над* + *ТП*. Отсутствие в корпусе диалектных вариантов может объясняться разными причинами и не обязательно означает отсутствие их в говоре.

(45) *Они (аны) хохочут надо мной*¹⁶. Опч.

ДП

Вариант *ДП* встречается в смоленском корпусе Хсл и калужском Нхч. Глагол в зафиксированных примерах не имеет значения 'насмехаться', а употребляется в значении 'говорить что-н. кому-н. со смехом, шутя', замена *над-конструкцией* здесь невозможна. Форма *ДП* в этих примерах заполняет валентность адресата.

(46) *Я им смеялась, я говорю, я сено когда скошу, тогда дождь пойдёт*. Хсл.

(47) *Вот, вот и это-то, все это, все смеялись мне: «Ну она у тебя, Натах, и правда мещанка»*. Нхч.

¹⁵ В корпусе говоров Ильменского Поозерья (Новгородская группа западных среднерусских окающих говоров), который был размещен на сайте Международной лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ уже после того, как статья была сдана в печать, отмечен также вариант *около (коло) + РП*: *Будут смеяться около меня: теперь бабка старая; «А хлебушка-то купила?» — «Купила буханочку». — «А чего ж ты не поела?» — «Буханку починать надо». А мне хотелось принести домой целую. Дак около меня смеялись потом: «Буханку починать надо». С голоду помирает, буханку починать надо [ИП]*. Этот вариант был обнаружен также в корпусе смоленских говоров при глаголе *ржать*: *Ну он принёс, тянет это дитё коробку, что ты, ну мы козлёнка взяли, посадили туда (туда) в коробку. А донести (донести)? Я говорю, донеси. Куды? В Смоленск. Мы ржали коло неё [Хсл]*.

¹⁶ Здесь и далее примеры даются в том виде, в каком они содержатся в корпусах.

При этом в Нхч зафиксированы также примеры *над-конструкции* при лексеме *смеяться* ‘насмехаться’, где форма *над* + *ТП* маркирует объект насмешки.

- (48) *Ну и что получается. Готовлю собаке. А она мне показала такой-то вот кусок масла сливочного. Вот, Наташ, ты в вермишель клади масло. Я говорю: смеется надо мной, что я колхозница? Вот. Мои дети этого не видят, а я собаку буду кормить...* Нхч;
- (49) *От, дай ей масла! И вот этот эпизод как рассказала в хранилище, что надо мной... что мы смеялись!* Нхч.

Примеры немногочисленны, но, как кажется, свидетельствуют о семантическом распределении вариантов *ДП* и *над* + *ТП*. Таким образом, в этом случае можно говорить не о сохранении архаического управления *ДП* при глаголах насмешки, а об инновации, о сдвиге значения глагола *смеяться* и появлении у него управления беспредложным *ДП* под влиянием глаголов речи (*говорить кому-н.*), где форма *ДП* заполняет валентность адресата общения.

на + *ВП*

Вариант *на* + *ВП* отсутствует в СРЛЯ¹⁷ и только один раз встречается в историческом корпусе (см. (20)). В диалектных словарях он представлен единичными примерами на территории ярославских и орловских говоров.

В исследованном корпусном материале управление *на* + *ВП* есть в двух корпусах тверских говоров Лжн и ШМ, а также в корпусе белорусско-северского говора СП, т. е. на северо-востоке и крайнем юго-западе Западной диалектной зоны. Кроме того, этот вариант встретился в материале говора Нхч, не вошедшем в корпус (см. (52)). В примерах (50)–(52) глагол имеет семантический компонент насмешки, форма *на* + *ВП* маркирует объект.

- (50) *Не буду больше говорить, ну вас, я натреплюся, а то будете, будете в Москве смеяться на бабу дуру.* Лжн;
- (51) *Я просто, у меня мама, бывало, Варюшка, скажут, придет, говорит, она никого не будет осуждать, она про себя расскажет, смеемся, смеемся на нее, и все, вот такая была.* Лжн;
- (52) *Собака стала жрать, а я говорю: чтоб тебе (б...), рот (м...ою) стал. Как они засмеялись все на меня!* Нхч.

¹⁷ Пример ненормативного управления *на* + *ВП* при предикате *смешно* представлен на портале Стихи.ру: «Несчастные, вам счастья не дано / Вы беситесь, слезами истекая! / Вы дураки, и мне на вас смешно! / (Как будто бы сама я не такая!)». Здесь же помещена пародия на это стихотворение: «Читаю я такое в первый раз / и горькими слезами истекаю, / дурак я, мне смешно на вас, / но я на вас совсем не упекаю», см. <https://stihi.ru/2015/06/27/7530?ysclid=ldoqkn2a9i253568944>.

В корпусах Лжн и ШМ фиксируется и альтернативное управление *над* + *ТП*, которое маркирует объект; глагол при этом также имеет значение ‘насмехаться’. Таким образом, формы *над* + *ТП* и *на* + *ВП* оказываются дублетными.

- (53) *Смеются надо мной, я сама над собой посмеюся. А там как хочешь, пусть думают.* Лжн;
 (54) *Ой, тогда смеялись так над ним долго — это ужас один было, как только он в Степаньково — там все смеются.* ШМ.

В примерах (55), (56) *смеяться* можно рассматривать как речевой глагол со значением ‘говорить со смехом, смеясь’, в этом случае форма *на* + *ВП* реализует семантическую роль адресата сообщения, прямой речью выражается валентность содержания.

- (55) *Я, глядит-ка так, смеётся на меня: «У тебя туфель спал». Я бегу, босой ногой, подошвой «Хлоп!», это за это, бегу туфель же шукаю свой.* СП;
 (56) *Надо совсем чуть-чуть, ну а я, а я ж, бывало, это самое, ну говорю: «Давай не будем сажать», — я говорю, — засмеялась на меня: «Мам, ну как ты будешь, я не знаю».* ШМ.

В связи с вариантом *смеяться на кого-н.* нельзя не вспомнить про реализацию формой *на* + *ВП* валентности адресата при глаголах речи (*говорить, сказать на кого-н.*) в южнорусских и западных среднерусских говорах (калужских, смоленских, брянских, липецких, курских, воронежских, старооскольских, тамбовских, псковских, тверских), а также в украинских и белорусских. Обзор литературы и анализ этих конструкций см. в [Малышева 2018; Ронько 2021]. С. М. Прохорова характеризует *на* + *ВП* при глаголах речи в смоленских говорах как балто-славянскую новацию [Прохорова 1991: 29–30]. В исследованиях по диалектному синтаксису выдвигается гипотеза, что конструкции с *ДП* (*говорить, сказать кому*) и *на* + *ВП* при глаголах речи имеют семантическое распределение. Форма *ДП* употребляется в контексте чистого сообщения, передачи информации, а форма *на* + *ВП* — в том случае, если речевое действие содержит агрессию, критику, осуждение или имеет императивный характер; целью говорящего является воздействие, давление на собеседника. Таким образом, семантическая роль получателя сообщения (адресата) обогащается ролью объекта воздействия. В [Ронько 2021] семантика конструкций с глаголами речи и сочетанием *на* + *ВП* рассматривается в свете работы О. Н. Селиверстовой о семантическом компоненте воздействия, заложенном в предлоге *на* [Селиверстова 2000: 213–214]. Далее приводятся несколько ранее не опубликованных примеров *на*-конструкции при глаголах речи.

- (57) *Таня жила эта... Она померла. Коровы были, овечки. Гонит овец. Говорит, эта, Таня на него: «Костя! Где мой баран?» <...> Я говорю: «Ну что, Тань. Спросила, где твой баран?» Она было ему*

- и песни страмные играет ему. И я говорю: «Как ты ему, так и он тебе». ШМ;*
- (58) *Ну дёрзкий. Мать всё на него, покойница, казала: ох, тебе, Мишу, весь у тебя характер деда Илюхи. Нхч;*
- (59) *А я говорю на него, на председателя говорю: Степанович, а не будет это много дуже — четыре литры сразу? Хсл;*
- (60) *Тут в Жанвили никто не держал ни овец и ни уток. Я на маму говорю, мама. Куда (куды) мы приехали, что говорю, боже мой, говорю. Они (яны), говорю, ни овец, ни уток не держат. Что они тут держат? Хсл.*

Тот же семантический компонент воздействия можно отметить и у глаголов насмешки с моделью управления *на + ВП*. С точки зрения лингвогеографии, однако, полного параллелизма конструкций *смеяться на кого-н.* и *говорить на кого-н.* не наблюдается. Конструкция *говорить, сказать на кого-н.* имеет более широкое распространение и обнаруживается как в западнорусских корпусах Опочецкого района, Шетнева и Макеева, Хиславичского района, Нехочей, так и в юго-восточных корпусах Малинина Липецкой области и Роговатки Белгородской области, но отсутствует в самом северо-восточном из рассмотренных западнорусских корпусов — Лужниковском. Управление *смеяться на кого-н.* встречается лишь в трех западнорусских корпусах: Лужниковском, Шетнева и Макеева и Спиридоновой Буды, а также в полевом материале говора Нехочей (см. Таблицу 3).

Таблица 3

Управление *на + ВП* при глаголах речи и насмешки

	Лжн	ШМ	Опч	Хсл	СП	Нхч	Млн	РГв
<i>Говорить, сказать на + ВП</i>	—	+	+	+	(+?) ¹⁸	+	+	+
<i>Смеяться на + ВП</i>	+	+	—	—	+	+	—	—

за + ВП

В корпусе СП есть контекст, где информант затрудняется в выборе управления: *на меня* после некоторой заминки исправляется на *за меня*.

- (61) *Вы не смеётесь на ме = , за меня?* СП.

¹⁸ Единственный пример управления *на + ВП* из корпуса СП интерпретируется неоднозначно. Речь идет о том, что сын информантки женился на женщине с ребенком, которая позже отказалась от этого ребенка: *Вот она сказала: «Он [ребенок] мне никто». Вот як вы скажете на неё [ей или о ней?], а? Ну? (...) Вот родная matka отказалась от своего дитёнка. «Он мне никто», — сказала.*

5.2. Южнорусские корпуса

Ниже приводятся примеры управления глагола *смеяться* из корпусов с. Малинино Хлебенского района Липецкой области объемом 139 039 словоформ [Млн] и с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области объемом 100 047 словоформ [Ргв] (оба корпуса содержат говоры межзональной группы Б южнорусского наречия по классификации [Захарова, Орлова 1970]).

В корпусе с. Малинино фиксируются варианты *ДП* и *над + ТП*, в корпусе с. Роговатое — только *из + РП* (это единственный говор из всех рассмотренных, где не обнаружено ни одного употребления *над-*конструкции).

Глаголы смеха с управлением *ДП* имеют значение ‘насмехаться’ (62), но чаще ‘говорить что-н. кому-н. со смехом, шутя’ (63)–(66), с управлением *над + ТП*, *из + РП* — только значение ‘насмехаться’ (67)–(77).

Д П

- (62) *И вот эта, смеялись этой бабке. Энта Шаша померла, а эта — двадцать лет с ней прожил! С этой бабкой с другой.* Млн;
- (63) *Он пьяный напился, и давай в свою жену стрелять! И стрельнул, я не знаю, попал или нет в нее, и вот всё ему смеялись. Мы говорим: Кузьк, зачем ты в Ольку стрелял? Он говорит: я не в Ольку — Ольгой её звали — я не в нее стрелял, я стрелял в утку! А попал в Ольгутку!.. Смеялись ему... А так во ему смеялись: Кузька — жук, ты зачем в Ольку стрелял?* Млн;
- (64) *У меня спрашивает, а я говорю, а чёрт ее знает, что такое мини! Вот. «А бриджи что ж такое?» — «Это, — я говорю, — лошадь, наверное, запрягать!» — смеюсь ему.* Млн;
- (65) *И вот мы ей как смеемся, как Пасха, мы говорим, ну, мы пришли к тебе на день рожденья, смеемся.* Млн;
- (66) *А у нас двоюродная сестра приехала с Москвы, она говорит: «Тётъ Шур, а как ты, — говорит, — это, разгадываешь гусей, они все одинаковые!» А я говорю, а я ей посмеялась, я была в Москве. А я говорю: «Приехала в Москву, как вы различаете, где улицы, где дома, — я говорю, — они все одинаковые, все высокие, — я говорю, — я не знаю ни улицы, — я говорю, — ничего». Они надо мною все!* Нхч.

над + Т П

- (67) *Мы ведь вывернем иной раз слово, смеются над нами!* Млн;
- (68) *Это вот, смеются, это, надо мной.* Млн;
- (69) *Опять смеюсь я над собой, с зубами стала молодой. Да жаль, они не для еды, во рту они для красоты.* Млн.

из + РП

В старооскольском говоре с. Роговатое встречается только вариант *из + РП* (см. также примеры в [Дьяченко и др. 2013: 283]).

- (70) *Всё бывало смеялись друг из друга.* РГв;
 (71) *Будете из меня смеяться дома, я вам тут, девочки...* РГв;
 (72) *Она так насмеялась из него: на рани, молодые! А он, молодой этот, взбесился.* РГв.

В полевых записях роговатовского говора, не вошедших в корпус, также представлен только вариант *из + РП*:

- (73) *Бабушкь, н'и выгл'адывьй, из м'ен'э см'айуць.*
 (74) *У нас из ъднэй б́апк'и см'ийэццъ с'эл'ицкьй, у́ввьд: «Буиш з́амуш выхад'йт'?»*
 (75) *Из нас ы зьсм'ийэс'с'и, а што ш!*
 (76) *Н'ехай из м'ен'э пьсм'ейуць.*
 (77) *Из м'ен'э пьурьхоч'ут'.*

5.3. Севернорусские корпуса

На сайте Международной лаборатории языковой конвергенции размещены восемь электронных корпусов говоров Архангельской области, в пяти из которых обнаруживаются глаголы смеха и насмешки с управляемыми формами: Язык бассейна реки Устья [Уст]; Корпус говоров бассейна Верхней Пинеги и Выи [ВПиВ]; Корпус говора Средней Пёзы [СрПз]; Корпус говора деревни Веегора [Вгр]; Корпус говоров Средней Пинеги [СрПн].

над + ТП

В материале севернорусских корпусов архангельских говоров, как и ожидается, встречается только вариант *над + ТП* при лексеме 'насмехаться'.

- (78) *Отец был у его бригадиром, ой, пришёл, ещё смеется над нами.* Вгр;
 (79) *Так эта, сиделка-то, дак все смеялись над ей: «Ну что, татарочка, опять пришла?»* СрПз;
 (80) *Заругалась, а тут мужик его привёл, тот тоже надо мной хохочет.* СрПн;
 (81) *Дак ещё над ним хохочем, а говорю, Иван, пропьёшь ведь капита-на-то, дак что бабушка, то говорит, ведь мы-то уж, говорит, на работе-то не пьём, да, нам, говорит, ответственность большая.* ВПиВ;
 (82) *Там уже над ними смеются, что уже, что речь-то другая.* Уст.

Только управление *над + ТП* отмечено у глагола *смеяться* 'насмехаться' в среднерусском говоре с. Пустоша Московской области [Пст].

Таблица 4

**Статистика управляемых вариантов при глаголах смеха и насмешки
в современных диалектных корпусах**

	<i>над + ТП</i>	<i>ДП</i>	<i>на + ВП</i>	<i>за + ВП</i>	<i>из + РП</i>	<i>около (коло) + РП</i>
Западнорусские	6 (Лжн, ШМ, Опч, Нхч)	4 (Хсл, Нхч)	5 (Лжн, ШМ, Нхч, СП)	1 (?) (СП)	0	3 (ИП, Хсл)
Южнорусские	3 (Млн)	7 (Млн)	0	0	2 (РГв)	0
Восточные сред- нерусские (Пст)	6	0	0	0	0	0
Севернорусские	10	0	0	0	0	0

Некоторые другие конструкции

Помимо беспредложного *ДП* и предложно-падежных конструкций, в корпусах фиксируются также другие варианты реализации актантов при глаголах *смеяться*, *хохотать*, в частности *что*-конструкция и прямая речь.

Что-конструкция

Что-конструкция в говорах может указывать на причину, из-за которой объект подвергается насмешкам.

- (83) *Приду в лаптях, да в мамкиных нарукавниках, все хохочут, все смеются, что вот... а мне ведь уж... маленькая стала, так мне и стыдно.* Уст;
- (84) *Два таких здоровонных мужчины хохочут, на меня глядят, что я так мучаюсь.* Опч.

В части контекстов глаголы *смеяться*, *хохотать* имеют значение 'говорить что-н. кому-н. со смехом, шутя', компонент насмешки в значении отсутствует, *что*-конструкция заполняет валентность содержания.

- (85) *Пастух-от заколотит, дак она и... всё = всё хохотали, что некогда спать.* Уст;
- (86) *Тут как-то (як-то) и смеялись, что когда немцы были, дак тута ихное это всё начальство в Жанвили было.* Хсл;
- (87) *Ой, пожили. Я смеюсь, что я при всяких (пожила): и при Гитлере, и при Сталине, и при всех.* Опч.

Прямая речь

В контекстах с прямой речью также выражается валентность содержания.

- (88) *И тѣщей, и вот смеются: «Почему ты не женишься?»* Млн;
- (89) *А Мещанка, за что я ее на... вот назвала, это прямо на ферме назвала, как на ферме работала. И все смеялись: «Вот как ты ее назвала!»* Нхч;
- (90) *Раньше пойдёт на пожню, всё скажет: «Сорок девок». Смеялись: «На Водогоры сорок девок». Вот сколько!* Вгр.

Часто следом за *смеяться*, *хохотать* в контекстах с прямой речью употребляется речевой глагол, в большинстве случаев это глагол *говорить*.

- (91) *Дак я всё хохотала, говорю, Настя, тебя Кястос-то прикормил, они студенты дак, а он придёт к ним в комнату, дак принесёт.* Уст;
- (92) *У меня и Саша-то вот смеется, ну, говорит, и мама, ну и мама!* СрПз;
- (93) *Ну вот я, а я смеюсь, я говорю, вы вот гусей, я говорю, да я их, вот смотри, я говорю, сколько.* Млн;
- (94) *Я тогда смеялась, я говорю, вы теперь меня можете выкинуть в любое время, что я теперь, на вас спи = написала...* ШМ;
- (95) *Я смеюсь, это, я говорю, с веки = с век веков в гробах хоронили, с век.* Опч.

Заключение

Обследованный исторический материал показывает, что основным вариантом управления глагола *смеяться* в древнерусском языке был беспредложный *ДП*, который следует признать наиболее архаичным. В старорусский период появляется множество вариантов управления, среди них преобладающим остается *ДП* без предлога. Единственный не вполне надежный пример *над*-конструкции в старорусском корпусе относится к XVII в. В XVIII в. количество моделей управления несколько снижается и основными конкурирующими конструкциями становятся *ДП* и *над + ТП*, при этом их распределение, по материалам НКРЯ, подчиняется тенденции употребления *ДП* в случае неодушевленного объекта, а *над*-конструкции — одушевленного.

В современных русских говорах глаголы со значением 'насмехаться' демонстрируют богатейшую вариативность оформления семантической роли объекта насмешки. Данные диалектных словарей обнаруживают территориальное распределение управляемых конструкций. В севернорусских говорах (архангельских, вологодских, костромских, вятских, ярославских) *над*-конструкция практически не имеет альтернативных вариантов. Наиболее широко вариативность представлена в западно- и южнорусских говорах. В говорах Западной диалектной зоны зафиксировано самое большое количество вариантов управления. Яркой чертой глаголов смеха и на-

смешки в этих говорах, по данным словарей, является управление падежными сочетаниями с предлогами *вкруг/круг, около/коло, возле* (онежские, псковские, новгородские, смоленские, брянские говоры); не отмечены на других территориях также варианты *за + ВП, от + РП* и *гля/гли* ('для' или 'около') + *РП*. Для части южнорусских говоров характерно управление сочетаниями с предлогами *с* (курско-орловские, русские говоры Одесщины) и *из* (белгородские, воронежские, донские).

Диалектные электронные корпуса представляют собой синхронный срез современного состояния говора. С точки зрения объема этот материал довольно ограничен, поэтому сам факт наличия в корпусе того или иного варианта управления свидетельствует о том, что вариант устойчив и достаточно широко распространен в говоре. В рассмотренных корпусах, кроме общерусского варианта *над + ТП*, при глаголах смеха и насмешки представлены беспредложный *ДП* (в смоленском Хсл, калужском Нхч, липецком Млн корпусах), *на + ВП* (только в западных корпусах — двух тверских Лжн и ШМ, северско-белорусском СП и в полевом материале говора Нхч) и *из + РП* (только в белгородском Ргв). При этом беспредложный *ДП* чаще употребляется при глаголе *смеяться* в значении 'говорить что-н. кому-н. со смехом, шутя' и реализует семантическую роль адресата. Вариант с предлогом *на* указывает на объект насмешки и может быть обусловлен сближением с глаголами речи, которые также имеют в западнорусских говорах этот вариант управления (*говорить на кого-н.*).

Источники

Словари и атласы

АОС — Архангельский областной словарь. Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецово́й, Е. А. Нефедовой. Вып. 1— М., 1980—

БТСДК — В. И. Дегтярев, Р. И. Кудряшова, Б. Н. Проценко, О. К. Сердюкова. Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.

ДАБМ — Дыялекталагічны атлас Беларускай мовы. Минск: Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1963. Карта № 224.

ДАРЯ, I — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I: Фонетика / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М., 1986.

Деул. — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Г. А. Барина, Т. С. Коготкова, Е. А. Некрасова [и др.]; Под ред. И. А. Оссовета. М., 1969.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.

НОС — Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб., 2010.

НОСС 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.

ООСБ — С. А. Кошарная, А. С. Алейник, А. И. Медведева. Опыт областного словаря Белгородчины: Дифференциально-сопоставительный словарь. Белгород, 2017.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров: В 10 вып. / Отв. ред. З. В. Сметанина. Киров, 1996–2016.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1—. СПб., 1967 —.

СБГ 1984 — Словарь белорусских говоров северо-западной Белоруссии и ее пограничья: В 5 т. Т. 4: П—С / Сост. Ю. Ф. Мацкевич и др.; Ред. Ю. Ф. Мацкевич. Минск, 1984.

СВГ — Словарь вологодских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии / Ред. Т. Г. Паникаровская. Вып. 1–12. Вологда, 1992–2007.

СГКЗ — Н. С. Ганцовская. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома; М., 2015.

СГУК — Н. М. Малеча. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: В 4 т. Оренбург, 2002.

СДГВО — Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун. Словарь донских говоров Волгоградской области / Под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград, 2011.

СДРЯ XI–XIV, т. 11 — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. В. Б. Крысько. М., 1988—. Т. 11: (свѣне — стлгъ). М., 2016.

СКГ — Словарь курских говоров. Вып. 1—. Курск, 2004 —.

СКНГ — Г. И. Хильманович. Словарь курских народных говоров. Бирск, 2017.

Словарь русского арго 2002 — В. С. Елистратов. Словарь русского арго [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-russian-argo.slovaronline.com> (дата обращения: 04.09.2023).

СНГЗБ — Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного состава говоров / Авт. вступ. ст. Н. Д. Расторгуева, Е. М. Романович. Минск, 1973.

СОГ — Словарь орловских говоров / Под ред. Т. В. Бахваловой. Вып. 1–4. Ярославль, 1989–1991. Вып. 5–15. Орел, 1992–2008.

СОШ — Толковый словарь русского языка / Сост. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1992; 2-е изд. М., 1994; 4-е изд. М., 1997.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.

СРГО — Словарь русских говоров Одесщины: В 2 т. / Сост. Ю. А. Карпенко (рук.), Л. Ф. Баранник, Л. Н. Гукова, Л. И. Демьянова и др. Одесса, 2000.

СРНГ 2005 — Словарь русских народных говоров. Вып. 39. СПб.: Наука, 2005.

СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 25 (скорынья — снулый). М., 2000.

ССГ — Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11. Смоленск, 1972–2005.

СТГ — Словарь тульских говоров / Д. А. Романов, Н. А. Красовская. Тула, 2015.

СУ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I: А—Кюрины. М., 1934; Т. II: Л—Ояловеть. М., 1938; Т. III: П—Ряшка. М., 1939; Т. IV: С — Ящурный; Дополнение к первым трем томам. М., 1940.

ЯОС — Ярославский областной словарь / Под ред. Г. Г. Мельниченко. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.

Электронные корпуса и базы данных

Вгр — С. В. Князев. Корпус говора деревни Веегора. 2023. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. URL: <http://lingconlab.ru/veegora> (дата обращения: 03.08.2023).

ВПиВ — С. В. Князев. Корпус говоров бассейна Верхней Пинеги и Выи. 2021. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. URL: <http://lingconlab.ru/vaduga/> (дата обращения: 03.08.2023).

ИП — А. В. Малышева, С. В. Дьяченко, А. В. Тер-Аванесова. Корпус говоров Ильменского Поозерья. 2023. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. URL: <http://lingconlab.ru/novgorod> (дата обращения: 15.04.2024).

Лжн — А. В. Малышева, А. В. Тер-Аванесова. Лужниковский корпус. 2021. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. URL: <http://lingconlab.ru/luzhnikovo/> (дата обращения: 03.08.2023).

Млн — А. В. Тер-Аванесова, Ф. А. Балабин, С. В. Дьяченко, А. В. Малышева, А. Б. Панова, В. А. Морозова. Корпус говора села Малинино. 2019. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/malinino/> (дата обращения: 03.08.2023).

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 13.01.2020).

Нхч — А. В. Тер-Аванесова, С. В. Дьяченко, Е. В. Корпечкова, А. В. Малышева, И. С. Пекунова, М. Н. Толстая. Корпус говора деревни Нехочи. 2020. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции (НИУ ВШЭ), ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН. URL: <http://lingconlab.ru/nekhochi/> (дата обращения: 03.08.2023).

Опч — Р. В. Ронько, Е. А. Вольф, М. Ю. Гребёнкина, М. Ю. Ершова, А. В. Охачкина, А. С. Хадасевич, В. А. Морозова. Корпус опочечких говоров 2019. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/opochka> (дата обращения: 03.08.2023).

Пст — С. А. Крылов, А. В. Тер-Аванесова. Электронные базы данных по русским народным говорам. URL: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?root=ruscorpora&encoding=utf-rus> (дата обращения: 13.08.2023).

Ргв — А. V. Ter-Avanesova, S. V. Dyachenko, E. V. Kolesnikova, A. V. Malysheva, D. I. Ignatenko, A. B. Panova, N. R. Dobrushina. Corpus of Rogovatka dialect. 2018. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, NRU HSE. URL: <http://lingconlab.ru/rogovatka/> (accessed on 03.08.2023).

СП — M. O. Garder, N. S. Petrova, A. B. Moroz, A. B. Panova, N. R. Dobrushina. Corpus of Spiridonova Buda dialect. 2018. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University. URL: <http://lingconlab.ru/SpiridonovaBuda> (accessed on 03.08.2023).

СрПз — С. В. Князев. Корпус говора Средней Пёзы. 2022. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. URL: <http://lingconlab.ru/ruoza> (дата обращения: 03.08.2023).

СрПн — С. В. Князев. Корпус говоров Средней Пинеги. 2023. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. URL: <http://lingconlab.ru/pinega> (дата обращения: 03.08.2023).

Уст — М. Даниэль, Н. Добрушина, Р. фон Вальденфельс. Язык бассейна реки Устья. Корпус северорусской диалектной речи. 2013–2018. Берн; Москва. URL: www.parasolcorpus.org/Pushkino (дата обращения: 03.08.2023).

Хсл — А. И. Рыко, М. В. Спиричева. Корпус Хиславичского района Смоленской области. 2020. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. URL: <http://lingconlab.ru/khislavichi/> (дата обращения: 03.08.2023).

ШМ — Р. В. Ронько, А. С. Азанова, З. А. Бутенко, М. С. Замбрицкая, И. А. Марченко, Д. И. Мочульский, Е. И. Цейтина, Е. Ю. Волошина. Корпус деревень Шетнево и Макеево. 2022. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. URL: <http://lingconlab.ru/shetnevo/#/> (дата обращения: 03.08.2023).

Литература

Агафонова 2000 — К. Агафонова. О конструкции «предлог с + генетив» // Исследования по семантике предлогов. М.: Русские словари, 2000. С. 313–337.

Акаткина 1983 — Е. Ф. Акаткина. Обозначение пути движения беспредложными и предложно-падежными формами в украинских говорах Воронежской области // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1983. С. 3–6.

Апостол-Рабинович 2018 — Р. Апостол-Рабинович. Одесса шутит. От Дерibasовской до Привоза имеем сказать пару слов! М.: Родина, 2018.

Апресян 1967 — Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967.

Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995.

Апресян В. 2015 — В. Ю. Апресян. Валентность стимула у русских глаголов со значением эмоций: связь семантики и синтаксиса // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1 (29). С. 28–66.

Букринская, Кармакова 2018 — И. А. Букринская, О. Е. Кармакова. Экспедиция в Гороховецкий район Владимирской области // Русский язык в научном освещении. 2018. № 2 (36). С. 313–324.

Виноградов 1947 — В. В. Виноградов. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Л., 1947.

Гомонов 1962 — И. Т. Гомонов. Предлоги в псковских говорах // Псковские говоры: I. Труды первой Псковской диалектологической конференции 1962 г. Псков: Псковский пед. ин-т им. С. М. Кирова, 1962. С. 77–95.

Гомонов 1968 — И. Т. Гомонов. Из наблюдений над наречными предлогами в псковских говорах // Псковские говоры: II. Труды второй Псковской конференции 1964 г. Псков: Псковский пед. ин-т им. С. М. Кирова, 1968. С. 86–105.

Горелова 1983 — Л. Н. Горелова. Семантические группы глаголов, управляющих родительным неопределенного количества // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1983. С. 21–30.

- Горицкая 2021 — О. С. Г о р и ц к а я. Язык и границы: Лексическая и грамматическая специфика русского языка в Беларуси. Минск: МГЛУ, 2021.
- Гринкова 1947 — Н. П. Г р и н к о в а. Воронежские диалекты: Докторская диссертация // Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. 55. Л., 1947.
- Дурново 1903 — Н. Н. Д у р н о в о. Описание говора д. Парфенок Рузского уезда Московской губернии. Варшава, 1903.
- Дьяченко и др. 2013 — С. В. Д љ а ч е н к о, И. И. И с а е в, А. В. М а л ы ш е в а, А. В. Т е р - А в а н е с о в а. Экспедиция в село Роговатое Старооскольского района Белгородской области // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1 (25). С. 275–284.
- Зализняк Анна А. 1992 — Анна А. З а л и з н я к. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния // Slavistische Beiträge, В. 298. München: Otto Sagner Verlag, 1992. S. 185–201.
- Захарова, Орлова 1970 — К. Ф. З а х а р о в а, В. Г. О р л о в а. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970.
- Иванова 1961 — В. А. И в а н о в а. Особенности управления некоторых глаголов в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. II. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Иорданская 1970 — Л. Н. И о р д а н с к а я. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М.: МГПИИЯ, 1970. С. 3–26.
- Князев 2007 — Ю. П. К н я з е в. Глаголы смеха: семантика и синтаксис // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007. С. 676–685.
- Кузьмина 1983 — И. Б. К у з ь м и н а. Различительные явления русских говоров в области предложных словосочетаний (по материалам ОЛА) // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1983. С. 57–64.
- Кузьмина 1993 — И. Б. К у з ь м и н а. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 1993.
- Лесников и др. 2019 — С. В. Л е с н и к о в, С. А. М ы з н и к о в, М. Д. К о р о л ь к о в а. Русский диалектный гизаурис: основные источники // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2019 / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 425–497.
- Ломтев 1954 — Т. П. Л о м т е в. Белорусский язык. М.: Изд-во МГУ, 1954.
- Малышева 2018 — А. В. М а л ы ш е в а. Маркирование семантических ролей при глаголах речи в южнорусском говоре // Исследования по славянской диалектологии 19–20. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 108–129.
- Нарысы... 1964 — Нарысы па беларускай дыялектологіі. Мінск: Навука і тэхніка. 1964.
- Пайар, Плунгян 2000 — Д. П а й а р, В. А. П л у н г я н. Предлог *над*: факты и интерпретации // Исследования по семантике предлогов / Отв. ред.: Д. Пайар, О. Н. Селиверстова. М.: Русские словари, 2000. С. 83–114.
- Прохорова 1991 — С. М. П р о х о р о в а. Синтаксис переходной русско-белорусской зоны: Ареально-типологическое исследование. Минск: Университетское, 1991.

Пшеничнова 1996 — Н. Н. Пшеничнова. Типология русских говоров. М.: Наука, 1996.

Расторгуев 1927 — П. А. Расторгуев. Северско-белорусский говор: Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л.: Ин-т белорусск. культуры, госуд. академич. тип., 1927.

Расторгуев 1960 — П. А. Расторгуев. Говоры на территории Смоленщины. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Ровнова, Юмсунова 2003 — О. Г. Ровнова, Т. Б. Юмсунова. Отчет о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2002 года // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1 (5). С. 308–317.

Ронько 2021 — Р. В. Ронько. Конструкция с предлогом *на* и винительным падежом в значении адресата при глаголах *говорить* и *сказать* в некоторых южнорусских и западнорусских говорах // Slověne. 2021. Vol. 10, № 2. С. 277–296.

Савченко, Хмелевский 2020 — А. В. Савченко, М. С. Хмелевский. Язык современной Одессы как феномен городской речи (с культурологическими комментариями) [Электронный ресурс]. URL: http://splr.psu.ru/?page_id=814.

Салмина 1954 — М. А. Салмина. «О причинах гибели царств», сочинение начала XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 10. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.

Санников 2003 — А. В. Санников. Синонимический ряд глагола *высмеивать* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 3. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 89–93.

Селиверстова 2000 — О. Н. Селиверстова. Семантическая структура предлога *на* // Исследования по семантике предлогов. М.: Русские словари, 2000. С. 189–247.

Собинникова 1961 — В. И. Собинникова. Простое предложение в русских народных говорах. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1961.

Собинникова 1977 — В. И. Собинникова. Падежные и предложно-падежные формы в русском языке в сопоставительном аспекте с другими славянскими языками. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1977.

Солодовников 1867 — Ф. Солодовников. О старооскольском народном говоре // Филологические записки. Вып. II, III–IV. Воронеж, 1867.

ССВЯ 1968 — Сравнительный синтаксис восточнославянских языков: Члены предложения. М.: Наука, 1968.

Степанов 2013 — Е. Н. Степанов. Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Киев: Ин-т языковедения им. А. А. Потебни НАН Украины, 2013.

Урысон 2004 — Е. В. Урысон. Синонимический ряд *смех*, *хохот*, *хихиканье*, *смешок* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004.

Черенкова 1983 — А. Д. Черенкова. О сочетаемости глаголов чувства в русском языке в сопоставлении с украинским и белорусским языками (выражение делиберативного объекта) // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1983. С. 118–125.

Чернышев 1900 — В. И. Чернышев. Дополнения к сведениям о говоре г. Мещевска // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 88. № 6. СПб., 1900. С. 32.

Шахматов 1896а — А. А. Шахматов. Материалы для изучения великорусских говоров [I] // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. I. Кн. 2. СПб., 1896. С. 335–354.

Шахматов 1896б — А. А. Шахматов. Материалы для изучения великорусских говоров [I] // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. I. Кн. 3. СПб., 1896. С. 549–573.

Шахматов 1896в — А. А. Шахматов. Материал для изучения великорусских говоров. III // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. I. Кн. 4. СПб., 1896. С. 952–1004.

Serdobolskaya, Letuchiy 2005 — N. Serdobolskaya, A. Letuchiy. Object or situation: the factors of expressing the arguments of mental verbs in Russian // Восток — Запад: Вторая международная конференция по модели «Смысл—текст». М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 432–447.

Ovsjannikova 2013 — M. Ovsjannikova. Encoding and semantic properties of stimulus in Russian: verbs of anger and beyond // Russian Linguistics. 2013. 37 (1). P. 21–33.

Статья получена 06.10.2023

Anna V. Malysheva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
annamalys@mail.ru

ARGUMENT ENCODING IN VERBS OF LAUGHTER AND RIDICULE IN RUSSIAN: LINGUOGEOGRAPHY AND HISTORY

The article analyses the argument encoding of verbs with the semantics of laughter and ridicule in the modern Russian and in the history of the Russian language. The data for the study was collected from the Old and Middle Russian Corpora of the Russian National Corpus, Russian dialect dictionaries and databases. The research shows that in the Old Russian period the verb *smeyat'sya* 'to laugh' most often used the Dative case for the encoding of the object of ridicule; the data of the Middle Russian Corpora reflect a wide variation of constructions, which in the 18th century is reduced to the competition of two main variants: *the Dative case* and the preposition *nad* with the *Instrumental case*. The data of dialect dictionaries show the greatest variety of means for encoding the object of ridicule in West Russian dialects (Onega, Novgorod, Pskov, Smolensk, Bryansk): prepositions *vokrug*, *okolo*, *dlya*, *ot* with *the Genitive*; *na*, *za* with the *Accusative*, etc. Some South Russian dialects (Kursk, Orel, Stary Oskol, Voronezh, Don) are characterized by the models *s*, *iz* with the *Genitive*. Modern North-Eastern dialects demonstrate the absolute dominance of the model *nad* with the *Instrumental case* and almost complete absence of variation. This specificity can be considered as a distinguishing feature of Russian dialects.

Keywords: evolution of verb control, verbs of laughter and ridicule, Russian dialects, linguogeography, history of Russian language, semantics.

References

- Agafonova, K. (2000). O konstruktсии «predlog s + genitiv». In D. Paillard, & O. N. Seliverstova (Eds.), *Issledovaniia po semantike predlogov* (pp. 313–337). Moscow: Russkie slovari.
- Akatkina, E. F. (1983). Oboznachenie puti dvizheniia bespredlozhnymi i predlozhnopadezhnymi formami v ukrainskikh govorakh Voronezhskoi oblasti. In V. I. Sobinnikova (Ed.), *Materialy po russko-slavianskomu iazykoznaniiu* (pp. 3–6). Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta.
- Apostol-Rabinovich, R. (2018). *Odessa shutit. Ot Deribasovskoi do Privoza imeem skazat' paru slov!* Moscow: Rodina.
- Apresian, V. Yu. (2015). Valentnost' stimula u russkikh glagolov so znacheniem emotsii: sviaz' semantiki i sintaksisa. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 29(1), 28–66.
- Apresian, Yu. D. (1967). *Ekspperimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola*. Moscow: Nauka.
- Apresian, Yu. D. (1995). *Izbrannye trudy. T. II: Integral'noe opisanie iazyka i sistemmaia leksikografiia*. Moscow: Iazyki russkoi kultury.
- Borkovskii, V. I. (1968). *Sravnitel'nyi sintaksis vostochnoslavianskikh iazykov: Chleny predlozheniia*. Moscow: Nauka.
- Bukrinskaia, I. A., & Karmakova, O. E. (2018). Ekspeditsiia v Gorokhovetskii raion Vladimirskoi oblasti. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 36(2), 313–324.
- Biryła, M. V., Gaidukevich, I. M., & Mitskevich, Yu. F. (Eds.). (1964). *Narysy pa belaruskai dyialektologii*. Minsk: Navuka i tekhnika.
- Cherenkova, A. D. (1983). O sochetaemosti glagolov chuvstva v russkom iazyke v sopostavlenii s ukrainskim i belorusskim iazykami (vyrazhenie deliberativnogo ob"ekta). V. I. Sobinnikova (Ed.), *Materialy po russko-slavianskomu iazykoznaniiu* (pp. 118–125). Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta.
- D'iachenko, S. V., Isaev, I. I., Malysheva, A. V., & Ter-Avanesova, A. V. (2013). Ekspeditsiia v selo Rogovatoe Starooskol'skogo raiona Belgorodskoi oblasti. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 25(1), 275–284.
- Gomonov, I. T. (1962). Predlogi v pskovskikh govorakh. In B. A. Larin (Ed.), *Pskovskie govory. Trudy pervoi Pskovskoi dialektologicheskoi konferentsii 1962 g.* (pp. 77–95). Pskov: Pskovskii ped. in-t im. S. M. Kirova.
- Gomonov, I. T. (1968). Iz nabliudeniia nad narechnymi predlogami v pskovskikh govorakh. In B. A. Larin (Ed.), *Pskovskie govory: II. Trudy vtoroi Pskovskoi konferentsii 1964 g.* (pp. 86–105). Pskov: Pskovskii ped. in-t im. S. M. Kirova.
- Gorelova, L. N. (1983). Semanticheskie gruppy glagolov, upravliaiushchikh roditel'nym neopredelennogo kolichestva. In V. I. Sobinnikova (Ed.), *Materialy po russko-slavianskomu iazykoznaniiu* (pp. 21–30). Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta.
- Goritskaia, O. S. (2021). *Iazyk i granitsy: Leksicheskaia i grammaticheskaia spetsifika russkogo iazyka v Belarusi*. Minsk: MGLU.
- Iordanskaia, L. N. (1970). Popytka leksikograficheskogo tolkovaniia gruppy russkikh slov so znacheniem chuvstva. *Mashinnyi perevod i prikladnaia lingvistika*, 13, 3–26.
- Ivanova, V. A. (1961). Osobennosti upravleniia nekotorykh glagolov v russkikh govorakh. In S. P. Obnorskii (Ed.), *Materialy i issledovaniia po russkoi dialektologii. Iss. 2*. Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Kniazhev, Yu. P. (2007). Glagoly smekha: semantika i sintaksis. In N. D. Arutiunova (Ed.), *Logicheskii analiz iazyka. Iazykovye mekhanizmy komizma* (pp. 676–685). Moscow: Indrik.

- Kuz'mina, I. B. (1983). Razlichitel'nye iavleniia russkikh govorov v oblasti predlozhnykh slovosochetanii (po materialam OLA). In V. I. Sobinnikova (Ed.), *Materialy po russko-slavianskomu iazykoznaniiu* (pp. 57–64). Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta.
- Kuz'mina, I. B. (1993). *Sintaksis russkikh govorov v lingvogeograficheskom aspekte*. Moscow: Nauka.
- Lesnikov, S. V., Myznikov, S. A., & Korol'kova, M. D. (2019). Russkii dialektnyi gizauros: osnovnye istochniki. In S. A. Myznikov (Ed.), *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniia) 2019* (pp. 425–497). St Petersburg: ILI RAN.
- Lomtev, T. P. (1954). *Belorusskii iazyk*. Moscow: Izd-vo MGU.
- Malysheva, A. V. (2018). Markirovanie semanticheskikh roli pri glagolakh rechi v iuzhnorusskom govore. In L. E. Kalnyn' (Ed.), *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii 19–20. Slavianskie dialekty v sovremennoi iazykovoii situatsii. Dialektnyi slovar' kak sposob issledovaniia slavianskikh dialektov* (pp. 108–129). Moscow: In-t slavianovedeniia RAN.
- Ovsjannikova, M. (2013). Encoding and semantic properties of stimulus in Russian: verbs of anger and beyond. *Russian Linguistics*, 37(1), 21–33.
- Paillard, D., & Plungian, V. A. (2000). Predlog *na*: fakty i interpretatsii. In D. Paillard, & O. N. Seliverstova (Eds.), *Issledovaniia po semantike predlogov* (pp. 83–114). Moscow: Russkie slovari.
- Prokhorova, S. M. (1991). *Sintaksis perekhodnoi russko-belorusskoi zony: Areal'no-tipologicheskoe issledovanie*. Minsk: Universitetskoe.
- Pshenichnova, N. N. (1996). *Tipologiia russkikh govorov*. Moscow: Nauka.
- Rastorguev, P. A. (1960). *Govory na territorii Smolenshchiny*. Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Ron'ko, R. V. (2021). Konstruktsiia s predlogom *na* i vinitel'nym padezhom v značenii adresata pri glagolakh govorit' i skazat' v nekotorykh iuzhnorusskikh i zapadnorusskikh govorakh. *Slověne*, 10(2), 277–296.
- Rovnova, O. G., & Yumsunova, T. B. (2003). Otchet o dialektologicheskikh ekspeditsiakh Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN 2002 goda. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 5(1), 308–317.
- Salmina, M. A. (1954). «*O prichinakh gibel' tsarstv*», *sochinenie nachala XVII v.* Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Sannikov, A. V. (2003). Sinonimicheskii riad glagola *vysmeivat'*. In Yu. D. Apresian (Ed.), *Novyi ob'iasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo iazyka* (Vol. 3, pp. 89–93). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Savchenko, A. V., & Khmelevskii, M. S. (2020). *Iazyk sovremennoi Odessy kak fenomen gorodskoi rechi (s kul'turologicheskimi kommentariiami)*. Retrieved from http://splr.psu.ru/?page_id=814
- Seliverstova, O. N. (2000). Semanticheskaia struktura predloga *na*. In D. Paillard, & O. N. Seliverstova (Eds.), *Issledovaniia po semantike predlogov* (pp. 189–247). Moscow: Russkie slovari.
- Serdobolskaya, N., & Letuchiy, A. (2005). Object or situation: the factors of expressing the arguments of mental verbs in Russian. In Yu. D. Apresian, & L. L. Iomdin (Eds.), *Vostok — Zapad: Vtoraia mezhdunarodnaia konferentsiia po modeli «Smysl—tekst»* (pp. 432–447). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Sobinnikova, V. I. (1961). *Prostoe predlozhenie v russkikh narodnykh govorakh*. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta.

Sobinnikova, V. I. (1977). *Padezhnye i predlozhno-padezhnye formy v russkom iazyke v sopostavitel'nom aspekte s drugimi slavianskimi iazykami*. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta.

Stepanov, E. N. (2013). *Ruskaia gorodskaia rech' v polilingvokul'turnom prostranstve Odessy* (Doctoral dissertation summary). Potebnia Institute of Linguistics, Kyiv.

Uryson, E. V. (2004). Sinonimicheskii riad *smekh, khokhot, khikhikan'e, smeshok*. In Yu. D. Apresian (Ed.), *Novyi ob"iasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo iazyka*. Moscow; Vienna: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Zakharova, K. F., & Orlova, V. G. (1970). *Dialektnoe chlenenie russkogo iazyka*. Moscow: Prosveshchenie.

Zalizniak, Anna A. (1992). Issledovaniia po semantike predikatov vnutrennego sostoiianiia. *Slavistische Beiträge*, 298, 185–201.

Received on October 6, 2023

С. А. БУРЛАК

Институт востоковедения РАН
(Москва, Россия)
svetlana.burlak@bk.ru

ИСТОРИЯ СУФФИКСА *-(p)AST*: МОРФОНОЛОГИЯ В НЕКОДИФИЦИРОВАННОЙ РЕЧИ

Статья посвящена анализу развития словообразовательных моделей с элементом *-(p)ast* (*либераст* и т. п.). Этот элемент изначально обладал целым рядом нетривиальных морфонологических особенностей: доминантная самоударность, присоединение к двусложным (или усекаемым до двух слогов) основам, оканчивающимся на одиночное *-p-*. За прошедшие годы произошло некоторое ослабление морфонологических ограничений, появилось значительное количество производных словообразовательных моделей. Но при этом чем в большей степени новая модель отличается от исходной, тем меньшее количество дериватов она порождает и тем меньше у них шансов распространиться в языке.

Ключевые слова: русский язык, разговорная речь, языковые изменения, морфонологические ограничения, словообразовательная модель.

В письменной неcodифицированной речи Интернета, так же как и в разговорной речи, эволюционные процессы происходят очень быстро, поэтому их удобно наблюдать.

В 1990-е гг. в русской разговорной речи появился суффикс *-(p)ast* со значением ‘отвратительный говорящему приверженец того, что обозначено основой’, ср. *либераст* ‘сторонник либеральных идей’, *модераст* ‘любитель модерации на сайтах в Интернете’, *копираст* ‘сторонник неукоснительного соблюдения авторского права, копирайта’, *толераст* ‘приверженец идей толерантности’, *интеграст* ‘сторонник интеграции’ и т. д. Эта словообразовательная модель включается в число «способов словообразования, предназначенных для формирования слов, основное назначение которых — служить целям экспрессивизации речи» [Земская и др. 1981: 109].

Впрочем, возможно, что в действительности подобные слова возникли раньше, но бытовали исключительно в устной речи, ср. такое утверждение Г. Садовникова-Федотова: «В 1990 году демократический литкритик А. Киселёв назвал писателей-демократов периода “перестройки” сочным ёмким словом “восьмидерасты”» (Садовников-Федотов 2007) (цит. по [Книжный ларёк 2016]) — с отсылкой к реплике Н. С. Хрущёва на «бульдозерной» выставке: «Вы же тут все педерасты!».

Изначально такие слова возникают на базе слова *педераст* путём переразложения: носители русского языка не распознают в этом слове деления на греческие компоненты *пед-* (*παιδ-*) ‘ребёнок’ и *эраст-* (*εραστ-*) ‘любящий (эротической, сексуальной любовью)’ и делят его наиболее привычным для русского языка способом — на два корня вида CVC(C) с соединительным гласным *e* между ними. Далее второй корень, вероятно, осмысливается как суффиксоид типа *-вод* или *-вед*, семантика которого сходна с семантикой, характерной для аффиксов, а морфонология — скорее для корней: исконные суффиксы существительных в современном русском языке начинаются обычно на согласный или беглый гласный, суффиксы иноязычного происхождения могут начинаться на гласный, но в этом случае обычно не имеют срединного гласного [Лопатин, Улуханов 1963; Шанский 1970; Русакова 2013]. Ниже будет показано, что гласный, стоящий перед *-p-*, по-видимому, во многих случаях наиболее осмысленно интерпретировать как соединительный гласный (интерфикс). Тем не менее пути эволюции данного словообразовательного элемента указывают на его принадлежность скорее к морфемам суффиксального типа, поэтому в настоящей работе он будет именоваться суффиксом.

Рассматриваемый аффикс с самого момента своего появления обладал целым рядом нетривиальных морфонологических особенностей. В работе [Бурлак 2013] для него были сформулированы (на очень небольшом материале) следующие свойства (частично переоткрытые независимо в статье [Пиперски 2019]):

- 1) компонент *-(p)аст* всегда несёт на себе ударение (является доминантной морфемой, ↓D);
- 2) компонент *-(p)аст* присоединяется только к двусложным (или могущим быть усечёнными до двух слогов) основам;
- 3) основа (или часть основы), к которой присоединяется компонент *-(p)аст*, должна оканчиваться на одиночное *-p-*;
- 4) основа (или её часть, используемая для образования соответствующего слова), к которой присоединяется компонент *-(p)аст*, должна либо быть всегда безударной, либо иметь возможность терять ударение (ср. *либер-альный*, *модер-атор*, *копир-йт*, *толер-антный*, *интегр-ация*).

К этому можно добавить ещё желательность наличия среди производных от данной основы слов, содержащих ударное *-a-* после *-p-* (см. примеры выше).

Количество основ с такими свойствами в русском языке конечно (и не очень велико), поэтому вариантов для эволюционного развития компонента *-(p)аст* всего два: он должен был или исчезнуть, оставив лишь небольшой закрытый список производных, образованных с его помощью в 1990–2000-е гг., или расширить свою область применимости, получив способность присоединяться к основам других типов. Цель настоящей работы — проследить направления эволюции словообразовательного компонента *-(p)аст* за прошедшие десятилетия.

Для поиска слов с указанным компонентом использовались два корпуса русскоязычных текстов: Национальный корпус русского языка [НКРЯ] (основной подкорпус объёмом более 374 млн словоупотреблений, два газетных — центральные и региональные СМИ — общим объёмом более 790 млн словоупотреблений и подкорпус «Социальные сети» объёмом более 160 млн словоупотреблений), а также корпус *Araneum Russicum III Maximum* [*Araneum*] объёмом более 19 млрд словоупотреблений (данные приводятся по состоянию на январь 2023 г.).

При подсчётах частотности были сведены воедино слова, набранные прописными буквами, с опечатками, вразрядку, варианты написания (*либераст* = *либираст* = *лебираст* = *лебераст*; *пиараст* = *пиэраст* = *пеараст* = *пиираст* = *пеераст* = *PR-аст* и т. п.); производные отнесены к производящим. Слова, встречающиеся только в одном тексте, были отнесены к окказионализмам. При подсчётах по корпусу [*Araneum*], не имеющему пригодных для обработки данного материала алгоритмов сведения словоформ в лексемы, учитывались словоформы, заканчивающиеся на *-асты* без учёта регистра: поскольку для слов, обозначающих людей, форма NP1 является наиболее частотной, вероятность пропустить что-то при таком поиске минимальна (выражаю благодарность А. Ч. Пиперски, подсказавшему мне эту формулировку поискового запроса). Подсчёты проведены лишь приблизительные, т. к., во-первых, за время подготовки статьи к печати какие-то вхождения слов рассматриваемого типа могли добавиться (а какие-то просто не попали в выборку, вошедшую в корпус), во-вторых, поиск по корпусу [*Araneum*] не включал падежных форм (потому что это потребовало бы слишком больших затрат на последующую ручную фильтрацию), в-третьих, в некоторых случаях нет возможности установить, не является ли найденная словоформа опечаткой (например, *ливерасты* — это опечатка вместо *либерасты* или отдельное слово, образованное от слова *ливер*), кроме того, в ряде случаев затруднительно установить, от чего именно образовано то или иное слово (например, слово *сибораст*, встретившееся один раз в контексте «там уже сиборасты дописали своих пенсионеров, поэтому нормальные люди уже давно не ссылаются на дсккогс» [*Araneum*]). Таким образом, значимы не приводимые цифры сами по себе, а лишь демонстрируемые ими тренды.

В настоящее время можно наблюдать существенную экспансию суффикса *-(р)аст* по нескольким направлениям.

Во-первых, заметно увеличилось количество слов, образованных при помощи этого суффикса. По состоянию на 2023 г. таких слов зафиксировано около 250; в основном это окказионализмы (т. е. лексемы, которые встретились либо единожды, либо несколько раз в одном и том же тексте), но около 60 слов — не уникальные, а примерно 20 встретились в совокупной выборке более десятка раз. Самым частотным является слово *либераст* — оно встретилось (в разных написаниях) более 6 тысяч раз в корпусе [*Araneum*] и более 250 раз в [НКРЯ]. Второе и третье по частотности *толераст*

и *копираст* (встречающиеся каждое около 750 раз в совокупной выборке) уступают ему более чем в 8 раз. В работе [Пиперски 2019], где рассматривалось меньшее количество лексем, но при подсчётах учитывались падежные формы, цифры получаются большими: *либераст* — 7769, *толераст* — 978, *копираст* — 941 [Там же: 186], но общее соотношение остаётся тем же самым — *толераст* и *копираст* обладают примерно равной частотностью, а *либераст* превосходит их приблизительно в 8 раз.

Во-вторых, слова с суффиксом *-(p)аст* начинают служить для образования новых слов. Наряду с *либераст* существуют также *либерастия* (ср. также *гитарастия*, *модерастия*, *копирастия*, *толерастия*), *либерастический*, *либерастка* (ср. также *толерастка*, *пиарастка*, *цензурастка*), *псевдолибераст*, *антилибераст* (ср. также *антитолераст*) и т. д. Помимо обычных для русского языка аффиксальных способов словообразования, встречаются и более экзотические, ср., например, *лейбераст* (*либераст* + вставка *й* внутрь корня, намекающая на принадлежность обозначенных словом людей к евреям по ассоциации с такими именами, как *Мойша*, *Лейба* и т. п.). Возможно, к этому типу принадлежит (если не является опечаткой) и слово *ливераст*: вероятно, ‘либераст, продавшийся за ливерную колбасу’.

В-третьих, сильно расширилась область применимости суффикса *-(p)аст*, возник целый ряд новых словообразовательных моделей. Наряду с базовой моделью, описанной выше, можно выделить также следующие.

1. Модель «пиараст». Отличается от базовой модели тем, что возможность переноса ударения с основы (а также обязательное *-а-* после *-p-*) отсутствует, ср. *пиараст* (от *пиар/PR*), *гетераст* (от слова *гетеро-*, часто употребляющегося без продолжения), *бандераст* (от *Бандера*), *гайдараст* (от *Гайдар*). Впрочем, для многих слов включение их в данную модель спорно, поскольку возможность переноса ударения в разговорной речи достаточно широка, и вполне вероятно, что какие-то слова, отнесённые нами к этой модели, следовало бы отнести к базовой: как указал И. Б. Иткин¹, таким, например, является слово *твиттераст* (от *Твиттер*), т. к. в разговорной речи засвидетельствована форма *твиттернуть*.

2. Модель «катамараст» (от *катамаран*). Отличается от базовой модели большим количеством слогов в производящей основе.

3. Модель «категораст» (ср.: *Пока категоричные категорасты бегают в панике* [Arapeum]). Отличается от модели «пиараст» большим количеством слогов в производящей основе.

4. Модель «водораст»: к исходно односложной субстантивной основе (или аббревиатуре, произносящейся либо в один слог с исходом на согласный, либо в два слога с исходом на гласный) добавляется *-p-* (с соединительным гласным перед ним при необходимости) и после этого присоединяется *-аст*, ср. *водораст* (от *вода*; ‘представитель тёмных сил, тайно пра-

¹ В рецензии на настоящую статью (И. Б. Иткин раскрыл своё авторство). Выражаю благодарность И. Б. Иткину за ценные замечания.

вающих миром и, в числе прочего, придумавших разбавлять пиво водой», см. [Белобров, Попов 2005], рассказ написан в 1998 г.), *песораств* (от *пёс*; ‘собачник’), *юлераств* (от *Юля*; ‘сторонник Юлии Тимошенко’), *бютораств* (от *БЮТ* — Блок Юлии Тимошенко), *сеораств/SEOраств* (от *SEO*, Search Engine Optimization, комплекс мер по повышению позиции сайта в поисковой выдаче). Ударение в исходной основе не имеет значения.

5. Модель «прогнозаств» (ср.: *сильнее конспиролухов раздражают только экономические и политические прогнозаствы* [Agameum]). Отличается от модели «водораств» большим количеством слогов в производящей основе.

6. Модель «майдараств». Отличается от базовой модели (или модели «пиараств») тем, что в исходной основе, не содержащей *-р-*, согласный после второго гласного заменяется на *-р-* и после этого присоединяется *-аств*, ср. *майдараств* (от *майдан*), *сталераств* (от *Сталин*), *путираств* (от *Путин*), *водираств* (от *водитель*).

7. Модель «социораств» (от *социолог*). Отличается от модели «майдараств» большим количеством слогов в производящей основе.

8. Модель «лепераств». Отличается от базовой (или модели «пиараств») тем, что в изначально односложную основу с исходом на кластер CR перед *-р-* вставляется гласный, ср. *лепераств* (от *Лепра*), *едораств/едераств/едираств* (от *ЕдРо*, «Единая Россия»).

9. Модель «гитараств»: слово получается путём замены гласного *-и-* в суффиксе *-ист* на *-а-*, ср. *гитараств* (от *гитарист*), *юраств* (от *юрист*), *фидераств* (от *фидерист* ‘рыболов, который ловит на фидер’).

10. Модель «коммунаств» (ср.: *Не устают коммунасты причитать «ах, как плохо жить в буржуазной полууголовной России!»* [Agameum]). Отличается от модели «гитараств» тем, что перед суффиксом *-ист* в исходном слове стоит не *-р-*, а другой согласный.

11. Модель «флудераств». Слова образуются от названий людей с суффиксом *-ер*, ср. *флудераств* (\approx *флудер*), *читераств* (\approx *читер*), *спамераств* (\approx *спамер*). Перенос ударения с основы в таких словах, вероятно, возможен, ср.: *Наши персы* (персонажи. — С. Б.) *читера все* [Agameum]; И. Б. Иткин указал нам на существование форм *флудера* и *спамера* (не вошедших в корпус [Agameum]), ср.: *флудера хреновы, а ну брысь с темы; <at> и <dot>, есно, надо заменить, а то злобные спамера достали* (Интернет). Здесь стоит подчеркнуть, что, хотя в таких словах, как *флудер* и *спамер*, представлен суффикс деятеля *-ер*, он не имеет отмечаемой А. А. Зализняком акцентной маркировки ← D (в работе [Зализняк 2010: 69] суффикс *-ер* с такой маркировкой описан как образующий обозначения устройств, но указано значительное количество отклонений — слов типа *фермер*, где данный суффикс образует обозначения деятеля), а ведёт себя так же, как омонимичный ему субморф *-ер*, часто встречающийся в обозначениях людей [Там же], в которых нередко фиксируется перенос ударения на окончание (в частности, содержащее *á*), ср. *ма́стер* — *масте́ра*, *ю́нкер* — *юнке́ра* и т. п.

12. Модель «менеджераст» (ср.: *Этот менеджераст мне тоже порядком надоел! И уборщица, и продавщичка...*). Отличается от модели «читераст» бóльшим количеством слогов в производящей основе.

13. Модель «победаст» (ср.: *Победасты кремлевские устраивают очередное помпезное празднование 9 мая [Araneum]*). Отличается от базовой модели тем, что последний согласный в исходной основе — не *-р-*.

14. Модель «мадридаст» (*мадридаст* — поклонник мадридской футбольной команды «Реал», ср.: *Было бы странно, если бы за Рамоса не заступился хотя бы один мадридаст*). Отличается от модели «пиараст» тем, что последний согласный в исходной основе — не *-р-*.

15. Модель «республикаст» (ср.: *будет принят в России закон, от которого придут в ужас все доморощенные либерасты, демокрасты, республикасты и даже — страшно сказать — консервасты [Araneum]*). Отличается от модели «победаст» бóльшим количеством слогов в производящей основе.

16. Модель «пиратаст» (ср.: *Книга привлекла внимание, и коллеги-пиратасты выложили ее в открытый доступ в интернете [Araneum]*). Отличается от модели «читераст» тем, что последний согласный в исходной основе — не *-р-*.

17. Модель «придираст» (ср.: *Страшный придираст (придирается то есть сильно)*). Существительные этой модели образуются от глаголов с исходом основы на *-р-* (за которым практически во всех случаях следует ударное *-á-*).

18. Модель «объезжаст» (ср.: *Объезжасты же с Варшавки мешают и съезжающим на МКАД вообще [Araneum]*). Отличается от модели «придираст» тем, что последний согласный основы — не *-р-* (и даже может быть не одиночным), но при этом следующее ударное *-á-* абсолютно обязательно.

19. Модель «демокраст»: слова этой модели образуются при помощи вставки *-с-* внутрь завершающего слово *-ат*, ср. *демокраст, кандидаст*.

20. Модель «всегдаст» (ср.: *Складывается впечатление, что писатель-всегдаст всю жизнь пишет одно и то же произведение, обдумывает один и тот же — весьма ограниченный — набор мыслей и тем [Бойко 2009]*). Слова этой модели образуются не от имён и не от глаголов, количество слогов в производящей основе может быть любым, последний согласный производящей основы — не *-р-*, но ударное *-á-* после этого согласного абсолютно обязательно.

Отмечено также несколько окказионализмов, которые не могут быть отнесены ни к одной из моделей: *соседераст* ‘сосед’, *пегаст* ‘сотрудник турфирмы «Пегас»’, *тоталераст* ‘сторонник тоталитаризма’, *воргеймраст* (от названия игры «Воргейм»), *социалист* ‘сторонник социализма’, *америкодараст* ‘сторонник Америки’.

Разные модели характеризуются очень сильно различающейся встречаемостью (см. Таблицу 1 ниже).

Таблица 1

	Модель	Общее число слов	Число не-уникальных слов	Число слов с частотностью ≥ 10	Число слов с частотностью > 100
0.	«либераст»	24	14	8	3
1.	«пиараст»	33	18	4	—
2.	«катамараст»	1	—	—	—
3.	«категораст»	8	1	—	—
4.	«водораст»	26	6	1	—
5.	«прогнозораст»	17	2	—	—
6.	«майдараст»	10	2	1	—
7.	«социораст»	2	—	—	—
8.	«лепераст»	4	1	1	—
9.	«гитараст»	10	4	2	—
10.	«коммунаст»	13	4	—	—
11.	«флудераст»	12	3	2	—
12.	«менеджераст»	4	—	—	—
13.	«победаст»	15	5	—	—
14.	«мадридаст»	11	2	—	—
15.	«республикаст»	7	1	—	—
16.	«пиратаст»	3	1	—	—
17.	«придираст»	7	2	1	—
18.	«объезжаст»	8	3	—	—
19.	«демокраст»	5	3	1	—
20.	«всегдаст»	5	—	—	—

Из таблицы видно, что два главных фактора, увеличивающих, во-первых, количество образованных слов, а во-вторых, степень их распространённости, — это число слогов в производящей основе и наличие *-р-*. Дериваты от основ с большим (или реже — меньшим), чем два, количеством слогов практически все являются окказионализмами, и число таких дериватов как минимум вдвое ниже, чем число образований по сходной модели от двусложных основ. Из слов, произведённых по моделям, не подразумевающим наличия *-р-*, сколь-нибудь значимую частотность набирает лишь слово *демокраст* (где *-р-* как раз есть). В то же время среди моделей с *-р-* — всех, кроме «катамараст», «социораст» и «менеджераст» (на считающих избыточное количество слогов), — есть хотя бы по одному

слову, набирающему частотность > 10 . Показательно также наличие моделей «водораст»/«прогнозораст» и «майдараст», где *-p-* возникает в процессе словообразования — либо в результате добавления его к основе, либо вследствие замены последнего согласного основы.

Кроме того, показательна суммарная встречаемость (посчитана по корпусу [Arapeum], поскольку в [НКРЯ] слова, выходящие за рамки литературного языка, слишком немногочисленны) моделей с *-p-* и без *-p-* (см. Таблицу 2 ниже).

Таблица 2

Модели с <i>-p-</i>		Модели без <i>-p-</i>	
Модель	Суммарная встречаемость	Модель	Суммарная встречаемость
«либераст»	$> 180^*$	«коммунаст»	≤ 20
«пиараст»	$\geq 190^{**}$	«победаст»	> 30
()«катамараст»	1	«мадридаст»	< 20
«категораст»	10	«республикаст»	< 10
«водораст»	> 60	«пиратаст»	< 10
«прогнозораст»	< 30	«объезжаст»	< 20
«майдараст»	≥ 80	«демокраст»	≥ 30
«социораст»	2	«всегдаст»	5
«лепераст»	≥ 100		
«гитараст»	≥ 60		
«флудераст»	≥ 110		
«менеджераст»	4		
«придираст»	≥ 20		

* без учёта слов либераст, копираст и толераст.

** подчёркнуты числа, набираемые в основном (не менее чем на 1/2) за счёт одного широко распространённого слова (это пиараст, путираст/путераст, едораст/едераст, флудераст, довераст, пиратаст, демокраст)

Ударение оказывается менее значимым фактором: модель «пиараст» почти не уступает модели «либераст» (если не считать трёх наиболее частотных слов). Возможная причина этого — в способности суффиксов современного русского языка иметь маркировку с пометой D, и в этом случае ударение привязывается «к самой правой маркировке, содержащей D» [Зализняк 2010: 37]; таким образом, суффиксам позволено снимать ударение с любых основ, даже относящихся к а. п. *a* (и даже с основ, имеющих перемаркировку, типа *народ*, ср. *народняк*: *Интересно народняк нужен кому? Уровень профессио-*

нальный. В ресторанах опыт работы и на «большой» сцене есть [Коллекция минусовок]). Тем не менее наличие ударного *-а-* после производящей основы существенно увеличивает возможность образований данного типа.

Чётких правил, определяющих, как будет присоединяться суффикс *-(р)аст* к тому или иному типу основ, пока нет, ср. такие модели, как «прогноза*р*аст», «майдара*р*аст» и «победа*р*аст», где представлены три способа действий с двусложными основами, не имеющими *-р-*: добавление *-Vp-*, замена последнего согласного на *-р* и присоединение суффикса в виде *-аст*.

От многих основ зафиксированы варианты образования, ср. *пираст* и *пиратаст* ‘пират’, *журнараст* и *журналаст*, *пародаст* и *пародираст*, *велосипедаст* и *велосипедираст* (и *велопидаст*), *энтузираст* и *энтузиазаст*, *едираст*, *едераст* (*едораст*), *единораст*, *едраст* и *ЕРа_{ст}* (показательно, что наибольшую частотность среди них набирает вариант *едераст/едораст*, где производящая основа выглядит как типичная для базовой модели: двусложная с исходом на *-р*); от фамилий на *-ин* могут образовываться дериваты на *-инаст* (модель «коммунаст»), *-инораст* (модель «прогноза*р*аст») и *-ираст* (модель «майдара*р*аст») — и этот вариант, где производящая основа выглядит как типичная для базовой модели, двусложная с исходом на *-р*, является наиболее частотным). Существенно, что, если производящая основа изначально имеет вид *CVCVp-*, вариативности не наблюдается — вариантов на **CVCVp-Vраст* не отмечено ни разу. Вероятно, имеет смысл рассматривать это как проявление диссимилиативной тенденции, описанной И. Б. Иткиным для суффиксов и названной «Правило 1»: «...если суффиксальная морфема имеет в своём составе согласный C_1 или группу согласных C_1C_2 , то её сочетаемость с основами, оканчивающимися на этот согласный (группу согласных), невозможна или затруднена» [Иткин 2005: 50]. В связи с этим стоит отметить и тот факт, что из всех слов всех моделей с отсутствием *-р-* свистящий согласный перед *-аст* встретился всего один раз (в окказионализме *энтузиазаст*, существующем наряду с *энтузираст*).

Таким образом, можно видеть, что даже у недавно возникшего суффикса и даже при отсутствии кодификации морфонологические ограничения остаются достаточно прочными: чем дальше новая модель отстоит от базовой, тем реже она встречается и тем меньше неуникальных слов она порождает, при этом нарушения более общих морфонологических ограничений типа Правила 1 практически не допускаются.

Для некоторых слов точно определить модель образования невозможно (в подсчётах выше они условно отнесены к одной из возможных моделей), ср. *гитара_{ст}* (< *гитара?* < *гитарист?*), *фидера_{ст}* ‘рыболов, который ловит на фидер’ (< *фидер?* < *фидерист?*), *чоппера_{ст}* ‘человек, едущий на мотоцикле типа Чоппер’ (< *Чоппер?* < *чопперист?*), *джипера_{ст}* ‘человек, едущий на джипе’ (< *джип?* < *джипер* ‘человек, едущий на джипе?’), *довера_{ст}* (< *доверять?* < *доверие?*). Такая вариативность трактовок представляется чрезвычайно важной, поскольку обеспечивает возможность реинтерпретации: тот, кто первым породил тот или иной дериват, произвёл

его по какой-то одной модели, но у того, кто этот дериват понял, он соотносился с другим словом — и это позволяет сформировать новую модель и порождать новые слова ранее не существовавшим способом. Так, например, если слово *гитараст* было изначально произведено от слова *гитара* (а *фидераст* — от *фидер*), то соотношение их со словами на *-ист* могло породить новую модель, где слова образуются путём мены *-ист* на *-аст* независимо от конечного согласного основы (как указал нам И. Б. Иткин, такие слова легко встраиваются в существующий в русском языке механизм образования дериватов с негативной коннотацией по принципу «добавить суффикс к бессуффиксальной основе, заменить суффикс в суффиксированной», ср. *вор* — *ворюга* и *журналист* — *журналюга*). Слова типа *флудераст* или *скейтераст* могли быть первоначально образованы по модели «водораст», но соотношение их с производными на *-ер* от тех же основ привело к появлению новой модели, где суффикс *-(p)аст* присоединяется к существительным, обозначающим людей (для большинства моделей это не так); наличие соответствующего слова без *-ер* становится необязательным, ср. *бумераст* ‘бумер, представитель старшего поколения’, *менеджераст*. Возможность присоединения суффикса *-(p)аст* к названиям людей порождает такие окказионализмы, как *соседераст* (где *-р* добавлено, но, в отличие от модели «прогнозораст», производящая основа обозначает человека).

В моделях «водораст»/«прогнозораст» *-(p)аст* ведёт себя как суффиксоид: гласный перед ним возможен не любой, а только *о* или *е*, ср. *мышкораст*, *лентораст*, но *юлераст*, *кремлераст*. Также именно *о* или *е* вставляется внутрь консонантного кластера в модели «лепераст», ср. *лепра* > *лепераст*, *квадроцикл* > *кватораст*, *ЕдРо* > *едераст/едораст*. В то же время модели без *-р* (а также модель «майдараст» с заменой последнего согласного производящей основы на *р*) демонстрируют восприятие этого словообразовательного компонента скорее как суффикса.

История возникновения суффикса *-(p)аст* показывает отличный от стандартного путь языкового развития: «сегодняшняя морфология» в данном случае не представляет собой, согласно формулировке Т. Гивона, «вчерашний синтаксис» [Givón 1971: 413]. Этот словообразовательный элемент не возник из полнозначной лексемы путём грамматикализации (в отличие от многих других суффиксов (см., например, [Horper, Traugott 2003])) и не появился в результате переразложения путём «склеивания» нескольких суффиксов или суффикса с частью основы (о таком способе образования суффиксов см. [Haspelmath 1995; Пизани 2001]), его источник — обособившаяся часть связанного корня [Бурлак 2013].

Наиболее близким к данной модели способом словообразования является контаминация [Земская 1992: 51–52] (в работе [Николина и др. 2020: 12] прямо говорится, что суффикс *-(p)аст* сформировался «на основе контаминированных образований») или «междусловное совмещение» в сочетании с «неморфемным усечением» [Улуханов 2019: 74]: в таких случаях «из состава слов (...) выделяется часть, которая впоследствии подвергается

семантизации, не связанной никак ни со строением, ни с семантикой данного отрезка» [Земская 1992: 52].

Как указал в своём отзыве И. Б. Иткин, такого рода образования — это композиты, произведённые особым способом, отчасти сходным с гаплогогией, при котором у первого компонента отбрасывается часть, следующая за совпадающим компонентом, а у второго — часть, предшествующая ему, ср. *Заходёр* + *дёрзости* = *заходёрзости* (слово, придуманное поэтом Б. Заходером), *Рейган* + эк[ан]о́мика = *рейгано́мика*; *сча[сли]вый* + *сливки* = (*сливки*-)*щасли́вки* (название конфет) [Григорьева 2019: 490] и *восьмидеся́тник* + н[и]де́раст = *восьмиде́раст*, *либерáльный* + *педера́ст* = *либерáст*.

Обычно считается, что данный способ представляет собой языковую игру и образует окказионализмы [Земская 1992: 190–193; Григорьева 2019; Улуханов 2019: 74] (отметим, что в обстоятельной монографии [Земская и др. 1981] среди способов словообразования, характерных для некодифицированной речи, такой способ не выделяется), что слова, полученные с его помощью, — единичные случаи, не образующие длинных рядов однотипных производных [Fradin 2015: 389]. Между тем для суффикса *-(р)аст* это не так: несмотря на то, что источником действительно послужили контаминированные образования с «неморфемным усечением», ряд производных получился достаточно длинным и продуктивность данного словообразовательного средства не уменьшается.

Морфонологические ограничения, демонстрируемые суффиксом *-(р)аст*, не являются отражением фонетики какого-либо предшествующего языкового состояния. Они продиктованы тем, что новое слово должно вызывать у слушателя или читателя одновременно две ассоциации — с производящей основой и со словом *педераст* (для создания негативной коннотации), т. е. одновременно активировать нейронные ансамбли, соответствующие обоим включаемым в ассоциацию словам. Чем в большей степени это удаётся, тем вероятнее, что слово приобретёт высокую частотность. Показательна цитата из газеты «Труд», где перечислены разные возможные варианты названия специалиста по PR с негативной коннотацией: «Как только его не называют! *Прыщик* или *попиар* — это еще цветочки. *Пиараст* — вот где настоящие эмоции (коннотация, как сказали бы лингвисты)» (Аффтар, в Бабруйск! // Труд-7, 2007.04; цит. по [НКРЯ]). Слово *попиар* в корпусе [Arapeum] встречается трижды (и только в контексте «главный *попиар*»), что может быть записью выражения «главный по PR»; формы других падежей от потенциального слова **попиар* отсутствуют), тогда как *пиараст* в том же корпусе — более 100 раз (в [НКРЯ] *попиар* фиксируется лишь один раз — в вышеприведённой цитате, а *пиараст* — четырежды).

Для того чтобы слово вошло в язык, оно должно быть не только порождено и понято, но и распространено. Для того чтобы в язык вошла словообразовательная модель, нужно, чтобы такие слова встречались достаточно часто — тогда появится возможность обобщить соответствующее правило и начать применять его к новым случаям. Если для понимания слова не-

редко бывает достаточно контекста, ситуативной привязки или невербальной составляющей коммуникативного акта, то для того, чтобы слово было употреблено вновь, необходимо, чтобы в мозге человека при активации соответствующего смысла активировались также те нейронные связи, которые приведут к порождению соответствующей формы (причём в большей степени, чем связи, приводящие к порождению какой-либо другой формы).

Можно предположить, что такая активация некоторым образом «учитывает» самые разные параметры — и общую ритмическую схему (число слогов, место ударения, вероятно, также ритм чередования гласных и согласных), и количество совпадающего фонетического материала, и семантическое соотношение между производящей основой и получающимся дериватом. Несоответствие по любому из этих пунктов кратно уменьшает и количество производных, и их суммарную встречаемость.

Не исключено, что для некоторых слов образование происходит не столько при помощи суффикса *-(p)аст*, сколько по принципу «внеси в финаль исходного слова те и только те изменения, в результате которых оно будет оканчиваться на *-ра́ст*» (формулировка И. Б. Иткина), ср. *энтузиаст* (от *энтузиаст*), *акселераст* (если от *акселерат*, а не от *акселерация*), *демократ* (от *демократ*), *пираст* (от *пират*), *гондураст* (от *Гондура*), а также все слова моделей 9 («гитараст») и 10 («коммунаст»).

Отметим, что фонологическое наложение отмечается как необходимое свойство дериватов, получаемых при помощи контаминации: так, во французском языке есть слово *élevache* ‘разведение коров’, полученное из *élevage* ‘разведение’ + *vache* ‘корова’ с наложением ударного *-va-*, но невозможно слово **élechien* ‘разведение собак’, поскольку в словах *élevage* ‘разведение’ и *chien* ‘собака’ фонетический материал, необходимый для успешного наложения, отсутствует [Fradin 2015: 389]. Вероятно, отсутствие одинакового фонетического материала не даёт возможности вызывать весь комплекс необходимых нейронных активаций.

В редких моделях, максимально отстоящих от базовой, наибольшую частотность набирают те слова, где собственные свойства основы увеличивают необходимое сходство. Так, в модели «флудераст» самым частотным оказывается слово *флудераст* (в совокупной выборке встречается около 100 раз; следующее по частотности слово, *читераст*, фиксируется лишь немногим более 10 раз), где нестандартное семантическое соотношение «компенсируется» наличием *-d-* перед *-ep-*. В модели «демократ» единственным частотным оказывается слово *демократ* (в совокупной выборке встречается около 30 раз; прочие слова этой модели — *кандидаст*, *депутаст*, *акселераст* и *пираст* — представлены единичными случаями употребления), где нестандартность модели (вставка *-c-* внутрь исходного слова) «компенсируется» наличием *-p-* перед *-a-*.

В отглагольных моделях — «придираст» и «объезжаст», — где семантическое соотношение между исходным словом и дериватом отлично от стандартного, обязательным является наличие либо *-p-*, либо ударного *-a-*.

В модели «всегдаст» с нестандартным количеством слогов ударное *-а* также является обязательным. Практически не встречаются дериваты, где перед *-р-* был бы не гласный, а согласный, а среди тех, что встречаются (например, *демпингаст, нетардаст, театраст, воргеймраст*), — нет ни одного неуникального.

Имеется несколько примеров альтернативного использования слова *педераст* для образования дериватов с негативной коннотацией: *восьмидераст, америкодараст*. Здесь мы видим использование в качестве словообразовательного элемента не одного, а двух последних слогов. Но в общую ритмическую схему эти образования вписываются плохо — у них больше слогов, чем нужно, и эти слова не набирают сколь-нибудь значимой частотности, т. е. не вызывают у тех, кто встретился с этими словами, желания воспроизводить их. Так, негативное отношение к сторонникам США носители русского языка охотнее выражают словом *СШАст* (в совокупной выборке встречается около 10 раз), которое в большей степени соответствует необходимым параметрам.

Эволюция суффикса *-(р)аст* показывает, что для порождения, распознавания и распространения слов и даже для формирования словообразовательной модели стандартные морфологические техники не являются обязательными. Если в мозге легко формируются связи, позволяющие ассоциировать новое слово, во-первых, с производящей основой, во-вторых, с дополнительным компонентом, вызывающим определённую модификацию значения, такое слово будет успешно порождено, распознано и воспроизведено.

Подобного рода техника «используется в китайской иероглифике, где многие иероглифы получены путём совмещения детерминатива (смысловой части) и фонетика (указывающего на примерное произношение), ср., например, иероглиф 板 [bǎn] ‘доска’, составленный из детерминатива 木 [mù] ‘дерево’ и части 反 [fǎn], которая сама по себе означает ‘противоположный’» [Бурлак 2013: 78]. Сходным путём образованы многие слова английского языка, ср., например, *brunch* ‘поздний завтрак’ < *breakfast* ‘завтрак’ + *lunch* ‘обед’, *motel* ‘мотель’ < *motor* ‘мотор’ + *hotel* ‘отель’ и т. д. [Campbell 2004: 104].

Можно предположить, что данный механизм появления новых слов и новых словообразовательных моделей — через нейронные активации, позволяющие ассоциировать новое слово с двумя (или более) уже известными, — первичен, и стандартные морфологические техники, такие как аффиксация, словосложение, чередование в корне, мена тона и т. п., являются наиболее распространёнными лишь потому, что вызывают подобную двойную активацию с наибольшей надёжностью и позволяют формировать словоизменительные парадигмы и достаточно большие словообразовательные ряды.

Дальнейшая эволюция суффикса *-(р)аст* — стирание негативной коннотации. Ср., например: «Разрешите представиться, я — толераст. Или либераст — кому что привычнее. Так меня называют на форумах и в комментариях некоторые читатели» ([Тарасевич 2009], цит. по [НКРЯ]); «Уважае-

мые Фидерасты! А кто какие кармушки использует при ловле?» [Araneum]; «Передать нужно зарубежные железнодорожные билеты, кровь из носу. Не хотелось бы завязываться на случайно выбранного в пятницу пассажира. ЧГКасты, которые едут на Гамбургский счёт, неужто не?» (vk (28.09.2018), цит. по [НКРЯ]). Пока такие примеры единичны, но в целом исчезновение негативных коннотаций — один из возможных механизмов семантической эволюции.

Источники

- Белобров, Попов 2005 — В. Белобров, О. Попов. Уловка водорастов: Рассказы. М., 2005.
- Бойко 2009 — М. Е. Бойко. Мастер ключей. Юрий Мамлеев // Вопросы литературы. 2009. № 4. С. 33–49.
- Книжный ларёк — Интернет-ресурс. URL: <https://www.knizhnyj-larek.ru/news/grigori-j-sadovnikov-fedotov-arkhipelag-durak/> (дата обращения: 18.04.2023).
- Коллекция минусовок — Коллекция минусовок. Форум. URL: <https://forum.plus-msk.ru/showthread.php?t=104450> (дата обращения: 25.11.2023).
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. 2003—2023. ruscorpora.ru
- Тарасевич 2009 — Г. Тарасевич. Гомокреационисты и гетеродарвинисты // «Русский репортер», № 25 (104), 2–9 июля 2009.
- Araneum — Araneum Russicum III Maximum 2023. unesco.uniba.sk/aranea

Литература

- Бурлак 2013 — С. А. Бурлак. Возникнуть с нуля: Сегодняшние изменения и их роль для общей теории // VIII Международная научная конференция по сравнительно-историческому языкознанию на тему «Современные методы сравнительно-исторических исследований» (25–27 сентября 2013, Москва, МГУ). М.: МГУ, 2013. С. 74–78.
- Григорьева 2019 — П. В. Григорьева. Блендинг как тип неузуального словообразования: к уточнению понятия // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3 (76). С. 488–490.
- Зализняк 2010 — А. А. Зализняк. Труды по акцентологии. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2010.
- Земская 1992 — Е. А. Земская. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992.
- Земская и др. 1981 — Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981.
- Иткин 2005 — И. Б. Иткин. Об одном ограничении на сочетаемость суффиксов с основой в современном русском языке // Славяноведение. 2005. № 4. С. 50–57.
- Лопатин, Улуханов 1963 — В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. О некоторых принципах морфемного анализа. (К определению понятия сложного слова в рус-

ском языке) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1963. Т. 22. Вып. 3. С. 190–203.

Николина и др. 2020 — Н. А. Николина, Л. В. Рацибурская, В. Г. Фатхутдинова. Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19. № 2. С. 5–19.

Пизани 2001 — В. Пизани. Этимология (история, проблемы, метод). М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Пиперски 2019 — А. Ч. Пиперски. Экспрессивные неологизмы на *-раст* в русском языке // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сборник научных трудов Международного научного симпозиума. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 183–188.

Русаква 2013 — О. В. Русаква. Аффиксоиды в деривационной системе русского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2013.

Улуханов 2019 — И. С. Улуханов. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: URSS, 2019.

Шанский 1970 — Н. М. Шанский. Аффиксоиды в словообразовательной системе современного русского литературного языка // Исследования по современному русскому языку. М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. С. 250–260.

Campbell 2004 — L. Campbell. Historical Linguistics: an Introduction. 2nd ed. Edinburgh University Press, MIT Press, 2004.

Fradin 2015 — B. Fradin. Blending // Word-Formation. An international Handbook of the languages of Europe. Vol. 1. Berlin / P. O. Müller, I. Ohnheiser, S. Olsen, F. Rainer (eds.). Boston: De Gruyter Mouton, 2015. P. 386–413.

Givón 1971 — T. Givón. Historical syntax and synchronic morphology: an archaeologist's field trip // Papers from the 7th Meeting of the Chicago Linguistic Society. 1971. P. 394–415.

Haspelmath 1995 — M. Haspelmath. The growth of affixes in morphological reanalysis // Yearbook of Morphology 1994 / G. Booij, J. van Marle (eds.). Dordrecht: Kluwer, 1995. P. 1–29.

Hopper, Traugott 2003 — P. J. Hopper, E. C. Traugott. Grammaticalization. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Статья получена 26.11.2023

Svetlana A. Burlak

Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

svetlana.burlak@bk.ru

A HISTORY OF THE SUFFIX *-(R)AST*: MORPHOPHONOLOGY IN CONVERSATIONAL SPEECH

The article analyses the development of derivational models with the element *-(r)ast* in the Russian conversational speech. It produces such words as e.g. *liberast* < *liberal* + *pederast* and means something like ‘a detestable adherent of the thing named by the stem’. At first this element was subject to several peculiar morphophonological restric-

tions: it was always accented (↓D), it could be attached only to disyllabic (or truncatable) stems ending in *-r-*. In the course of recent years, the restrictions have somewhat slackened and a considerable amount of secondary derivational models have arisen. But the more the new model differs from the original one, the lesser is the amount of words it can generate and the lesser is their chance to spread in the language.

Keywords: Russian language, conversational speech, language change, morphological restrictions, derivational model.

References

- Burlak, S. A. (2013). Vozniknut' s nul'ia: Segodniashnie izmeneniia i ikh rol' dlia obshchei teorii. In V. A. Kochergina (Ed.), *Sovremennye metody sravnitel'no-istoricheskikh issledovanii: VIII Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia po sravnitel'no-istoricheskomu iazykoznaniiu (25–27 sentiabria 2013, Moskva, MGU)* (pp. 74–78). Moscow: MGU, 2013.
- Campbell, L. (2004). *Historical Linguistics: an Introduction* (2nd ed.). Edinburgh University Press, MIT Press.
- Fradin, B. (2015). Blending. P. O. Müller, I. Ohnheiser, S. Olsen, & F. Rainer (Eds.), *Word-Formation. An international Handbook of the languages of Europe* (Vol. 1, pp. 386–413). Boston: De Gruyter Mouton.
- Givón, T. (1971). Historical syntax and synchronic morphology: an archaeologist's field trip. *Chicago Linguistic Society*, 7, 394–415.
- Grigor'eva, P. V. (2019). Blending kak tip neuzual'nogo slovoobrazovaniia: k utocnieniu poniatii. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 76(3), 488–490.
- Haspelmath, M. (1995). The growth of affixes in morphological reanalysis. In G. Booij, & J. van Marle (Eds.), *Yearbook of Morphology 1994* (pp. 1–29). Dordrecht: Kluwer.
- Hopper, P. J., & Traugott, E. C. (2003). *Grammaticalization* (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press.
- Itkin, I. B. (2005). Ob odnom ogranichenii na sochetaemost' suffiksov s osnovoi v sovremennom russkom iazyke. *Slavianovedenie*, 4, 50–57.
- Lopatin, V. V., & Ulukhanov, I. S. (1963). O nekotorykh printsipakh morfemnogo analiza. (K opredeleniiu poniatii slozhnogo slova v russkom iazyke). *Izvestiia AN SSSR. Otdelenie literatury i iazyka*, 22(3), 190–203.
- Nikolina, N. A., Ratsiburskaia, L. V., & Fatkhutdinova, V. G. (2020). Novye iavleniia v sfere derivatsionnykh formantov kak otrazhenie dinamiki slovoobrazovatel'noi sistemy russkogo iazyka. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 2: Iazykoznanie*, 19(2), 5–19.
- Piperski, A. Ch. (2019). Ekspressivnye neologizmy na *-rast* v russkom iazyke. In V. N. Stepanov, & L. V. Ukhova (Eds.), *Russkaia grammatika: aktivnye protsessy v iazyke i rechi: sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma* (pp. 183–188). Yaroslavl: RIO IaGPU.
- Pizani, V. (2001). *Etimologiia (istoriia, problemy, metod)*. Moscow: Editorial URSS.
- Rusakova, O. V. (2013). *Affikoidy v derivatsionnoi sisteme russkogo iazyka* (Doctoral dissertation summary). Orel State University, Tula.

Shanskii, N. M. (1970). Affiksoidy v slovoobrazovatel'noi sisteme sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka. In T. P. Lomtev, & A. A. Kamynina (Eds.), *Issledovaniia po sovremennomu russkomu iazyku* (pp. 250–260). Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta.

Ulukhanov, I. S. (2019). *Edinitsy slovoobrazovatel'noi sistemy russkogo iazyka i ikh leksicheskaia realizatsiia*. Moscow: URSS.

Zalizniak, A. A. (2010). *Trudy po aktsentologii* (Vol. 1). Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Zemskaja, E. A. (1992). *Slovoobrazovanie kak deiatel'nost'*. Moscow: Nauka.

Zemskaja, E. A., Kitaigorodskaja, M. V., & Shiriaev, E. N. (1981). *Russkaia razgovornaia rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis*. Moscow: Nauka.

Received on November 26, 2023

Г. А. МОЛЬКОВ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
georgiyolkov@gmail.com

КОНКУРЕНЦИЯ ФОРМ РОДИТЕЛЬНОГО, ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖЕЙ И АДЪЕКТИВОВ В ДРЕВНЕЙШИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ СПИСКАХ ПАРИМЕЙНИКА *

В статье проведен анализ контекстов из древнеславянского перевода Паримейника по шести ранним древнерусским спискам (XII–XIV вв.) и двум рукописям сербского извода, с варьированием трех способов передачи греческого приименного генитива — с помощью приименного родительного, дательного падежей и адъективных форм (типа **исходи животъни/живота/животоу**). На первом этапе благодаря использованию инструментов портала «Манускрипт» были сопоставлены списки разных текстологических групп, что позволило выявить неоднородность в употреблении форм дательного падежа. Их максимальное количество наблюдается в представителе древнейшей редакции (и хронологически наиболее раннем) — Лазаревском списке Паримейника, а минимальное — в Захариинском паримейнике, который отражает хронологически позднейшую из представленных в исследуемых списках редакцию этого перевода. На втором этапе эта особенность рассмотрена в списках древнейших типов текста Паримейника. Это позволило установить, что активность дательного падежа в рассматриваемой функции — характеристика одной из групп Древнейшего типа. Возникновение этой группы связано с Восточной Болгарией и, возможно, является результатом сознательной редактуры.

Ключевые слова: Паримейник, лингвотекстология, приименной дательный, приименной родительный, прилагательное.

Особенностям перевода греческого приименного родительного падежа в старославянских текстах посвящен ряд значимых работ. Внимание к данной проблеме связано с тем, что морфологическая однородность греческого языка в этом отношении (использование формы генитива) контрастирует с вариантностью передачи приименного родительного в славянском тексте. Полисемантический греческий приименной генитив в большинстве своих значений в старославянский период мог быть переведен тремя основными способами: приименным (атрибутивным) родительным, притяжательным или относительным прилагательным, а также приименным дательным.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (международный проект № 20-512-18001).

В атрибутивной позиции («in attributiver Funktion» [Večerka 1993: 187]) все три способа приближались к полной дублетности. Родительный и дательный смешивались почти в «любой приименной функции» [Вечерка 1963: 199], с развитием дательного как субститута приименного родительного [Vaillant 1964: 189]. Свободный выбор в определенных синтаксических условиях существовал между формой родительного падежа и отыменным прилагательным, с сохранением ряда маркированных позиций для каждой из форм [Huntley 1984: 217]. Наконец, отмечается, что атрибутивный дательный «изредка альтернирует с притяжательным прилагательным» [Мразек 1963: 249]. Исследование этого явления связано в первую очередь с обнаружением факторов, влиявших на выбор одного из средств перевода греческого генитива [Huntley 1984: 233–234; Večerka 1993: 201–206; Eckhoff 2018: 42–59]. Как правило, при таком аспекте рассмотрения сравниваются формы родительного падежа и адъектива, а дательный падеж остается в стороне как более семантически маркированный [Huntley 1984: 217] или периферийное диалектное средство выражения на фоне двух остальных [Matasović 2011: 1]. По мнению Р. Вечерки, функциональное тождество родительного и дательного приименных говорит о диалектном характере второго (автор указывает при этом на преобладание дательного в Саввиной книге); последующее распространение дательного приименного стало одной из предпосылок утраты склонения в болгарском и македонском языках [Večerka 1993: 197]. Также обсуждая изначально диалектный характер датива в рассматриваемой функции, К. И. Ходова отмечает, что эта особенность «чаще, чем в других старославянских памятниках, наблюдается в текстах восточноболгарского происхождения» [Ходова 1963: 134]. Это вступает в некоторое противоречие с более ранним мнением В. Ягича, предполагавшим, что дательный приименной как специфическая особенность был характерен для южнославянского диалекта, бытовавшего «между Фессалониками и Константинополем», которым владели солунские братья («südslavischer Dialekt, der irgendwo zwischen Thessalonik und Konstantinopel im Munde des Volkes gelebt hat» [Jagić 1913: 280]), и принадлежал древнейшему слою старославянского языка¹.

Меньше внимания уделялось лингвотекстологическому аспекту вариативности средств выражения посессивности в древнеславянских переводах. Описание явления проводится в основном на материале «канонических» старославянских памятников, в связи с чем текстологическая значимость разночтений может быть проиллюстрирована преимущественно примерами из Евангелия, сохранившегося в нескольких списках раннего периода. В евангельском тексте встречаются разночтения род. vs. прил.: **въ домоу двѣвъ** в Зографском евангелии — **въ домоу двѣда** в Мариинском евангелии [Huntley 1984: 221]; род. vs. дат.: **рѣби гѣна** в Мариинском

¹ Краткий обзор литературы по вопросу об архаичности дательного приименного в старославянских переводах см. в [Крысько 2014: 38].

и Ассеманиевом евангелиях — **рѣви гѣноу** в Зографском евангелии [Ibid.: 229], **въ праздникъ пасцѣ** в Зографском, Ассеманиевом евангелиях и Саввиной книге — **въ праздникъ пасхы** в Мариинском евангелии [Мразек 1963: 250] и др.² В некоторых случаях показательные примеры чередования форм встречаются в пределах одного текста и в других старославянских памятниках: **се молитвы образъ кстѣ се знамении молению** в Супрасльской рукописи [Там же: 229].

Более полно данные по евангельским спискам приводит Р. Вечерка для генитива и датива. По ним хорошо видно отличие в передаче посессивности в Саввиной книге — дательный приименной здесь используется систематически на месте генитива в других старославянских евангелиях³, что ученый расценивает как «проявление в ней болгарской языковой среды» [Вечерка 1963: 200]. По данным Р. Вечерки, в Саввиной книге на 13 контекстов с формой родительного падежа приходится почти втрое больше — 37 примеров употребления дательного (тогда как в других евангельских списках соотношение обратное). При подсчетах учтены только позиции вариативности — «т. е. те случаи, в которых против родительного в некоторых кодексах выступает дательный в других кодексах» [Там же].

Лингвотекстологические наблюдения над особенностями функционирования посессивов в языке древнейших славянских переводов могут быть существенно дополнены благодаря привлечению позднейших списков. В восточнославянской рукописной традиции, представленной достаточным количеством сравнительно ранних (XI–XIV вв.) списков разных произведений, хорошо сохраняются архаичные грамматические особенности древнего перевода — в наших работах мы показывали это на примере форм причастий [Мольков 2017] и супина [Мольков 2018] в Евангелии. Благодаря привлечению материала древнерусских евангельских списков выявляются контексты с незафиксированными в старославянских памятниках вариантами, в том числе с чередованием всех трех способов передачи греческого приименного родительного: **дѣлателе неправдѣ** (Мар., Зогр., Галич.), **дѣлателе неправдыни** (Савв.), **дѣлателіе неправды** (Остр., Юр. и др.) [Плис 2009: 111]⁴.

Сохранившиеся древнерусские письменные памятники позволяют расширить круг древнейших переводов для исследования явления вариатив-

² В. Ягич наряду с евангельскими контекстами приводит также параллели из Апостола по Христинопольскому (XII в.) и Шишатовацкому (XIV в.) спискам [Jagić 1913: 280].

³ Аналогичное наблюдение по отдельным контекстам делают и другие исследователи, см. [Vaillant 1964: 189].

⁴ Ср. контекст Мф. 10. 42, в котором все три варианта отмечены в старославянских списках: **въ имѣ оученика/оучениче/оученикоу** [Ходова 1963: 136] (тот же контекст дается и в [Huntley 1984: 227]); Р. Вечерка приводит также контекст Мф. 9. 34 с варьированием трех способов выражения по старославянским спискам [Vecherka 1993: 197].

ности в передаче греческого приименного генитива. В достаточном количестве ранних восточнославянских списков сохранился кирилло-мефодиевский перевод Паримейника. Сопоставительный анализ этих списков существенно облегчен благодаря параллельному корпусу списков славянского Паримейника [Баранов 2021; Жолобов 2021], реализованному на базе портала «Манускрипт» и включающему в себя на сегодняшний день пять списков XII–XIV вв. Принадлежность этих списков разным редакциям текста Паримейника [Жолобов 2021: 107] обуславливает значительную вариативность текста в их составе, в том числе на морфологическом уровне. Сопоставительное рассмотрение таких различий позволяет выявить текстологически разнородные слои, установить связь одного из вариантов с редакционной группой списков, описать индивидуальность отдельных списков по конфигурации вариативных форм (на материале аористных форм — см. [Жолобов, Йовчева 2022: 145–148]). Среди прочих черт, по наблюдениям О. Ф. Жолобова, в корпусе списков Паримейника на портале «Манускрипт» широко отражена «вариативность атрибутивного и субстантивного определений, где в свою очередь, варьируют падежные формы дательного и родительного падежей» [Жолобов 2021: 109]. В настоящей статье предпринимается их специальное рассмотрение с полной выборкой материала сохранившихся параллельных чтений древнерусских списков, дающее новую информацию о конкуренции и этапах бытования в языке древней церковнославянской письменности разных средств выражения посессивности.

Портал «Манускрипт» позволяет рассматривать параллельно паримии по пяти спискам древнерусского извода: это Лазаревский, или Сковородский, паримейник 50–60-х гг. XII в. (РГАДА, Тип. 50, 126 л.), Захариинский паримейник 1271 г. (РНБ, Q.п.1.13, 264 л.), Федоровский II паримейник втор. пол. XIII в. (РГАДА, Тип. 60, 107 л.), Козминский паримейник 1313 г. (РГАДА, Тип. 61, 151 л.) и Троицкий I паримейник втор. пол. XIV в. (РГБ, Тр. 4, 142 л.) (далее указанные списки будут сокращенно обозначаться соответственно как Лаз, Зах, Фед, Козм и Тр). Рукописи неодинаковы по степени сохранности текста. Наименьшее количество утрат содержит список Зах, а наибольшее — Фед [Баранов 2021: 9], в связи с этим при поиске в параллельном корпусе Зах был задан как основной, а для отсутствующих в нем паримий в качестве главного выбирался древнейший список Лаз. Отбор контекстов и подсчеты проводились по тому же принципу, который Р. Вечерка применил по отношению к старославянским евангельским спискам (см. выше), — учитывались только позиции вариативности разного типа (но, в отличие от Р. Вечерки, не только для форм род. и дат. падежей, а для трех способов перевода греческого генитива): двух морфологических средств (в любой комбинации — род./дат. падеж, род. падеж / прил., дат. падеж / прил.) или всех трех. В наиболее благоприятной для исследования ситуации интересующий нас контекст присутствовал во всех пяти списках, однако рассмотрены были также примеры с разной передачей греческого генитива в двух (трех, четырех) списках.

В результате сплошной выборки в соответствии с указанными принципами в тексте Паримейника было выявлено 230 форм, подверженных вариативности в древнейших списках⁵. В преобладающем большинстве контекстов противопоставлены два разных способа выражения, но встречаются примеры с чередованием трех разных форм: **везоумио во нозѣ** Притч 5. 5 (Лаз) — **везоумиа** (Зах, Тр); **везоумнѣ** (Козм); **ѿ въстокъ слнцныихъ** Ис 9. 12 (Лаз, Тр) — **слнцю** (Зах), **слнца** (Фед, Козм); **исходи животъни** Притч 9. 7 (Лаз, Фед, Козм) — **животоу** (Зах), **живота** (Тр); **оуды члвчскы** Ис 66. 23 (Лаз), **члвча** (Козм) — **члвкъ** (Зах), **члвкомъ** (Тр); **глаꙗ трѣвныи** Дан. 3. 7 (Лаз) — **трѣвы** (Зах, Тр), **трѣвѣ** (Козм) и др. Подобные контексты подтверждают дублетный статус всех трех средств выражения в книжном регистре в древнейший период. Из приведенных примеров также видно, что коррелирующие прилагательные не ограничены собственно притяжательными с суффиксом *-bj-*, но включают в себя и даже в основном представлены относительными образованиями (преимущественно с суффиксом *-bn-*).

При сравнительном рассмотрении количественных данных списков становится видна их неоднородность в соотношении дублетов.

Таблица 1

Способы передачи греческого приименного генитива в списках Паримейника

	Лаз	Зах	Фед	Козм	Тр
род. п.	61	108	54	96	85
дат. п.	97	46	37	45	60
прил.	42	73	37	59	45
другое ⁶	2	1	—	—	5

⁵ Отметим, что из этих 230 примеров только 14 приходятся на чтения книги Исход, специально исследованные текстологически А. А. Пичхадзе [1998]. Книга Исход в составе Паримейника не читается в Великий пост [Там же: 6], что не позволяет заметить морфологическую неоднородность текста в чтениях Великого поста и Страстной седмицы, выявляемую на материале вариантов перевода греческого приименного генитива (см. ниже).

⁶ В эту категорию попали разрозненные морфологические средства, в отдельных контекстах участвующие в вариативности в чтении одного из списков. Встретились формы местного падежа: **горе сильнымъ ѿзлви** Ис. 1. 14 (Лаз) — **нзлвкомъ** (Зах) — **во ѿзлви** (Тр); **лѣта живота** Притч 9. 11 (Зах) — **животоу** (Фед, Козм, Тр) — **животѣ** (Лаз) и др.; родительного падежа с предлогом **ѿ**: **правдоу правдникомъ. въземлющемъ ѿ нихъ** Ис. 5. 23 (Зах) — **правду праваго** (Козм) — **пвдничю правду** (Тр) — **правдоу ѿ правдника възимающимъ** (Лаз).

У каждого из списков складывается индивидуальное соотношение вариантов перевода греческого родительного падежа. Тем не менее можно выделить два противопоставленных соотношения — с преобладанием дат. или род. п. В большинстве списков преобладает форма род. падежа, и только в Лазаревском паримейнике наиболее частотны (с осязательным отрывом) контексты с формой дат. падежа. Среди древнерусских списков Паримейника он занимает, таким образом, положение, подобное месту Саввиной книги в кругу старославянских списков Евангелия (хотя в Саввиной книге перевес контекстов с дат. падежом существеннее). Кроме того, эта особенность Лаз соотносится с его текстологической характеристикой — принадлежностью к Древнейшему (в терминологии А. А. Пичхадзе) типу данного перевода в противоположность другим спискам, относящимся к промежуточным текстологическим группам: Фед и Козм — к Козминской, Зах — к Захариинской и Тр — к Семеновской [Пичхадзе 1991: 150–152]. В этих условиях преобладание дат. падежа в рассматриваемых контекстах в Лаз предстает как архаичная черта одной из ранних редакций текста, постепенно устранявшаяся при последующем переписывании. Около 40 примеров с формой дат. падежа противопоставляют Лаз всем остальным спискам: **на страну водѣ** Нав. 3. 8 (Лаз) — **воды** (Зах, Козм); **въ оудолиѣ пьри** Иоиль 3. 14 (Лаз) — **въ оудоли пьринѣ** (Зах), **пранна** (Козм); **дългота во житню** Притч 3. 16 (Лаз, дважды — 21.1.1 и 113.1.1) — **житня** (Зах, Козм, Тр), **вѣ оцѣ живущимъ** Быт. 4. 20 (Лаз) — **живущинихъ** (Зах, Фед, Козм, Тр); **ѿ плода правдѣ** Притч 11. 30 (Лаз) — **правды** (Зах, Тр), **правдна** (Фед, Козм) и др.

Наименьшая доля форм дат. падежа (20 % на фоне 48 % в Лаз) наблюдается в чтениях Зах, отражающего хронологически позднейшую редактуру текста на промежуточном этапе [Пичхадзе 1991: 157]. Напротив, ближайшие к Лаз показатели — в списке Тр Семеновской редакции. Доля дат. падежа здесь при этом не далеко отстоит от Фед (в Фед — 29 %, а в Тр — 30,7 %), но в Тр, как и в Лаз, формы дат. падежа в контекстах с вариативностью заметно преобладают над адъективными коррелятами, и в 14 случаях Лаз и Тр (при больших лакунах в Тр) противопоставлены чтениям остальных списков: **извитна словомъ** Притч 1. 3 (Лаз), **ѣзвѣстьє слову** (Тр) — **словесъ** (Зах, Козм); **дѣни канноу** Быт. 5. 14 (Лаз, Тр) — **канань** (Зах), **канновъ** (Фед, Козм); **судъ нишимъ** Ис 10. 2 (Лаз, Тр) — **ничинихъ** (Зах, Фед, Козм); **камениѣ трѣвищемъ** Ис 27. 9 (Лаз), **-амъ** (Тр) — **трѣвищѣ** (Зах), **трѣвьщноѣ** (Козм); **ѿци языкомъ** Быт. 10. 32 (Лаз, Тр) — **язычьстии** (Зах, Фед, Козм) и др. Это позволяет предположить, что на этапе «решительной» редактуры⁷ в протографе Семеновской группы формы дат. приименного не привлекали внимания правщика.

⁷ По предположению А. А. Пичхадзе, «в списках Козминской группы отразился начальный этап редактирования (на этом этапе возникли варианты, общие для Козминской и Семеновской групп, в том числе варианты, объединяющие их с За-

Еще отчетливее общность Лаз и Тр, а также другие лингвотекстологические параметры проступают при более детальном рассмотрении паримийных чтений. Деление Паримейника на три основные части — рождественско-богоявленскую, триодную и месяцесловную [Алексеев 2008: 161] — отражается на соотношении рассматриваемых дублетов. В свою очередь, самая обширная триодная часть делится на чтения Великого поста, Страстной седмицы (параллельные службе по Постной триоди) и Пентикостарий (параллельный службе по Цветной триоди). Не во всех частях Паримейника встретилось достаточное количество интересующих нас примеров, наиболее показательное соотношение языковых черт в рождественско-богоявленской части, в чтениях Великого поста и Страстной седмицы.

Соотношение дублетов, передающих греческий приименной генитив, в рождественско-богоявленской части, по-видимому, противопоставляет рассмотренные списки: в Лаз, Фед и Козм (в Тр лакуна) дат. падеж преобладает над прочими грамматическими формами в позициях вариативности, а в Зах, напротив, полностью отсутствует. Впрочем, в этой начальной части списки (кроме Зах) содержат много лакун, и для проверки данного наблюдения требуется привлечение дополнительных списков.

Более показателен материал основной триодной части Паримейника, демонстрирующий различия между чтениями Великого поста и Страстной седмицы.

Таблица 2

Распределение дублетов в чтениях триодной части

	Лаз	Зах	Фед	Козм	Тр
род. п.					
ВелП	37	77	42	65	50
СтрС	19	9	7	15	23
дат. п.					
ВелП	63	25	18	21	48
СтрС	18	19	15	13	10
прил.					
ВелП	27	46	27	40	32
СтрС	9	15	9	14	8

харьинской группой и паримейниками Поздней редакции), а в списках Семеновской группы — последующая, более решительная редакция, учитывающая результаты предыдущей» [Пичхадзе 1991: 157].

Если в паримьях Великого поста соотношение форм род. п. / дат. п. / прил. соответствует общему соотношению для каждого списка (см. Таблицу 1), то в страстных чтениях оно оказывается прямо противоположным. В списках с наибольшей долей дат. п. в рассматриваемых контекстах в целом (Лаз и Тр) в страстных чтениях она заметно снижается, а в Зах, Фед и Козм, напротив, повышается:

Таблица 3

Доля контекстов с дательным падежом

Доля чтений с дат. п.	Общая	В чтениях Страстной седмицы
Лаз	48 %	39 %
Зах	20 %	44 %
Фед	29 %	48,4 %
Козм	22,5 %	31 %
Тр	30,7 %	24,4 %

Особое внимание привлекает соотношение двух групп чтений в Захариинском паримийнике. В этом списке (и редакции, которую он представляет), как говорилось выше, формы дат. падежа используются в минимальном объеме. Тем не менее в чтениях Страстной седмицы активность дат. падежа для передачи греческого приименного генитива оказывается на уровне списка Древнейшего типа. Учитывая гипотезу А. А. Пичхадзе о том, что текст Захариинской группы сложился в результате влияния отредактированного текста Семеновской группы на Древнейший тип [Пичхадзе 1991: 157], можно предположить, что в морфологии страстных чтений в тексте Зах в большей степени, чем в остальном тексте, сохранились черты Древнейшего типа. При этом Зах отразил это состояние в исследуемой позиции вариативности даже лучше, чем представитель Древнейшего типа Лаз.

Особенности распределения разных способов перевода греческого приименного генитива по тексту пяти рассмотренных списков различных текстологических групп на первый взгляд говорят о том, что формы дат. падежа являются архаичной чертой, которая устранялась из текста перевода постепенно, в ходе стихийных правок: наибольший процент таких форм характерен для списка Древнейшего типа, а наименьший — в позднейшем из рассмотренных Захариинском типе. Однако необходимо учитывать, что Древнейший тип Паримейника «представляет собой самую большую и самую аморфную в текстологическом отношении группу паримейников» [Там же: 150]. Наблюдаемое в Лаз соотношение разных способов перевода греческой формы приименного род. падежа может принадлежать как древнейшему слою старославянского ветхозаветного перевода (точка зрения

В. Ягича), так и быть диалектной особенностью (что ожидается по данным старославянских рукописей, связанных с восточно-болгарским регионом). Выбор интерпретации может быть сделан при анализе данных Лаз в кругу других ранних списков, относящихся к Древнейшему типу текста.

Рассмотрим для сравнения употребление в том же наборе контекстов в трех списках Паримейника: болгарский по происхождению Григоровичев паримейник рубежа XII–XIII вв. (РГБ, М. 1865, 104 л.)⁸ и рукопись сербского извода из собрания РНБ нач. XIII в. (Q.п.I.51, 71 л.), а также относительно полный по составу Строгановский паримейник XIV в. (РНБ, Q.п.I.14, 173 л.) (далее соответственно — Григ, Пб и Стр).

В сопоставлении с Лаз распределение интересующих нас форм в списках Древнейшего типа представлено в таблице ниже:

Таблица 4

**Способы передачи греческого приименного генитива
в списках Древнейшего типа Паримейника**

	Лаз	Григ	Пб	Стр
род. п.	61	59	30	90
дат. п.	97	63	13	33
прил.	42	48	21	58
другое	2	3	—	1

Списки Древнейшего типа распадаются на две группы: к Лаз по соотношению форм примыкает Григ, а Пб и Стр по данному показателю сходны с рассмотренными ранее списками других типов. В Лаз и Григ дат. падеж в контрольной группе контекстов является самым частотным средством передачи греческого приименного род. падежа, а в Пб и Стр, напротив, — наименее частотным. При этом даже в сравнении с Григ список Лаз демонстрирует бóльшую активность форм дат. падежа. Эти данные подтверждают, что преобладание дательного приименного в контекстах с вариативностью — черта одной из групп списков внутри Древнейшего типа текста, очевидно, связанной с восточноболгарским регионом. В том числе есть контексты, противопоставляющие употребление Лаз и Григ всем остальным рассмотренным спискам: *оустъны же правдынымъ съхранить ꙗ* Притч 14. 3 (Лаз, Григ) — *правдыныхъ* (Пб, Зах, Тр, Стр), *правдыны* (Фед, Козм); *срдце же безоумноу* Притч 17. 21 (Лаз, Григ) — *безоумнаго* (Пб, Зах, Фед, Козм), *безоумныхъ* (Тр), *безоумно* (Стр).

Противопоставление чтений Великого поста и Страстной седмицы в списках Древнейшего типа почти не выражено:

⁸ Текст рукописи изучался по изданию [Рибарова, Хауптова 1998].

Таблица 5

**Доля контекстов с дательным падежом в списках
Древнейшего типа Паримейника**

Доля чтений с дат. п.	Общая	В чтениях Страстной седмицы
Григ	36,4 %	40,6 %
Пб	20,3 %	19,2 %
Стр	18,1 %	18,1 %

Обратим внимание, что общая доля дат. падежа в Пб и Стр для контекстов с вариативностью находится на том же (низком) уровне, что и в списках других текстологических групп (ср. 20 % в Зах, 22,5 % в Козм). Отсутствие текстологического шва при переходе к страстным чтениям, вероятно, можно считать характеристикой Древнейшего типа в целом — в частности, в Лаз, где перепад был минимальным, в отличие от списков Зах и Козм, представляющих одноименные группы списков. Этот шов, по-видимому, связан с позднейшими этапами бытования текста, временем образования Козминской и Захариинской текстологических групп.

Проведенный анализ контекстов из древнеславянского перевода Паримейника по ряду древнейших списков позволяет утверждать, что по рассмотренному параметру — употреблению конкурирующих форм перевода греческого приименного родительного падежа — списки XII–XIV вв. сохраняют следы особенностей бытования Паримейника у южных славян в X в. Формы приименного дательного падежа, конкурирующие в большом количестве контекстов с генитивными и адъективными формами, являются текстологическим маркером. В исследованном материале наиболее активно в контекстах, дающих разночтения по спискам, датив используется в древнейшем сохранившемся списке Паримейника — Лазаревском сер. XII в., а также в чтениях Страстной седмицы в ранних списках Козминской и Захариинской групп текста. Сравнение Лазаревского списка с другими представителями Древнейшего типа текста позволяет сделать вывод, что активность дательного падежа в рассматриваемой функции — характеристика одной из групп указанного типа. Эта группа (в нашем материале — списки Лаз и Григ) с учетом языковых особенностей старославянских Саввиной книги и Супрасльской рукописи, которым свойственна данная черта, могла возникнуть в Восточной Болгарии, возможно, в ходе сознательной редактуры. Влияние этой «восточноболгарской» группы Древнейшего типа отразилось в представителях Козминской и Захариинской групп текста, в цикле чтений Страстной недели. При наличии у Козминской группы общего источника с Семеновской [Пичхадзе 1991: 157] остается предположить, что в Семеновской группе списков часть форм дательного падежа была устранена в ходе редактирования уже после выделения протографа Козминской группы.

Л и т е р а т у р а

Алексеев 2008 — А. А. Алексеев. Библия в богослужении. Византийско-славянский лекционарий. СПб.: Нестор-История, 2008.

Баранов 2021 — В. А. Баранов. Параллельный корпус списков славянского паримейника: состав, структура, аналитическая разметка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. № 20 (6). С. 6–17.

Вечерка 1963 — Р. Вечерка. Синтаксис беспредложного родительного падежа в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка / Ред. И. Курц. Прага: Изд-во Чехословацкой Академии наук, 1963. С. 183–223.

Жолобов 2021 — О. Ф. Жолобов. О грамматической и лексической вариативности в древнеславянских списках паримейника // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: Международная конференция: VIII Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 17–20 нояб. 2021 г.): Труды и материалы: В 2 т. Т. 1 / Ред. Р. Р. Замалетдинов, Е. А. Горобец, Э. А. Исламова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. С. 106–113.

Жолобов, Йовчева 2022 — О. Ф. Жолобов, М. Йовчева. Вариативность форм аориста в древнерусских паримейниках (к интернет-изданию корпуса) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 1. С. 24–36.

Крысько 2014 — В. Б. Крысько. Старославянский канон Кириллу Философу: Источники и реконструкция. М.: ООО «Издательский центр “Азбуковник”», 2014.

Мольков 2017 — Г. А. Мольков. Несогласованные причастные формы в ранних древнерусских списках евангелия // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 180–193.

Мольков 2018 — Г. А. Мольков. Супин в древнерусских списках Евангелия XI–XIII вв. // Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego. 2018. № 66. С. 319–332.

Мразек 1963 — Р. Мразек. Дательный падеж в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка / Ред. И. Курц. Прага: Изд-во Чехословацкой Академии наук, 1963. С. 225–261.

Пичхадзе 1991 — А. А. Пичхадзе. К истории славянского паримейника (паримейные чтения книги Исход) // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян / Ред. В. П. Вомперский. М.: Наука, 1991. С. 147–173.

Пичхадзе 1998 — А. А. Пичхадзе. Книга «Исход» в древнеславянском паримейнике // Ученые записки Российского православного ун-та ап. Иоанна Богослова. 1998. № 4. С. 5–60.

Плис 2009 — А. С. Плис. Реликтовые беспредложные синтаксические конструкции в славянском переводе евангелия от Луки // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 2009. № 4. С. 105–114.

Рибарова, Хауптова 1998 — З. Рибарова, З. Хауптова. Григоровичев паримейник. 1. Текст со критички аппарат. Скопје: МАНУ, 1998.

Ходова 1963 — К. И. Ходова. Система падежей старославянского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Eckhoff 2018 — Н. М. Eckhoff. Quantifying syntactic influence Word order, possession and definiteness in Old Church Slavonic and Greek // Diachronic Slavonic Syntax: The Interplay between Internal Development, Language Contact and Metalin-

guistic Factors / B. Hansen, J. Grković-Major, B. Sonnenhauser (eds.). Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2018. P. 29–62. URL: <https://doi.org/10.1515/9783110531435-003>.

Huntley 1984 — D. Huntley. The distribution of the denominative adjective and the adnominal genitive in Old Church Slavonic // Historical syntax / Ed. J. Fisiak. Berlin: Mouton, 1984. P. 217–236.

Jagić 1913 — V. Jagić. Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.

Matasović 2011 — R. Matasović. Slavic Possessive Genitives and Adjectives from the Historical Point of View // The Grammar of Possessivity in South Slavic Languages: Synchronic and Diachronic Perspectives, Slavic Eurasian Studies No. 24. Sapporo, Japan: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2011. P. 1–12.

Vaillant 1964 — A. Vaillant. Manuel du vieux slave. T. 1. Grammaire. Paris: Institut d'Études Slaves, 1964.

Večerka 1993 — R. Večerka. Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. II. Die Innere Satzstruktur. Freiburg I. Br.: U. W. Weiher, 1993 (Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris, XXXIV (XXVII, 2)).

Статья получена 21.12.2022

Georgiy A. Molkov

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
georgiymolkov@gmail.com

VARIATION OF FORMS OF GENITIVE, DATIVE CASES AND ADJECTIVES IN THE OLDEST EAST SLAVONIC MANUSCRIPTS OF THE PAROEMIARION

The article analyzes the contexts from the Old Slavonic translation of the *Paroemiarion* (*Parimejnik*) according to six early Old Russian sources (thirteenth-fourteenth centuries) and two manuscripts of the Serbian recension, with a variation of three ways of rendering the Greek adjective genitive — using the adnominal genitive and dative cases and adjectival forms (such as *iskhodi zivotъni/zhivota/zhivotu*). At the first stage, using the tools of the portal “Manuscripts” (manuscripts.ru), manuscripts of different textological groups were compared, which made it possible to identify heterogeneity in the use of dative case forms. Their maximum number is observed in the *Lazarevskii Paroemiarion*, which represents the oldest edition (and is chronologically the earliest), and the minimum is in the *Zakhariinskii Paroemiarion*, which reflects the chronologically latest edition of this translation presented in the copies under study. At the second stage, this feature is considered in the manuscripts representing the most ancient type of the *Paroemiarion* text. This made it possible to establish that high occurrence of the dative case in the function under consideration is a characteristic of one of the groups of the “Ancient” type. The emergence of this group is associated with Eastern Bulgaria, and may be the result of deliberate editing.

Keywords: Paroemiarion, linguotextology, adnominal genitive, adnominal dative, adjective.

References

- Alekseev, A. A. (2008). *Bibliia v bogoslužhenii. Vizantiisko-slavianskii leksionarii*. St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Baranov, V. A. (2021). Parallel'nyi korpus spiskov slavianskogo parimeinika: sostav, struktura, analiticheskaia razmetka. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Iazykoznanie*, 20(6), 6–17.
- Eckhoff, H. M. (2018). Quantifying syntactic influence Word order, possession and definiteness in Old Church Slavonic and Greek. In B. Hansen, J. Grković-Major, & B. Sonnenhauser (Eds.), *Diachronic Slavonic Syntax: The Interplay between Internal Development, Language Contact and Metalinguistic Factors* (pp. 29–62). Berlin; Boston: De Gruyter Mouton.
- Huntley, D. (1984). The distribution of the denominative adjective and the adnominal genitive in Old Church Slavonic. In J. Fisiak (Ed.), *Historical syntax* (pp. 217–236). Berlin: Mouton.
- Khodova 1963 — K. I. Khodova. *Sistema padezhei staroslavianskogo iazyka*. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963.
- Krys'ko, V. B. (2014). *Staroslavianskii kanon Kirillu Filosofu: Istochniki i rekonstruktsiia*. Moscow: Azbukovnik.
- Matasović, R. (2011). Slavic Possessive Genitives and Adjectives from the Historical Point of View. In N. Motoki (Ed.), *The Grammar of Possessivity in South Slavic Languages: Synchronic and Diachronic Perspectives* (pp. 1–12). Sapporo, Japan: Slavic Research Center, Hokkaido University.
- Mol'kov, G. A. (2017). Nesoglasovannye prichastnye formy v rannikh drevnerusskikh spiskakh evangeliia. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(34), 180–193.
- Mol'kov, G. A. (2018). Supin v drevnerusskikh spiskakh Evangeliia XI–XIII vv. *Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego*, 66, 319–332.
- Mrazek, R. (1963). Datel'nyi padezh v staroslavianskom iazyke. In I. Kurts (Ed.), *Issledovaniia po sintaksisu staroslavianskogo iazyka* (pp. 225–261). Prague: Izd-vo Chekhoslovatskoi Akademii nauk.
- Pichkhadze, A. A. (1991). K istorii slavianskogo parimeinika (parimeinye chteniia knigi Iskhod). In V. P. Vomperskii (Ed.), *Traditsii drevneishei slavianskoi pis'mennosti i iazykovaia kul'tura vostochnykh slavian* (pp. 147–173). Moscow: Nauka.
- Pichkhadze, A. A. (1998). Kniga «Iskhod» v drevneslavianskom parimeinike. *Uchenye zapiski Rossiiskogo pravoslavnogo un-ta ap. Ioanna Bogoslova*, 4, 5–60.
- Plis, A. S. (2009). Reliktovye bespredlozhnye sintaksicheskie konstruksii v slavianskom perevode evangeliia ot Luki. *Vestnik MGU. Ser. 9: Filologiya*, 4, 105–114.
- Ribarova, Z., & Khauptova, Z. (1998). *Grigorovichev parimejnik. I. Tekst so kritichki apparat*. Skopje: MANU.
- Vaillant, A. (1964). *Manuel du vieux slave* (Vol. 1). Grammaire. Paris: Institut d'Études Slaves.
- Večerka, R. (1993). *Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. II. Die Innere Satzstruktur*. Freiburg I. Br.: U. W. Weiher.
- Večerka, R. (1963). Sintaksis bespredlozhnogo roditel'nogo padezha v staroslavianskom iazyke. In I. Kurts (Ed.), *Issledovaniia po sintaksisu staroslavianskogo iazyka* (pp. 183–223). Prague: Izd-vo Chekhoslovatskoi Akademii nauk.
- Zholobov, O. F. (2021). O grammaticheskoi i leksicheskoi variativnosti v drevneslavianskikh spiskakh parimeinika. In R. R. Zamaletdinov, E. A. Gorobets, & E. A. Islamo-

va (Eds.), *I. A. Boduen de Kurtene i mirovaia lingvistika: Mezhdunarodnaia konferentsiia: VIII Boduenovskie chteniia (Kazan. feder. un-t, 17–20 noiab. 2021 g.)* (Vol. 1, pp. 106–113). Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta.

Zholobov, O. F., & Iovcheva, M. (2022). Variativnost' form aorista v drevnerusskikh parimeinikakh (k internet-izdaniiu korpusa). *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 1, 24–36.

Received on December 21, 2022

И. И. МАКЕЕВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
irinamakeeva2007@mail.ru

ПОРЯДОК СЛОВ В АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ В ЦИКЛЕ МОЛИТВ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

Статья является продолжением двух предшествующих публикаций, посвященных изучению расположения атрибутов в риторических произведениях древнерусского писателя XII в. Кирилла Туровского. Атрибуты-прилагательные и атрибуты-местоимения рассматриваются в однокомпонентных контактных именных группах, в группах с дистантной позицией атрибута и в группах с несколькими атрибутами. Расположение атрибутов-местоимений зависит от их разряда. Для притяжательных местоимений в целом характерна постпозиция, хотя самые употребительные *мон*, *твоеи*, *свои* имеют свои особенности. Атрибуты-прилагательные в цикле молитв Кирилла Туровского преимущественно находятся в препозиции. Имеются особенности в расположении отдельных слов и некоторых групп прилагательных. Выбор позиции атрибутов-прилагательных отчасти зависит от структурной части молитвы, в которой они находятся (славословие, прошение, исповедание), и от включения именных групп в ряд-цепочку, состоящую из нескольких однотипных конструкций.

Ключевые слова: Кирилл Туровский, молитвы, древнерусский язык, атрибут, препозиция, постпозиция.

I.

I.1. Изучение расположения согласованных атрибутов в памятниках русской письменности является одной из актуальных задач современной лингвистики, поскольку представления о выборе препозиции или постпозиции атрибута в истории русского языка пока еще достаточно фрагментарны. В основном в центре внимания исследователей оказываются позиция атрибута в источниках разных жанров и разного времени, расположение отдельных лексем-атрибутов, порядок слов в устойчивых выражениях и формулах, изменения в постановке атрибута в списках памятников.

В некоторых работах, в том числе в тех, где порядок слов в именных группах рассматривался попутно как частная проблема, речь шла об иконной позиции атрибута. Таковой считали и постпозицию, определяя функциональные значения препозиции как противопоставление, сопоставление, разъяснение [Лаптева 1959; 1963], и препозицию, полагая, что пост-

позиция связана с предикативностью [Коробчинская 1955]. С. П. Обнорский, анализируя членные и нечленные прилагательные в Русской Правде, произведениях Владимира Мономаха, Слове Даниила Заточника и «Слове о полку Игореве», делал вывод, что обычно членные прилагательные имеют атрибутивное значение и находятся в препозиции; «но нередко в стилистических целях для обозначения известной подчеркнутости соответственного признака, выражаемого прилагательным, препозитивное его положение заменяется постпозицией» [Обнорский 1946: 58].

Небольшое количество исследований посвящено порядку слов в отдельных атрибутивных словосочетаниях в древнерусском языке. Прилагательное *новгородскъ* в новгородских грамотах рассмотрел Д. Ворт [2006]; зависимость расположения атрибута *великии* (*князь великии / великии князь*) от падежа проанализирована в [Минлос 2008]. Препозиции и постпозиции притяжательных местоимений в переводных и оригинальных памятниках посвящена работа [Минлос 2014].

Выбор текстов для исследования атрибутов иногда кажется случайным. Различные типы атрибутов, в том числе несогласованные, на материале 1 Новгородской летописи проанализировала Р. А. Евстифеева [2008]. Сопоставлению порядка слов в разных именных группах в деловой региональной письменности XVII в. и в книжных памятниках того же времени («Ином сказании» и Сказании Авраамия Палицына) посвящена диссертация А. С. Улитовой [2016].

Наиболее широкий круг источников как с точки зрения жанра, так и в хронологическом отношении исследован в обстоятельной монографии М. Виднес [Widnäs 1953]. Ею был рассмотрен порядок слов в именных группах в Русской Правде, произведениях Владимира Мономаха по Лаврентьевской летописи (далее — ЛЛ), «Повести временных лет» (ПВЛ), Хронике Георгия Амартола (ХГА), в 1-й, 2-й и 3-й Новгородских летописях, в деловых источниках и др. Таким образом, на материале прилагательных была сопоставлена «русская традиция» постановки атрибута (в Русской Правде и деловых документах) и «византино-славянская традиция» и ее эволюция. Соотношение препозиции и постпозиции в разных текстах оказывается различным. В группе относительных прилагательных в ХГА 143 препозитивных атрибута и 67 постпрезитивных, в ПВЛ соответственно 60 — 56, ЛЛ 8 — 9, в 1 Новг. лет. 36 — 53, во 2 Новг. лет 63 — 76, в 3 Новг. лет. 91 — 92; в группе прилагательных на *-ский*: ХГА 42 — 35, ПВЛ 101 — 133, ЛЛ 11 — 4, 1 Новг. лет. 61 — 101, 2 Новг. лет. 74 — 48, 3 Новг. лет. 157 — 137; в группе притяжательных прилагательных ХГА 72 — 197, ПВЛ 96 — 189, ЛЛ 13 — 3, 1 Новг. лет. 90 — 70, 2 Новг. лет. 116 — 43, 3 Новг. лет. 182 — 88. Рост препозитивных употреблений показывают как эти памятники, так и деловые источники, в которых постпозиция разных прилагательных составляет 34 % в XIV в., 42 % в XV в., 38 % в XVI в. и 18 % в XVII столетии. М. Виднес делает следующий заключительный вывод: в русских текстах обычной была препозиция атрибута; в текстах на лите-

ратурном языке, подверженном влиянию переводов Евангелия, первоначальная постпозиция атрибута, постепенно сокращаясь, сменилась препозицией.

I.2. Молитвы Кирилла Туровского, с одной стороны, являются богослужебными текстами, в которых расположение атрибута в контактных именных группах ранее не рассматривалось, с другой стороны, это авторские произведения, часть творческого наследия древнерусского писателя. Данная работа продолжает исследование местоположения атрибута в риторических произведениях Кирилла: «Слове о расслабленном», «Слове о слепце», «Слове памяти отцов Никейского собора» и «Слове о снятии тела Христова с креста» [Макеева 2018; 2019]. В целом в них для авторского текста древнерусского писателя характерна препозиция атрибута, а для цитат из Священного Писания и библеизмов — постпозиция. Качественные и относительные прилагательные располагаются в препозиции, притяжательные прилагательные — в препозиции и постпозиции (без учета библеизмов их количество почти равно); для прилагательных с суффиксом *-ьск* отмечена тенденция к постановке в препозиции. Из факторов, определяющих расположение согласованного атрибута в оригинальных памятниках письменности, для Слов Кирилла Туровского отчасти актуальны лексическая принадлежность самого атрибута (**многьи, сватыи, христовъ** и некоторые др.) и его тип (отнесенность к определенному разряду прилагательных и местоимений). Другие факторы, названные в упомянутых выше исследованиях (лексическая принадлежность определяемого существительного и его одушевленность, принадлежность прилагательных к именным или местоименным, наличие или отсутствие в словосочетании предлога), на расположение атрибута в риторических произведениях древнерусского писателя не влияют.

I.3. Молитвы как тип текста, по сравнению с риторическими и повествовательными сочинениями, довольно жестко ограничивают возможности автора. Кирилл Туровский, высокообразованный священнослужитель и талантливый древнерусский писатель, хорошо знал каноны молитвословия и следовал им, демонстрируя при этом индивидуальность в молитве как в типе текста и в используемых языковых средствах.

В своем творчестве Кирилл Туровский опирался на Священное Писание и сочинения предшественников — византийских авторов, что дало исследователям повод сомневаться в оригинальности его творчества¹. В отличие от Слов, в молитвословии Кирилла больше совпадений с другими текста-

¹ В связи с этим см. посвященную источникам риторических произведений писателя работу [Виноградов 1915], а также статьи и кандидатскую диссертацию Ф. Н. Двинятина [1995], в которых значительное место уделено поиску совпадений со Священным Писанием.

ми, прежде всего с Псалтирью и творениями Ефрема Сирина, Василия Великого, Иоанна Златоуста, таким образом, сложнее отделить авторский текст от первоисточников². Прямое цитирование других библейских книг в молитвах представлено в меньшем объеме, чем в Словах, хотя см., например: помани г҃и прѣг҃ъхъ оустъ твои г҃ль. иже рече ищите и обращаете. просите и дастьса вамъ 288. Нередко писатель перерабатывает возможный источник, и дословно совпадают отдельные лексемы или словосочетания. Так, в молитве в четверг по часах: се бо дша моя тако земля осьта не можетъ о себѣ приносити плода. но даж ми ѿ сѣмени стго твоего. напои росою бл҃гдти твоеа. да принесу ти плодъ покаяния 334 об. Ср. у Ефрема Сирина: такоже бо земля осьта не можетъ въспитати о себе плодовъ бес посѣщѣннѣа помощи твоеа бл҃гостына твоеа, тако и ср҃дце мое не можетъ безъ бл҃гдти твоеа просвѣтити оугоднаго ти, ни плода принести праведнаго (...) и роса бл҃гдти твоеа да просвѣтитъ ми и да оукраститъ цвѣтъци, покаяникъ, любвѣню ЕС III 122; даруи ми о сѣмене стго твоего ЕС III 124. Нередко Кирилл использует те же образы, которые были в византийских сочинениях; см., например, представление о Богородице как месте пребывания, вместилище Бога у древнерусского писателя (пространнаа полата ба невмѣстимаго сток село 320) и в Каноне благодарственном с акафистом Иосифа Песнописца (пространное селеніе словѣ Тр-3 243; Εὐρύχωρον στήνωμα τοῦ Λόγου). Не всегда можно установить, на какое именно произведение ориентировался Кирилл; см.: азъ нѣсмь достоинъ възрѣти на высоту небную 339 об.; ср. у Ефрема Сирина: нѣсть бо ми възрѣти дерьзновѣннѣа на высоту небную ЕС IV 250; нѣсмь достоинъ възрѣти и видѣти высоты небныа от множества неправды моихъ ЕС I 192 и IV 56; то же в молитве царя Манассии (2 Пар. 36): нѣсмь достоинъ възрѣти и видѣти высоту небную ѿ множества неправды моихъ. Поиски источников молитв Кирилла не входят в задачи статьи, это особая проблема, интересная прежде всего с точки зрения круга текстов, доступных и авторитетных для древнерусского священнослужителя и писателя XII в. Однако некоторые параллели из других богослужебных текстов все же приведены.

1.4. Исследование расположения атрибута в контактных именных группах проведено на материале старшего списка вторичной редакции цикла молитв Кирилла Туровского в составе Псалтири (ОР РНБ Ф.п. I.1), которая датируется второй половиной XIV в. и происходит с новгородско-псковской территории³. Тексты в составе этой рукописи обнаружила К. М. Мак-

² Общие суждения о сходстве молитв Ефрема Сирина и Кирилла Туровского см. в [Рогачевская 1999: 52–54].

³ Об этом свидетельствуют диалектные черты: нередко встречающаяся мена *ц — ч*, отдельные примеры мены *з — ж* (держажо), *с — ш* (въ грѣшехъ), единичные написания, отражающие мена *ть — и*, и некоторые другие. Имеются также не-

Роберт, сопоставив с выделенной Е. Б. Рогачевской [1999: 32–33] второй редакцией молитв писателя в виленских старопечатных изданиях [Mac-Robert 2000]. Цикл состоит из 21 текста — по три молитвы на каждый день недели («по (за)утрени», «по часѣхъ» и «по вечерни»)⁴. В обоих старших списках он неполный: в Псалтири цикл обрывается на середине молитвы в пятницу по заутрене (после л. 338), т. к. конец рукописи утрачен; в Ярославском Часослове второй половины XIII в. (Яр), представляющем основную редакцию текстов, нет утренних молитв. Полный цикл этой редакции сохранился в более поздних списках: сборнике Сол-802/912 XV–XVI вв., Молитвеннике Вол-405 середины XVI в. и др.

Во вторичной редакции прежде всего были сокращены фрагменты, не относящиеся непосредственно к молитвословию. Изменения сделаны грамотно, в целом по понятным принципам, с учетом языковых особенностей сочинений древнерусского писателя. В результате тексты должны были приблизиться к молитвословному канону, стать немного короче, более практичными и удобными для собственно моления.

Редакторская правка затронула некоторые именные группы, но не в такой степени, чтобы текст вторичной редакции не мог использоваться для изучения расположения атрибута в молитвах Кирилла. Большинство групп осталось в авторской версии. Немногочисленные изменения заключаются в следующем: опущен/добавлен атрибут, вследствие чего отсутствует/появляется именная группа или она становится многокомпонентной либо однокомпонентной; добавлена целая именная группа (редко); заменен сам атрибут, т. е. использована другая лексема (редко); исконное словосочетание заменено другим (редко). В двух последних случаях возможно изменение местоположения атрибута: **страшномꙋ сꙋдицю** 306 об. (*Вол 69 сꙋдицю хѣѣ*); **обѣты мога** 335 (*Вол 100 об. обѣт мой млтвь*); **правъимъ срѣць** 342 об. (*Вол 107 об. правое имѣти срѣце*) и некоторые другие. При подобных расхождениях, как правило, приводится параллель из основной редакции по списку Вол-405 XVI в. с сокращением *Вол* и указанием листа рукописи. Случаи намеренного изменения позиции атрибута во вторичной редакции единичны: **похотемъ бесловеснымъ повинѣса** 323 об. (*Вол 87 бесловесны повинѣса похотѣ*); **не обѣиметь мене ношь. страшнаа и трепетнаа тма глꙋбокаа** 306 об. (*Вол 68 об.—69 ...ношь страшнаа. и трепетнаа и глꙋбокаа тма*). Вероятно, здесь во вторичной редакции препозиция атрибута изменена на постпозицию по аналогии с порядком слов в первой именной группе.

Расположение атрибута рассматривается: 1) в однокомпонентных контактных именных группах; 2) в группах с дистантной позицией атрибута;

многочисленные написания, соответствующие новгородской бытовой системе письма: **падо**, **сѣно**, **ньюже** 310 об., 316 об.

⁴ В некоторых рукописях в цикле находятся 20 текстов Кирилла; молитва в пятницу по вечерне с начальными словами «От ноши к вам утренюющи...» ему не принадлежит.

3) в группах с несколькими атрибутами. В каждой из групп в отдельную позицию выделены атрибут-местоимение и атрибут-прилагательное. К прилагательным приравнены причастия в адъективной функции. Не учитываются прилагательные в составе сказуемого, хотя в их расположении не наблюдается принципиальных отличий.

II. Однокомпонентные контактные именные группы. Атрибут-местоимение

II.1. Притяжательные местоимения

Самыми употребительными лексемами в молитвах Кирилла являются местоимения **азъ** (312), **мон** (253), **ты** (182), **твон** (143), **нашь** (32), **свон** (39)⁵; другие встречаются значительно реже: **мы** (8), **вы** (6), **вашь** (2). Частое использование этих слов характерно для молитв вообще, поскольку, с одной стороны, текстологически и тематически молитвословие связано с Псалтирю, где местоимения весьма многочисленны, с другой — они отражают оппозицию молящийся (**азъ**, **мон**) — Бог и Богородица (**ты**, **твон**).

Местоимение **мон** в препозиции отмечается в 27 случаях при 163 постпозитивных употреблении. Поскольку «нормой» здесь является постпозиция, следует рассматривать как отступающие от нее препозитивные местоимения. Преимущественно препозиция **мон** обусловлена включением словосочетаний в формульные выражения, характерные для молитв.

Два примера: **мон беззаконни множество** 286 и **мон грѣховъ множества** 292 — связаны, вероятно, с местоположением слова **множество**, находящегося после именной группы. Если это же существительное расположено перед ней, то атрибут будет постпозитивным: **за множество золъ мон** 343 об., **ѿ множества беззаконни мон** 310 об. — 311, 339 об., **множество беззаконни мон** 322, хотя **грѣховъ мон множество** 308 об.⁶ Ср. у Ефрема Сирина: **множество грѣхъ монхъ** (ЕС I 138 и IV 122), **от множества неправедъ монхъ**, **от множества неправдъ монхъ** (ЕС IV 56, I 92); в каноне свв. апостолам Петру и Павлу Климента Охридского: **не помниага множества золъ монхъ** ККО 67.

Девять препозитивных атрибутов **мон** находятся в именных группах в другой устойчивой формуле, характерной для прошений и содержащей императив **прими** или **призри**: **призри на моу смиренни** 286 об.–287, 288,

⁵ Ср. в повествовательных произведениях Кирилла: **азъ** (2), **мон** (1), **ты** (20), **твон** (8), **мы** (3), **нашь** (3), **вы** (3 при отсутствии местоимения **вашь**), **свон** (30) в «Сказании»; **азъ** (37), **мон** (15), **ты** (14), **твон** (6), **мы** (18), **нашь** (7), **вы** (6), **вашь** (3), **свон** (24) в «Притче». В обоих текстах одним из самых частотных слов является местоимение **свон**.

⁶ Тот же порядок **мон грѣхо** **множество** Ег-409 223 отмечен в молитве, которая утрачена в Псалтири.

290 (хотя призри на смиреннѣ моѣ 280 об.); призри на моѣ моленнѣ 318 об.; прими моѣ моленнѣ 302 об.; прими моѣ исповѣданнѣ 309; прими моѣ покааннѣ 288 об.; прими и моѣ покааннѣ 333; прими моѣ въздыханнѣ 319 об.⁷ Аналогией с таким расположением местоимения может быть обусловлен порядок слов мою болѣзнь в соседнем словосочетании: прими моѣ въздыханнѣ. и облегчи мою болѣзнь 319 об.

Еще три именных группы с препозицией этого же притяжательного местоимения входят в состав устойчивой формулы с глаголом ожидати: ожидаѣ моѣго покааннѣ 291; ожидаѣтъ моѣго покааннѣ 296; ожидаѣща моѣго покааннѣ 328 об. Ср. в молитве по кафизме в Псалтири XVI в.: ожидаѣ моѣго покааннѣ Тр-49 238 об.

Таким образом, 14 случаев препозиции местоимения мои обусловлены вхождением именной группы в устойчивые формульные выражения. Еще один пример может быть объяснен аналогией. Во фразе не ѿверзи моѣго моленнѣ раба твоѣго 288 об.—289 словоформа моѣго лишняя, ее нет в основной редакции; в схожей конструкции не ѿверзи моѣго въздыханнѣ 311 об. атрибут также расположен в препозиции.

Препозиция местоимения в словосочетаниях с существительными худость и недостоннство обусловлена употреблением традиционного выражения самоуничижения, хорошо известного в книжной традиции: помози моѣи худошти 302, вса блгодѣаннѣ подаѣѣ. моѣму недостоннству 280; даж ми разума блгть. моѣму недостоннству 333; ср. у Ефрема Сирина: остави мою худошь ЕС II 260; в Слове похвальномъ Сергию Радонежскому: моѣго ра^д недостоннства, о моѣи худошти Тих-705 106 об.⁸ Семантически с этими группами соотносится фраза да что прочеѣ къ свѣдѣннѣ моѣ кѣство възглю 319.

Остальные случаи препозиции мои (если только они не восходят к какому-либо источнику) объяснить трудно. Интересно сравнить их с постпозицией местоимения при этих же существительных: приахъ гвбитѣла непобѣнаѣ възлагающе на моѣ срце 286 об. (единственный случай препозиции при 11 примерах постпозиции); ѿженѣ помыслѣ сквернѣны срца моѣго. и просвѣтѣт моѣ оумѣ 292 об.; да очютнѣтсѣ моѣ оумѣ ѿ сна грѣховнаѣго 297 (при 5 постпозитивных местоимениях); оустави бгрю злы ми напасти. приражающе ми сѣ всегда моѣи грѣхы 319 об.; на семь свѣтѣ моѣхъ грѣховѣтѣ покаѣсѣ клико створихъ 333 (при 9 постпозитивных местоимениях в форме мн. ч.); прогнѣвахъ моѣго творца 341 (ср. 4 Цар^н 21: 6; 2 примера постпозиции); премѣни мою скорѣѣ одержающе ма ны 289 об. (при одном случае постпозиции).

У местоимения твои показатели иные: 35 примеров препозиции и 58 постпозиции. В сочетании с некоторыми существительными твои нахо-

⁷ Аналогичный пример на мою мѣтѣвоу призри Ег-409 214 в молитве, утраченной в Псалтири.

⁸ Другие примеры см. в [Срезневский III: 1417].

дится только в препозиции: **твое застоупление, твоя помощь, твое человеколюбие, твои молитвы** (обычно в форме творительного падежа **твоими молитвами**). Преимущественно в препозиции это местоимение употребляется со словом **милость**. И напротив, в группах с существительными **рабъ** и **страхъ** оно располагается в постпозиции (**рабъ твои, страхъ твои**). Ср. у Ефрема Сирина: **прими мѣтвѣ / молениѣ / молениѣ раба твоего** ЕС II 344, III 120, IV 230. В словосочетаниях с существительным **благодать** местоимение **твой** в молитвах находится как в препозиции, так и в постпозиции: **далече сѧ створихъ твоѧ бл҃гѣти** 286; **достойнѣ бѣтѣ твоѧ бл҃гѣти** 287; **да осѣнит мѧ твоѧ бл҃гѣть** 329 об.; **да восияетъ свѣтъ бл҃гѣти твоѧ** 285 об.; **напои росю бл҃гѣти твоѧ** 334 об. (ср. у Ефрема Сирина: **роса бл҃гѣти твоѧ да просвѣтитъ ми** ЕС III 122); **да покрѣит мѧ бл҃годать твоѧ** 335.

Похожая ситуация позиционного распределения местоимения **твой** представлена в Канонах Климента Охридского Богородице и свв. Петру и Павлу. В препозиции оно употреблено с существительными **молитва** (**твоими мѣтвѣми** ККО 74, 84, 85 (×2), 95, 97), **чюдѣ** (**твоя чюдеса** 77, 94) и с некоторыми другими словами: **твоего мѧ(с)рдѧ** 70, **къ твоѧ стѣни** 49, **твоимѣ рж(с)твомѣ** 94, **твоѧ бѣтѣство** 89. Постпозитивное местоимение отмечено в словосочетаниях **лица твоего** ККО 100, **исхода твоего** 93, **сѧ твоего** 82, **достояникъ твоѧ** 96, **чрево твоѧ** 94, **кровъ твоѧ** 75, 94. Варьируется расположение местоимения в группах **твоя милости** 68, 92 — **мѧ(с)ти твоя** 68, **твоими щедротами** 83, 85, 86 — **на щедроты твоя** 95.

У местоимения **свой** преобладает препозиция — 19 примеров при 15 случаях постпозиции: **сп мѧ. по мѧти своѧ. тако азъ рабъ твоѧ ксѣмъ** 333; **къ снѣ своѧмѣ. и бѣ моѧмѣ** 315⁹; **снабди мѧ своимѣ мѧрдникѣмѣ. покрѣи мѧ своимѣ застѣпленникѣмѣ** 315 об. (чтение вторичной редакции); **бл҃гѣнаго помилова кающасѧ о свои прегрѣшенихъ** 290 об.; **каюсѧ о свои прегрѣшенихъ** 335 об. О частой препозиции этого местоимения в разных источниках можно судить по примерам, приведенным в [Минлос 2014: 36–37]. Такое же расположение фиксируется в риторических произведениях Кирилла Туровского: в «Слове о снятии тела Христова с креста» при 10 препозитивных местоимениях имеется только 2 постпозитивных. «Устойчивое препозитивное употребление местоимения *свои*» в Русской Правде отмечает С. П. Обнорский, связывая его с деловым жанром памятника [Обнорский 1946: 26].

Местоимение **нашъ** в однокомпонентных контактных именных группах в основном расположено в постпозиции: 15 примеров при 5 случаях препозиции, из которых 4 приходятся на словосочетание **наше спасение**. Чаще прочих постпозитивное местоимение употребляется с существительными **господь, богъ, христосъ, богородица** в устойчивых выражениях, но не

⁹ В молитвах Кирилла, а также в списках других памятников местоимения **твой** — **свой** иногда варьируются, ср. **сѧ твоего. и бѣ моѧго** 314.

только: $\widehat{Г} \widehat{А} \widehat{Н} \widehat{А} \widehat{Ш} \widehat{Е} \widehat{И} \widehat{Б} \widehat{А}$ 308 об.; $\widehat{Г} \widehat{А} \widehat{Н} \widehat{А} \widehat{Ш} \widehat{Е} \widehat{И} \widehat{С} \widehat{Х} \widehat{А}$ 316, 316 об., 323; $\widehat{Х} \widehat{А} \widehat{Б} \widehat{А} \widehat{Н} \widehat{А} \widehat{Г} \widehat{О}$ 320 об.; $\widehat{В} \widehat{Л} \widehat{Ч} \widehat{Ю} \widehat{Н} \widehat{А} \widehat{Ш} \widehat{Ю} \widehat{Б} \widehat{Ц} \widehat{Ю}$ 309 об.; $\widehat{Х} \widehat{Р} \widehat{А} \widehat{Н} \widehat{И} \widehat{Т} \widehat{Е} \widehat{Л} \widehat{Е} \widehat{М} \widehat{Ъ} \widehat{Ж} \widehat{И} \widehat{В} \widehat{О} \widehat{Т} \widehat{А} \widehat{Н} \widehat{А} \widehat{Г} \widehat{О}$ 294 об.; $\widehat{П} \widehat{Р} \widehat{Ч} \widehat{Т} \widehat{А} \widehat{Д} \widehat{В} \widehat{О} \widehat{М} \widehat{Р} \widehat{И} \widehat{К} \widehat{М} \widehat{Т} \widehat{И} \widehat{Ж} \widehat{И} \widehat{В} \widehat{О} \widehat{Т} \widehat{А} \widehat{Н} \widehat{А} \widehat{Ш} \widehat{Е} \widehat{Г} \widehat{О}$ 321 об.; $\widehat{П} \widehat{Л} \widehat{О} \widehat{Т} \widehat{И} \widehat{Н} \widehat{А} \widehat{Т} \widehat{А} \widehat{О} \widehat{Б} \widehat{Е} \widehat{Щ} \widehat{Н} \widehat{И} \widehat{К} \widehat{Ъ}$ 280; $\widehat{Т} \widehat{Ы} \widehat{В} \widehat{О} \widehat{С} \widehat{В} \widehat{Ь} \widehat{С} \widehat{И} \widehat{В} \widehat{Л} \widehat{О} \widehat{Т} \widehat{А} \widehat{Н} \widehat{А} \widehat{Т} \widehat{А} \widehat{С} \widehat{Р} \widehat{Ц} \widehat{Ь} \widehat{Н} \widehat{А} \widehat{Ш} \widehat{И}$ 337 об.

Местоимение **вашь** в однокомпонентной контактной именной группе в Псалтири встретилось только один раз, и оно расположено в препозиции: **и мене избавитѣ вашими мѣтвами** 333.

Несогласованное местоимение-атрибут 3-го лица в 12 случаях находится в постпозиции, что отмечается и в других текстах: **оукротѣ старость кго мѣтвами си мѣтвами** 318 об.; **скруши съти ихъ** 317. Препозитивным является местоимение **иже**: **иже мѣтвми помилуи ма** 301.

Таким образом, расположение притяжательных местоимений в однокомпонентных контактных именных группах существенно варьируется; в целом же в молитвах Кирилла они чаще оказываются в постпозиции: 263 таким постпозитивным атрибутам соответствуют 88 препозитивных, т. е. однокомпонентные именные группы с препозицией атрибута, являющегося притяжательным местоимением, составляют 33,4 %.

Общие сведения о препозиции и постпозиции притяжательных местоимений в переводных и оригинальных древнерусских памятниках приведены в [Минлос 2014: 35–36, 39–40, 43–44]. В их числе «восточнославянский минейный сборник XI–XII вв., известный как “Ильина книга”». Автор пишет, что «в некоторых текстах препозиция вообще не отмечена или почти не отмечена, в некоторых других ее очень много». В общем «именные группы с препозитивными притяжательными местоимениями составляют 32 % (112 из 350)» [Там же: 44]. Такой показатель близок к молитвам Кирилла Туровского.

II.2. Прочие местоимения

Частотное местоимение **весь** (всего 106 употреблений) и реже используемое **всакын** (23 употребления) в молитвах, как и в других текстах Кирилла, находятся в препозиции. Отступления от такого расположения единичны. В случае **стенемь своимь недугы и болезни всакыа прогониши** 329 об. представлен вторичный порядок, поскольку в основной редакции атрибут находится в препозиции: **всаки недуги и болѣзни Вол 92**. Постпозиция местоимения в примере **грѣшникомъ къ бѣ присвоиниѣ. крѣаномъ неложнаа хранителнице. миру всему извѣстою спниѣ** 318 объясняется, с одной стороны, симметричным построением трех соседних словосочетаний, каждое из которых начинается существительным. С другой стороны, словосочетание **миръ весь** есть в похвале отцам-участникам I Вселенского собора в «Слове памяти отцов Никейского собора» Кирилла Туровского (**премудри ловци. миръ весь бѣразумькъмь вѣримше**)¹⁰ и известно по

¹⁰ Интересно, что здесь же в постпозиции находится местоимение **всакын**: **льсти всакоя вблнчители.**

другим памятникам; см. в каноне свв. апостолам Петру и Павлу Климента Охридского **мироу всемоу спсеник** ККО 75; в Каноне благодарственном с акафистом Иосифа Песнописца, где повторен порядок слов греческого оригинала *κόσμου παντός*: **агньца вземающа мироу всем прегрѣшеніа** Тр-3 241¹¹. Менее очевидна причина постпозиции **весь** в примере, отсылающем к Быт 1: 26, 28: **свогго образа побѣдемь оукраси ма словесемь и разумомь. превъше скота. и твари всеи влкъ оустрои ма кси** 285 об. Возможно, аллюзия каким-то образом повлияла на расположение местоимения; ср. симметричное построение групп с препозицией местоимений: **всако дъханик и вса тварь славить со страхомь** 291 об. Слово сочетание с порядком **тварь всю** есть в «Слове на Пасху» Кирилла Туровского.

Местоимение **сь (сни)** преимущественно является постпозитивным (12 примеров)¹²; в препозиции оно отмечено в шести однокомпонентных именных группах. Три из них обозначают временную границу начала/конца действия или состояния, и существительное употребляется с предлогом: **да ѿ сего ча не поравотаю сквернымъ вѣсомъ** 319; **таже створи хъ** <...> **и до сего дни** 321; **ѿ сего ча здрава створити** 331 об. Точное время указывает словосочетание **в годину .ѣ.-ю сего дни** 289 об., которое, в отличие от других контекстов с обычным порядком **дни сего (последнии ча дни сего** 282, 291 об.), содержит числительное. Порядок слов **на семь свѣтъ** надо рассматривать как устойчивый: **да бы и кще на семь свѣтъ моихъ грѣховъ покакаса** 333. В шестом примере с препозицией местоимение **сни** соединяет авторский текст с цитатой (Пс 143: 4 **Человѣкъ съетъ оуподобиса: дни егѡ какъ сѣнь переходатъ**), отождествляя молящегося с тем, о ком говорится в Псалтири: **о мнѣ глѡ. сни члвкъ съетъ оуподиса. и дни кго како сѣнь прендоша** 297 об.

Остальные местоимения в молитвах Кирилла Туровского в однокомпонентных контактных именных группах встречаются редко, поэтому вывод об их расположении не будет обоснованным. Можно лишь привести конкретные употребления. Такие атрибуты, как **ниединъже, ть и инъ**, фиксируются в препозиции: **нѣ во мнѣ никдиногже нрава спасающаго ма** 306; **тога своды** 285; **инъ члвкъ** 286 об.; **къ иному бѣ** 298 об. Местоимение **онъ** дважды отмечено в постпозиции (**студа оного** 298; **прокаженъ онъ** 308 об.) и один раз в препозиции (**не ѿверже медницю двою онаго вдовици** 290 об.; ср. Марк 12: 42).

¹¹ Постпозиция местоимения **весь** отмечена в каноне свв. Петру и Павлу Климента Охридского в многокомпонентной группе с тем же существительным **ап(с)льскому мироу всемоу** ККО 69, 70 и в однокомпонентной контактной именной группе, но с другим словом **грѣхы вса**, а также в Великом Акафисте **радоуиса соуднамъ всемъ оумоленик** Син-319 268.

¹² Только постпозиция местоимения **сь** представлена в Слове Даниила Заточника, преимущественная препозиция (6 случаев при одной постпозиции) — в «Слове о полку Игореве» [Обнорский 1946: 113, 174].

III. Однокомпонентные контактные именные группы. Атрибут-прилагательное

Атрибуты-прилагательные должны быть рассмотрены не только с точки зрения их расположения в текстах в целом, но и в отдельных структурных частях молитв.

III.1. Одной из особенностей произведений Кирилла Туровского являются фрагменты текста, состоящие из однотипных или близких конструкций — словосочетаний или предложений. В молитвах такие обычно достаточно длинные ряды составляют славословия.

Самыми яркими подобными фрагментами являются два славословия Богородице в молитве в среду по утрене. Первое, очень большое, помещено в начале молитвы. Оно содержит 18 однокомпонентных контактных именных групп с предпозицией атрибута: О прѣтаа дѣо бѣе англѣкоѣ великоѣ оудивлениѣ. прѣцкаа вѣсокаа проповѣдь. аплкаа преславнаа похвада. мнмѣ крѣпкоѣ оутвержениѣ. аплкоѣ израдноѣ оукрашениѣ. кнзю намю неповѣдимаа держава. црквамѣ чѣтноѣ оукрашениѣ. мнихомѣ сток оупованиѣ. постникомѣ неповѣдимаа крѣпость. вѣрнымѣ твердоѣ огражениѣ. сущимѣ в болезнехѣ легкоѣ ищѣлениѣ. блудшимѣ нетруднаа наставнице. в бѣдахѣ скороа заступнице. ненавидимымѣ любовноѣ смирениѣ. вдовицамѣ и сиротамѣ питателнице. мѣрмѣ тихоѣ веселиѣ. дѣамѣ чѣота и похвалениѣ. младенцемѣ мдрѣ и наказаниѣ. плавающимѣ невѣрнаа пристанище. путникомѣ легкоѣ прихожениѣ. тружающимѣ благоѣ покоище. нищимѣ неизготоваемоѣ бѣтство. обидимымѣ покрове и привѣжище. печалнымѣ прѣснаа оутѣха. грѣшникомѣ къ бѣ присвоениѣ. крѣаномѣ неложнаа хранителнице. миру всемоу извѣсток спник 317–318. Второе, значительно меньшее по размеру, находится почти в конце молитвы. В нем 7 словосочетаний с предпозицией атрибута: раиса обрадованаа бѣе дѣо земноѣ нѣо. огньчѣн прѣтле. дшевнаа цркы. пространнаа полата ба невмѣстимаго. сток село. пресвѣтлаа свѣще молниа. скороа на помощь. звѣзда незаходимаа. чаша напаяющѣ здравиа. бане омывающѣ грѣхы. възведенѣ члвчкѣмоу роду. трапеза хлѣба животнаго. мѣи хѣ ба наго 320–320 об.

Создавая славословия, Кирилл ориентировался на акафист как тип текста, скорее всего, это были сочинения, посвященные Пресвятой Богородице¹³.

¹³ Древнейший акафист Пресвятой Богородице «Радуйся, Невесто невестная» (иначе Великий Акафист) создан в Византии в V–VIII вв.; авторство приписывают Георгию Писиде, патриарху Фотию и др. Славянский перевод текста появился во второй половине IX в. (см. [Борисова 2020: 43, 44]). Старший список русской редакции, созданной в XI в., находится в Син-319. В дальнейшем по образцу древнейшего текста были написаны другие акафисты Божией Матери в связи с ее различными иконами. См., например, в акафисте перед иконой «В скорбех и печалех

Не исключено, что источниками послужили также каноны и молитвы византийских авторов. Типологически словосочетания в перечислительных рядах являются аналогами конструкций акафиста и восходят к хайретизмам — находящимся в икосах приветствиям, начинающимся со слова «Радуйся» (χαῖρε)¹⁴; его древнерусский писатель сохранил в начале второго славословия. В славянских переводах акафистов порядок слов в атрибутивных словосочетаниях соответствует греческому оригиналу, прилагательные находятся в постпозиции и препозиции; см. в Великом Акафисте: **словесныхъ овецъ** λογικῶν προβάτων, **бл҃гъ вѣчныхъ** ἀγαθῶν αἰώνιων Син-319 266, 268 об.; в Каноне с акафистом Иосифа: **недовѣдомаа гл҃бини высоты неизрѣннаа** ἀκατανόητον βάθος, ὕψος ἄρρητον; **горо нескѣкомаа гл҃бини неизмѣрнаа** ὄρος ἀλατόμητον, βάθος ἀμέτρητον Тр-3 242, 243.

В молитвах Кирилла, в отличие от акафистов, почти всегда представлена препозиция атрибута¹⁵. Три группы с постпозицией есть во втором славословии, две из них имеют параллели в акафистах: **б҃га невмѣстимаго**, ср. в Великом Акафисте **б҃а невмѣстимааго село** Син-319 268 об., Θεοῦ ἀχωρήτου χώρα; **звѣзда незаходимаа**, ср. в Каноне с акафистом Иосифа **свѣздѣ незаходимаа** Тр-3 256, ἄστρον ἄδυτον, в Великом Акафисте **звѣзды незаходимыа** Син-319 266 об., ἀστέρως ἀδύτου. Порядок слов в группе **хл҃ба животнаго** (о Христе) восходит к Евангелию (Ин 6: 48); то же в Каноне с акафистом Иосифа (**хл҃вь животны** Тр-3 241). Однако в славословии в молитве Кирилла в субботу по утрени, которая сохранилась в поздних списках, прилагательное размещается в препозиции: **слава тогѣ снѡу б҃жю всесилноу и пресѣмоу словоу. нѣси творѣцю. и прѣсоущноу началноу свѣтоу. животномуу хл҃боу. шновителю мируу. бл҃гому пастырю** Ег-409 226 – 226 об. См. III.2.3.2.

В препозиции в контактных однокомпонентных группах прилагательное находится также в славословиях шести апостолам в молитве в четверг по заутрене¹⁶: **Ст҃ын апле петре первын прѣтлице.**

утешение»: «Радуйся, в бедах скорое нам заступление; Радуйся, младенцев питание; Радуйся, юных наставление; Радуйся, вдов заступление». Второй текст, известный в русской письменности с более позднего времени, — Канон благодарственный с акафистом Пресвятой Богородице Иосифа Песнописца. О творчестве этого византийского автора см. [Киселев 2015]. О службе акафиста см. [Афанасьева 2021].

¹⁴ Можно отметить аналоги других конструкций; в Великом Акафисте: **бане омывающн съвѣсть, чаше почьрпающю радость** Син-319 270 об.; в молитве Кирилла Туровского: **чаша напатающн здравна. бане омывающн грѣхы** 320.

¹⁵ Ср. в Каноне с Акафистом Иосифа **прѣгле огньны** Тр-3 240 об. (θρόνε πύρινε) и **огньны прѣгле** во втором славословии Богородице в молитве Кирилла.

¹⁶ Эта очень большая молитва Кирилла в Псалтири сильно изменена и сокращена. Редактирование затронуло и славословия апостолам, а именно сами именные группы с атрибутом. Далее в примечаниях приведены соответствующие фрагменты из основной редакции, при сравнении с которыми видны изменения в со-

твѣрдѣи каменѣ вѣрѣ недвижимомъ основаниѣ цркви. пастысе словеснаго стада хва. ключарю ненаго цртва. довче гдѣбинѣ неразумна 328 об.—329¹⁷; Стѣи павле възлюбленце хвѣ. нвнѣи члвце. земнѣи апле. проповѣднице стѣи вѣры. всѣхъ аззыкѣ оучтлю. црвнаа трѣба. високо лѣтаа орле нвнѣхъ таннѣ. сказателю пресловѣшии вѣти. и вѣмѣстилице дѣвнок 329 об.—330¹⁸; Стѣи іѡа бѣслове снѣ громовѣ наперснице хвѣ. дѣтвенѣи съсѣде дѣшнаа цркѣ. медоточнѣи азыце. громоглааа оуста асинскок оутверженіе. кѣфеское похвалее. потомьскѣи оучтлю. всего мира хранителю. хва коуалиа писателю 330 об.—331¹⁹; Стѣи луко вѣжтвенѣи кулансте. дѣвнѣи скорописце. бѣмѣдрѣи врачю 331 об.²⁰; Стѣи марко александрьскѣи кѣпетьскѣи свѣтилице. хвѣ таннѣ писателю 331 об.²¹; Стѣи матѣѣю оставивѣи мытницю. и все грѣховнок собраніе расыпавѣ. въсприалѣ еси на нѣхѣ неизготовакмок бгтво 332²².

Однокомпонентные контактные именные группы с постпозицией атрибута в этих славословиях единичны: вѣмѣстилице дѣвнок и имеющееся только во вторичной редакции снѣ громовѣ 330 об. Последнее словосочетание восходит к Евангелию (Мк 3: 17): таков перевод имени, которым Христос назвал Иоанна Богослова и его брата. О достпозиции прилагательного в группах наперснице хвѣ, възлюбленце хвѣ см. III.2.1.

В «Слове памяти отцов Никейского собора» есть аналог славословий — большая похвала 318-ти отцам-участникам, а также небольшая «антипохвала» Арию. В этих двух неравных по объему частях произведения сосредоточено большинство прилагательных, и располагаются они в препо-

ставе компонентов некоторых именных групп, а иногда и следствие этих изменений — другая позиция атрибута.

¹⁷ Ср.: стѣи петре бгонзвраннѣи апле. твѣрдыи каменю вѣрѣ недвижимомъ основаниѣ цркви. пастыше словеснаго стада хва. ключарю ненаго цртва хва Вол 91 об.

¹⁸ Ср.: стѣи паоуде възлюбленце хвѣ проповѣднице стѣи вѣры всѣхъ аззыкѣ оучителю бѣоганаа црвнаа трѣба. нвнѣи таннѣ сказателю. вѣмѣстилице стѣи дѣа Вол 92 об.

¹⁹ Ср.: стѣи іѡане бѣсловче. наперьстнице хвѣ. дѣвѣтвенѣи съсѣде. дѣшевнаа стѣаа цркви. медоточнѣи азыце громоглааа дѣвнаа оуста възгремѣвыи на сна бѣѣа вочлѣние. асинское оутверженіе. еѣекаа похвала црквнѣи свѣтилице Вол 93 об.—94.

²⁰ Ср.: стѣи луко вѣжтвенѣи си евлѣсте. дѣвнѣи скорописце. бѣопѣстнѣи врачю Вол 95.

²¹ Ср.: стѣи марко гнѣ прѣчтнѣи органе. нѣво во всю землю изыде вѣщаніе твоего сладкого гнѣа. оукрасивѣи црквѣ. стѣими ти словесы хвѣи таннѣ писателю. и всѣ чюдесѣ его бѣговѣстнице. работавѣи евлію хвѣ Вол 95 об.—96.

²² Ср.: стѣи матѣѣю. вѣставивѣи мытницю. и всего грѣховное собраніе расыпавѣ. въсприалѣ еси на нѣсѣи. неизготовое мое вогатьство. никончаемое цртво Вол 96.

зиции, за счет чего соотношение препозитивных и постпозитивных (без учета библейских цитат) качественных и относительных прилагательных в этом Слове 54 : 1.

В молитвах Кирилла Туровского прилагательные широко употребляются и вне славословий, потому общая картина расположения таких атрибутов отличается от той, которая представлена в «Слове памяти отцов Никейского собора».

III.2. Традиционно в исследованиях, посвященных расположению атрибута, разряды прилагательных рассматриваются отдельно. В молитвах Кирилла Туровского целесообразно объединить относительные и немногочисленные качественные прилагательные, чаще находящиеся в препозиции, и отдельно проанализировать притяжательные прилагательные (кроме **божин** и **христовъ**), поскольку в их расположении имеются некоторые особенности. Следует также выделить группу лексем, которые в молитвах Кирилла Туровского в составе однокомпонентных контактных именных групп всегда или почти всегда находятся в препозиции либо в постпозиции (**святын**, **пресвятын**, **пречистын**, **многын**, **божин**, **христовъ**).

III.2.1. Прилагательные **святын**, **пресвятын**, **пречистын**, **многын** в молитвах расположены в препозиции, а **божин** и **христовъ** — в постпозиции: **сѣни англи** 294 об.; **мѣтвами прѣтѣна бѣца** 289; **свѣзана сѣца мнозѣми грѣхы** 285 об.; **прѣта дѣо мѣнк мѣи живота нашего** 321 об.; **Ѡвергохъ страхъ бѣи** 341 об.; **да не останѣ внѣ чертога хѣа** 306 об. Отступления от такого расположения немногочисленны: **дѣю очѣи дѣмъ сѣмъ** 324 об. является вторичным чтением, ср. *Вол* 87 об. **дѣю вѣти посѣщение мѣтго дѣа**; в группе **видѣи бѣна величѣства** 294 об. порядок может быть аналогичен следующим далее словосочетаниям с препозицией атрибута **сѣни англи**, **неизреченною свѣтлостью**, **бжтвенѣна славѣ**; группы **хѣа коуалѣна списателю** 331 (чтение вторичной редакции, нет в *Вол*), **хѣвъ танѣнъ списателю** 331 об. и **хѣви оугодницѣ** 332 об. входят в славословия, где преобладает препозиция прилагательных, хотя есть примеры обычной постпозиции слова — **наперсницѣ хѣвъ** 330 об., **възлюбленѣ хѣвъ** 329 об. Кроме того, словосочетание **хѣви оугодницѣ** следует первым в новой смысловой единице после перечня имен шести апостолов, начинающегося многокомпонентной группой **вси сѣни апли** с препозицией обоих атрибутов: **вси сѣни апли. андрѣи ѡковѣ. фома валфоромѣю. сѣмоне филипе хѣви оугодницѣ. льсти искоренителю. и вѣры насадитѣли** 332 об. Не исключено, что на употребление прилагательного **христовъ** в препозиции влияли другие тексты; ср. в Великом Акафисте **хѣа цѣтва тѣс Христоу βασιλείας** Син-319 268 об.

Расположение прилагательных **святын**, **божин**, **христовъ** в однокомпонентных контактных именных группах в молитвах в целом соответствует их позициям в риторических произведениях Кирилла Туровского. В общем количественном и пропорциональном отношении препозитивных и

постпозитивных употреблений к молитвам ближе «Слово памяти отцов Никейского собора» — единственное риторическое произведение, написанное по мотивам церковной истории, а не на евангельский сюжет:

	свѣтъи		божини		христовъ	
	препозиция	постпозиция	препозиция	постпозиция	препозиция	постпозиция
Молитвы	21	1	1	9	3	6
«Слово о расслабленном»	4	—	7	—	—	—
«Слово о слепце»	6	—	2	11	1	—
«Слово памяти отцов Никейского собора»	22	2	4	18	4	7
«Слово о снятии тела Христова с креста»	6	2	7	9	1	7

III.2.2. Препозитивными в молитвах являются прилагательные **единъ** (6)²³, **десныи** (3), **правыи** (3), **послѣднии** (5 при существительных **день** и **часть**), **мимошедшии** (3), **прочии** (2): **тебе единого избавителя молю** 323; **споби ма десныи овецъ паствниа** 322 об.; **заблудихъ с праваго пути** 323; **в послѣднии ча дни сего** 337 об.; **в мимошедшаа время живота моего** 306; **прочек время** 319, 338 об. Сюда же можно включить лексему **прежереченыи**: **не имамъ створити прежеренаго зла** 287. Иной порядок слов имеется в группе **оуклонихса ѿ пути праваго** 311, но здесь, во-первых, первоначально было прилагательное **праведнаго**, во-вторых, в следующем за ним словосочетании **оставленъ бы ѿ плода дѣвнаго** атрибут находится в постпозиции. Оба обстоятельства могли повлиять на порядок **ѿ пути праваго**.

В препозиции размещается также лексема **блудныи** в восходящем к Евангелию словосочетании **блудныи сынъ** (в разных падежных формах 288 об., 308 об., 340 об., 343).

III.2.3. Как уже сказано выше, качественные и относительные прилагательные в молитвах Кирилла находятся преимущественно в препозиции. Соотношение (без учета приведенных выше славословий) таково: 148 препозитивных атрибутов при 77 постпозитивных. В «Слове памяти отцов Никейского собора» за счет похвалы отцам-участникам соотношение 54 : 1, в «Слове о расслабленном» — 17 : 7, в «Слове о слепце» — 17 : 6. В «Слове о снятии тела Христова с креста», где прилагательных больше,

²³ Здесь и далее при конкретных лексемах в круглых скобках указано количество препозитивных или постпозитивных употреблений.

соотношение 40 : 12, что ближе к молитвам, если учитывать препозицию атрибута в словословиях.

III.2.3.1. Преимущественно в постпозиции находятся краткие прилагательные, их в молитвах немного²⁴: во ссудѣ мѣданѣ 287 об.; англа мирна даж ми 292 об.; ѿ (...) дѣлъ неприазненѣ 295; очютихъ гзвѣ неицѣлану 299 об.; ни послн на ма гнѣва достонна по дѣломъ моимъ 299 об.; гнѣвъ великъ възложи на ма 300²⁵; оуста недостонна вопиють к тобѣ и дща сквернѣна молитсѣ. срце нечто из глѣвинны въздышетъ 308; ѿ срца нечта 291; из устѣ скверненѣ 291, 318 об.; помыслы сквернѣны 292 об.; волнами грѣховнами 297; црю всеіане оугаси прещениа нхъ 308; нѣ бо во мне части цѣлы. ни мѣста чиста 309; нѣ бо во мнѣ мѣста чта 316; мужъ гзвыщенѣ не исправитсѣ на земли 322 (Пс 139: 12); буди ми стена тверда ѿ лица вражна 281 об.; дажъ тѣлу мокму ложе поконно. и очима монма легокъ сънѣ 282; конецъ блгъ даруи ми 292 об.; не имѣю тверда основаниа покапаниу 297; не ѿрини мене... неопасивъ гзвыкъ имѣща 281; дажъ оустомъ моимъ тихо гланик 318; злу волю имѣши 336 об.; врази мон свѣщаша на ма свѣ золь 311 (ср. Пс 70: 10); нечтѣ оустнѣ имѣща 291; дѣла дѣвна николиже не створша 291 об.; легеонѣ вѣсовескѣ (см. Мф 8: 30–32); многомѣтве члвколюбце 280. Есть еще один потенциальный пример с постпозицией краткого прилагательного, которое, видимо, было в тексте первоначально. Именной группе *Вол 52 об.* пѣние недостоинно приношю ти в Псалтири соответствует пѣние недостоинныи приношю ти 291. Во вторичной редакции чтение ориентировано на другую модель, ср.: гла мѣтвѣ... юже недостоинныи приношю ти 321; моленик. кже недостоинныи всылаю ти 280 об.

В исследованиях высказана точка зрения о преимущественной препозиции полных и преимущественной постпозиции кратких прилагательных в атрибутивных группах [Истрина 1918: 52; Санников 1968: 66]. Однако есть существенное корректирующее замечание: «Краткие и полные формы являются в атрибутивных словосочетаниях синонимичными, и употребление краткой или, напротив, полной формы остается в значительной степени случайным» [Санников 1968: 56]. На выбор краткой или полной формы влияет морфологический фактор. Это некоторые падежи и морфемный состав слов: прилагательные с суффиксом *-ск* обычно являются полными, а прилагательные с суффиксами *-ов-* (*-ев-*), *-ын-* (*-ин-*), *-яв-* — краткими [Там же: 58–59].

²⁴ Ср. в составе именного сказуемого: всь вѣтъ тако древо неплодно. и тако храмъ пѣстѣ 314–314 об. (ср. Мк 11: 13); вса правда члвчката акы тина злосмрадна 311 об. (ср. Пс 68: 3).

²⁵ Чтение не имѣю к тобѣ дерзновенна велика 334 является вторичным из-за пропуска слов. В основной редакции и в аутентичном тексте Кирилла прилагательное веланка было сказуемым, ср. *Вол 99 об.* не имѣю дрѣзновенѣа к тебѣ. тако безаконѣа моѣ велика.

Расположение кратких качественных прилагательных в памятниках существенно варьируется. Например, в Русской Правде в препозиции находятся 10 словоформ, в постпозиции — 2; в сочинениях Мономаха — соответственно 15 и 3; в Хронике Георгия Амартола — 34 и 37; в «Повести временных лет» — 12 и 29; в 1-й Новгородской летописи — 6 и 21 [Widnäs 1953: 25, 36, 124, 151]. В «Слове о полку Игореве» нечленных прилагательных около 70, из них 10 находятся в постпозиции [Обнорский 1946: 170].

Кратких прилагательных в трех риторических произведениях Кирилла Туровского немного. В целом они в равной степени используются в препозиции и постпозиции, хотя в «Слове о слепце» представлено больше постпозитивных употреблений, а в «Слове памяти отцов Никейского собора» — препозитивных.

В молитвах наблюдается некоторая зависимость применения кратких прилагательных от структурной части молитвы. Проследить это можно на словах, использованных в краткой и полной формах только в одной из позиций, хотя подобных прилагательных мало. В славословиях, где атрибуты находятся в препозиции, в однокомпонентных контактных именных группах отмечены полные формы **твѣрдын** и **легкын**: **Сѣ́тъи апѣ́ петре твѣрды́и камень вѣ́ры** 328 об.—329; **вѣ́рымыъ твѣрдо́к о́гражени́к** 317 об.; **сущи́мыъ в боле́зньхъ ле́гко́к ищѣ́лени́к** 317 об.; **пу́тникомъ ле́гко́к прихо́дени́к** 317 об. Для этой структурной части молитвы вообще характерны полные прилагательные. Приведенные выше примеры с краткими формами, в том числе **лего́къ** и **твѣрдъ**, находятся в исповеданиях и прошениях.

Хорошо прослеживается употребление кратких **(не)чистъ** и **скверненъ** в постпозиции и полных **скверненыи** и **злыи** в препозиции (примеры см. ниже). Более или менее очевидно распределение у **великъ** и **великын**, **(не)достойнъ** и **(не)достойныи**. Прилагательное **великын** расположено в препозиции в характеристиках святых, включая многокомпонентные группы в обращении в составе славословия: **оу́крѣ́пи ма́ творити до́брага дѣ́ла. ꙗ́ко вели́кын сынъ апѣ́ хвѣ́** 330 об.²⁶; **Сѣ́тъи вели́кын ми́хаиле архистрати́же** 295; ср. **вопию к тебе́ воплемъ вели́кымыъ** 288, 296 об. Краткое прилагательное **(не)достойнъ** в молитвах в основном не является атрибутом, употребляясь в двух повторяющихся конструкциях: **нѣ́смь досто́инъ** 287, 290, 321, 339 об.; **недостойна себе́ створи́хъ** 287 об.; **недостойна бо створи́хъ себе́** 343 об. В именных группах оно находится в постпозиции (примеры см. выше). Полное прилагательное **недостойныи** является членом многокомпонентных именных групп, также представляющих собой устойчивые выражения: **за мене́ недо́стойнаго раба́ сво́его** 304 об.; **ма́ недо́стойнаго раба́ тво́его** 337 об.; **недо́стойнаго раба́ тво́его** 288 об.; **о́ мнѣ́ недо́стойнѣ́мыъ раба́ тво́его** 318 об.

²⁶ В основной редакции отсутствует слово **высокын**, прилагательное **христовъ** находится в препозиции: **... ꙗ́ко сы́и хвѣ́ апѣ́** Вол 93 об. В обоих случаях на месте **сын** лучше читалось бы указательное местоимение **сии**.

Таким образом, краткие прилагательные не отмечены в словословиях, для которых характерна препозиция атрибута, а используются в исповеданиях и прошениях. Употребление полных атрибутов-прилагательных не ограничивается той или иной структурной частью молитвы. Большое количество таких слов в молитвословии Кирилла указывает на их значимость в тексте и, следовательно, на иную роль по сравнению с 1-й Новгородской летописью, о которой писала Е. С. Истрина: «...в случаях, где определение выражено местоименной формой, соответствующий признак не играет значительной роли в предложении, и проявление его не отличается энергичностью» [Истрина 1918: 62].

Не исключено, что на преимущественное постпозитивное расположение кратких прилагательных влияет принадлежность молитв к богослужебным текстам. В канонах Богородице и свв. апостолам Петру и Павлу Климента Охридского (ККО 61–79, 80–100) краткие прилагательные также чаще отмечены в постпозиции (13 из 21), при этом, как и в молитвах, есть асимметричное построение соседних словосочетаний: **кончина тѣжка и лють ѿвѣтъ, къ отишю твердоу и нероушимѣи стѣнѣ**, ср. у Кирилла **ложе покоино и <...> легкоу сѣнѣ**.

III.2.3.2. Полные качественные и относительные прилагательные в именных контактных однокомпонентных группах расположены как в препозиции (в основном), так и в постпозиции.

Многие из этих атрибутов фиксируются по одному разу и в одной позиции: **просвѣщеннымъ разумомъ и неуклоннымъ оумомъ** 282; **вещисленымъ щедроты** 285 об.²⁷; **ѿ въздушны вѣсовъ** 292 об.; **подажъ дневнок пребываник пренти** 295; **внутреніма очима, невещественнымі оусты** 295 об.; **преисподнага пропасть** 296; **скорымъ покаганикомъ** 297 об.; **дага волнага прошения рабомъ своимъ** 301; **неповному блуду чювьственымъ двери ѿверзоухъ** 305 об.; **нѣву срѣца можаго... поростихъ лѣностнымъ сномъ** 311; **тшитса и малок имѣникъ вѣрты можа въсхъгити** 314 об.; **болаца болшими сквернами** 323; **не обатъ буду... тѣжкымъ сномъ** 338; **запатъ вѣвъ... любеникомъ плотнымъ** 286; **исе блѣтлю. заре оче свѣте неприкосновеннымъ** 301 (ср. **иссе кдиночадын и заре очѣ, свѣте живын и неприкосновѣннымъ** ЕС III 296) и др.

Именная группа **горній чинове** 289 об. является устойчивым словосочетанием. Выражения **неплоднага смоковница** и **сѣртнага секыра** восходят соответственно к Лк 13: 6–9 и Мф 3: 10 и, скорее всего, повторены Кириллом: **боюса посѣченна. како неплоднага смоковница. когда придетъ сѣртнага секыра. и предасть ма во истлѣнык огна неогасимаго** 305 об. Словосочетание **глы молевныа** (к тебе въспѣцю **глы молевныа** 299 об.)

²⁷ В препозиции это прилагательное расположено в упомянутых выше сочинениях Климента Охридского: **вещисльноюу мл(с)ть** ККО 88; **вещисльными съблазны** 91, 92; **вещисныхъ грѣхъ** 92; **вещисныхъ золь** 97.

с таким же порядком слов есть у Ефрема Сирина — **прими глы молебныа** ЕС I 16. Именная группа с постпозицией атрибута **огнь сверпын**, возможно, принадлежит самому писателю, отсылая к многочисленным упоминаниям карающего огня в Библии: **огнь сверпын потечеть потребляа беззаконникы** 307. Словосочетание **начала вьсокаа** заканчивает перечисление ангельских чинов: **стгыа англы и архнглы. хъровимы и серафимы. силы власти прглы и гьства. и начала вьсокаа** 298. Кирилл называет их не по порядку²⁸; находящееся в самом конце прилагательное, вероятно, с точки зрения смысла следует относить не к одному существительному, а ко всему ряду, определив значение слова как окказиональное 'небесный, пребывающий на небесах'. Ср. субстантивированную форму ср. р. мн. ч. **вьсокаа**, обозначающую небеса [СДЯ 1989: 253]. Ниже ангельские чины в произвольном порядке перечислены еще раз, но уже без прилагательного: **слугъ твой англь и архнгль. начала власти силъ. пргль гьствина хъровимъ и серафимъ** 301. Словосочетание **животнаа вода** (**велаше просити животныа воды** 290) отсылает к сюжету Ин 4: 10–14. Именно у этого прилагательного в исторический период было значение 'животворный' [СДЯ 1990: 258]. Оно есть в «Слове о расслабленном» Кирилла Туровского (**животное озеро**) и в его же «Слове на Пасху» (**животнаго брашна**), также находясь в препозиции, в отличие от именной группы **хлѣбъ животныи** (см. выше III.1). Как можно судить по КДРС, в других переводных и оригинальных источниках XII–XVIII вв., начиная с Апокалипсиса XII–XIII вв., в именной группе с существительным **вода** прилагательное **животныи** преимущественно располагалось в постпозиции; порядок **животнаа вода**, аналогичный словосочетанию в молитве Кирилла, есть в Великих минеях четых XVI в. (Декабрь 1–5), а также в Каноне с акафистом Иосифа Песнописца: **животныа воды источниче неистъщаемыи** Тр-3 241, в греч. ζῶντος ὕδατος.

Некоторые лексемы в именных контактных однокомпонентных группах употреблены по два, редко по три-четыре раза, причем всегда в препозиции: **лоукавыи, истинныи, нощныи, вечерныи, земныи, вожественныи, нижнии, страшныи, похотныи, неподовныи** и др. В постпозиции дважды отмечено **кромѣшныи** в словосочетании **тьма кромѣшнаа** из Евангелия (Мф 8: 12, 22: 13, 25: 30).

Несколько атрибутов находятся как в препозиции, так и в постпозиции. Ниже приведены эти прилагательные (вместе полные и краткие, если таковые имеются, а также их производные с приставками); словосочетания из славословий в число примеров не включены:

-**благыи** (3 — 4): **такъ блгыи чвкколювецъ прими вестѣду млтвы докта** 290; **мти бни прочтаа. оумоли ха блгаго чвкколювца ба** 322; **ги ис хе снѣ бни. преблгыи ги** 302 — **въстави ма на течениа блгаа** 329 об.; **оукрѣпи**

²⁸ Порядок должен быть следующим: Серафимы, Херувимы и Престолы, Господства, Силы и Власти, Начала, Архангелы и Ангелы.

ма на теченик бл҃гок 332 об.; понесу гаремъ бл҃гын 306 об.; конецъ бл҃гъ дар҃и ми 292 об.;

вѣчныи (5 — 2): что въздамъ вѣчныа жизни датею 281; да приимут ма праведнїи с веселиемъ въ вѣчную жизнь 325; да избавит ма вѣчныа мѹкы 320 об.; избавлюса вѣчныа мѹкы 332 об., 339 — спови ма порадоватиса... в жизни вѣчнои 319 об.; да не възрацнуса в землю тмы вѣчныа 300 об.;

грѣховныи (10 — 11): къмъ окраденъ грѣховными похотми 297; грѣховнымъ мечемъ злѣ порази ма 299 об.; порѣвающагоса тѹготоу грѣховными безаконии 337; ратникъ дѹаволъ тако пленника грѣховнымъ оужемъ связавъ 314 об.; оугаси во мнѣ грѣховныи пламень 318; въстави оубаго и расслабленаго грѣховноу лѣвностью 330 об.; не обатъ бѹду грѣховнымъ мракомъ, и тажктымъ сномъ 338; разумѣхъ вредость грѣховнаго вкушенна 340; не имѣа конца грѣховному обычаю 306; не презрѣ мене въ сквернымъ пути и въ грѣховнѣмъ оудольи 343 об. — время грѣховнок облегчи 319 об.; возми время грѣховнок ѿ мене 337; обложенъ къмъ дѣгани и времена грѣхными 305; оунже ми терник грѣховное 305; ѿ мира (Вол моря) житискаго, волнѹющагоса волнами грѣховнами 297 (то же ЕС IV 224); хотѹ ма потопити въ главннѣ грѣховнѣи 303; да не поразитъ бурѹ грѣховнаа телесныа ми храмнны 281 об.; въспрани оубаа дѣша ѿ сна грѣховнаго 328 об.; да очютитса мон оумъ ѿ сна грѣховнаго 297; раздрѣши молю ти са свазана ма оузами грѣховными 329; се во предѣстою акы осуженъ скверною грѣховною 316 об.;

добрыи (4 — 1): оставихъ и тако и ковчегъ доброк безмолвнѣ, и сградихъ тако столпъ въсокомысленныа гл҃ы 341; да не нагъ обернуса ѿ добрымъ (так!) дѣлѣ 286 об.; оукрѣпи ма творити добраа дѣла 296 об., 330 об. — даж ми свои англ҃ь... хранаи ма на дѣла добраа наставлаа 324;

доуховныи (2 — 1): твон снѣ родомъ вѣвъ въ дѹовнѣи купѣли 286; заповѣдъ дарова дѹвнок дѣло въ чѹтѣ свершати повелѣ 285 об. — дѣла дѹвна николиже не створша 291 об.;

доушевныи (4 — 2): бл҃гѣ ницѣлающи дѣвныа болезни 329 об.; в неже дастса дѣвнок здравык болшимъ грѣхы 309 об.; очищакши дѣвнѹю сквернѹ 308; не презри мене ослепша дѣвныа очима 330 — плачю болезнью дѣвною 286; совлеченъ въ ѿ одежи дѣвной 311;

злыи (7 — 1): проведи неиск҃сно ѿ злыхъ мѹгдарь 303 об.; аз во къмъ вертепъ злымъ дѣдомъ 306; въсплачиса злы дѣлѣ 328 об.; аз же оканнын обатъ въ множествомъ злы грѣховъ 343; неиск҃сны ѿ злы помыслѣ 295; похотникъ грѣху зл҃у волю имѣи 336 об.; просвѣ мон оумъ, неже омрачиса злымъ оуннынкмъ 292 об. — врази мон свѣшаша на ма свѣ золь 311 (ср. Пс 70: 10);

многостивныи (3 — 2): да плачюса къ мѣтвому бѹ 297; тебе помощника призываю мѣтваго чл҃вколюбца 323 об.; снѣ бѣ (вм. бни) многомѣтве.

члвколюбце 280²⁹ — припади к нему гже млтвѣа 315; да не бѣду преданъ англѣ немлтвѣому 315;

небесныи (3 — 6): недостонна себе створихъ нѣнаго цѣтвѣа 287 об.; кѣмуже прѣстоатъ нѣнѣа силѣ 295 об.; во оплотѣ нѣнаго рага 322 об. — недостонна бѣ створихъ себе цѣтвѣа нѣнаго 343 об.; съ собою въведеша га в чертогъ нѣнѣа 292; ѡзлѣхъ мѣгтарь сѣци оу вратѣ нѣнѣхъ 303 об.; совокупладѣса с вои нѣнѣми 304 об.; нѣсмь достоннѣ възрѣти на высоту нѣнѣю ѡ множества безаконни мои 339 об.; кгда гавитѣ с нѣи съ множествомъ англѣ съ слаю нѣною 332³⁰;

неоугасимыи (1 — 1): избави ма... тѣи кромѣшнага. и неоугасяющѣи гадовитѣхъ черви. и неоугасимаго пламени 298 — придетъ смѣртнага секѣра и предасть ма во истлѣнѣк огна неоугасимаго 305 об.

огненыи (1 — 1): избави ма гже... огненого родѣства 322–322 об. — да не послѣши мене в дѣбри огненѣа 343 об.;

сердечныи (1 — 1): ослѣплѣнѣ имѣа срѣнѣи очн 305 об. — стеню из глѣбинѣи срѣнѣа 286;

скверныи/скверненыи (5 — 4): да ѡ сего ча не поравотаю сквернымѣмъ вѣсомѣ 319; не презрѣ мене въ сквернымѣмъ пѣти. и въ грѣховнѣмъ оудольи 343 об.; не въсхѣтѣтъ оканнѣа ми дѣа. злѣ стражюща въ сквернымѣмъ обѣчагахъ 296 об.; избави ма... скверныхъ мѣслии и всакоа болѣзни 315 об.; поравотихѣса сквернымѣмъ похотѣмѣ. приложихѣса в неразумныхъ скотѣхъ 339 об. — дѣа скверна молитѣса 308; молѣу приношю ти из ѹстѣ скверненѣ 318 об.; пѣниѣк недостоннѣи приношю ти. из ѹстѣ скверненѣ 291; ѡ жени помѣслаы сквернѣнѣи срѣца можа 292 об.;

-словесныи (2 — 1): помнитѣ тѣ... въ словеснѣмъ храмѣ тѣла можа 338 об.; причти ма во избранѣмъ твоѣмъ стадѣ словеснѣи овецѣ 338 об.³¹ — похотѣмъ бесловеснымѣмъ повинѣхѣса 323 об.³².

телесныи (2 — 1): запинающю ми телеснии стрѣти 297 об.; блѣгѣ... прогонащи телеснѣа недѣгѣи 329 об. — оутверди оудѣи телеснѣа тако во раслабихъ грѣхомѣ 292 об.;

темныи (1 — 1): даж ми... на темнаго нскѣситѣла въоружитѣса 282; — прондохъ оканнѣи въ мракъ темныи невѣздержанна 341 об.;

честныи (1 — 1): не презри мене крѣлю хѣвъ чѣнѣи прѣтѣ 307 об. — сѣни англѣ прѣгѣ чѣнѣи прѣтѣа трѣа страшно остѣпающе 294 об.—295;

-чистыи (2 — 5): не ѡверзи мене... нечѣтѣ оустнѣ имѣща 291; даж ми свои англѣ на ѡгнаниѣ нечѣтыхъ дѣхъ борющихѣса со мною 323 об. —

²⁹ Пример сомнительный; ср. в основной редакции *Вол 134 снѣ вѣи много-млтвѣ. и члвколюбчѣ.*

³⁰ Группы нет в основной редакции.

³¹ То же в Великом Акафисте: *словесныхъ овецѣ Син-319 266, λογικῶν προβάτων.*

³² В основной редакции дистантная именная группа: *Вол 87 бесловесныи повинѣса похотѣ.*

нѣ бо во мне части цѣлы. ни мѣста чиста 309; нѣ бо во мнѣ мѣста чѣта
но все скверно 316; срѣце нечѣто изъ глѣбинны въздышетъ 308; ѿ срѣца
нечѣта прославляю има твою стѣю 291; пострѣкаша ма по вса дни жа-
ломь нечѣтымь 310 об.³³

Словосочетания, в которых один и тот же атрибут находится в препозиции и постпозиции, демонстрируют относительную свободу выбора расположения этих слов. Показательны группы с одним и тем же существительным или близкими по значению, *доушевныи* (*болѣзнь*), *доуховныи* (*дѣло*), *грѣховныи* (*оуже/оужа*), *добрыи* (*дѣло*), *вѣчныи* (*жизнь*), *небесныи* (*царство/царствне*), *неоугасимыи* (*огнь/пламень*).

Прилагательное *вѣчныи* М. Виднес рассматривает среди библеизмов, отмечая его постпозицию в Евангелии и в «Повести временных лет» при двух препозитивных употреблении в группах *вѣчная жизнь* и *вѣчныхъ благу*, хотя в Евангелии в эквиваленте последнего словосочетания атрибут постпозитивный [Widnäs 1953: 129]. Постпозиция атрибута в *тма вѣчнага* может быть обусловлена ассоциацией с устойчивым выражением *тма кромѣшнага*. Словосочетание *вѣчнага жизнь* с препозитивным атрибутом есть также в Кирилловом «Слове в неделю цветоносную». Постпозиция прилагательного при существительном *жизнь*, помимо библейской традиции, объясняется симметричным построением соседних именных групп: *в селѣхъ праведныхъ* и *в жизни вѣчнои*. *в пици несготовакамѣи* 319 об. Тенденция к одинаковому построению находящихся рядом словосочетаний, как показывает широкий контекст в приведенных выше примерах, нередко влияет на расположение атрибута. Однако в равной степени в стилистических целях Кирилл прибегал и к их разному построению; см. в обращении в начале молитвы в неделю по часах: *Бѣ всемогын и безначалнын ги* 289.

Видимо, при ориентации контекста (от цитирования до аллюзии) на творения отцов Церкви и на Священное Писание использовалась постпозиция атрибута, а собственно авторский подход предполагал препозицию прилагательного.

III.2.3.3. С уже упомянутым авторским приемом Кирилла — цепочками однотипных или близких конструкций — связана препозиция притяжательных прилагательных в двух фрагментах текста. Оба находятся в молитве в пятницу по заутрене и содержат прилагательные с суффиксами *-ов/-ев-* и **-jъ-*: *ни стѣжахъ мѣтгонмца стонаниа. ни ханаонина вѣрты. ни сотница смиренниа. ни разборница исповѣданиа* 340 об.; *всакѣа добродѣтели чюжь вѣхъ. никдиноже права праведны възсприахъ. ни сакова послушаниа. ни яковла блговѣрниа. ни моисѣквты кротости. ни новова*

³³ Пример малопоказательный, поскольку здесь прилагательное вторично; в основной редакции *Вол 74 жало нечѣтоты*.

терпенна ни осипова въздержанна 342³⁴. Вне таких перечислений притяжательные прилагательные (в основном с суффиксом *-jb-) находятся в постпозиции³⁵: **Ѡ льсти вражиа**, **Ѡ лица вражиа** 281 об.; **брань вражню** 296 об.—297; **Ѡ сѣти вражиа** 330 об.; **Ѡ рѹкы гна** 306 об.; **без мечтанна дьавола** 324 об.; **сна вдовицина** 308 об.; **о смѣрти грѣшници** 342³⁶. Нарушают этот принцип два словосочетания с препозицией атрибута: **впадохъ акты в развонница рѹкы в черствѣственна грѣхы** 309; **не презри мене оугавенаго вражыми стрѣлами** 331 об. Порядок в первом из них, возможно, связан с аналогичной структурой соседней именной группы.

В Псалтири есть словосочетание **авелевы дары** с препозицией притяжательного прилагательного: **прими словеснѹю сию жертвѹ. также авелевы дары** 290 об. Оно восходит к чинопоследованию литургии св. Василия Великого (см. молитву после Великого входа).

В памятниках письменности XI–XIV вв. отмечается тенденция к постпозитивному расположению притяжательных прилагательных [Санников 1968: 66]. См. также количественные сведения из исследования М. Виднес в I.1, которые позволяют предполагать зависимость позиции от типа текста. В Словах Кирилла Туровского постпозиция (14 примеров без учета цитаты, но при значительном количестве библеизмов) преобладает над препозицией (10 именных групп). Без библеизмов, в которых постпозиция предопределена, соотношение будет почти равным.

III.2.3.4. В отношении расположения прилагательных с суффиксом *-ьск- мнения расходятся. Одни исследователи считают, что они не имели в древнерусском языке постоянного места [Лаптева 1959: 99], другие отмечают, что такие прилагательные фиксируются в постпозиции³⁷ [Евстифеева 2008: 172; Минлос 2008: 207]. В работе М. Виднес приведены следующие сведения: в ПВЛ при сохранении конструкций, восходящих к Еван-

³⁴ Во вторичной редакции оба фрагмента отредактированы и сокращены, но расположения атрибутов изменения не затронули. Они коснулись количества именных групп: **не стежа^х мыто^мча въздыханна. ни раслабленаго стананна. ни влѣдница слезъ. ни хананѣа молитвы. ни сотнича добраго смѣренїа. ни кровоточивыа вѣры ни развоннича исповѣдания** *Вол 104 об.—105*; **неединого нрава праведны не восьприахъ. не икакова (так!) послжшанна ни яковаа блговѣрна. ни уснѣова воздержанна. ни монсѣввы кротости. ни швова терпѣнїа. ни ѣинисовы ревности и безаконна пронози ни ахалева крѣпости. и ѡ вѣре не изнеможе ни іса наввина разѹма. имже ѡбѣтованноѹ землю наслѣдова ни а.нїнны премѣдрыа доблести и сисарѹ древо^м пригвози. ни самонлова бѣоприатнаго возношенна** *Там же, 106–106 об.*

³⁵ В Словах прилагательные с суффиксом *-jb- (солломонь, дьаволь и др.) находятся в постпозиции и препозиции.

³⁶ В Псалтири добавлено (?) **сна днѣскоридова** 331.

³⁷ В летописных текстах важно их употребление при определенных существительных, а также образование от названий городов, стран и народов.

гелию, имеется 36 препозитивных прилагательных на *-скии* при 50 постпозитивных, в ХГА — 42 случая препозиции и 35 постпозиции, в сочинениях Мономаха — 11 препозиций и 4 постпозиции [Widnäs 1953: 134, 36]. В Словах Кирилла Туровского прилагательные с суффиксом **-ьск-* преимущественно являются препозитивными. В молитвах количество препозиции и постпозиции таких слов почти одинаково. В препозиции находятся **ангельскыи** (3), **плотьскыи** (3; в сочетании с существительным **похотѣ**), **житинскыи** (2), **человѣческыи** (1), **геоньскыи** (1), в постпозиции — **житиискыи** (2), **человѣческыи** (1), **крестыаньскыи** (1), **идольскыи** (1), **неприазньскыи** (1), **бѣсовьскыи** (1; краткое), **пророческыи** (1): **воюса геоньскаго огна. имже ми ксть сожжену въги** 341 об.; **поминаю. дѣда иже при дарѣ пррчѣмь в ровъ любодѣянниа впаде** 287; **взиши мене тако на житѣс-темь распутии** 292; **порѣваемъ страми житнскыми** 305; **ты бо кси снѣ члвчкыи** 308 об.; **оуклони срце мое ѿ члвчкыа хвалы** 337 об.–308; **не презрѣ мене ги. оутрѣжшагоса в дѣлѣхъ неприазньскыи** 337; **легеонѣ бѣсовескѣ моливѣ тѣ да не в бездну послеси га. и (...)** въ стадо свинок оустремиса 343.

Видимо, в молитвах и для прилагательных с суффиксом **-ьск-* была актуальна тенденция расположения атрибута в постпозиции в устойчивых выражениях и при ориентации контекста на сочинения отцов Церкви, Священное Писание и богослужебные тексты, при этом их непосредственный источник далеко не всегда ясен; см., например, **снѣ члвчкыи**³⁸, **легеонѣ бѣсовескѣ** (Мф 8: 30–32), **дарѣ пррчкыи**, **льсть идольскаа**. Возможно, сюда же следует включить **роду крѣпаныскѣму** 295 с постпозицией атрибута, хотя именная группа находится в кратком славословии Михаилу архистратигу, а в подобных фрагментах прилагательные обычно располагаются в препозиции. В молитвах Кирилла Туровского наблюдается преимущественное употребление в препозиции лексем **ангельскыи** и **плотьскыи**. Ср. оба варианта расположения слова **житинскыи** в схожих образных выражениях и при соседней именной группе с постпозицией прилагательного **грѣховныи** во втором примере: **без напасти проводѣти житинскую пучину** 315 об.; **истергнет ма ѿ мира (Вол моря) житинскаго волнующагоса волнами грѣховнами** 297.

В препозиции в славословиях расположены прилагательные с суффиксом **-ьск-*, образованные от географических наименований: **аснискок оутверженик**, **кѣсское похвалее**, **потомьскыи оучѣлю**, **кѣпетьскыи свѣтилище** 331 об. Постпозиция такого прилагательного в многокомпонентной именной группе **Стѣи марко александрьскыи** 331 об. соответствует порядку слов в традиционном именовании святых по месту их основного пребывания или деятельности.

³⁸ Многократно в Ветхом завете, в Новом завете около 80 раз. М. Виднес отметила, что в «Повести временных лет» постпозиция этого прилагательного поддерживается его таким же расположением в Евангелии [Widnäs 1953: 135].

IV. Группы с дистантным расположением атрибута

Таких именных групп в молитвах Кирилла во вторичной редакции 12³⁹; ср. в его риторических произведениях: в «Слове о снятии тела Христова с креста» — 37; в «Слове о слезе» — 22; в «Слове памяти отцов Никейского собора» — 19; в «Слове на Фомину неделю» — 9; в «Слове о расслабленном» — 5.

Только в одном случае в обороте дательный самостоятельный отмечена постпозиция атрибута-прилагательного: **кше тмѣ сѣци грѣховнѣи одержаци ма** 295. В остальных группах прилагательные и местоимения находятся в препозиции: **в послѣднюю впадохъ погывѣль** 286 об.; **сѣнце вернюю варактъ годинѣ** 292; **молюса и ваша дроса мѣти** 294 об.; **невещественнѣи оусты трестѣю възывающе пѣ** 295 об.; **многыми обдоженъ ксмь дѣянии** 305; **верною приношу ти мѣтвѣ** 323 об.; **Ѡ тайны сѣт ма грѣховъ** 333; **Како своѣго нынѣ възсплачу Ѡпадения** 339 (начало молитвы в пятницу по утрени). Во всех этих группах между атрибутом и существительным оказывается глагольная форма, иногда с зависимым местоимением или наречием. Такие конструкции характерны также для риторических произведений. Словами других частей речи или словосочетанием члены именной группы разделяются значительно реже: **не Ѡверзи мене... верною ны мѣтвѣ приносяща к тобѣ** 291; **оутверди нозѣ мои... на твердѣмь вѣры твоѣго (вм. твоѣа) камени** 281 об. (ср. **На твердѣмь камени вѣры** ККО 77); **сѣцаа въ адѣ связанъа праведны дѣа** 285.

V. Многокомпонентные контактные именные группы. Атрибуты прилагательное и местоимение

Для описания структуры таких многокомпонентных именных групп целесообразно воспользоваться следующими обозначениями входящих в них единиц: N — существительное (или субстантив), A — прилагательное-атрибут, P — местоимение-атрибут. Порядок расположения компонентов словосочетания зависит от разряда местоимения.

V.1. В составе большинства многокомпонентных групп с прилагательным и местоимением имеется несогласованный атрибут — краткое местоимение в форме дательного падежа **ми** (чаще всего), **ти**, **си**, являющееся энклитикой и соответствующее притяжательному **мои**, **твои**, **свои**: **телесныца ми храмны** 281 об.; **Ѡ безначалнаго ти оца** 336; **обычною си мѣтвѣю** 292.

³⁹ Их должно быть 13, но в одном чтении в Псалтири вместо прилагательного ошибочно написано наречие: **смысль исправи неприлѣпно** 324 об.; ср. *Вол* 87 об. **мысль исправи неприлѣпнѣ**. Возможно, к дистантным следует отнести группу с несогласованным атрибутом **да спна ми бѣдетъ дѣа** 286 об.; то же *Вол* 47.

Среди этих групп есть словосочетания, повторяющиеся в разных молитвах и встречающиеся в других источниках. Например, с прилагательным оканныи: дажь... не въсхъгтѣтъ оканныа ми дша 296 об.; очютихъ смъртоноснѣи гадо въ оканьнѣи ми дши 310 об.; ты во вѣси нечтотѣ. и сквернѣ оканныа ми дша 318–318 об.; врагъ... хоцетъ потопити оканнѣю ми дшо 323; см. также оканьноѣю ми дшо ККО 76, 77, 79, 92 и др.

V.2. Атрибуты прилагательное и притяжательное местоимение

В многокомпонентных группах с притяжательным местоимением прилагательное почти всегда находится в препозиции и на первом месте; расположение местоимения варьируется.

V.2.1. С местоимением мои отмечено семь групп со схемой ANP и восемь со структурой APN, т. е., в отличие от словосочетаний с одним атрибутом-местоимением, в многокомпонентных группах его постпозиция не преобладает: за вѣщисленъна грѣхы моа 320; Ѡ моленна оунъылъна дша мока 316; въздъхання оубаго срца моко 316 об.; до послѣднѣго издъхання моко 335 об.; ократитса суктнага моа надежа 306 об.; моли за оубѣю мою дшо 306 об.; просвѣти омрачени очю мои 301⁴⁰; да воснакѣтъ свѣ... въ омраченѣи моки дши 285; Ѡ непобѣныхъ моихъ мъслии 308.

Во вторичной редакции есть группа с порядком NPA: яко ламѣхъ исповѣдаю на са безаконна моа злата 340 об. В основной редакции этому чтению соответствует однокомпонентная именная группа: существительное безаконна отсутствует, а злата является субстантивом — *Vol 105* яко ламѣ исповѣдаю на са злаа моа.

V.2.2. Более многочисленные именные группы с местоимением твой также имеют две структуры, причем атрибутом-прилагательным в них нередко оказывается лексема пречистын. Самым распространенным является порядок ANP, т. е. местоимение находится в постпозиции (14 примеров). Среди этих групп обращают на себя внимание типологически схожие словосочетания с существительным рабъ: сп ма грѣшнаго раба твоко 309 об.—310; покажи твою мѣть на мнѣ оубѣвѣль рабѣ твокомъ 329; сподовѣ ма недостоннаго раба твоко 337 об.; славаца прѣток нма твок 310; оукрѣпѣ ма всемошною десницею твоко 281 об.; видѣти днѣ преславнаго въскрѣснаго твоко 285; слословлю прѣток нма твок 319; помани ги прѣтѣхъ оустѣ твой глѣ 288; мѣтвами прѣтѣна мѣри твока вѣща наша вѣца 298.

Структура APN с местоимением в препозиции встречается реже (8 примеров): своакъша ма вѣтвенъна твоа заповѣди 309; прѣчти ма во избранѣмъ твокомъ стадѣ словеснѣ овецъ 338 об.; нѣсмь достоннѣ

⁴⁰ Ср. у Ефрема Сирина просвѣтити омрачныа мысли ЕС I 22.

приати прѣтѣжъ твоѣ тѣло 290; простри прѣтѣжю твою десницу 308; при-
ми (...) прѣтѣжю твою мѣръ 309 об.

V.2.3. Помимо групп с прилагательным на первом месте, есть другие, где эту позицию занимает существительное или местоимение. Словосочетание твоими бѣприятными мѣтвми завершает молитву в среду по часах: ты бо кси надежа наша. и тебе са мли дѣкмь. прѣсаща полѣчити ѿпущеник грѣховъ. твоими бѣприятными мѣтвми и ны при 322 об. Местоимение твои в этом контексте соотносится с формами местоимения ты, начинающими смысловые фрагменты: ты... тебе... твоими. На порядок твоѣ дѣкорьмына вера могло повлиять находящееся чуть выше словосочетание на твою верю: не остави мене вѣко яко и преже избраны на твою верю... взищи мене яко на житѣстемь распѣти. бл҃гдѣща твоѣ дѣкорьмына вера желающа 292. Словосочетание ѿ сѣмени ст҃го твоѣго 334 об. отмечено также у Ефрема Сирина: ѿ сѣмене ст҃го твоѣго ЕС III. Возможно, это было устойчивое выражение.

V.2.4. Остальные притяжательные местоимения в многокомпонентных именных группах представлены слабо. Несогласованный атрибут ихъ не меняет своей постпозиции и в этом случае: възносимю гордыню ихъ 308 об. Постпозитивное употребление лексемы нашъ находится в обращении хѣ истинныи бѣ нашъ 312. В двух из трех словосочетаний с местоимением свои имеем структуру APN, что соответствует его преимущественной препозиции в однокомпонентных группах; прѣтвореныа своѣ грѣ 287 об.; врачевѣи свои рѣцѣ 316 об.; нвнаго цѣтвѣна своѣго 312.

V.3. Атрибуты прилагательное и местоимение весь, всакыи, сни, онъ, нигдеинъ. Как и в однокомпонентных именных группах, в многокомпонентных группах местоимение весь находится в препозиции и неизменно размещается первым. Расположение прилагательного и существительного варьируется, поэтому возможны структуры с постпозицией и препозицией этого атрибута: весь + AN или PAN (4 примера): вси ст҃ни апли. андрѣи яковѣ. фома валфоромѣю 332 об.; вса правовѣрныа крѣянны 333 об.; всѣ ангакыхъ ядин лишихса 340; весь + NA или PNA (6 примеров): вса толпы вѣсовьскыа трепещють 282; ѿ всеа силы нвныа 289 об.; всѣми похотми скверными 303; вса правда члвчката акты тина злосмрадна 311 об.; вса бо правда члвца яко платно паоучина 342 об.; вса бл҃гата временнаа въспримъ 339; всѣ тѣло и дшю язвено имѣа 316 об.

В препозиции расположено также местоимение всакыи, однако именная группа с этим словом является чтением вторичной редакции и отличается от основной редакции, в том числе местом атрибута-прилагательного: ѿ всакого кова вражня 332 об.; ср. *Вол 96 об.* ѿ всакого вѣстѣднаго змѣа. Второй пример может быть включен сюда только в версии основной редакции: *Вол 102 об.* оубежати ѿ всакого дѣвола (так!) искѣшенѣа.

Чтение вторичной редакции **оубѣжати всакого зла дьавольскаго искушениа** 337 об. можно трактовать по-разному: как содержащую две однокомпонентные группы (**всакого зла** и **дьавольскаго искушениа**) или как многокомпонентную группу с местоимением и двумя прилагательными, но тогда более уместным было бы местоименное **злаго**.

Обе именные группы с **си** имеют одинаковую структуру; местоимение находится в препозиции после атрибута-прилагательного: **в суктнѣмь семь жити** 321; **прими словеснѹ сию жертву** 290 об.

Атрибут-местоимение **онъ** находится в препозиции и постпозиции: **въведи ма въ дѣвѣны онъ дворъ** 338 об.; **избави ма гже плача оного бесконечнаго**. и **скрежта зѹбомъ**⁴¹. и **черви неоуступающаго** 322. Во втором примере постпозитивными являются оба атрибута. Именные группы такой структуры встречаются редко, см. выше два примера с **твои**. Видимо, порядок **плача оного бесконечнаго** соотнесен с расположением компонентов в соседних группах.

Местоимение **ниѣдинъ** занимает ту же позицию, что и в однокомпонентной группе: **нѣ во ниѣдинога зла дѣла**. **якоже не створи хъ азъ** 321 об.

V.4. В молитвах Кирилла есть несколько многокомпонентных именных групп с местоимением **мон** или **твои** и двумя либо тремя прилагательными, т. е. общее количество атрибутов три и более. Местоимение чаще располагается в постпозиции, а атрибуты-прилагательные, составляя некое единство, находятся в препозиции: **мога не свѣдома и бесчислена безаконна потреви** 291 об.; **проднѣвахъ благаго и незлобиваго и долго-терпеливаго творца могаго и вѣку** 295 об.; **плачюса прѣ тобою великы и неоудобницѣлимыхъ гзвъ мой** 287; **мѣтвми стѣннхъ слугъ твои англь и архнгль** 301; **призываю чюднок и сток има твок** 310 об.; **за многок и бесчисленок несповѣдимок мрдик твок** 336; ср. *Вол 101* **за много (так!) и несповѣдимое твое милосердие**.

Многокомпонентная группа с постпозицией трех атрибутов **прослависа има твок прчтнок и великолѣпнок** 325 имеется только в Псалтири; в основной редакции *Вол 88 об.* **прослависа в ни има твое стое** с двумя атрибутами, но также в постпозиции.

Ошибочным является чтение вторичной редакции с **мон**, расположенным между прилагательными. Местоимение здесь лишнее, в основной редакции его нет: **кагса о прежнихъ мой мимошедшихъ днѣхъ живота могаго** 302 об.; ср. *Вол 65* **кага ѡ прѣ мимошеши днѣ живота моего**.

V.5. В именных группах с **весь** и двумя прилагательными местоимение, как и ожидается, находится в препозиции и размещается первым среди ат-

⁴¹ Чтение **скрежта зѹбомъ**, воспроизводящее стандартное выражение, принадлежит вторичной редакции; ср. в основной редакции *Вол 86* **скрежта зѹвна** с прилагательным, как и в соседних словосочетаниях.

рибутов при их контактном расположении. Место прилагательных варьируется: владѣѣа всею тварью видимою и невидимою 289; Влако ги всеа видимоыа и невидимыа твари сдѣтелю 301 об. (начало молитвы); в суктнѣмь семь житыи всеа неповнаа и студнаа дѣла створихъ 321.

V.6. В молитвах есть одна контактная именная группа с двумя местоимениями и двумя прилагательными: избавлюса ѿ всеѣ врагъ моихъ видимоыа и невидимыа 298 об. Словосочетание враги видимоыа и невидимыа является устойчивым, будучи известно уже с XI в. [Изб. 176]. Оно повторяется в разных источниках, и порядок компонентов в нем меняется: врагы ви(д)мыѣ и неви(д)мыѣ, видимыа врагы и невидимыа ККО 73, 99. В молитве Кирилла постпозиция прилагательных, скорее всего, обусловлена наличием местоимений, ср. оукрѣпї ма... на невидимыа и видимоыа врагы 281 об.—282 (см. VII).

VI. Многокомпонентные контактные именные группы.

Атрибуты-местоимения

Как правило, в состав словосочетаний в таком случае входят притяжательное прилагательное мой или твой и местоимение весь, которое по обыкновению является препозитивным. В расположении двух других местоимений-атрибутов прослеживается та же тенденция, какой они следуют в однокомпонентных именных группах: мой находится в постпозиции, твой — в постпозиции и препозиции: ѿпусти всеа грѣхы моя 292 об.; все житие мое печалью въсхъщено бы 300; всею плотъ мою злобою осквернихъ 305 об.; к тебе бо все оупование мое възложихъ 321 об.; исповѣдаю ти ги всеа грѣхы моя 323 об.; всь оумъ мой в земнаа оуклонї 340; мѡтвами... все стхъ твой 301; преступникъ бы всехъ твой заповѣди 288, 323 об.

VII. Многокомпонентные контактные именные группы.

Атрибуты-прилагательные

В молитвах Кирилла расположение атрибутов-прилагательных в таких группах соответствует схемам AAN и ANA. Если в числе атрибутов имеются слова с тем или иным преимущественным расположением в однокомпонентных группах, то и здесь они сохраняют свое место: свѣтыи находится в препозиции и на первом месте, а христовъ и вожи — в постпозиции. Отчасти наличие этих слов предопределяет структуру группы, см., например, прѣгао агньца бѣа. Прилагательное грѣховныи, самое употребительное в молитвах, здесь, как и в однокомпонентных группах, фиксируется в разных позициях.

Словосочетания с препозицией обоих атрибутов, что соответствует схеме AAN и общей тенденции постановки атрибута-прилагательного, встречаются чаще (15 примеров): оукрѣпї мѧ ⟨...⟩ на невидимыѧ и видимыѧ врагы 281 об.—282; мѣтвами и моленикѣмъ ⟨...⟩ стѣхъ небыхъ силъ 292 об.; избави мѧ ⟨...⟩ тѣмъ кромѣшнѧ. и неоусыпающї гадовитыхъ черви. и неоугасимаго пламени 298 (ср. огна негасимаго и нѣоусыпающа гадовита черви ЕС IV 248); дѣвныѧ и телесныѧ азъвъ ицѣлениа прошю 319; впадохъ въ плотскыѧ грѣховныѧ похоти 340. Уместно напомнить, что в препозиции атрибуты-прилагательные, в том числе с суффиксом *-ьск-*, в многокомпонентных контактных именных группах находятся в славословиях: англюк великоу дудивленик. прѣцкага въсокага проповѣдъ. аплакага преславнага похвала. аплакоу израднок оукрашеник 317.

Иная структура словосочетания, когда атрибуты распределяются по препозиции и постпозиции, используется очень ограниченно: останисѧ несъггыхъ помыслъ горкы 328 об.; кыѧ стрѣпы дѣша мокѧ студными вретници грѣховными 305; въвергохѧ въ смраднѣю тинѣ грѣховнѣю 286; прѣтаго агныца бѣга вземающаго грѣхы всего мира 306–306 об.; чтнны прѣтче... присны друже хъвъ 307 об.

Особо надо отметить обращение мѣти бѣга прѣтага оумоли хѧ 322 с постпозицией обоих атрибутов. Если для первого прилагательного такое место является обычным, то для слова прѣчнстын оно стало исключением, скорее всего, обусловленным синтаксической ролью этого словосочетания.

Три прилагательных имеется в одной контактной именной группе: да слышю и разумѣю бѣга словеса бѣлага дѣшполѣзнага 295 об. (то же *Вол* 57). Порядок вожне слово есть в «Слове о расслабленном», где речь идет о повелении Христа расслабленному встать, взять свой одр и идти: нынѣ же въставшю бѣкѣмъ словомъ. Два постпозитивных прилагательных составляют смысловое единство, перед которым при чтении молитвы могла быть пауза.

VIII.

Основное исследование расположения прилагательных и местоимений в именных группах может быть дополнено наблюдениями над позициями разных атрибутов при одном существительном, представленном достаточным количеством словоупотреблений. В молитвах таким является, например, существительное и мѧ, относящееся к Христу и Богородице.

В однокомпонентных контактных именных группах при этом слове в постпозиции находится местоимение твое: въсхваляю и мѧ твоѧ въ вѣкы 303; на одрѣ постела мокѧ поминаю и мѧ твоѧ 324 об. (*Вол* 88 ...поминаю прѣстоѧ и мѧ твоѧ).

В многокомпонентных группах добавлены одно или два прилагательных, расположенных в препозиции: възлагаю надежю славаща прѣток и мѧ твоѧ 310; прославляю прѣток и мѧ твоѧ 335 об.; держю призывати

прѣтокъ и мѧ твоѧ 311 об.; сѡсловлю прѣтокъ и мѧ твоѧ 319; призываю чюднокъ и стѣокъ и мѧ твоѧ 310. См. V.2.2.

Постпозиция прилагательного связана с началом молитвы в первом примере и ее концом во втором, т. е. с коммуникативной установкой. На первом месте оказывается объект прославления, обозначенный существительным: Блгвлю тѧ ги бѣ мои... и Ѡ срѣца нечѣга прославляю и мѧ твоѧ стѣокъ 291; яко блгно и прослависѧ и мѧ твоѧ прѣтнокъ и великолѣпнокъ 325 (Вол 88 об. ...прослависѧ в нѣ и мѧ твоѧ стѣоѧ).

IX.

Молитвы Кирилла Туровского являются богослужебными текстами и авторскими литературными произведениями. По сравнению со Словами древнерусского писателя в молитвах как богослужебных текстах часто употребляются притяжательные местоимения **мои**, **твои**, **свои**. В целом для них характерна постпозиция, хотя **твои** употребляется в препозиции и постпозиции, **свои** — в основном в препозиции, а у местоимения **мои** доминирует постпозиция, существенно влияющая на общую картину.

В молитвословии Кирилла Туровского и в его риторических произведениях атрибуты-прилагательные преимущественно находятся в препозиции. В молитвах как литературных произведениях авторскими являются большие славословия. В них в роли атрибутов выступают полные прилагательные, расположенные в препозиции. Краткие прилагательные, в основном постпозитивные, отмечаются в прошениях и исповеданиях. Таким образом, выбор краткой или полной формы прилагательного и расположение атрибута в некоторой степени связаны со структурной частью молитвы, в которой находятся именные группы. На позицию атрибутов-прилагательных влияет их местонахождение в ряду, состоящем из нескольких (иногда многих) однотипных конструкций. К такому приему построения отдельных фрагментов текста Кирилл Туровский прибегает и в других произведениях, но именно в молитвах обнаруживается связь между этим приемом и местом атрибута: притяжательные прилагательные в именных группах, составляющих подобный ряд, находятся в препозиции, в других случаях — в постпозиции. Важна лексическая принадлежность самого атрибута (препозиция прилагательных **святѣи**, **пресвятѣи**, **пречистѣи**, **многѣи** и постпозиция **вожинѣ**, **христовѣ**) и существительного. В молитвах используются устойчивые формульные выражения с определенным порядком слов и словосочетания с препозицией или постпозицией атрибута, восходящие к другим текстам (**звѣзда незаходимага**, **животнага вода**, **свѣтѣ неприкосновеннѣи** и др.), в том числе к Евангелию (**хлѣбъ животнѣи**, **блуднѣи сынъ**, **снѣ члвчкѣи** и др.). В молитвах, как и в Словах Кирилла Туровского, прослеживается тенденция, с одной стороны, к одинаковому порядку слов в соседних именных группах, с другой стороны, к их асимметричному построению.

Словари

- СДЯ 1989 — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 2. М., 1989.
 СДЯ 1990 — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 3. М., 1990.
 Срезневский III — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1903.

Источники

- Вол-405 — ОР РГБ, собр. Иосифо-Волоцкого монастыря (ф. 113), Молитвенник, № 405, середина XVI в.
 Ег-409 — ОР РГБ, собр. Егорова (ф. 98), № 409, Канонник и молитвы Кирилла Туровского, конец XVI в.
 Изб. — Изборник 1076 г. / Изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965.
 КДРС — Картотека словаря древнерусского языка.
 ККО — О. А. Крашенинникова. Древнеславянский Октоих св. Климента, архиепископа Охридского. М., 2006.
 Син-319 — ОР ГИМ, собр. Синодальное, № 319, Триодь постная, XII в.
 Сол-802/912 — ОР РНБ, собр. Соловецкое, № 802/912, Сборник, XV–XVI вв.
 Тих-705 — ОР РГБ, собр. Тихонравова (ф. 299), № 705, Сборник житий, третья четверть XV в.
 Тр-3 — ОР РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.I), № 3, Псалтирь, XV в.
 Тр-49 — ОР РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.I), № 49, Псалтирь, XVI в.
 Яр — рукопись Ярославского историко-художественного музея-заповедника, № 15481, Часослов, XIII в.

ЕС I — G. Bojkovskiy. Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrers. Bd. I / Ed. R. Aitzetmüller, L. Sadnik, E. Weiher. Freiburg i.Br., 1984 (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. Bd. XX). 1269–1289 гг.

ЕС II–IV — G. Bojkovskiy, R. Aitzetmüller. Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrers. Bd. II–IV / Ed. R. Aitzetmüller, L. Sadnik, E. Weiher. Freiburg i.Br., 1986–1988 (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. Bd. XX (II–IV). 1269–1289 гг.

Литература

Афанасьева 2021 — Т. И. Афанасьева. Об особой службе акафиста Пресвятой Богородице в Ватиканской псалтири Vat.Slav.8 // Кирило-Методиевски студии. Кн. 31. Славянски текстови и традиции: Сборник в чест на Катрин Мери Макробърг. София, 2021. С. 137–160.

Борисова 2020 — Т. С. Борисова. История русского литературного языка по данным лингвотекстологического анализа переводных памятников (на материале

гимнографических текстов триодного цикла). Дис. ... докт. филол. наук. Новосибирск, 2020.

Виноградов 1915 — В. П. Виноградов. Уставные чтения. Вып. III. Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад, 1915.

Ворт 2006 — Д. Ворт. Одушевленность и позиция прилагательного: случай *новгородьскъ*. Опыт микроисследования // Д. Ворт. Очерки по русской филологии. М., 2006. С. 269–285.

Двинятин 1995 — Ф. Н. Двинятин. Лингвопоэтический анализ Торжественных слов св. Кирилла Туровского. СПб., 1995.

Евстифеева 2008 — Р. А. Евстифеева. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях Новгородской первой летописи // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 162–202.

Истрина 1918 — Е. С. Истрина. Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. XXIII. Кн. 1. 1918.

Киселев 2015 — Н. Киселев, протоиерей. Святой Иосиф Песнописец и его творения в славянской письменности. М., 2015.

Коробчинская 1955 — Л. А. Коробчинская. Функции порядка слов в древнерусском языке // Вопросы языкознания. Львов, 1955. С. 73–85.

Лаптева 1959 — О. А. Лаптева. Расположение древнерусского одиночного атрибутивного прилагательного // Славянское языкознание. Сб. статей. М., 1959. С. 98–112.

Лаптева 1963 — О. А. Лаптева. Расположение одиночного качественного прилагательного в составе атрибутивного словосочетания в русских текстах XI–XVII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.

Макеева 2018 — И. И. Макеева. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в риторических произведениях Кирилла Туровского // Русский язык в научном освещении. 2018. № 36 (2). С. 87–104.

Макеева 2019 — И. И. Макеева. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в «Слове о снятии тела Христова с креста» Кирилла Туровского // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика-2 / Отв. ред. В. С. Ефимова. М., 2019. С. 199–216.

Минлос 2008 — Ф. Р. Минлос. Позиция атрибута внутри именной группы в языке Псковской летописи // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 203–216.

Минлос 2014 — Ф. Р. Минлос. Порядок слов: копирование и системность (на материале средневековой славянской письменности) // Языковая вариативность и культурный контекст / Под ред. А. Ф. Журавлева. М., 2014. С. 95–109.

Обнорский 1946 — С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946.

Рогачевская 1999 — Е. Б. Рогачевская. Цикл молитв Кирилла Туровского: Тексты и исследования. М., 1999.

Санников 1968 — В. З. Санников. Согласованное определение // Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. М., 1968. С. 47–95.

Улитова 2016 — А. С. Улитова. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в памятниках русской деловой и книжной письменности XVII в. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

MacRobert 2000 — C. M. M a c R o b e r t. In Search of a Canon: The dissemination in fourteenth century East Slavonic manuscripts of prayers and hymns attributed to Kirill of Turov // Kirill of Turov: Bishop, Preacher, Hymnographer. Bergen, 2000. P. 175–195.

Widnäs 1953 — M. W i d n ä s. La position de l'adjectif épithète en vieux russe. Helsingfors, 1953.

Статья получена 20.09.2023

Irina I. Makeeva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
irinamakeeva2007@mail.ru

WORD ORDER IN ATTRIBUTIVE COLLOCATIONS IN THE CYCLE OF PRAYERS OF KIRILL OF TUROV

The article is a continuation of two previous publications devoted to the study of the arrangement of attributes in the rhetorical works of the 12th century Old Russian writer Kirill of Turov. We examine attributes-adjectives and attributes-pronouns in one-component contact noun groups, in groups with distant attribute position and in groups with several attributes. The positioning of attribute-pronouns depends on their category. The postposition is characteristic of possessive pronouns in general, although the most used ones – *moy*, *tvoy*, *svoy* – have their own peculiarities. Attributive-adjective pronouns in the Kirill of Turov's cycle of prayers are predominantly in preposition. There are peculiarities in the positioning of individual words and some groups of adjectives. The choice of the position of attributes-adjectives partly depends on the structural part of the prayer in which they are located (praise, petition, confession), and on the inclusion of noun groups in a series-chain consisting of several similar constructions.

Keywords: Kirill of Turov, prayers, Old Russian language, attribute, preposition, postposition.

References

- Afanas'eva, T. I. (2021). Ob osoboi sluzhbe akafista Presvatoi Bogoroditse v Vatikanskoj psaltiri Vat.Slav.8 *Kirilo-Methodievski studii*, 31, 137–160.
- Borisova, T. S. (2020). *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka po dannym lingvotekstologicheskogo analiza perevodnykh pamiatnikov (na materiale gimnograficheskikh tekstov triodnogo tsikla)*. (Doctoral dissertation). Siberian Federal University, Novosibirsk.
- Dviniatin, F. N. (1995). *Lingvopoeticheskii analiz Torzhestvennykh slov sv. Kirilla Turovskogo* (Doctoral dissertation). St Petersburg State University, St Petersburg.
- Evstifeeva, R. A. (2008). Poriadok slov v atributivnykh slovosochetaniakh Novgorodskoi pervoi letopisi. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 16(2), 162–202.
- Kiselev, N. archpriest (2015). *Sviatoi Iosif Pesnopisets i ego tvoreniia v slavianskoj pis'mennosti*. Moscow: Probel-2000.

Korobchinskaia, L. A. (1955). Funktsii poriadka slov v drevnerusskom iazyke. In E. V. Krotevich (Ed.), *Voprosy iazykoznanii* (pp. 73–85). Lviv: Izdatel'stvo L'vovskogo universiteta.

Lapteva, O. A. (1959). Raspolozhenie drevnerusskogo odinochnogo atributivnogo prilagatel'nogo. In V. V. Vinogradov (Ed.), *Slavianskoe iazykoznanie* (pp. 98–112). Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR.

Lapteva, O. A. (1963). *Raspolozhenie odinochnogo kachestvennogo prilagatel'nogo v sostave atributivnogo slovosochetaniia v russkikh tekstakh XI–XVII vv.* (Doctoral dissertation summary). Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

MacRobert, S. M. (2000). In Search of a Canon: The dissemination in fourteenth century East Slavonic manuscripts of prayers and hymns attributed to Kirill of Turov. In I. Lunde (Ed.), *Kirill of Turov: Bishop, Preacher, Hymnographer* (pp. 175–195). Bergen: University of Bergen, 2000.

Makeeva, I. I. (2018). Poriadok slov v atributivnykh slovosochetaniakh v ritoricheskikh proizvedeniakh Kirilla Turovskogo. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 36(2), 87–104.

Makeeva, I. I. (2019). Poriadok slov v atributivnykh slovosochetaniakh v «Slove o sniatii tela Khristova s kresta» Kirilla Turovskogo. In V. S. Efimova (Ed.), *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Paleoslavistika-2* (pp. 199–216). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.

Minlos, F. R. (2008). Pozitsiia atributa vnutri imennoi gruppy v iazyke Pskovskoi letpisi. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 16(2), 203–216.

Minlos, F. R. (2014). Poriadok slov: kopirovanie i sistemnost' (na materiale srednevekovoii slavianskoi pis'mennosti). In A. F. Zhuravlev (Ed.), *Iazykovaia variativnost' i kul'turnyi kontekst* (pp. 95–109). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.

Rogachevskaia, E. B. (1999). *Tsikl molitv Kirilla Turovskogo: Teksty i issledovaniia*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.

Sannikov, V. Z. (1968). Soglasovannoe opredelenie. In V. I. Borkovskii (Ed.), *Sravnitel'no-istoricheskii sintaksis vostochnoslavianskikh iazykov* (pp. 47–95). Moscow: Nauka.

Ulitova, A. S. (2016). *Poriadok slov v atributivnykh slovosochetaniakh v pamiatnikakh russkoi delovoi i knizhnoi pis'mennosti XVII v.* (Doctoral dissertation summary). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Widnäs, M. (1953). *La position de l'adjectif épithète en vieux russe*. Helsingfors: [s. n.].

Worth, D. (2006). *Ocherki po russkoi filologii*. Moscow: Indrik.

Received on September 20, 2023

А. П. МАЙОРОВ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
map1955@mail.ru

ДОКУМЕНТНЫЙ ДИСКУРС XVIII В.: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В статье определен корпус текстов деловой письменности XVIII в. рассматривается как дискурс власти, выполняющий функции социального конструирования окружающего мира. Изучение функционирования документного дискурса предусматривает прежде всего анализ процедур контроля за ним. Эти процедуры выступают в роли социального контекста, порождающего социальные значения дискурсивных элементов. В статье из классифицируемых Мишелем Фуко внешних процедур контроля за дискурсом исследуются только процедуры запрета, которые, согласно коммуникативной установке и социокультурной предзаданности, наделяют определенные языковые средства документного дискурса социальными значениями.

Так, дискурсивные ограничения, вводимые посредством табу на объект — одной из распространенных процедур исключения, определяют новое социокультурное содержание терминов социальной власти (в частности, термина *император*). Другая процедура контроля — ритуал обстоятельств — может накладывать ограничения на речевое поведение и связанные с ним невербальные действия. В результате меняется смысл языковых средств, применяемых в формулах деловых текстов. Привилегированное или исключительное право говорящего в дискурсе власти создает условия для дискурсивной компетентности представителей власти, которые всегда адекватно распознают изменившееся смысловое наполнение ключевых языковых средств в актуальном социокультурном контексте.

Анализ формирования социальных значений в рамках контекста как конструируемой категории, вслед за В. Е. Чернявской и С. Т. Нефёдовым, предусматривает разграничение понятий контекста воздействия и контекста восприятия.

Ключевые слова: дискурс власти, процедуры запрета, социальное значение, контекст воздействия, контекст восприятия.

Введение

В традиции лингвистического источниковедения дескриптивное исследование разноуровневых языковых средств, присущих тому или иному жанру деловой письменности изучаемого исторического периода, представляется неизбежным и обязательным этапом. Обычная цель такого ана-

лиза — установление народно-разговорной природы употребляющихся в памятнике деловой письменности языковых единиц. Для этого в первую очередь выявляются стилеобразующие элементы делового языка, его терминология, в противопоставлении с которыми идентифицируются средства разговорной речи — основной социальной формы русского языка, участвовавшей в становлении и дальнейшей истории развития делового языка. Особенность традиционной исследовательской работы с письменными памятниками тонко подметил М. М. Бахтин: «Филолог-лингвист вырывает его (текст письменного памятника. — *А. М.*) из этой реальной сферы (идеологической сферы соответствующей эпохи. — *А. М.*), воспринимает так, как если бы он был самодовлеющим, изолированным целым, и противопоставляет ему не активное идеологическое понимание, а совершенно пассивное понимание, в котором не дремлет ответ, как во всяком истинном понимании...» [Волошинов (Бахтин) 1993: 79].

Сегодня методология дискурсивной лингвистики, ориентированная на анализ смыслопорождения прагматически и коммуникативно, в определенной мере снимает проблему «пассивного понимания», благодаря которому текст мыслился как автономный объект лингвистического исследования, без учета его интертекстуальных и внеязыковых связей, раскрывающих функционально-коммуникативную сущность текста, социокультурную предзаданность его интерпретации. Особенно актуально применение теории дискурса к анализу языка деловых текстов исторического прошлого, которые в своей совокупности представляют документный дискурс — по своей главной функции являющийся дискурсом власти.

В истории российского государства восемнадцатое столетие знаменует собой эпоху формирования абсолютной монархии «с ясно выраженными чертами тоталитаризма» [Фадеева 2013: 184]. Петром I по европейским образцам был создан новый бюрократический аппарат, предназначенный служить инструментом этой власти, и механизм деятельности петровской бюрократии воплотился тогда в коллежском (а точнее, коллегиальном) делопроизводстве, которое было сосредоточено на систематичном, специализированном и унифицированном создании корпуса деловых текстов — дискурсе власти. Методологически эффективным представляется исследование этого феномена прежде всего в рамках кратологической концепции Мишеля Фуко. Социальная власть и дискурс, по мнению М. Фуко, — понятия нерасторжимые, одно определяется через другое. В подходе М. Фуко принципиально важным оказывается понимание дискурса шире, чем его лингвистическая трактовка: *дискурс* — это не только совокупность речевых практик данного общества в данном историческом контексте, но и социальный способ расчленения мира, которое мы навязываем вещам.

Углубление социальной стратификации при абсолютизме, создание иерархической системы государственных учреждений, действующих строго по инструкциям, составленным в «Генеральном регламенте» 1720 г. и в других новых сводах правил, приводят к более жесткому контролю за про-

изводством дискурса, предопределяя лингвистические особенности его порождения.

Согласно концепции М. Фуко, селекция, организация, перераспределение дискурса и контроль над ним в любом обществе осуществляются с помощью трех групп процедур, которые, в частности, позволяют избежать хаотичности, непредсказуемости дискурса власти. В актуальном для данной статьи социолингвистическом аспекте процедуры контроля за дискурсом далее рассматриваются как социальный контекст, порождающий социальные значения дискурсивных элементов. В связи с этим еще одной методологической опорой исследования служит концепция, которая была разработана В. Е. Чернявской и в рамках которой подход к тексту и дискурсу опирается на понятие контекстуализации, дающей ключ к пониманию результатов взаимодействия в социальных ситуациях¹, и на понятие социального значения [Чернявская 2021]. При этом контекст определяется как конструируемая категория, а это означает «разграничение в операциональном анализе, с одной стороны, контекста порождения высказывания, с другой — контекста восприятия высказывания реципиентом» [Нефёдов, Чернявская 2020: 90].

М. Фуко подразделяет процедуры контроля над дискурсом на процедуры исключения, внутренние процедуры и процедуры прореживания говорящих субъектов. В свою очередь, процедуры исключения, по М. Фуко, подразделяются на три разновидности: процедуры запрета, процедуры разделения и отбрасывания и процедуры различения истинного и ложного [Фуко 1996: 48—64].

В статье для анализа социального контекста и контекстуализации, порождающей особые социальные смыслы, выбрана только группа процедур запрета. Цель работы состоит в том, чтобы, опираясь на понятие фукольдиданских процедур контроля, выполняющих в отношении российского документного дискурса XVIII в. роль социального контекста, проследить формирование разновидностей социальных значений и средств их выражения. Особо хотелось бы подчеркнуть проводимое в данной статье отличие в характеристике языковых средств делового письма, которые обычно историки делового языка, в том числе и автор этих строк в предыдущих исследованиях, рассматривают как сугубо стилистические, стилеобразующие. Такая характеристика отмечает только специфическую сферу функционирования, но не раскрывает сути семантических трансформаций, испытываемых языковыми единицами, когда они употребляются в качестве дискурсивных элементов.

¹ Из ряда понятий, вводимых В. Е. Чернявской, рабочими в данном исследовании будут два. *Контекстуализация* — «речемыслительный процесс выдвижения говорящим и процесс понимания адресатом внешних неязыковых факторов как существенных смысловых опор, задающих рамки для интерпретации и понимания высказываний / текстов» [Чернявская 2021: 13]. *Социальное значение* — «смысловое приращение к значению единицы в контексте ее исследования» [Там же: 15].

Камералистская бюрократическая схема петровской России требовала четкой регламентации обязанностей чиновников, подразумевающей глубокую специализацию канцелярского труда. В связи с этим, «ради порядочнаго управления государственных своих дел», в 1720 г. был принят «Генеральный регламент», в котором утверждались функции коллегий, режим их работы, обязанности каждого чиновника, правила делопроизводства и порядок документооборота, процедура приема просителей, организация и обустройство «присутственных мест», виды нарушений коллежских служителей и наказание за них и пр. [Ген. регламент 1720].

Институциональный дискурс «Генерального регламента», других центральных и региональных распорядительных документов — это свод правил и предписаний, оборотной стороной которых является *запрет*. Как процедура исключения, он подразделяется на три типа: 1) табу на объект, 2) ритуал обстоятельств, 3) привилегированное или исключительное право говорящего субъекта [Фуко 1996: 51—52].

Рассмотрим в порядке перечисления эти типы процедур как социальные контексты, наделяющие, согласно коммуникативной установке и социокультурной предзаданности, определенные языковые средства документного дискурса социальными значениями.

Табу на объект

Образцовым примером наложения табу на объект является дискурс о запрете искажения титула его (ея) императорского величества, который среди множества регламентаций государственной машины XVIII в. был всеобъемлющим. В свете неуклонного следования идее о неограниченной монархии правовому оформлению титула главы государства придавалось огромное значение. В разные периоды восемнадцатого столетия издавались специальные указы, регулирующие вербальное оформление титула монарха. Так, например, в указе 1725 г. подробно дифференцируются разновидности сокращенного титула для внутреннего пользования:

1. Въ грамотахъ внутрь Государства: *Божією милостію, Мы Екатерина, Императрица и Самодержица Всероссийская.*

2. Въ указахъ изъ Сената въ Коллегіи и Губерніи и изъ Коллегіи и Губерніи: *указъ Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссийской, изъ Сената (изъ Коллегіи).*

3. Въ челобитныхъ и въ отпискахъ: *Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна и Самодержица Всероссийская.*

Во окончани: *Всемилостивѣйшая Великая Государыня, прошу Вашего Императорскаго Величества.*

4. Въ приговорахъ: *по указу Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы.*

5. Въ пашпортахъ: по указу Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, Самодержицы Всероссийской и проч. и проч. и проч. (ПСЗ, т. 7, № 4647, 1725).

Что представляют собой предписания по использованию в разных жанрах документов вариантов титула монарха, общим для которых является указание на императорский статус? Здесь необходимо обратиться к широкому социальному контексту, в котором можно найти разъяснение изменившейся природы русской монархии, и контекстуализации, определившей формирование новых социальных значений у тех или иных языковых средств. 22 октября 1721 г. в Троицком соборе (г. Петербург) состоялся акт поднесения титула «император» царю Петру I. Эта дата — символ превращения Московской Руси в Российскую империю. Данное событие повлекло за собой изменение титулатуры русского монарха: формула *великий государь, царь всея Великия и Малыя и Белья России самодержец* заменялась на *Мы, Петр Первый, император и самодержец Всероссийский*, титул *государыня царица и великая княгиня* — на *ее величество императрица* и т. д. Смысл присвоения нового титула сводился к тому, что изменение титулатуры царя должно было определить место российского монарха в иерархии правителей Европы, ревниво следивших за первенством королей в своеобразном международном местничестве. Для внутренней политики акт поднесения императорского титула свидетельствовал о заложении Петром фундаментальных начал нового политического и гражданского порядка, приобщавших русское общество к европейской цивилизации. Как прокомментировал это событие в речи на процедуре присвоения нового титула канцлер Г. И. Головкин, «токмо едиными Вашими неусыпными трудами и руководениемъ мы, Ваши вѣрные подданные, из тьмы невѣденія на оеатръ славы всего свѣта, и тако рещи, из небытія въ бытіе произведены, и во общество политическихъ народовъ присовокуплены...» (ПСЗ, т. 6, № 3840, 1721).

Таким образом, указ 1725 г. вслед за актом присвоения титула *император* Петру продолжает создавать новую социальную реальность и данная контекстуализация придает слову *император* социальное значение ‘титул монарха в Российской империи как новой форме государственного устройства страны’.

Термин *император* обогащается еще одним социальным оттенком, который привносит контекст, стоящий за составным наименованием *император и самодержец*. В связи с этим необходим контекстологический и дискурсивный анализ второго компонента в титулатуре. От Василия II Темного, правившего по ханскому ярлыку, идет традиция награждения московского великого князя титулом *самодержец*, первоначально не отражавшим политической реальности [Рабинович 2012: 699—700]². Содержа-

² Предыстория слова *самодержец*, калькированного с греч. αὐτοκράτωρ и функционировавшего в разных социокультурных контекстах с XI по XIX в., подробно изложена в [Рабинович 2012].

тельная невыразительность этого компонента объясняет, почему титулование монарха в документах 1-й пол. XVII в. варьируется именно в отношении компонента *самодержец* (то с ним, то без него), несмотря на достаточно строгие правила использования различных формул в деловом письме. Единственная наблюдаемая закономерность: если формула титула была с термином *самодержец*, то перед ним включалось перечисление трех основных территорий — *Царю государю и великому князю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу*. Если же без термина *самодержец*, то приводилось только общее название страны: *Царю государю и великому князю всеа Руси*.

В социальном контексте петровской эпохи семантическое наполнение термина в целом не меняется, однако трудно согласиться с мнением Е. Г. Рабинович о том, что рядом с термином *император* слово *самодержец* по смыслу явно было лишним [Там же: 708]. В отличие от предыдущих формул титулования, контактное расположение *император* и *самодержец* передавало соединение однородных, рядоположенных сущностей, обретая таким образом черты известных в истории русского языка парных именованных, которые использовались для выражения синкретичного значения двух однородных предметов или явлений, употребляемых совместно (*гради и страны* ‘вся территория’; *мужь и жена* ‘супруги’; *заступникъ и кормитель* ‘покровитель’; *чьсть и слава* ‘понятие рыцарского кодекса’ и др.).

О каких рядоположенных сущностях в исследуемом словосочетании можно говорить? В относительно полной титулатуре после 1721 г. обращает на себя внимание начальный компонент: *Божі(е)ю милостию Мы Петръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій и проч., и проч., и проч.* (ПСЗ, т. 4, № 4541, 1724). Как и ранее, в формулах титула монарха XVII в., оборот *божиею милостию* подчеркивает священность монархической власти, ниспосланной Богом, — в данном случае императорской власти. Определение *всероссийский* у синонима *самодержец* акцентирует внимание на территории распространения земной власти монарха. Скорее всего, синкретичное значение парного именованного *император* и *самодержец* формируется сопоставлением семантического компонента слова *император* ‘монарх, наделенный божественным правом правления’ и семантического компонента слова *самодержец* ‘властитель определенных территорий’.

Похожий смысл, интерпретацией которого занимались древнерусские книжники, усматривается за византийским выражением βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ. Оно употребляется в «Историях» Л. Халкокондилеса (сер. XV в.) и в «Мемуарах» Д. Сфранцеса (Георгиоса Францеса) — византийской хронике 1470—1477 гг., столетием позже переработанной Макарием Мелисено и выданной им за документ XV в. под названием «Хроники». Симптоматично, что в составе этого словосочетания понятие божественного права монарха соотносится с одним термином, а понятие земной власти над представителями конкретного этнического сообщества — с другим:

...Ανδρόνικος ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων «...Андроник во Христе, **верный Богу царь** и **самодержец римлян**» [George Sphrantzes (1401—1478) Chronicon Macario Melissenou].

Слово *басилевс* (*василевс*) как греческое заимствование известно в древнерусском языке только в форме собственного имени *Василий*. Однако в древнерусских текстах был распространен перевод греческого βασιλεύς посредством форм *цѣсарь/цѣсарь/цѣрь/цѣрь*. В частности, в Изборнике 1076 г. отмечаются следующие примеры такого перевода:

Изборник 1076 г.	Греческий оригинал
Не оправдан себе прѣдъ [бѣ]мь. и паче цѣсра не прѣ[м]удран са (л. 141 об., 336)	μη δικαιῶ ἐναντι κυρίου, καὶ παρὰ βασιλεῖ μη σοφίζου (776)
О велик чждо : трапеза цѣра нѣсьнааго пригтовлена (л. 260 об., 670)	βαβαί, τῆς βασιλικῆς τραπέζης ἐξηρτυμένης (Изб. 1076, 815)
Видѣ въ сѣнѣ прѣславна цѣра глѣшта. прѣдадите и фоцѣ воинноу да и осѣднѣ (л. 129, 515)	εἶδε τινα κατ' ὄναρ ὑπερένδοξον βασιλέα, κελεύοντα παραδοθῆναι αὐτὸν Φοκᾶ τῷ στρατιώτῃ, ὅπερ καὶ γέγονε (741)

Таким образом, смыслы, вкладываемые в титул византийских императоров βασιλεύς, славянскими книжниками передавались через другое заимствование, закрепившееся в истории русского языка в форме *царь*. При всей богатой исторической динамике содержания термина неизменным в его семантике оставался признак 'наместник бога на земле', который и был усвоен русским аналогом — словом *царь*, а позже унаследован термином *император*. Слово же αὐτοκράτωρ переводилось посредством калькирования и в древнерусском языке стало обозначать полновластного государя; диктатора; самостоятельного, свободного или своевольного человека [СлРЯ XI—XVII 23: 37]. Иначе говоря, в контексте воздействия составное наименование *император* и *самодержец* наследовало передаваемый оборотом *царь* и *самодержец* синкретизм противопоставленных смыслов властелина, наделенного божественным правом, и полновластного правителя на определенной территории и в то же время вводило новое понятие «император». В контексте восприятия россияне должны были прийти к осознанию того, что они, бывшие холопами в вотчинном Московском государстве, становятся подданными Российской империи, состоящими на службе у Отечества и в его лице — у императора, но не у государя-господина [Каменский 2007: 18—20].

В других вариантах титулатуры социальную обусловленность функционирования обнаруживают прилагательные *всепресвѣтлѣйший*, *державнѣйший*, *всемилостивѣйший*. Традиция использования подобных эпитетов прослеживается в этикетном обращении к дворянам разного звания и ранга по титулу во многих европейских странах: *светлейший* и *могущественный государь* (к герцогу), *благородный* и *могущественный господин* (к виконту), *высокородный* и *могущественный владетель* (к барону, викон-

ту, графу, герцогу) и т. п. Как следует из указа 1725 г., происходит официальное закрепление за титулом императора (императрицы) эпитетов *всепресвѣтлѣйшій (ая)*, *державнѣйшій (ая)*, *всемилостивѣйшій (ая)*, используемых в жанрах просительной и отчетно-исполнительной документации. Строгая социально-юридическая маркированность прилагательных подтверждается тем, что указанные эпитеты за пределами сочетания с наименованиями в титуле монарха в XVIII в. не встречаются и приобретают определенный фразеологически связанный характер употребления (только *всепресветлейшій(ая) самодержеѣц/самодержица* [СлРЯ XVIII 4: 148], только *державнейшій(ая) великий(ая) государь/государыня* [Там же, 6: 103], *всемилостивейшій(ая) великий(ая) государь/государыня* — в [СлРЯ XVIII] не представлено).

В контексте восприятия боязнь нарушить это предписание проявляется, например, в неуклонном соблюдении орфографической нормы написания прилагательных на протяжении всего столетия. Так, в забайкальских челобитных в течение XVIII в. неизменным остается правописание буквы «ять» в эпитетах *всепресвѣтлѣйшій(ая)*, *державнѣйшій(ая)*, *всемилостивѣйшій(ая)* при отсутствии ее написания в этимологических корнях слов в основном тексте челобитных, особенно второй половины столетия, когда в данном региональном письме буква «ять» практически выпадает из обихода. Кроме того, запись части титула *Ея (Его) Императорскаго Величества* всегда маркируется более крупным размером букв и их четкой прописью.

Итак, малейшие отклонения от образца написания титула монарха отождествлялись с нарушениями табу на канонический образ Государя и вызывали к жизни распоряжения о разных видах наказания за «прописки в титуле» (ПСЗ, т. XI, № 8005, 1740; № 8544, 1742). Запрет дискурса власти строился на поддержке в подданных ощущения сакральности, богоизбранности власти императора, выступая той смысловой опорой, которая предопределяла применение и адекватное восприятие комплекса языковых средств — *император и самодержеѣц, всепресвѣтлѣйшій(ая), державнѣйшій(ая), всемилостивѣйшій(ая)*, выполнявших функции заданного смыслопорождения.

Ритуал обстоятельств

Ритуал обстоятельств, по М. Фуко, — иной тип процедуры контроля за дискурсом. В XVIII в. он реализуется в виде социального контекста, диктующего правила обращения дискурса в закрытом дискурсивном пространстве российского канцелярского сообщества. Рассмотрим данный вид запрета и контекстуализацию, вовлекающую в социальное переосмысление семантику определенных дискурсивных элементов, на следующем примере. Еще с конца XVII и на протяжении всего XVIII в. шла упорная борьба государства с нарушением правил процедуры подачи челобитных.

В 1699 г. был издан указ «О неподаче просьб Государю, мимо приказовъ, кроме Государственныхъ и неправовъренныхъ дѣлъ» (ПСЗ, т. III, № 1707, 1699); в 1718 г. — указ «О неподаче Государю прошений о такихъ дѣлахъ, которыя принадлежатъ до разсмотрѣнія на то учрежденныхъ Правительственныхъ мѣсть...» (ПСЗ, т. V, № 3261, 1718); в 1721 г. — указ «О неподаче Царскому Величеству, мимо Сената и Коллегій челобитень (ПСЗ, т. VI, № 3838, 1721); в 1738 г. — указ «О публикованіи во всенародное известіе, чтобъ мимо надлежащихъ Судебныхъ мѣсть на Высочайшее имя просьбъ не подавали» (ПСЗ, т. X, № 7599, 1738). В дальнейшемъ подобные указы публиковались в 1742, 1749, 1759, 1762, 1775, 1799 гг. (ПСЗ, т. XI, № 8558, 1742; т. XIII, № 9612, 1749; т. XV, № 10980, 1759; т. XVI, № 11606, 1762; т. XX, № 14288, 1775; т. XXV, № 18957, 1799).

В отличие от другихъ просительныхъ документовъ XVIII в., особенность процедуры подачи челобитныхъ заключалась в томъ, что адресатомъ просьбы в нихъ всегда выступалъ самъ монархъ. В формуле обращения челобитныхъ изучаемого периода вместо традиционной для документовъ этого жанра в XVII в. формы дательного падежа адресата (*царю гсѣрю и великому кнзю...*) стала использоваться форма именительного падежа титула государя с вокативнымъ значениемъ (*Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій Великій Государь, Императоръ...*). Однако каждый разъ эта формула, как и другие в формуляре документовъ разныхъ жанровъ, в томъ числе и челобитныхъ, утверждалась отдельными указами о титульномъ именованіи монарха, вновь вошедшего на престолъ. В качестве примера приведемъ формулы обращения, формулы просьбы и формулы конечного протокола челобитныхъ во времена правленія Петра II и Екатерины II³:

При Петре II:

(формула обращения) *Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій Великій Государь, Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій, Государь Всемиловѣйшій;*

(формула просьбы) *Всемиловѣйшій Государь, прошу Вашего Императорскаго Величества;*

(формула конечного протокола) *Вашего Императорскаго Величества нижайшій рабъ* (ПСЗ, т. VII, № 5071, 1727).

При Екатерине II:

(формула обращения) *Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня, Императрица Екатерина Алексеевна, Самодержица Всероссийская, Государыня Всемиловѣйшая;*

(формула просьбы) *И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было;*

(формула конечного протокола) *Всемиловѣйшая Государыня! прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ челобитиѣ рѣшеніе учинить* (ПСЗ, т. XVI, № 11590, 1762).

³ См. также на с. 236–237 формы титула Екатерины I.

Ритуал подачи челобитных неожиданно стал проблемным для государства из-за введения нового формуляра просительного документа, содержащего модель формы обращения, которая используется в обычном коммуникативном режиме, т. е. непосредственном диалоге участников речевой коммуникации. Сложилось противоречие между условием искренности речевого акта челобитья и прагматическими факторами реализации его просьбы. Условие искренности связывает высказывания в формулах обращения и просьбы с намерениями челобитчика, а через них с интенциональными состояниями желаний и нужд говорящего (пишущего) в их удовлетворении. С одной стороны, челобитчик искренне уверен, что, обращаясь непосредственно к главе государства, обязан лично вручить свое послание, чтобы добиться соответствующего перлокутивного эффекта. Употребление вокативных форм, перформатива *прошу* моделирует образ канонической коммуникативной ситуации, и это влечет за собой многочисленные попытки подать челобитные в руки монарха, попытки, вызывающие реакцию государства в виде не менее многочисленных указов о запрете таких действий. С другой стороны, в бюрократической схеме действовали жесткие правила приема челобитных, содержащие запреты подавать челобитные во время богослужения, в праздничные дни, во время куртагов, вне присутственных мест, т. е. исключавшие подачу челобитных непосредственно главе государства. Возможно, именно этот фактор повлиял на появление и распространение в XVIII в. других жанров просительных документов — объявлений, доношений, прошений, просьб.

Иными словами, указы о форме подачи челобитных породили борьбу государства с непослушными подданными, которые пытались вручить челобитные государю императору непосредственно. В описанном экстралингвистическом контексте у некоторых компонентов формул формируются особые социальные значения. Так, именно этот вид значения выходит на первый план в семантике глагольной формы *прошу*. В повседневном узусе, когда кто-л. просит кого-л., проситель считает, что адресат может сделать то, о чем его просят, и не считает, что адресат должен это делать [НОСС 2004: 882]. Контекстуализация в условиях официальной подачи челобитной придает социальный смысл употреблению формы *прошу*: проситель знает, что адресат в силу своего социального статуса может выполнить его просьбу, и знает, что адресат в силу своего социального статуса и социальной роли обязан предпринять меры по выполнению просьбы. Главным внеязыковым условием реализации просьбы является фактор жанра челобитной как официального документа.

Другой пример обретения социального значения вследствие контекстуализации в рамках акта челобитья — упомянутое употребление формы им. п. в вокативном значении. Строго говоря, различаются два типа синтаксического статуса этой формы: во-первых, она выступает как обращение в составе предложения в формуле просьбы (*Всемилоствѣйший Государь, прошу Вашего Императорскаго Величества*) и, во-вторых, — как во-

кативное предложение в формуле обращения: *Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій Великій Государь, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемилостивѣйшій*.

И в том и в другом случае особую роль играют эпитеты. С. С. Волков [1974: 128—129], исследуя лексику русских челобитных XVII в., из четырех групп этикетных определений выделял ту, которую составляют постоянные эпитеты *благочестивый, благородный, милосердный, милостивый* и др. к названиям светских или духовных феодалов разных категорий. Традиция их употребления восходит к жанрам конфессиональной книжности, поучительной и житийной литературы XI—XII вв., но в функции этикетных элементов и средств эмоционально-экспрессивного воздействия на адресата они стали известны только в челобитных начиная со второй половины XVI в. [Там же: 129].

В челобитных XVIII в. в качестве этикетной характеристики императора используются такие прилагательные, которые до этого времени ни в книжном (церковнославянском), ни в некнижном (деловом, разговорном) узусах замечены не были. Скорее всего, в связи с характеристикой высшего лица в социальной иерархии Российской империи XVIII в. лексическая сочетаемость этих прилагательных должна была стать уникальной, исключительной, что и было реализовано (о фразеологической связанности употребления прилагательных-эпитетов см. выше). Следует добавить, что одна из функций вокативного предложения — выражение эмоционально-экспрессивного отношения к адресату, и передаваемые в устной речи интонацией торжественность и высшая степень преклонения перед монархом в формуле обращения челобитных выражались прилагательными, морфемная структура которых была нагружена суффиксом превосходной степени *-ѣйш-* и местоимением *весь* в значении ‘целиком, полностью’.

Таким образом, ритуализация акта челобитья отображает контекстуализацию, в рамках которой обязаны соблюдаться определенные правила с целью упорядочения деловой коммуникации между верховной властью и подданными, а участники коммуникации должны осознавать смысл определенного аспекта ситуации — неканонический характер такого общения. Описанная коммуникативная неудача свидетельствует о сложившемся конфликте между действием правил закрытого дискурсивного пространства российского канцелярского сообщества — контекстом воздействия и выбором со стороны адресата невербального поведения (попыток вручения челобитных монарху непосредственно) в соответствии с фреймом, в котором компоненты титулатуры *всемилостивѣйшій, император, государь, прошу* являются средствами канонического речевого общения, — контекстом восприятия.

Привилегированное или исключительное право говорящего субъекта

Третий вид процедуры контроля за дискурсом у М. Фуко — привилегированное или исключительное право говорящего субъекта — по определе-

нию предполагает применение в документном дискурсе лексем социальной семантики. Действительно, коммуникативная установка большинства распорядительных жанров деловой письменности обуславливает употребление слов вроде *велеть, предъписано, определено, приказь*. Однако, помимо типичных случаев выражения асимметричных ролевых отношений, выявляются другие, порожденные социальной контекстуализацией.

Привилегированное или исключительное право говорящего субъекта раскрывается не только с помощью социально ориентированных слов, но и благодаря комплексу разнообразных языковых средств, у которых социальная маркированность семантики опознается посредством применяемого в статье вида дискурсивного анализа. К этим средствам относятся:

(1) знаменательные слова с общим значением ‘осуществляемый без задержек, быстро’ — наречия и прилагательные с приставкой *не-* и *без-* (*незабытно, неоплошно, немедленно, безволочитно, непродолжительный, неудержный* и др.); существительные в составе предложно-падежных конструкций *без +* род. п. (*без мотчания, без проронки, без (всякого) отлагательства*); наречия и прилагательные в сравнительной степени с приставкой *наи-* либо с составной частью сложного слова *само-* и суффиксом *-айш-* (*наискоряе / наискоряя, самоскорейший*);

(2) лексемы с общим значением ‘строго, неукоснительно’ — те же категории наречий и прилагательных, что и в первой группе: *крепкий, накрепко, накрепчайше, наистрожайше, безотрицательно, неотменно, неукоснительно, неупустительно*; существительные в составе тех же предложно-падежных конструкций *без +* род. п. (*без упущения, без (всякой) отговорки/отговорок*).

Как известно, ярким признаком социальных компонентов в семантике языковых единиц служит указание на ролевое отношение $P_x > P_y$ либо $P_x < P_y$ [Крысин 2004: 439—458]. Для языковых средств (1) характерно их дискурсивное употребление агенсом, чья социальная роль $P_x > P_y$ сопряжена с его социальным статусом, т. е. тем, кто по должности обладает силой власти, наделен правом говорить и вправе лишать этой возможности других. Например, высказывания, содержащиеся в дискурсе власти образования с приставкой *не-* или *без-*, в пресуппозиции содержат императивное отрицание действий адресата, мешающих срочному исполнению распоряжения. Семантическую модель рассматриваемых слов можно представить в виде ‘не имея права (не имеющий права) Y ; не допуская (не допускающий) того, что нельзя Y ’. Эта модель реализуется в коммуникативной ситуации, в которой обладающий властным статусом коммуникант контролирует и ограничивает коммуникативный вклад нижестоящего участника. Чтобы убедиться в значимости фактора дискурса власти в формировании социального компонента в семантике слова в отличие от функционирования этого же слова в дискурсе другого рода, сравним следующие контексты:

- (а) *описав в шерсти j примѣты (лошадей. — А. М.) и прислать оных в Чико’скую Стрелку для отдачи | до Ѵказу в гсдрев табунь немедленно с нарочными посыльцики (ПЗДП, 11, 1730);*

- (б) Я **немедленно** вставши отдал им по низкому поклону (Иван гост. сын I 46) [СлРЯ XVIII 14: 218].

В примере (а) употребление наречия *немедленно*, придавая значению слова ‘быстро, срочно’ модальный оттенок императивности, отвечает коммуникативному намерению Генерального пограничного правления, издавшего указ капитану Тренсу о срочной высылке конфискованных лошадей в Чикойскую Стрелку для передачи их в государев табун. В примере (б) наречие *немедленно* употребляется в повести Н. Новикова «Похождение Ивана гостиного сына», художественная нарративность которой не предполагает модальности категоричного побуждения к действию в речи персонажа.

В контексте воздействия привилегированное или исключительное право говорящего субъекта представляет собой конструируемую категорию, и в ее конструировании какие-то социальные факторы становятся приоритетными, задавая формирование и понимание соответствующих смыслов, в частности у языковых средств тематических групп (1) и (2). Так, в любом распорядительном документе того времени встретим слова, подчеркивающие запрет произвольного или умышленного затягивания сроков рассмотрения и исполнения дела. В данном случае жанр распорядительной документации — это тот формат, который способен «программировать определенное направление внимания адресата» [Нефёдов, Чернявская 2020: 92].

В связи с реакцией на предписание срочности и неукоснительности в решении какого-либо дела слова обеих групп употребляются в большинстве отчетно-исполнительных документов, текстов судебно-следственных дел, просительной документации и других жанров деловой письменности XVIII в.

Вопрос точных и быстрых сроков решения дела — болезненная тема для судебно-административного аппарата и шире — российской государственности на протяжении многих веков до Нового времени. Понятие затянутых бюрократических процедур, известное под названием *волоки́та*, входит в правовой обиход Московского государства с конца XV в., когда, собственно, появляется и сам термин *волоки́та* (первое упоминание в Судебнике 1497 г. [Аникин 2014: 161; СлРЯ XI—XVII 3: 6]). Неизбывная «популярность» слова в российском правовом и социокультурном поле была связана с личным корыстным интересом должностного лица, при удовлетворении которого снимаются искусственно созданные препятствия для нормального течения дела, т. е. то, что сегодня обозначается термином *коррупция*.

В контексте восприятия этот социальный фон неизбежно присутствует в ситуации служебного общения, когда его участники, соблюдая бюрократические правила рассмотрения и решения какого-либо дела, обязаны в первую очередь уделять внимание срокам его исполнения и опасаться взысканий за искусственное затягивание решения дела.

Влияние узкого (лингвистического) и широкого (экстралингвистического) контекстов явным образом сказывается на формировании социального значения при употреблении в речи многозначного слова. Для описания взаимодействия того и другого вида контекстуализации при разрешении полисемии используем понятия поверхностной и глубинной структуры языка, соотношение которых, как известно, имеет важное значение для анализа сущности мыслительных процессов, но, добавим, и для понимания социальной составляющей плана содержания языковой единицы. Например, прилагательное *крепкий*, имеющее девять значений и ряд оттенков значений в русском языке XVIII в. [СлРЯ XVIII 10: 252], в документном дискурсе на поверхностном уровне испытывает влияние собственно лексического контекста, сочетаясь со словами характерных для канцелярского узуса тематических групп: *крепкий указ, крепкий заказ, крепкое наблюдение, крепкое подтверждение*. Примечательно, что в указанном словаре словосочетания *крепкий указ, крепкий заказ* подаются как свободные устойчивые⁴, и в данном случае можно говорить о стилистической характеристике этих языковых единиц как средств деловой коммуникации. На глубинном уровне за употреблением слова вскрываются такие социальные факторы, которые оказывают прямое воздействие на формирование нового значения. Рассмотрим употребление прилагательного *крепкий* в следующем высказывании из указа Тобольского архиерейского приказа 1725 г.:

а гдѣ бѣде на^лѣжить і быть присто^тно строїть цѣкви взя^т | у ни^х новокрещенны^х w дово^лствованіи вны^х цѣквей вся|кими потребами і w наг^жденіи сщ^нниковъ с причетники не^скудны^м пропитаніемъ крѣп^кое по вбыкновению, обязате^лствw (Меженина 2015, № 4, л. 27—27 об., 1725).

Крепкое обязательство в рамках лингвистического контекста называет строгое, неукоснительное соглашение между новокрещеными и российской духовной властью об удовлетворении неопитами различных потребностей приходских священников. Широкий социальный контекст раскрывает условия и причины такого договора. В результате реформ Петра I Российское государство целенаправленно встало на путь массовой христианизации Сибири. При этом, согласно указу великого реформатора (ПСЗ, т. VI, № 3637, 1720), православные храмы для новокрещенных должны были строиться на казенные средства, но на деле деньги на строительство, как правило, собирали прихожане, в том числе новообращенные автохтоны

⁴ В «Словаре русского языка XVIII в.» разработано понятие свободных (устойчивых и неустойчивых) сочетаний. Под свободными устойчивыми сочетаниями понимаются явления свободной сочетаемости, регламентируемой значением. Их отличительная черта — «ограничение в составе распространителей, закрытый ряд их» [Проект 1977: 91].

[Асочакова 2016]. За данным ими обязательством может скрываться одна из двух причин: либо это было обязательством, которое как способ интеграции аборигенов в число верноподданных реализовывалось в рамках системы дарообмена — распространенной практики установившихся взаимозависимых отношений автохтонов с российскими властями, либо это было обычной обязанностью содержать приходское духовенство ежегодной ругой — оплатой, которая назначалась прихожанами и утверждалась Синодом [Знаменский 1873: 559—564]. В пользу последнего объяснения говорит тот факт, что, проводя указанную конфессиональную политику, государство стремилось привить восприятие сибирских аборигенов не как чуждого в вероисповедании народа, а прежде всего как податного сословия [Шерстова 2005: 125].

Как видим, привилегированное право говорящего опирается на дискурсивную компетентность представителей административно-управленческого аппарата, которые обладают большим опытом прочтения социальных смыслов в актуальном социокультурном контексте. В частности, непреходящая актуальность борьбы с волокитой требовала коллективной практики ее осознания и претворения в жизнь через дискурс власти, в котором ключевыми в трансляции необходимых смыслов стали лексемы с семантикой ‘осуществляемый без задержек, быстро; строго, неукоснительно’.

Заключение

Проведенный дискурсивный анализ русских распорядительных документов XVIII в. показывает эффективность привлечения методологических принципов, заложенных в концепциях М. Фуко и В. Е. Чернявской. Социолингвистический подход к изучению документного дискурса обозначенного периода объясняет, почему в процессе составления документа происходит выбор тех или иных языковых средств и почему в документном дискурсе появляется именно такое высказывание и никакое иное на его месте.

Рассмотрение дискурса в качестве «системы социальных правил, которым подчиняется язык в его употреблении» [Михель 2007: 30] заставляет признать корпус деловых текстов определенных жанров (распорядительной, отчетно-исполнительной, судебной-следственной документации) как документный дискурс, выполняющий функции дискурса власти. В исследованных текстах прослеживаются элементы дискурсивных практик, которым присущи черты процедур контроля над дискурсом власти — табу на объект, ритуал обстоятельств, привилегированное или исключительное право говорящего субъекта, — характеризующих Мишелем Фуко как процедуры запрета.

Запрет находится в диалектической связи с предписанием. Собственно, запрещать что-либо делать — значит приказывать, предписывать не делать

этого, поэтому в статье одним из основных источников исследования предстают распорядительные документы, в частности указы. Основанием издания указа служит необходимость в изменении определенных норм социальной ситуации, в формировании новых представлений о том или ином социальном явлении, новых правил обращения с ним и т. п. Это значит, что в словесной организации делового текста XVIII в. в этом жанре употребление практически любых языковых средств подчинено коммуникативной задаче выразить смысл предписания, за которым стоит социальный контекст, подчеркивающий значимость для участника коммуникации определенного аспекта ситуации — будь то запрет на искажение титула императора, или борьба с волокитой в административно-управленческом аппарате, или установление нового порядка подачи челобитных и пр.

Анализ контекстуализации как предзаданного конструирования контекстов воздействия и восприятия выявил особенности каждого вида запрета.

Дискурсивные ограничения, вводимые посредством табу на объект, связаны с новым пониманием социальной природы объекта, что продемонстрировал анализ термина *император*. Контекст воздействия был подчинен принципу унификации жизнедеятельности государства под началом монарха, и строгость контроля за производством дискурса задавалась Сенатским указом — высшим законосовещательным органом Российской империи. Контекст восприятия воссоздается корпусом региональных текстов, которые обнаруживают абсолютную точность вербального оформления титулатуры, служившую индикатором успешности воздействия дискурса власти на общественное сознание.

Ритуал обстоятельств связан с введением новых правил функционирования того или иного социального объекта. Эта особенность ограничений для дискурса власти чревата противоречием между контекстом воздействия и контекстом восприятия, что показало исследование дискурса челобитья в восемнадцатом столетии. Измененные правила подачи челобитной столкнулись с неверным прочтением смысла предписания со стороны челобитчиков, и главная причина этого столкновения — вербальная презентация предписания по процедуре челобитья и невербальные действия адресата как перлокутивный эффект, обусловленный искаженной интерпретацией компонентов титулатуры *всемилостивыйшии, император, государь, прошу* в роли средств канонического речевого общения. Контекст воздействия не нашел отклика в контексте восприятия.

Привилегированное или исключительное право говорящего в дискурсе власти направляет интерпретацию и понимание сообщения, и, помимо социального статуса агенса, в успешности продвижения определенного смысла большую роль играет дискурсивная компетентность первого участника коммуникации. Контекст воздействия здесь, в сущности, равен контексту восприятия, поскольку контекстуализация сосредоточена на коллективной практике понимания.

Источники и словари

- ГАРБ — Государственный архив Республики Бурятия
 Ген. регламент 1720 — Генеральный регламент 28 февраля 1720 г. Выверено по изданию: Реформы Петра I. Сборник документов / Сост. В. И. Лебедев. М., 1937. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/general.htm> (дата обращения: 20.09.2022).
- Изб. 1076 — Изборник 1076 года / Под ред. С. И. Коткова; Изд. подгот. В. С. Гольщенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965.
- Межещина 2015 — Деловая письменность Троицкого Селенгинского монастыря первой половины XVIII в. / Сост. Т. Н. Межещина. СПб., 2015.
- ПЗДП — Памятники забайкальской деловой письменности XVIII в. / Под ред. А. П. Майорова; Сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова. Улан-Удэ, 2005.
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской Империи.
- СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 3. М., 1976; Вып. 23. М., 1996.
- СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4. СПб., 1988; Вып. 6. СПб., 1991; Вып. 10. СПб., 1998; Вып. 14. СПб., 2004.
- George Sphrantzes (1401—1478) Chronicon Macario Melisseno — George Sphrantzes, Chronicon Macario Melisseno. URL: catholiclibrary.org (дата обращения: 10.10.2022).

Литература

- Аникин 2014 — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 8 (во I — *вран*). М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2014.
- Асочакова 2016 — В. Н. Асочакова. Приходские общины новокрещеных в Хакасско-Минусинском крае в XVIII в. URL: <https://ok.ru/nashais/topic/65172949672077> / В.Н. | OK.RU. 15 марта 2016 (дата обращения: 10.08.2023).
- Волков 1974 — С. С. Волков. Лексика русских челобитных XVII века: Форумляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974.
- Волошинов (Бахтин) 1993 — В. Н. Волошинов (М. М. Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке / Комментар. В. Махлина. М.: Лабиринт, 1993.
- Знаменский 1873 — П. В. Знаменский. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873.
- Каменский 2007 — А. Б. Каменский. Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы: Препринт WP6/2007/04. М.: Высшая школа экономики, 2007.
- Крысин 2004 — Л. П. Крысин. Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Михель 2007 — Д. Михель. Мишель Фуко как мыслитель и его влияние на современные интеллектуальные направления // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Философия, филология. 2007. № 2. С. 24—31.
- Нефёдов, Чернявская 2020 — С. Т. Нефёдов, В. Е. Чернявская. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 63. 2020. С. 83—97.

НОСС 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Авторы слов. статей: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон; Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004.

Проект 1977 — Словарь русского языка XVIII века. Проект. Л.: Наука, 1977.

Рабинович 2012 — Е. Г. Рабинович. «Всея Руси самодержец» // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Вып. 16. 2012. С. 698—711.

Фадеева 2013 — Т. М. Фадеева. Российский абсолютизм в XVIII веке (аналитический обзор) // История России в современной зарубежной науке. М.: Ин-т научной информации по общественным наукам РАН, 2013. С. 173—205.

Фуко 1996 — М. Фуко. Порядок дискурса // М. Фуко. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум: Изд. дом «Касталь», 1996. С. 47—96.

Чернявская 2021 — В. Е. Чернявская. Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смылопорождения. М.: ЛЕНАНД, 2021.

Шерстова 2005 — Л. И. Шерстова. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005.

Статья получена 18.09.2023

Alexandr P. Mayorov

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

map1955@mail.ru

DOCUMENTARY DISCOURSE OF THE 18TH CENTURY: SOCIOLINGUISTIC INTERPRETATION

In this article a specific corpus of business writing texts from the 18th century is examined in terms of a power discourse that performs the functions of social construction of the surrounding world. The study of the functioning of documentary discourse involves, first of all, an analysis of the procedures for controlling it. These procedures act as a social context that generates the social meanings of discursive elements. In the article, from among the external procedures of control over discourse classified by Michel Foucault, only prohibition procedures are examined which, according to the communicative attitude and sociocultural predestination, endow certain linguistic means of documentary discourse with social meanings.

In particular, discursive restrictions introduced through a taboo on an object of speech (one of the common exclusion procedures), predetermine a new sociocultural content of the terms of social power (in particular, the term *imperator*). Another control procedure, the ritual of circumstances, can impose restrictions on verbal behavior and related nonverbal actions. As a result, the meaning of linguistic means used in the formulas of business texts changes. The privileged or exclusive right of the speaker in the discourse of power creates conditions for discursive competence of representatives of au-

thority, who always adequately recognize the changed semantic content of key linguistic means in the current sociocultural context.

Following V. E. Chernyavskaya and S. T. Nefyodov, our analysis of the formation of social meanings within the context as a constructed category provides for a distinction between the concepts of context of influence and context of perception.

Keywords: discourse of power, prohibition procedures, social meaning, context of influence, context of perception.

References

- Anikin, A. E. (2014). *Russkii etimologicheskii slovar'. Vyp. 8 (vo I — vran)*. Moscow: In-t rus. iaz. im. V. V. Vinogradova RAN; In-t filologii Sibirskogo otdeleniia RAN.
- Apresian, Yu. D. (Ed.). (2004). *Novyi ob"iasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo iazyka* (2nd ed.). Moscow; Vienna: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004.
- Asochakova, V. N. (2016). *Prihodskie obshchiny novokreshchenykh v Khakassko-Minusinskom krae v XVIII v.* Retrieved from <https://ok.ru/nashais/topic/65172949672077>
- Cherniavskaia, V. E. (2021). *Tekst i sotsial'nyi kontekst: sotsiolingvisticheskii i diskursivnyi analiz smyslopороzhdeniia*. Moscow: LENAND.
- Fadeeva, T. M. (2013). Rossiiskii absoliutizm v XVIII veke (analiticheskii obzor). In V. M. Shevyrin (Ed.), *Istoriia Rossii v sovremennoi zarubezhnoi nauke* (pp. 173–205). Moscow: In-t nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN.
- Foucault, M. (1996). *Volia k istine: Po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti*. Moscow: Magisterium; Kastal'.
- Kamenskii, A. B. (2007). *Poddanstvo, loial'nost', patriotizm v imperskom diskurse Rossii XVIII v.: issledovatel'skie problemy*. Moscow: Vysshaia shkola ekonomiki.
- Krysin, L. P. (2004). *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniia po sovremennomu russkomu iazyku i sotsiolingvistike*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Mikhel', D. (2007). Mishel' Fuko kak myslitel' i ego vliianie na sovremennye intellektual'nye napravleniia. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Ser. Filosofii, filologii, 2*, 24–31.
- Nefedov, S. T., & Cherniavskaia, V. E. (2020). Kontekst v lingvisticheskom analize: pragmaticheskaiia i diskursivno-analiticheskaiia perspektiva. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologii, 63*, 83–97.
- Rabinovich, E. G. (2012). «Vseia Rusi samodержets». *Indoevropskoe iazykoznanie i klassicheskaiia filologii, 16*, 698–711.
- Sherstova, L. I. (2005). *Tiurki i russkie v Iuzhnoi Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaia dinamika XVII — nachala XX veka*. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN.
- Sorokin, Yu. S. (1977). *Slovar' russkogo iazyka XVIII veka*. Proekt. Leningrad: Nauka.
- Volkov, S. S. (1974). *Leksika russkikh chelobitnykh XVII veka: Formuliar, traditsionnye etiketnye i stilevye sredstva*. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta.
- Voloshinov, V. N. (Bakhtin, M. M.). (1993). *Marksizm i filosofiiia iazyka: Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o iazyke*. Moscow: Labirint.

Received on September 18, 2023

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

doi.org/10.31912/rjano-2024.1.9

А. А. АЛЕКСЕЕВ

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
alexeev.anatoly@gmail.com

ПЕРЕПИСКА А. В. ИСАЧЕНКО С А. А. АЛЕКСЕЕВЫМ (1976–77 ГГ.)

Мое первое письмо к А. В. Исаченко с приложением автореферата кандидатской диссертации и статей было отправлено с оказией (с кем именно, не помню). Мне было неловко, что по цензурным условиям его имя не упоминалось в моих публикациях, этим и было вызвано мое прямое обращение к нему. Он ответил, завязалась переписка, которая длилась менее двух лет. Все письма Исаченко сохранились и представлены ниже, свои письма я печатал на пишущей машинке под копирку, но, как кажется, сохранились не все копии. Почта работала неспешно, и общее впечатление от переписки, что это два монолога, а не диалог. Мне не было вполне ясно, почему А. В. уделял очевидное внимание нашей переписке, что же касается меня, то многие мои работы по истории русского языка были вызваны этим общением. Его последнее письмо датировано декабрем 1977, он скоропостижно скончался в марте 1978.

А. А. Алексеев

Клагенфурт, 17 апреля 1976 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Анатолий Алексеевич!

Приношу Вам глубокую благодарность за Ваш подарок. С особым смаком прочел Вашу рецензию на книгу (книги) Верецагина¹. Как хорошо, что появляются юные исследователи с отличным знанием греческого языка. Вопрос первых переводов меня давно волнует, и я разделяю полностью Ваше мнение о необыкновенной талантливости Кирилла и Мефодия. Однако, в ряде случаев им не оставалось другого выхода, как дословно передавать греческий текст, раз в их языке не было эквивалентов.

Не совсем одобряю традиционное (и немного «ходульное») обозначение греческих братьев «первоучителями». Ведь в Моравии, куда их вызы-

¹ А. А. Алексеев, Н. А. Мещерский. Новое исследование кирилло-мефодиевской проблемы // Советское славяноведение. 1973. № 2. С. 100–103.

вали, они нашли христианское население, принявшее новую веру два-три поколения раньше, в самом конце 8-го века. Там они и нашли первую славянскую христианскую терминологию, созданную на основании латинского и древненемецкого языков. Об этом я подробно писал в Сов. Славяноведении 1964 г.² Все больше я склоняюсь к мнению (пока публично еще не высказанному), что глаголицу не могли создать греки и вообще лица византийской культуры: ведь в 9-м веке евангелие по-гречески писалось исключительно уставом и трудно себе представить, чтобы образованный богослов отказался от этого торжественного шрифта, заменив его какими-то козявками. Я предполагаю, что глаголицу К и М нашли в Моравии, где ее ввели ирландские миссионеры. А ирландцы тем и знамениты, что то и дело составляли криптографические алфавиты (я нашел больше 100). Если вообще вникнуть в религиозную семиотику ирландцев, то окажется, что они разработали мистическую целую систему письма, особенно любили отдельные буквы (напр. М — архангел МИХАИЛ). Этим и объясняется тот факт, что большинство старых текстов, писанных в Моравии — глаголические. А греческие лигатуры и диграфмы объяснить не трудно: ирландский епископ Виргилий написал свою Космографию по-латыни, но греческими буквами. Все это сообщаю Вам по секрету, т. к. не уверен, что мне удастся найти время для серьезной работы по этому вопросу.

Я сам в настоящее время «заканчиваю» свою Историю русского языка (на нем. яз.)³. В этой книге я сочетаю то, что принято называть «истор. грамм.», с так наз. «историей лит. языка». В условиях зарубежья (да, впрочем, во всех условиях) мне разделение двух видов исторического изложения представляется необоснованным. Какие-то там звуковые процессы происходят в безвоздушном пространстве, цитируются вперемешку ц.-сл. и собственно вост.-слав. тексты и получается страшная путаница. Сейчас я почти закончил допетровский период, приступил к решающему 18-му веку, и тут мне Ваши исследования по лексике будут особенно ценными. Должен, однако, подчеркнуть, что мой подход к допетровским фактам да и вообще к лит. языку резко отличается от схем, предлагаемых, скажем, Самсоновым или Обнорским.

Высылаю Вам последний номер нового журнала. Прошу подтвердить получку.

Еще раз хочется Вам сказать, как я был глубоко тронут Вашим вниманием. Буду благодарен за «всякое деяние благо».

Искренне Вас уважающий А. Исаченко

² А. В. Исаченко. К вопросу об ирландской миссии у паннонских и моравских славян // Вопросы славянского языкознания. 7. Москва, 1963. С. 43–72.

³ Этот труд А. В. Исаченко, оставшийся незавершенным, был опубликован посмертно: А. В. Issatschenko. Geschichte der russischen Sprache, 1. Band. Von den Anfängen bis zum Ende des 17. Jahrhunderts. 2. Band. Das 17. und 18. Jahrhundert. Heidelberg, 1980–1983.

Ленинград, 16 июня 1976

Дорогой и многоуважаемый Александр Васильевич!

Ваше щедрое и доброе письмо от 17 апр. с. г. взволновало меня. Я очень рад, что моя посылка дошла до Вас благополучно. Увы, не могу сказать того же об отправленных Вами журналах, впрочем, письмо Ваше шло до меня месяц с лишним, можно надеяться, что и журналы придут. (Дело осложняется тем, что адрес, обозначенный Вами, несколько неточен.)

Я совершенно согласен с Вами в том, что неверно называть первоучителями солунских братьев. Думаю, что это обозначение так прочно закрепилось в России в связи с тем, что ирландские и немецкие миссионеры нам кажутся столь же далекими, как блаж. Иероним (вспомните, однако, что и ему приписали когда-то изобретение глаголицы).

Ваши соображения о глаголице как ирландском изобретении мне показались замечательны. Действительно, наличие нескольких еврейских букв в кириллице понятно лишь тогда, когда она изобретена К и М, а не является практическим усвоением греческого унциального письма. Очень надеюсь, что Вы найдете время для разработки и публикации этих мыслей. Хотелось бы знать, как Вы объясняете «из куриловицы» попа Упыря в толковых пророках, как Вы отвечаете на вопрос, что же писалось глаголицей (т. е. какие именно тексты) до появления в Моравии К и М.

Мне было бы также очень интересно знать, как получилось у Вас соединение «исторической грамматики» и «истории литературного языка». Думаю, что теоретически это совершенно оправдано и даже необходимо, но практически соединить эти вещи, наверное, трудно. Такая работа необходима, пожалуй, не только и не столько в условиях зарубежья, сколько у нас. Такого рода учебник был бы нужен, например, историкам, которые вынуждены теперь пользоваться Самсоновым. Вышедшие недавно лекции по истории литературного языка Б. А. Ларина⁴ снова воскрешают устаревшие и сбивающие с толку взгляды. В научных кругах, правда, сторонников гипотезы Обнорского почти нет, но есть противники всяких иных точек зрения.

Я рад, что мои заметки по истории слов могут принести Вам пользу. В случае Вашего согласия я бы мог предложить для *Russian Linguistics* статью о «семантическом снижении» в 18 веке слова *народ*: уничижительное обозначение простонародья появилось у слова лишь в 18 веке⁵. В этом сказалось воздействие дворянства на развитие литературного языка.

Посылаю Вам книгу Р. Б. Тарковского о переводах Эзопа в 17 в.⁶ По ограниченности тиража она вряд ли дойдет до Вас, а между тем тщатель-

⁴ Б. А. Ларин. Лекции по истории русского литературного языка (X — сер. XVIII в.), М., 1975.

⁵ А. А. Алексеев. Семантическое «снижение» как отражение социальной структуры в русском языке XVIII века // *Russian Linguistics*. 1978. Vol. 4. No. 1. P. 3–12.

⁶ Р. Б. Тарковский. Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Ленинград: ЛГПИ, 1975.

ностью своего исполнения она представляет редкое и приятное явление. Высылаю также оттиск статьи Н. А. Мещерского, которого ознакомил с Вашим письмом ко мне.

Искренне Ваш А. Алексеев

3 июля 1976

Дорогой А. А.! (очень прошу Вас при случае сообщить мне Ваше имя и отчество)

Ваше письмо от 18.6 получил сегодня и спешу Вам ответить до своего отъезда «на дачу». Разрешите прежде всего поблагодарить Вас за трогательного Эзопа — я и не подозревал, что таковой был переведен. Если журналы не дойдут до Вас в связи с неточностью адреса, я постараюсь прислать Вам еще комплект. Значит: если и как только дойдут, сообщите.

К «первоучителям» у меня здесь несколько (я бы прямо сказал) личное отношение. Нет сомнения, что братья со свитой не пёрли пешком через весь Балканский полуостров, а передвигались морским путем из Констант(инополя) или из Салоник в Аквилею, на восток от Венеции. Аквилея — совершенно потрясающий город с базиликами 4-го и 5-го веков с дивными мозаиками и в четырех часах езды от нас. Оттуда есть две дороги, но каждая (в Паннонию и в Моравию) ведет мимо нашего богоспасаемого города. Тут они должны были бивакировать, тут в это время уже были крупные христианские церкви и монастыри. Христианизация наших мест началась в самом начале 8-го века, а к 863 г. верхушка была полностью христианской, хотя административное положение этих провинций еще не выяснилось. Заметьте, что Святополк и Ростислав обращаются к Михаилу III как братья (V. глава Жития Мефодия, Усп. сб.). Все это вовсе не так «далеко», а вполне осязаемо. Одна из церквей, основанных зальцбургским епископом Виргилием (ирландцем) в конце 8-го века, находится в 5 км на север от нашего города (с каролингскими фресками).

О глаголице я продолжаю думать, но пока меня полностью занимают последние главы первого тома моей Истории. Издатель решил, что лучше выпустить книгу в двух томах, в основном чтобы не переделывать всякий раз тех частей, кот. вновь освещаются новыми изданиями. Итак, летом собираюсь кончить первый том — в моем понимании «предыстория» русского лит. языка, т. е. от самых первых заимствований до примерно 1700 г.

Мой подход (сочетание ист. грамм. и так наз. «внешней истории») требует некой истор. концепции. В первой главе я даю описания доистор. периода вост.-слав. Следуют описания племен, соседей, древнейших языковых контактов, возникновение названия Русь и первые специф. вост.-сл. изменения в области фонологии. Третья глава — диглоссия Киевского периода (с многочисленными текстами). Появление татар; Новгород; перечень источников; очень подробная характеристика старослав. языка (во всех

плоскостях — фон., морф., лекс., синтаксис); образцы текстов, начиная Новг. Минеями и кончая берестяными письмами. 5 глава полностью посвящена еровым изменениям (в морфонологическом плане). В 6-й гл. говорится о начале самостоятельного развития русск. языка (укр. я почти не занимаюсь). Ну вот в таком духе, с сильным педализированием иностранных свидетельств 16 века (в духе Ларина и дальше), большая глава о 17 веке (язык, жанры), затем глава о глагольной флексии до 1700, синтаксиса (но только истинно русского, не старослав.) до 1700, развитие лексики до 1700. Во втором томе речь пойдет уже о возникновении русск. лит. яз., о франц. образцах и т. п. вплоть (как я надеюсь) до наших дней. Материал разработан, надо только строчить (и постоянно обращаться вновь к текстам).

Лекции Б. А. я не получил. Я высоко ценил этого ученого, мы с ним лично дружили, я его навещал в Л(енинграде). Не все его положения мне казались убедительными (напр. «начальный период национ. языка»), но я полностью разделял его гнев по адресу обскурантов, отвергавших Джемса, Соважа, Лудольфа. Я сам долго и много работал над русск. элементами в трудах Герберштейна — совершенно исключительный источник начала 16 в.! Не знаю, читали ли Вы мои рецензии⁷ на просто баснословно невежественного, но самоуверенного Самсонова. Ведь ни один историк не может научиться читать тексты, справляясь по С.

Мне всегда бывает больно, когда приходится быть свидетелем, как талантливые лингвисты (в силу какой-то традиции, что ли?) «созерцают задняя» давно ушедших в небытие историков-ухарей. Мне непонятно, как может держаться миф в учебниках даже Кузнецова-Борковского. Неужели так трудно во весь голос сказать о том, что было на самом деле?

Как у Вас с немецким? Если читаете, я Вам вышлю несколько своих новейших публикаций по истории языка на эту же тему.

Очень был бы благодарен за присылку статьи о слове народ, страниц на 10 машинописи. Прошу оставить первую четверть первой страницы пустой, писать с большими промежутками между строчек, разборчиво вносить все поправки от руки, писать на чистой машинке.

Как у Вас в университете поставлен курс старославянского? Кто читает, как он проводится, какие тексты читаются, сколько времени отведено на практические занятия. Я в этом году как раз читал ст. слав. для своих птенцов, но без обязательных ссылок на развитие звуков, зато с установкой на синтаксис и лексику. Правда, большинство моих студентов учились греческому в гимназии. Меня поражает, как мало знакомы даже специалисты с ст.-слав. языком и какие фантастические ошибки ими допускаются на каждом шагу. И это все потому, что принято думать, что текст написан на «древнерусском». У Лихачева чуть ли не на каждой странице поразительные промахи (в его переводе ПВЛ). О Борковском я и не говорю.

⁷ Рецензия А. В. Исаченко на книгу: Самсонов, Н. Г. Древнерусский язык. М., 1973 // Russian Linguistics 2, 1975. P. 338–341.

Кстати, известно ли Вам выражение «еле можахом»? Если известно, то укажите, в каком смысле (в каких контекстах) оно употребляется. В нашей семье часто его употребляли, но я боюсь обобщать.

Будьте добры, передайте мой самый искренний привет Н. А. Буду ждать Ваших новостей. Искренне Ваш А. Исаченко

15 сентября 1976

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Васильевич!

По возвращении из отпуска в Ленинград для меня было истинным счастьем получить Ваше письмо от 3 июля с. г. Должен, однако, с огорчением признаться, что журналы до сих пор не пришли, мало надежды на их появление в будущем. Надеюсь, что Вы отправили их заказной почтой. Дошла ли до Вас моя бандероль? У меня оказался лишний экземпляр лекций Ларина, который Вам высылаю (книга, кстати сказать, уже была послана Вам кафедрой русского языка ЛГУ).

Ваши работы по истории русского языка я очень ценю и всегда стараюсь прочесть их тотчас по выходе. Не берусь сказать, известны ли мне все Ваши труды, но к этому я стремлюсь по мере сил. Вероятно, что некоторые Ваши работы, опубликованные в «Международном журнале по слав. поэтике и лингвистике» (JSPL), мне не известны, поскольку этот журнал приходит к нам нерегулярно. Возможно, есть и другие журналы и сборники, нерегулярно поступающие в библиотеку Академии наук в Ленинграде. Если Вас не затруднит присылка некоторых Ваших статей, я буду бесконечно счастлив, потому что всегда иметь под рукой издания, к которым приходится часто обращаться в библиотеке, незаменимое удобство и удовольствие. Из Ваших работ в моей библиотеке имеется лишь сопоставительная грамматика русского и словацкого языков, изданная в Братиславе⁸. Книга эта представляет собою предмет зависти многих моих коллег. Я руководствовался ею, когда вел краткий курс русской грамматики у студентов немецкой кафедры.

Ваша работа о периодизации рус. языка⁹, помещенная в сборнике в честь Ларина, оказала самое сильное влияние на формирование моих взглядов по этому предмету. Тезис о прерывности в истории письменного языка, подчеркнутый в последних Ваших статьях, мне представляется совершенно верным (замечу, что г-жа Хюттль-Фольтер, которая формулировала его очень эмоционально в статье о Третьяковском 70-го года¹⁰, затем,

⁸ А. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. 1–2. Bratislava 1954, 1960.

⁹ А. Исаченко. К вопросу о периодизации истории русского языка // Вопросы теории и истории русского языка: Сборник в честь Б. А. Ларина. Ленинград 1963, с. 149–158.

¹⁰ G. H. Worth. Thoughts on the Turning Point in the History of Literary Russian: the Eighteenth Century // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol. XIII, 1970. P. 125–135.

к сожалению, отошла от него в своем докладе в Варшаве). В настоящее время я прибавляю к этим Вашим принципам принцип диглоссии, как он разработан Фергюсоном в 1959 г.¹¹ и интерпретируется (пока по большей части устно) Б. А. Успенским применительно к русской ситуации.

Ваш план истории русского языка кажется мне очень удачным. Мне бы только хотелось, чтобы Вы учли изменчивую природу самого цсл. языка на протяжении этих нескольких столетий, т. е. осветили эпоху 2-го южнославянского влияния. В Вашем плане цсл. язык фигурирует лишь в начале, и складывается впечатление, что затем Вы не собираетесь обращаться к нему. Я знаю, что Вы отрицательно оцениваете воздействие южнославянской стихии, но для многих здесь особые отношения русского языка с цсл. языком и по сей день представляют предмет как бы национальной гордости. Мне бы также было интересно узнать Ваше мнение относительно украинского языка, а именно: является ли он наследником древнего Киева или же продолжает галицко-волынскую традицию (т. е. я имею в виду спор между Соболевским и Крымским). Мне кажется, что Ваша книга будет иметь также значение для избавления нас от терминологической путаницы и излишества: общерусский, общенародный, национальный, литературный язык — всего этого слишком много.

Ваша гневная рецензия на Самсонова (как и на Букатевича и проч.¹²) мне известна, согласен с нею полностью. Несомненно, книга эта достойна осмеяния. Мне, однако, жаль, что Вы тратите на это свое поистине драгоценное время. Если это мое замечание похоже на совет, простите мне, но уверяю Вас, что в чисто академической области результаты Вашей деятельности не только чрезвычайно велики, они еще обладают исключительным нравственным воздействием, я бы сказал, обаянием.

Кстати замечу, что в библиографическом отделе Вашего журнала, который я читаю в первую очередь, мне интересны две стороны: во-первых, встречать Ваше мнение о работах мне известных и, во-вторых, сообщения о зарубежных трудах. Так, мне было интересно узнать о статье Д. Ворты «Был ли лит. язык в Киевской Руси?»¹³. Дело в том, что *Russian Review* к нам не поступает.

Старославянским языком в Ленингр. университете занимаются по следующему плану: на лекции отводится семестр, и полтора семестра уходит на практические занятия. Единственным пособием — за исключением многочисленных и разношерстных учебников — служит хрестоматия Каринского (второе издание, 1911 г.), вернее, — фотокопии ее различных фрагментов.

¹¹ Ch. A. Ferguson. Diglossia // *Word* 15 (1959). P. 325–340.

¹² Рецензия Исаченко на книгу: Букатевич Н. И., Савицкая С. А., Усачева Л. Я. Историческая грамматика русского языка // *Russian Linguistics* 2, 1975. P. 118–123.

¹³ D. S. Worth. Was there a 'literary language' in Kievan Rus? // *The Russian Review*. Vol. 34. 1975. P. 1-9.

Главное внимание уделяется заучиванию отдельных форм и фонетическим явлениям, потому успевают прочесть очень мало. В памяти студентов старославянский остается как система парадигм, обладающих никогда не существовавшей строгостью, и как язык почти без письменности. Курсу старославянского придают прежде всего пропедевтическое назначение, т. е. подготовить к изучению исторической грамматики русского языка.

Наконец, о выражении «еле можахом». У нас оно обычно употребляется в форме «еле можаху» в иронических, шуточных контекстах: прежде всего характеристика пьяного человека, очень редко применительно к другим ситуациям (усталость, голод). По мнению Н. А. Мещерского, это выражение может происходить из тропаря на Преображение, а вошло в употребление через «Пошехонскую старину» Щедрина, где в главе 3 «Нравственное воспитание» говорится о «богословских спорах» в семье: «по поводу слов тропаря Показавый учеником своим славу — яко же можаху — спорили о том, что такое “жеможаха”, — сияние, что-ли, особенное» (Щедрин. Полное собр. соч. Т. 17. С. 59, Л-д, 1934). Здесь, правда, не удержана исходная форма.

В заключение один вопрос: не знаете ли Вы о судьбе Валерия Александровича Погорелова, бывшего до войны в Братиславе? Для словаря русских дореволюционных славяноведов, имеющего выйти через год-два, я написал био-библиографическую заметку о нем с характеристикой дореволюционного периода творчества¹⁴, но года смерти В. А. мне установить не удалось (его не дает почему-то и чешский словарь, вышедший к съезду 1968 г.). Я знаю, что в 1939 г. В. А. присутствовал на съезде в Риме. Что с ним было потом? Не его ли, кстати сказать, сын подвизается теперь где-то во Франции — то ли в Лионе, то ли в Марселе? В соавторстве с покойным Леписье у него были какие-то труды. Буду Вам очень признателен за любые сведения. Искренне Ваш А. А. Алексеев

17 сентября 1976

Дорогой и глубокоуважаемый Анатолий Алексеевич!

Ваше письмо пролежало у меня в университете все лето, и только сегодня я смог познакомиться с его содержанием. Получили ли Вы журналы? Если нет (а адрес оказался неточным), черкните, я постараюсь на этот раз быть более внимательным.

Представление о «первоучительстве» солунских братьев прочно живет и в других странах, например, в Чехословакии, где оно приняло почти мифический характер. Их все (кроме серьезных славистов) считают славянами, «нашими в доску», и — заметьте — носителями люкса экс ориенте. У ирландцев дело швах, раз они совсем наоборот экс оксиденте. Но пикантно то, что первое столкновение восточного и западного христианства

¹⁴ А. А. Алексеев. Валерий Александрович Погорелов // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С. 273–274.

на почве Средней Европы имело место именно в конце 8-го века, только «восточное» толкование было представлено как раз ирландцами, а мешали им всякие фряжские и баварские паписты. Будучи отрезанными от Рима (арабское вторжение), ирландцы высчитывали Пасху (пасхалии) по византийски, их обряды имели явно восточные черты (например, миропомазание при крещении, отсутствие тонзуры, монастицизм — отсутствие мирского духовенства и проч.). А «ис куриловицы» объясняется, на мой взгляд, довольно просто. Почему-то в славистике принято аргументировать аргументом «лукус а нон луцендо». Кириллица так называется именно потому, что ее не изобрел св. Кирилл! Ведь Упырь переписывал явно глаголицу, а окончательный вариант этого письма, приспособленный к языку уже не западных, а южных славян и даже, если угодно, несколько грецизированный (хотя и Виргилий писал латинские тексты греческими буквами!), мог быть приписан св. Константину, жившему и умершему 100 лет после ирландцев, к тому же «учащих нас различ» и придумавших целый ряд «бещиний». В Моравии писались до появления братьев явно лишь те тексты, которые допускались строгими постановлениями западных соборов (Вормс, Трир, Верден), т. е. основные молитвы, списки «грехов» и «добродетелей», «отрекание» от дьявола, поучение перед исповедью. Все эти тексты сохранились только в латинской транскрипции, так как немецкий ксёндз не умел читать глаголицу и ему диктовал славянин. Я считаю (вместе с Никольским) чрезвычайно важным тот факт, что из 15 имеющихся восточнослав. рукописей со следами глаголицы 13 относятся к Новгороду. А откуда пришло христианство в Новгород? Почему об этом не пишет киевский летописец? Почему все без исключения списки жития св. Вячеслава (чешского) сохранились исключительно в Новгороде? Почему в новгородских минеях Вы найдете похвалу св. Вячеславу? Я допускаю, что Новгород получил христианство через Чехию вместе с глаголицей. Но об этом говорить во всеуслышание пока рано.

Должен Вам сказать, что с проф. Лариным у меня были самые сердечные личные и самые тесные научные отношения. Я очень ценил этого ученого и провел у него в гостях прекрасные дни. Не со всеми его высказываниями я соглашался уже тогда, но ведь надо учесть, что писать о «начальном периоде» было необходимо. У меня была и есть фотокопия Ричарда Джемса еще довоенная, и я долго работал над этой рукописью, но узнав, что за нее принялся Ларин, я безропотно уступил ему рукопись, хотя имел тогда возможность выпустить свое издание четырьмя годами раньше. Ценю я его и за его отношение к иностранным свидетельствам, совершенно непозволительно замалчиваемым и умаляемым почти всеми исследователями. Меня пугает возрождение интереса к Марру (см последний номер ВЯ — Гельгардт)¹⁵,

¹⁵ Р. Р. Гельгардт. Некоторые общелингвистические идеи и фольклористические интересы акад. Н. Я. Марра в освещении научной критики // Вопросы языкознания, 1976, № 3, с. 118–130.

и я приму меры в моем журнале, чтобы молодое поколение, не пережившее марровщины на собственной коже, ознакомилось с этим сумасшедшим. А на счет Обнорского Вы правы — нет своих точек зрения, не хочется принимать чужих.

Меня очень интересует вопрос о «семантическом снижении» слова народ, и я прошу Вас прислать рукопись. Прилагаю инструкцию и прошу литературно и графически отделать все так, чтобы типограф (не русский) мог все правильно прочесть. Начинайте на уровне второй четверти листа: «головка» нужна мне для редакционных указаний.

За «Эзопа» приношу искреннюю благодарность (но об этом я Вам, кажется, писал).

Дописываю (буквально) последнюю главу (синтаксис) своей книги, которая по желанию издателя все-таки выходит в двух томах. Первый — до Петра. Нелегко было найти подход, обеспечивающий всестороннее освещение чрезвычайно сложной проблематики, но кажется, удалось все же сказать нечто свежее. Прошу передать привет проф. Мещерскому, Вам же желаю успешно начать семестр. И буду ждать «снижение».

Искренне Ваш А. Исаченко.

27 сент. 1976

Глубокоуважаемый Анатолий Александрович¹⁶!

Прерываю очередную угарную работу над следующим номером журнала, чтобы как можно скорее отозваться на Ваше письмо от 15 с. м. Мне чрезвычайно ценно было узнать об общности некоторых оценок в области истории языка. Но сперва отвечу на Ваши вопросы.

Все, что удастся «соскрести» из старых оттисков, вышлю Вам заказной бандеролью. Я не совсем помню, какие номера РЛ Вам нужны. Если черкнете, смогу Вам прислать комплект, у меня лично хранится «железный запас».

С В. А. Погореловым я был хорошо знаком в Братиславе. Он всячески тормозил мою научную карьеру, прибегая к не обязательно академическим приемам. Так, помнится, он мне публично заявил, что «за новую орфографию» (в моем учебнике РЯ) «вешать будут». У него была довольно кошмарная супружница Бронислава Карловна, которую все называли Карла Бронепоездовна. Она была его злым гением. Детей у него было очень много, одна дочь вышла замуж за некоего эмигранта Бреда (сик!), который и кокнул президента Французской республики и был за это казнен на гильотине. С продвижением Советской армии Погорелов предпочел покинуть Чехословакию и переселился (не без авантюры) в г. Регенсбург в Баварии. Там следы его теряются. Этим и объясняется, очевидно, отсутствие даты смерти в упомянутом Вами чешском издании. Но там отсутствуют и другие, более пикантные факты. Если махровый черносотенец Погорелов по-

¹⁶ Так в тексте.

лучил в этом издании все же свою «статью», Ваш покорный слуга, к сожалению, там не упоминается. Таковы результаты диалектики... Погорелов, между прочим, уже после I войны написал несколько занятных статей о роли Вульгаты для первых переводов старых церковнославянских текстов (анализ времени), о закарпатских диалектах украинского языка, но последняя работа была очень отрицательно оценена Фасмером. Вообще это был русификатор, назначенный в Варшаву по определенному параметру. Я думаю, что Вы сможете узнать о нем прямо в Регенсбурге: Университет, семинар фюр славйше филологи, проф. Ведел. Если какой-то Погорелов, как Вы пишете, подвизается во Франции, то это, по всей вероятности, его отпрыск. Но, признаться, во Франции я о его научных заслугах не слыхал.

Если Вы читали мои последние статьи в Цейтшрифте и в издании Австрийской АН¹⁷, то Вы, вероятно, заметили, что я сам оперирую понятием диглоссии. Разница между мною и Б. А. в том, что меня в диглоссии прежде всего интересует объективная лингвистическая разница двух языковых систем, между тем как Б. А. делает упор на том, что оба языка «воспринимались носителями» как единый язык. Вот это утверждение, мне кажется, трудно доказать, хотя бы потому, что круг «носителей», вообще способных что-либо «воспринимать», был крайне ограничен, и что в средние века категория «чужого» и «своего» вряд ли существовала в той форме, как в наши дни или даже в начале 19 века. Вполне мыслимо, что католический монах где-нибудь в Баварии воспринимал латынь как «свой» язык в отличие от попытки перевести тексты на древневерхненемецкий. Понятие диглоссии я считаю чрезвычайно удачным, но опять-таки не соглашаюсь с Б. А. относительно замены диглоссии двуязычием цсл.-русским. Мне представляется, что во второй половине 18 в. в России (в культурных кругах) возобладала действительно двуязычность (билингвизм), но только француско-русский (в таком порядке!). Она по-русски плохо знала, / Журналов наших не читала / И изъяснялася с трудом / На языке своем родном. А переписка самого А. С. с Натали? На каком языке? И все споры вокруг основной проблемы — как сделать так, чтобы можно было (по фр. образцу) писать не краснея и говорить не ходульно. Цсл.-русского билингвизма я почти не замечаю. То, что так прекрасно сформулировано у Фонвизина о языке наших церковных книг — это ведь не проявление билингвизма. Кстати, вышла прекрасная статья Б. А. и Лотмана о «Царстве теней»¹⁸, и я весьма рекомендую Вам заняться этой изумительной работой.

¹⁷ А. Issatschenko. Vorgeschichte und Entstehung der modernen Russischen Literatursprache // Zeitschrift für slavische Philologie 37, 1974, S. 235–274; Mythen und Tatsachen über die Entstehung der Russischen Literatursprache / Österreichische der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Sitzungsberichte, 298. Band, 5. Abh.; Veröffentlichung Kommission für Linguistik und Kommunikationsforschung. N. 5, Wien 1975.

¹⁸ Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или Судьбина российского

Вы не первый, упрекающий меня в «отрицательном отношении» к цсл. языку. И я из этого делаю вывод, что где-то был расплывчатым, неточным, что-то написал не так. Совсем наоборот. Я с самых первых лет научной работы являюсь необыкновенно рьяным приверженцем этого языка. От своих аспирантов я требую перевода на цсл. Например, мы переводили папскую энциклику гумани генерис на цсл. и очень успешно. Свои курсы по цсл. языку я всегда включаю в курс по русскому языку. Излагаю сперва аорист, а затем мы начинаем читать. Упор делается на синтаксисе, ну, дат. самостоятельный, егоже имя глаголите быти, конструкции относительных предложений (ведь даже культурные русские затрудняются точно перевести *имже несть числа* или *пределы ихже не преидеши* и проч.). Почему у вас пишут *их же* по русскому образцу? Ведь *же* было составной частью относительных местоимений и наречий (*идеже, еликоже, аможе*), а например в словенском дало ротацизм: *какор — какоже*. Из морфологии я настаиваю на те формы, которые просто всегда неправильно интерпретируются. Я давал читать херувимскую ряду культурнейших русских — не смогли перевести. А знаете, чрезвычайно трудно заставить студентов правильно интерпретировать форму, скажем, *богородица* как род. ед. *А светлейшую херувим* просто никто не понимает. Было время, когда в Чехословакии цсл. язык (как «мертвый» и к тому же «церковный») был в загоне. Но я настоял, что буду им заниматься по текстам конца 19 — начала 20 века. И собрал целую хрестоматию из цитат Ленина (образованнейшего человека и прекрасно владевшего этим языком), Сталина (*ищите, да обрящите* — а студенты никак не могли найти в словаре глагол «обрящать»), из «Соборян», Федина («Необыкновенное лето»), Шишкова («Угрюм-река») — и все это оказало большую пользу. Помнится, как ко мне приходил крупнейший переводчик с русского и просил меня истолковать непонятное «имже несть числа» — а вот кому это «имже» и почему «числа»? Плоды просвещения. К сожалению, и здесь, и в Германии, и в Соединенных Штатах цсл. язык изучается лишь на фонетическо-графической и морфологической базе. Лант требует, чтобы студенты «порождали» все причастия, а тексты — между прочим.

Вот мое отношение к цсл. И я ничуть не пытаюсь снизить значение цсл. языка в развитии письменности Древней Руси и Московского государства. Я сетую, что нет истории цсл. языка в восточно-слав. условиях, у меня сейчас разрабатывается интересная тема: в какой мере русизмы в произведениях Епифания отличаются от русизмов в списках произведений Киприана, Логофета и др. «сербов»? Вы читали прекрасную книгу Талева о так называемом 2-м южнослав. влиянии (которое я теперь последовательно называю «реболгаризацией»)? Мое отрицательное отношение направлено не к языку, а политике властей, путем Киприановской «реформы» отодви-

языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва) // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 358. Тарту, 1975. С. 168–322 [Труды по русской и славянской филологии. XXIV].

нующих шансы России на приобщение к европейской цивилизации лет на 200. А значение цсл. языка в период становления рус. лит. языка во второй половине 18 в. и до 30-х годов 19 в. я оцениваю очень высоко. Но мне противно читать уже в Петровскую эпоху о «яблоках»(,) на которых «написаны» все страны мира (глобусах), совестно за стольника Толстого, называющего ложи в венецианских театрах чуланами, а маски — харями. Мне совестно и за то, что цсл. язык систематически портили не слишком уж культурные выходцы (часто проходимцы) из Литвы в 17 в. Если бы действительно Геннадий или кто-либо другой в конце 15 века взялся за перевод св. писания на русский язык, он неминуемо бы ввел в этот перевод и цсл. элементы(,) только без *аще, ашуть, токмо*, ну как чехи пользуются переводом Кралицкой Библии при передаче текста св. писания на современный язык. И тогда русский язык приобрел бы авторитет, престиж, на нем можно было бы писать и о физике, и о метафизике лет за 200 до того, как это стало возможно после ликвидации диглоссии. Простите, если я не так выразился и у вас сложилось превратное впечатление. Я именно и отстаиваю точку зрения, что цсл. элемент является предметом национальной гордости и являюсь ожесточенным противником тех, кто педализирует «народную стихию», всякие службы кабаку и вообще начальный период. В этом я, к сожалению, принципиально расхожусь с Б. А. Тут я бескомпромиссно критикую «народнические» настроения и всякую «демократическую» литературу.

Украинским языком я принципиально не занимаюсь, если можно этого избежать. Я никогда им особенно не интересовался (наша семья ведь из Ленинграда) и мало о нем знаю. Конечно, в современном укр. языке, да и в языке 16–17 в. я не нахожу никаких следов киевской традиции. Но и галицко-волынская «традиция» мне представляется проблематичной ввиду невероятной полонизации письменного языка. Мне трудно определить, какие полонизмы «вошли в язык», а какие были просто результатом безграмотности авторов. И в своей книге я, где могу, избегаю ссылок на укр. язык. Моя книга ведь посвящена русскому языку и его истории.

Самсонов и Букатевич. Я полностью разделяю Ваше мнение, что «не стоит». Но даже Чижевский в немецком журнале написал чуть ли не восторженную рецензию на Самсонова. В американских методических журналах хвалили Самсонова за его «прозрачный стиль». У меня, видите ли, кроме чисто академических имеются еще и воспитательные задачи. И надо же подъять указующий перст, если появляются аны и древнеруссы и дописменное письмо. Я сейчас, между прочим, пишу громовую заметку на счет статьи Гельгардта о Марре с цитатами из самокритики Ф(илина) 1951 г.¹⁹

Вообще критический отдел нашего журнала, кажется, пользуется повсюду некоторой популярностью. Но нет сотрудников, и писать приходится почти все самому (правда, уже намечаются постоянные сотрудники).

¹⁹ А. Исаченко. Мapp — redivivus? // Russian Linguistics 4, No. 1 (1978), pp. 83–87.

Выражение *еле можахом/-ху* я твердо усвоил еще от отца, причем употреблялось оно отнюдь не только после пьянки, а, например, после долгой прогулки в жару и т. п. Спасибо за цитату. Поблагодарите Н. А. за справку — очень для меня ценную.

А я все «дописываю» первый том своей истории. Осталось — словарь и синтаксис. Материал, как будто, подобран, но постоянно возникают новые проблемы и мини-проблемы, надо лезть в тексты, а это задерживает страшно. Хочу к концу года во что бы то ни стало сдать рукопись и приступить ко 2-му тому.

Буду ждать от Вас указаний относительно РЛ — какие номера Вам нужны. До сих пор (позор!) не вышел первый выпуск 3-го тома, они там в Голландии «перестраиваются». Вообще чудо, что еще нашлось издательство, печатающее научный журнал без каких-либо пособий и официальных поддержек просто на коммерческих началах. Но они обещали исправиться и выпустить все 4 выпуска еще в этом году (сумлеваюсь шшоп). Желаю Вам успешно втянуться в очередную работу (после отпуска), и буду очень рад всякому письму. С искренним приветом Ваш А. Исаченко

11 октября 1976

Глубокоуважаемый Александр Васильевич!

Я получил инструкцию по оформлению рукописей уже тогда, когда моя рукопись была готова. Сил переделывать еще раз (вначале у меня получилось уж очень неудачно) у меня, к сожалению, не хватает, надеюсь, Вы будете к этому снисходительны, потому что ведь приходится самому печатать, делая опечатки, править и т. д. При моей теперешней загруженности едва хватает времени на все это. Впрочем, главное отступление мое от правил состоит, как кажется, в том, что поля оставлены шириною не в три пальца, а в два. М. б. это сойдет? Если Вы одобрите мою статейку и найдете возможным ее опубликовать, то делать это придется без корректуры, по крайней мере без моего участия в ней: здесь дело уже не в занятости или лени, а в обстоятельствах. Удачного названия мне придумать не удалось, нынешнее — из рук вон плохо, сокращенный вариант «Лексико-семантическое снижение» звучит вообще бессмысленно. Здесь я надеюсь на Вашу помощь.

Я получил Ваше письмо от 17 сентября с. г. с очень интересными мыслями о Кирилле и Мефодии и новыми для меня сведениями о восточном обряде ирландских миссионеров. С удовольствием я узнал, что Вам импонирует гипотеза Никольского: у меня была мысль заняться ею на полном охвате новгородского материала. Заметили ли Вы, что среди новгородских граффити часты глаголические буквы, чего в Киеве нет?

Хочу также сообщить некоторые сведения о себе, поскольку замечая, что в этом отношении Вы по моей вине недостаточно информированы. В настоящее время я сотрудник института языкознания АН СССР, состою в находящемся здесь словарном секторе (который собственно относится к институту русского языка в Москве), в Группе 18-го века. Эта группа во главе

с Ю. С. Сорокиным и Л. Л. Кутиной занимается оставлением словаря русского языка 18 века на весьма солидных научных основаниях и на картотеке, насчитывающей до двух миллионов карточек. В конце нынешнего года выйдет в свет «Проект Словаря»²⁰, который Вам будет выслан, так что Вы познакомьтесь с этим предметом полнее. Сейчас составлено уже два тома (А–Д).

Некоторым неудобством нахождения здесь является то, что требуется выполнять большой план по составлению — 6 листов в год. Работа сложная и по преимуществу техническая. Если к этому прибавить разную текучку, то на научные изыскания остается совсем мало времени. В настоящее время я занимаюсь особенно много Третьяковским, историей Елизаветинской Библии, а также сбором материалов для полного изучения и издания древнеславянского перевода Песни песней. Недавно Комиссия по истории филологических наук приняла решение об издании лекций Соболевского, о которых Вам известно из моей статьи, так что в течение ближайших месяцев мне надо подготовить книгу²¹. В ней кроме самого текста Соболевского будет вступительная статья, библиографический комментарий, в приложении — библиография трудов Соболевского и две его статьи — «Особенности русских переводов домонгольского периода» и «Южнославянское влияние на русскую письменность 14–15 веков». Эти статьи с его лекциями могут дать полный портрет Соболевского-историка русского литературного языка. Мои связи с университетом — постоянные и близкие, но по большей части духовные, хотя время от времени мне приходится вести занятия по истории языка.

Дошло ли до Вас мое письмо от 15 сентября и отправленная одновременно бандероль с лекциями Ларина и «Ломоносовскими чтениями»?

Кстати о марризме. Его воскрешение, в роде того, что предпринял Гельгардт, не имеет и даже не ставит перед собою научной цели. Просто кое-кому хочется помянуть на прощание свою молодость добрым словом, реабилитировать безбожно очерненное прошлое. В научном и политическом отношении марризм уже даже не четырехдневный Лазарь, а персть и прах и пудра. Статья Гельгардта, хотя и напечатана в центральном журнале, но — как это часто у нас бывает — не отвечает никакой реальности. Это пустые слова.

14 октября 1976

Дорогой Анатолий Алексеевич!

Приношу глубокую благодарность за присылку книг. Ни «Лекций» Б. А. Ларина, ни «Очерков по истории РЯиЛ XVIII века» у меня не было. И то, и другое пришло очень кстати. Если книги действительно высланы

²⁰ Словарь русского языка XVIII века. Проект. Отв. редактор Ю. С. Сорокин. Ленинград, 1977.

²¹ А. И. Соболевский. История русского литературного языка. Л., 1980.

кафедрой, то я глубоко тронут вниманием и прошу от моего имени поблагодарить всех, кто способствовал высылке книг⟨,⟩ самым сердечным образом (получается какой-то анаколумф, но Вы поняли).

В свою очередь на прошлой неделе мы выслали Вам несколько оттисков. Очень просим сообщить, как только они придут, ибо дальнейшие посылки будут зависеть от того, правильно ли мы указали Ваш адрес. Повремените немножко, а потом пишите. Я приготовил для Вас целый ряд работ, а также комплект журнала.

Совершенно неожиданно для себя я принялся за слав. местоимения и местоименные наречия. Как это никто не замечал, что прономинальные основы ставятся с большой последовательностью не только в определенном роде, но и в определенном падеже. И как семантически интерпретировать особенно РОД.

Прономин. основа

ср. род: *ко-гда, то-гда, вьсе-гда, ино-гда, оно-гда, е-гдаже...*

ж. род: *ка-ко, та-ко, вьсь-ко, ина-ко, она-ко, я-ко-же...*

м. род: *къ-де, съ-де, вьсь-де, инъ-де, онъ-де, и-де-же...*

ж. род: *ка-мо, съ-мо, вьсь-мо, ина-мо, она-мо, ямо/а-мо-же*

ср. род: *ко-ли-ко, то-ли-ко, е-ли-ко*

ж. род. вин. падеж: *кж-доу, тж-доу, инж-доу, (отъ)нж-доу, онж-доу*

Род считается «согласовательным классом», но тут ни о каком согласовании и речи быть не может. Почему этот выбор родовых форм основы (и падежных, что легче объяснить)? Как связать «время» со средним⟨,⟩ «местонахождение» с мужским, «качество» с женским родом? Здесь вскрываются, по-видимому, какие-то очень глубинные семантические пласты. У нас тут в Клагенфурте на днях состоится общереспубликанский съезд лингвистов, и я хочу прочесть на эту тему и посоветоваться с индоевропеистами.

Ну, буду ждать вестей. Привет проф. Мещерскому.

Искренне Ваш А. Исаченко

PS Еще по поводу частицы *же*. Она является частью относительных слов (*кътоже, идеже, еликоже, аможе*), что видно, например, из словообразования — *уничтож-ить, ничтож-ество*.

3 ноября 1976

Дорогой Анатолий Алексеевич,

Только что закончил правку Вашей статьи и должен сказать, что я в восторге. Прекрасно подобранный материал, завидный охват литературы и источников, хорошо аргументированные выводы, стройное изложение. Много, что Вы помещаете в примечаниях, заслуживает более заметной подачи. Я счастлив, что Вы согласны с общими установками Успенского и моими относительно аристократичности лит. языка 18 века. Отсюда

и снисходительное отношение к иностранным словам, и равнение на французский — учителя всех дворов Европы. Ваши доводы (оценка с классовых позиций) особенно убедительны.

М. б., стоило остановиться (хотя бы в примечаниях) на возникновении слова *мещанин*. Ведь оно польское, а в русской среде с какого-то времени приобретает значение «мелко-буржуазный», ср. польск. *местечко*. Но представляется, что такое значение возникло только в 19 в. и, вероятно, довольно поздно под влиянием переводов с немецкого.

Стоило, м. б., остановиться на судьбе слова *толпа*. Это слово имеет в русском языке 19–20 веков заметную частотность, ср. хотя бы многочисленные примеры у Ушакова (*толпа хлынула* — под словом *хлынуть* и т. п.), ср. также у Козьмы Пруткова «когда в толпе увидишь человека». Далее — *улица*, а м. б. и *сволочь* (помните в стихотворении «Домик в Коломне»). Но все это можно будет включить в дальнейшую статью.

Я позволил себе присоединить к Вашему переводу слова *муж* «*hom*» еще «*vir*», так как *муж* в цсл. обычно передает ANHR. Ср. по этому поводу наивные рассуждения Михайловской (ВЯ 1974 5), где автор(,) совершенно игнорируя или, вероятно, просто не зная греческих эквивалентов, пытается «выявить» значения слов *человѣкъ* и *мужь* на основе их «сочетаемости». Любопытна оценка слова *буржуи* в упоминаемой Вами статье Рейсер(а). Занятно, что франц. форма *буржуа* представляется автору как «нормальная», а морфологически русифицированная форма *буржуи* (ср. *филе* — *филей*, *кофе* — *кофий*, *кофей*, *портупей*, *релей-ный*) «только постепенно стало полноправным».

Я лично не стал бы цитировать Шор, но это не существенно.

Единственное затруднение с Вашей рукописью: Вы ставите I вместо 1, но и при обозначении римской цифры. Учтите, что английские наборщики не в состоянии интерпретировать буквы П и Ш как II и III, а У как V. Далее: сокращение слова страница — стр., но мы его не приводим в цитатах (ВЯ 1975, 2, 256).

Еще одна существенная (очевидная для издательства) условность: названия монографий, сборников, журналов, серий и пр. «самостоятельных изданий» пишутся без каких-либо кавычек, но подчеркиваются (причем прямой, а не волнистой линией). Название статей (т. е. несамостоятельных изданий) приводится в «одинарных» кавычках. Я Вам это уже писал, но повторяю на всякий пожарный случай. Еще раз благодарю за прекрасный текст, постараюсь «двинуть» как можно скорее.

Искренне Ваш А. Исаченко

⟨после 3 ноября 1976⟩

Глубокоуважаемый и дорогой Анатолий Алексеевич!

Хочу верить, что наши письма разошлись. Не так давно я Вам писал и сообщил между прочим, что Вам отослана партия оттисков. Повторяю

свою просьбу: подтвердите получку, чтобы мы могли послать Вам вторую и следующие партии (оттисков и журнала).

Вашу статью я получил и буду рад ее напечатать. Никаких серьезных затруднений нет, только иногда нам от вас присылают такие рукописи, что плакать хочется. Коллеги, по-видимому, не понимают, что относясь к своим рукописям, они причиняют прямо физические страдания другим, ни в чем неповинным людям. Наш журнал самооплачивается, никаких субсидий мы не получаем, и в редакции работают (за дарма) мои юные сотрудники. Переписчиков или корректоров у нас нет, и приходится мне и моим друзьям тратить иногда много драгоценного времени из-за недисциплинированности особенно советских авторов.

Боюсь, что в моем втором письме я отчасти повторяюсь, но это вызвано понятными Вам обстоятельствами. Взяться за мысли Никольского я считаю необходимым. Прочтите, между прочим, в 7-м томе сочинений Герцена (изд. АН, 1956), что сказано на с. 460 и сл. о Новгороде. Это мой основной тезис. Из 15 рукописей, содержащих указание на глаголицу, 13 являются новгородскими.

Я так и думал, что Вы сотрудничаете в словаре. Не знал только, что Вы занимаетесь 18-м веком. Словарная работа — каторжная, я сам написал двухтомный словарь словацко-русский, причем черпал прямо из картотеки (словацкого толкового словаря тогда не было), потратил на это 17 лет, и теперь проклинаю это дело тем более, что никто так и не поблагодарил, а кое-кто из моих бывших учеников воспользовался им для стряпки «своего». То же сделал, может быть, не безызвестный Вам Кондрашов, которого за попытку «слизнуть» мой словарь сняли с работы и направили куда-то в пединститутские дебри. Но сейчас, говорят, он опять всплыл и как с гуся вода...

Очень буду благодарен за проект словаря, который будет отрецензирован в журнале. К сожалению, так называемый Словарь русского языка XI–XVII вв. оказался настолько слабым, что пришлось его разнести по всем статьям²². Оригинально то, что гарвардский славист Лант, не сговорившись со мной, написал уничижительную рецензию в Лэнгуэдж, причем касается совершенно иных вопросов, чем я, и в не менее беспощадной статье, в нашем журнале²³. Если сложить и то, и другое, получается просто потрясающая картина невежества, халтуры, анти-филологизма, просто примитивной глупости, причем в составе редколлегии насчитывается с десяток «членов». Уверен, что Ваша работа поставлена по-другому и что словарь 18 в. будет грамотным. Ведь Сорокин умнейший человек.

Вот Вы сетуете на судьбу, что Вам приходится сдавать в год 6 листов, а у нас тут нет таких учреждений, которые платили бы оклад за непродуктивную работу, причем ежегодно. (Знаете, мне рассказывали, что при по-

²² Рецензия Исаченко в *Russian Linguistics*, Vol. 3, No. 1 (1976), pp. 63–81.

²³ H. G. Lunt. On the Language of Old Rus: Some questions and Suggestions // *Russian Linguistics*, Vol. 2, No. 1 (1975), pp. 269–281.

пытке ввести в курсы русского языка аудио-визуальные методы — на Кавказе — оказалось, что эти методы не всегда применимы. Взрослым ученикам где-то в Дагестане показали картинку: мальчик сидит перед раскрытой книжкой. На вопрос «Что делает мальчик?» последовал ответ «ничаво» и совершенно, кажется, справедливо.)

Хочется сообщить Вам одно небольшое наблюдение, которое Вам как старому (я надеюсь) петербуржцу будет интересным. «Белые ночи» трактуется в словарях как пример значения «ясный» и т. п. А у Достоевского белые ночи совсем не связаны с освещением, это просто калька с франц., где *nuits blanches* обозначает «бессонную ночь». Вы согласны?

Издание полного перевода Песни песней мне представляется крайне важным и многообещающим предприятием. И я искренне рад за Вас, что будете издавать лекции Соболевского. Но чем они будут отличаться от уже имеющихся Лекций 1907 г.? Вам, конечно, известно, что мы располагаем прекрасным фототипическим переизданием Лекций. Что касается так называемого «второго» южнослав. влияния, то прошу обратить внимание на прекрасную работу болгарина Ильи Талева *Some Problems of the Second South Slavic Influence in Russia*, 1973. После Соболевского и Лихачева он первый взялся за дело и показал целый ряд ошибок, незамеченных проблем и проч., главным образом связал труды Киприана и др. с «реформами», имевшими место в Болгарии за несколько десятилетий до появления болгарских сановников в России. Впрочем, оказывается, что ни о каких «эмигрантах» и ни о каком «массовом» бегстве православных перед турками не может быть и речи. И Логофет, и Цамблак, и Киприан были назначены патриархом и прибыли на Русь до появления турок. Впрочем, я предпочитаю говорить о «реболгаризации» цсл. языка. Ведь смешно говорить о каком-то «втором» влиянии, раз и первое-то так никогда и не прекращалось, и последовало третье, четвертое... до н-ного (вратарь, радиовещание, здравница, главлит, древстрой и проч.).

За присылку лекций Ларина и Ломон. чтения приношу Вам самую глубокую благодарность (хотя и об этом я уже писал).

Мне было бы очень приятно, если бы оказалось, что Ваша оценка статьи Гельгардта — правильная. Но слишком часто мелькают в печати восторженные отзывы об одном из самых вредных явлений русской культуры. Я здесь ни на какие компромиссы не соглашусь. Ничего «умилительного» в поминании «молодости», стоящей под знаком насилия, клеветы, попытки ликвидировать русское языкознание я, признаться, не вижу. Пусть об этом вспоминают у себя дома, а не на страницах распространенных журналов. Вы, вероятно, себе даже не представляете, как это снижает авторитет, серьезность и достоверность (если можно так выразиться) русской науки. Но я подожду посмотрим, что напишут у Вас об этом. Статья готова и будет пущена в ход, если реакцией будет безмолвствование.

Конечно, корректуры мы будем править сами, об этом не беспокойтесь. Буквы *ѣ* и *і* у Вас не так существенны. Только почему они имеются на мо-

ей, купленной в Австрии, машинке, а их нет на машинках Института русского языка?

Вам, может быть, будет интересно ознакомиться с профилем нашей работы здесь в Клагенфурте (который моя покойная матушка по-русски называла Клюгенвурст). Это прелестный городок, столица провинции Каринтия, на берегу прекрасного озера и с великолепным альпийским пейзажем. Человек 80 000. Университет молодой, четвертый годик идет. Меня сюда привлекли воспоминания детства, ибо я здесь окончил гимназию (1920–28). Я сам занимаю кафедру общего языкознания, но, естественно, принимаю участие в работе славистов, а вплоть до прошлого года приходилось обслуживать почти все. Пока у нас можно получить диплом по русскому, словенскому и сербохорватскому языку. Ввожу чешский. Докторат можно по любому славянскому языку и литературе. Есть очень толковый профессор русской литературы, достоевед (Нейхейзер), есть профессор сербо-хорв. языка, а словенским занимаюсь я сам. Студентов маловато, около 50 сейчас, но ведь, повторяю, молодой университет. И работать с небольшими группами счастье после массовых лекций и семинаров в Калифорнии. Ежегодно в апреле я устраиваю так называемую Лингвистическую неделю, т. е. берется какой-нибудь круг вопросов в качестве единственной темы и приглашаются аспиранты, ассистенты и профессора из всех европейских университетов. В прошлом году были участники из Скандинавии (все страны), Германии, Швейцарии, Австрии и Югославии. Семинары провожу я сам. Молодые участники имеют возможность поставить на обсуждение свои личные работы на данную тему. В прошлом году у нас обсуждалась поэтика русского стиха 20 века, в 1975 г. история русского языка, еще раньше — морфофонемика, а теперь будет вид. Должен Вам откровенно сказать, что я не ценитель Бондарки и как-то обхожусь без его мудрствований. А сейчас выходит очень много и хорошего, и слабого по вопросам вида.

Преимущество Клагенfurта в том, что его очень легко найти: из Вены 4 часа, из Мюнхена — 5 часов, до Венеции — 3, в Люблян — полтора. Постоянно приезжают коллеги и охотно останавливаются у нас с лекциями. У меня по русскому языку два лектора (один родившийся уже за границей русский, другой — мордвин из Саранска), два ассистента, младшие сотрудники. Заниматься можно, и молодежь с энтузиазмом воспринимает все, что касается неизвестной ей культуры. Я ей показываю средневековую живопись, архитектуру, песнопение, много занимаюсь новыми раскопками, да и у нас тут есть кое-какие раскопки, относящиеся к 9 веку. Устраиваем самодеятельные концерты славянских композиторов — Шопена, Дворжака, Сметаны, Скрябина, разучиваем песенки на слова Есенина. Жить можно, и впечатление, что делаешь дело. А контакты с Югославией самые живые и вдохновительные. Так удалось «в глуши» создать островок славистики, который, надо полагать, будет расти и крепнуть. Библиотека недурная, хотя, естественно, ЖМНП пока еще нет. Но ничего не стоит выписать из Вены. А в моей основной кафедре все как следует: прекрасный

сонограф, сегментатрон, есть приборы синтетической речи, сейчас обследуем эрзя-мордовский язык.

Ну вот, опять расписался. Очень прошу сообщить, получили ли Вы отписки. Поклон проф. Мещерскому, Всего Вам наилучшего.

Искренне Ваш А. Исаченко

6 ноября 1976

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Васильевич!

С тех пор, как я написал Вам 11 октября с. г., — надеюсь, что письмо дошло до Вас — я получил Ваши письма от 27 сентября и 11 октября, а также сборник в Вашу честь, с выходом которого я от всей души поздравляю Вас, тем более что им, кажется, открываются периодические издания молодого Клагенфуртского университета. Предисловие к сборнику несколько лаконично, но все же из него я узнал о Ваших давних связях с Клагенфуртом. Хотелось бы также видеть в подобном издании библиографию Ваших трудов, думаю, что это должен быть впечатляющий и поучительный список. По содержанию сборник, на мой взгляд, обладает тем недостатком, что в нем нет Вашей собственной статьи. Из того, что в нем представлено, меня, естественно, больше всего заинтересовала статья Г. Вытженса, по тому особенно, что сходная заметка была недавно опубликована Н. А. Мещерским в Вестнике ЛГУ.

Наблюдение, которым Вы поделились со мною в письме от 14 октября о распределении местоименных основ по местоименным наречиям, замечательно. Оно так же просто и содержательно, как очень мне симпатичная Ваша классификация Ве и Наве языков (мне, правда, известны лишь тезисы, вышла ли статья в полном виде?), как Ваша теория залога и некоторые другие находки. Интересно, можно ли подыскать параллели в других языках?

Ваше письмо от 27 сентября содержит много интересных и полезных сведений.

Во-первых, благодарю за справку о Погорелове. Мне было очень интересно узнать мнение живого свидетеля, тем более Ваше, оно подтвердило некоторые мои впечатления, основанные на изучении научного наследия Погорелова. Кстати сказать, его «принцип пословного перевода» в качестве характеристики переводческой техники Кирилла и Мефодия воспринят Верещагиным в известных Вам работах последнего. Под влиянием критики Верещагин вынужден был на докторском диспуте отказаться от этого метафизического изобретения.

Ваше понимание диглоссии меня вполне устраивает, я бы только хотел добавить, что в отличие от явления, описанного Фергюсоном, диглоссия в России — письменная, и именно письменная диглоссия доступна изучению теперь. Нельзя отрицать определенной кодификации в русской письменности при том, что традиция ее была чрезвычайно устойчива. Таким образом, оппозиция кодифицированного и некодифицированного здесь не

играет. Работа Успенского и Лотмана о пьесе Боброва мне известна, я ее очень ценю, особенно определение системы оппозиций, через которую воспринимался цел. язык в 18 веке, но не одобряю в ней некоторых тенденций к упрощению языковой и культурной ситуации, и тенденции эти рассматриваю как следствие метода культурологического структурализма, каким пользуются авторы.

Ваше отношение к церковнославянскому языку мне вполне понятно, я вовсе не упрекал Вас этим, но, напротив, предупреждал, что многими оно действительно понимается превратно. Впрочем, в одном пункте я, кажется, с Вами не соглашусь: это нравственная оценка протопопа Аввакума и стольника Толстого. Ваша оценка мне кажется следствием «европоцентрического» взгляда на русскую историю. С этой точки зрения история многих народов может потерять всякий смысл, хотя надо согласиться, что европейская культура универсальна. Однако ведь и карамзинизм это не Европа, а только усвоение фразеологии при равнодушии к содержанию, ведь и Пушкин при своем европейском гении спокойно переносил рабство соотечественников и единоверцев, т. е. крепостных. Можно ли относиться к ним иначе только потому, что театральную ложу они не называли чуланом? Перевод св. Писания на русский язык появились лишь тогда, когда сложились потребности богословия, т. е. в 19 веке. Архиеп. Геннадия это не интересовало. Недавно одна из студенток ЛГУ отнесла слово голгофа к неологизмам Маяковского. Можно ли упрекать ее в невежестве? Нет, я думаю, нужно восхищаться успехами научного атеизма. Любое явление следует оценивать в пределах системы, в которую оно заключено и функционирует, через критерии, даваемые этой системой.

Я не уверен также, что противопоставление более демократической культуры Новгорода культуре Москвы вполне ощущалось современниками. Во всяком случае новгородцы в основной массе готовы были жертвовать своей культурой ради таких выгод, которые теперь нам даже непонятны. Как отметил Соболевский, диалектизмы в новгородской письменности стали исчезать еще до падения Новгорода. Вспомните также, что новгородские еретики искали убежища от преследований Геннадия именно в Москве и по началу довольно успешно.

Я рад, что до Вас дошли книги Ларина и «Очерки». Посылаю библиографический словарь Булахова, может пригодиться для работы со студентами. Работы по истории науки и источниковедению сейчас у нас не редкость. Через несколько лет это может отразиться на повышении общего уровня исследований.

Я в свою очередь жду Ваших оттисков. Что касается полного комплекта РЛ, то я на него пока не претендую. Это дорого, к тому же номер 2 первого тома до меня может не дойти. Большое спасибо, дорогой Александр Васильевич, не принимайте мой отказ за нахальство или мракобесие (по моему настоянию РЛ выписывается со второго тома нашей библиотекой).

Искренне Ваш А. Алексеев

Дорогой и высокоуважаемый Александр Васильевич!²⁴

Я получил Ваше письмо от 3 ноября и очень тронут Вашим отзывом о моей статье. Вместе с тем сожалею, что неумелым оформлением доставил Вам лишние трудности.

Действительно, представление о «демократизации» рус. языка в 18 в. проникло глубоко в научные представления. Даже очерк Успенского и Лотмана²⁵ в противоречие с основной концепцией авторов допускает эту «стремительную демократизацию» (стр. 202). Понятие «демократизации» языка могло бы подразумевать три явления: 1) влияние демократических слоев населения на норму, 2) расширение соц. базы лит. языка за счет широких демократических слоев, 3) усиление в лит. языке русского элемента (что и имеют в виду Усп. и Лотман). Первого в 18 в. не было вовсе, второе выражалось в том виде, что лит. язык распространился в дворянской среде (и то с известными оговорками) и почти не затронул другие сословия, третье нельзя называть демократизацией, потому что в цсл. языке не было ничего аристократического, тогда как рус. язык особенно в конце столетия был совершенно определенно связан с аристократич. претензиями (что и отмечает Усп.). Демократизация лит. языка наступает по всей видимости во второй половине 19 ст.

Вместе с тем, Александр Васильевич, я бы не хотел говорить об «аристократизации» лит. языка в 18 в., потому что до той поры он также не был принадлежностью низших сословий. Цсл. язык, прежде выполнявший роль лит. языка, был принадлежностью духовного чина, а этот чин не входил в иерархию общественных групп. Церковь располагалась параллельно обществу, в ряде случаев повторяя его структуру его [sic], но в общество не включалось — в этом представлении я следую Ключевскому.

Ваши замечания о слове *мещанин* совершенно справедливы, но я не считал нужным распространяться об этом, так как в названной мною статье Бельчикова так или иначе подобные материалы представлены. Слова *сволочь* и *толпа* мною не рассмотрены, т. к. у них другой принцип «семантической. снижения»: первое не имело начальной связи с кругом соц. представлений, изменение второго скорее, кажется, дань байронизму.

Напротив, *чернь*, видимо, изначально связано с кругом соц. представлений. Семантическая параллель представляют тюркские языки, думаю, что *чернь* семантический тюркизм. Интересно также, что *холоп*, согласно этимологии Менгеса (см. в русском издании Фасмера), также может быть тюркизмом. Вообще в составе древней соц. терминологии тюркский элемент недостаточно выявлен, а он в некоторых случаях оказывается общеславянским.

Любопытным мне кажется соц. применение уменьшительных суффиксов в именах. Рядом с такими парами как *муж* — *мужик*, *дева* — *девка* оказываются *мама* — *мамка* «служанка, воспитательница», *дядя* — *дядька*

²⁴ В письме Исаченко от 3 января это письмо упоминается с датой 20 ноября.

²⁵ См. прим. 19.

«слуга-воспитатель», няня «старшая сестра или какая другая родственница» — нянька «служанка-воспитательница». Возможно, это общеславянское явление, но я пока не подобрал других материалов.

Вы правы, что нет нужды цитировать Шор, тем более, что в ее материале некоторые неточности, которые остаются без комментариев. Эта цитата случайно сохранилась из более обширного первоначального варианта. Если есть возможность выкинуть ее, то я бы ничуть не был против.

Искренне Ваш

23 ноя(бря 1976 г.)

Александр Васильевич!

Не успел я отправить Вам письмо, как получил следующее (без даты).

К сожалению, должен признаться, что оттиски Ваши все еще не дошли до меня. Надеюсь, Вы послали их заказной почтой и на адрес института? В письме от 8 ноября я сообщил Вам, что благополучно получил сборник в Вашу честь. Меня также очень беспокоит задержка бандероли. Если отправление не дойдет и на этот раз, то придется, видимо, отказаться вовсе от этой затеи. Очень жаль, что я доставляю Вам такие неприятности.

Переходя к содержанию Вашего письма, замечу, что мысли Герцена из статьи «Развитие революц. идей в России» мне также близки и понятны. По этому поводу я могу только привести весьма мрачный афоризм Ключевского: «Закономерность исторических явлений обратно пропорциональна их духовности».

Здесь в настоящее время одна молодая сотрудница собирается обследовать рукописи XV в. из Софийского собрания, возможно, ей удастся установить, какие редакции богослужебных книг и текстов св. Писания были распространены в Новгороде. Мне кажется, что это наиболее перспективный путь изучения истории крещения Новгорода, хотя существуют колоссальные трудности в установлении древнейших редакций. Впрочем, они все же преодолимы. Речь в частности должна идти о истории паримейника.

Действительно, словарь XI–XVII вв. получился из рук вон плохим. Рокковым моментом в его долгой истории было перемещение картотеки из Л-да в Москву, последовавшее за дискуссией по вопросам языкознания. В Москве так и не появилось квалифицированных лексикографов, сам план издания не имеет ничего общего с научными задачами. Выход первых трех выпусков этого долгожданного словаря был встречен, как Вы могли заметить, здесь у нас гробовым молчанием. Рецензия Ланта мне пока не попадалась на глаза, да мне бы и не пришло в голову искать ее в Лангвидж, теперь посмотрю. Был однако довольно благожелательный отклик в Цайтшриффт фюр Славистик, т. 20, где словарь оценивается, правда, лишь как собрание материала. Видимо, никакие силы не смогут теперь внести существенных перемен: по этому плану и с таким же качеством составление доведено, как говорят, до О или даже П.

Должно быть, я неловко выразился в своем письме, так что Вы не поняли, что речь идет об издании лекций по истории рус. лит. языка Соболевского, о которых сообщается в моей статье в ВЯ № 5 прошлого года.

Работа Талева мне известна, хотя сейчас довольно поверхностно, но уже при первом знакомстве она производит прекрасное впечатление.

Мне было очень интересно узнать о Вашей жизни в университете, кое-что мы слышали правда от г-жи Хютль, когда она была здесь в сентябре с. г. Расположение университета исключительно удачно во всех отношениях.

В одном из номеров РЛ я с завистью прочел сообщение о семинаре по истории русского языка, где Вы, как помнится, читали два дня лекции и вели разборы текстов. Самый интересный семинар здесь — это семинар Мещерского: уже несколько лет мы читаем славянский текст Иосифа Флавия сопоставлено с греческим.

Наконец, благодарю Вас за разгадку белых ночей, которая оказалась так проста. Я взглянул в словарь Татищева (французско-русский словарь на основе словаря Академии, издававшийся с конца 18 в. несколько раз) и тотчас нашел подтверждение Вашего сообщения о смысле французского оригинала. Страшно просто, но почему-то никому не известно. Надеюсь, Вы опубликуете заметочку об этом где-нибудь в печати? Как, кстати, прошел Ваш доклад о местоименных наречиях?

С наилучшими пожеланиями
искренне Ваш

2 декабря 1976

Дорогой Анатолий Алексеевич!

Получил Ваши письма от 20 и 23 ноября и премного Вам за них благодарен. В Ваших эпистолах я всегда нахожу ценнейшие мысли и материал для раздумий. Трудно писать о таком колоссальном «предмете» как история языка, не имея возможности поговорить, проверить, поспорить со знающими. А кто у нас здесь знающий? Мне очень понравились Ваши мысли о положении цсл. языка и социальной роли духовенства в 18 веке. Но вот что получается: в конце концов именно наименее «аристократические» индивиды, пошляки вроде Шишкова стали запоздалыми апологетами цсл. языка! Кажется, произошло небольшое недоразумение. Я не утверждаю, что во второй половине 18 века лит. язык «стал» аристократическим. Мне вопрос представляется так, что «на выходе», в первой трети уже 19 века, оказалось, что новый, истинно литературный русский оказался *продуктом* аристократических кругов, ибо лишь в этих кругах господствовал (франко-русский) билингвизм (тут я расхожусь с Лотманом и Успенским). Если сравнить «глоттогенез» литературных языков таких обществ, в которых аристократический слой был утрачен (чешский, словацкий, словенский, литовский), то окажется, что эти языки в период национального «возрождения» ориентировались на язык деревни, ибо носителями «воз-

рождения» были учителя, ксендзы, ремесленники. Желая получить политическую власть в странах, где их народ составлял большинство, они не имели другого выбора, как ориентироваться на пока еще неграмотную деревню, а это в свою очередь было возможно лишь при условии, что деревня «поймет» (или притворится, что понимает) абстрактную терминологию. Так возникают всякие *ровняки* вместо *экватора*, *точны* вместо *полюсов*, *лучбы* вместо *химии* и тысячи других. Так синтаксис приспособился к незамысловатому синтаксису деревенской речи, ср. хотя бы отношение к причастиям в истории украинского языка. Отсюда ксенофобия, пуризм, деревенская фразеология («всерьез»), пополнение словаря из запасов деревенской и ремесленной лексики. В России положение было совершенно иным: для многих, надо полагать, французский язык был либо первым языком, либо вариантом русского. Французские элементы совершенно свободно ассимилировались, с ними никто не «боролся» (кроме уже упомянутых пошляков), специальный словарь создавался в значительной мере на основе цсл. Ведь смешно было бы говорить о «молочной дороге» и «вытягивании» квадратного корня. А такое отношение и к французскому, и к цсл. существовало лишь в тех кругах, где письму учились на Часослове и Псалтыри, а от мсьё или мадам приобретали все остальные качества. Церковь тут ни при чем. Никто из принимавших активное участие в «создании» нового языка (18–19 вв.) не ориентировался на «народ», никто не пытался приобщить крепостных к культуре, дать им грамотность, сделать их своими союзниками, в этом исторически не было нужды. Были — и не могли не быть — настроения включить в новый язык элементы русского «колорита» — не больше. Я где-то читал, что еще в начале 19 века расфуфыренные представители современной культуры после менуэтов и рейнских вин «скидывали» парики, дули квас и слушали «песельников». Своеобразный синкретизм, который надо будет еще обследовать. Но ведь это не «демократизация».

Спасибо за справку относительно Лекций Соболевского. Это я недосмотрел. Меня очень удручает, что оттиски пока не дошли. Мы не послали их заказным, но в университет. Не знаю, как быть. Рад, что хоть сборник дошел до Вас. Это ведь не «настоящий» сборник, «дополнительный» от имени лишь моих австрийских коллег и учеников. Настоящий — с библиографией и полным био-описанием²⁶ — задержался, как это всегда бывает, особенно сейчас, когда типографии стали требовать фантастических цен. Помню, в Анапе, во время гражданской войны, на лавке мелкого кооператива была вывеска:

Таваравъ нѣт
И нѣзвесна

²⁶ Studia linguistica Alexandro Vasili filio Issatschenko a collegis amicisque oblata, Dordrecht: de Ridder, 1977.

Вот примерно так обстоит дело со сборником. Но должен появиться первый том моих «Селектид райтингс» — непременно пришлю.

О BE/HAVE очень хотелось бы выслать оттиск²⁷, только у меня оно нет. Сделаю копию и вышлю. А на счет RL не беспокойтесь. У меня освободился один номер, и я начиная с III/1 смогу Вам регулярно высылать. Сообщите, устраивает ли это Вас или Вам достаточно иметь журнал в библиотеке.

Возвращаясь к Вашему письму от 8 ноября, хотелось бы Вам сказать, что я полностью принимаю Ваши возражения. Конечно, диглоссия была и неписьменная, но судить о ней непосредственно мы не можем. Но ведь и Фергюсон, кажется, писал только о печатных вариантах.

Мое отношение к цсл. языку не столь «линейно», как это может показаться после прочтения моих последних статей. Я продолжаю думать, что реформы, сводимые к восстановлению архаичных форм, серьезно тормозили культурное развитие страны и что перевод св. Писания в 16 веке мог бы повернуть колесо истории. С другой стороны, я признаю, что сохранение цсл. традиции вплоть до европеизации позволило создать именно такой язык со всеми оттенками и нюансами, данными сопряжением русских и цсл. элементов. Об этом будет подробнее в моей книжице.

Что с моей оценкой Аввакума не согласятся — это мне было ясно. Но тут действует какой-то атавизм. Идеологически Аввакум был мракобесом, русопятом, почти «народником», и трудно себе представить, что бы случилось с Россией, победы тогда не Никон, а он и его соратники. Это, направленное на «вчера» заискивание перед читателями (мы, мол, простенькие, не логофеты какие-нибудь или дидаскалы), отношение к астрономии и коровам, да просто его глубокая вульгарность почему-то не принимаются к сведению, не учитываются, отстраняются. Никакой он не писатель (и уже не «крупнейший», как выражается Робинсон). Его памфлеты не лишены человеческих черт, ими начинается долгая вереница документов, в которых вы найдете и княжну Долгорукову, и Достоевского, и остров Сахалин Чехова, и кое-что еще. Но я не могу забыть, что Аввакум был современник великих авторов, художников, ученых, мыслителей и что его вклад в общечеловеческую сокровищницу равен нулю. Я всегда призываю своих учеников в «синопсису», к сопоставительному восприятию икон и кватроченто, идеологии рыцарей и киевских дружинников, литературы альбигойских еретиков (эротическая лирика, роман) и житий (скажем, Феодосия). Это все разное, но только южно-французская лирика создала предпосылки для Пушкина, роман 12 века — для «Войны и мира», а житие преподобного Феодосия никаких предпосылок не создало. Это надо помнить и не зрывать, как говорят. Ваша притча о «галгофе» замечательна, и я понимаю, что Вы имеете в виду. Но у Вас имеется некая деформация, от которой и мне самому пришлось освободиться, деформация воспитания, среды,

²⁷ A. Issatschenko. On 'Have' and 'Be' Languages (A Typological Sketch) // Slavic Forum: Essays on Linguistics and Literature (m. Fler, ed.). The Hague–Paris, 1974, 43–77.

традиции, непроверенной системы ценностей. Вы на меня не сгуйте за такую откровенность, но я действительно воспринимаю дифирамбы Аввакуму как обидное недоразумение. Отношение к рабству (отрицательное) — это еще не признак «Европы». Возьмите героев Диккенса, так ведь это же звери, чудовища, изверги. А через полстолетия из этих же самых лондонцев получились джентльмены, которые впрочем и сами торговали белым товаром. Вы сравните, в каких категориях описывал Россию Василия 3-го барон Герберштейн и в каких категориях (харях, чуланах и проч.) описывает венецианский карнавал стольник Толстой. Я всегда был убежден, что афоризмы деда Козьмы Пруткова заимствованы именно у стольника, хотя прототип может быть и на сто лет моложе.

Я регулярно вот уже пятый год устраиваю здесь Лингвистише Вохе. Это не совсем семинар. Задается генеральная тема и в общем я ежедневно провожу занятия с участвующими (несколько профессоров, доценты, аспиранты, докторанты и проч.). Желающим предоставляется, однако, возможность сделать сообщение, т. е. предложить на обсуждение главу или тезисы работ, стоящих в центре их внимания в данный момент. Это меня страшно утомляет, но и радует и дает большое удовлетворение. В этом году (апрель) тематика очень сужена: новые мысли о глагольном виде и залоге. В русском языке, конечно.

«Уменьшительные» в русском языке, как Вы, конечно, знаете, вовсе не всегда «уменьшительные». Часто общее значение «нечто вроде»: ножка стула, ручка, горлышко бутылки, «брюшко» насекомых, «головка» булавки, «глазок» на пере и прочее. В таком духе можно трактовать и няньку, и мамку, и дядьку. В других славянских языках, где лит. язык создавался мелкой буржуазией, уменьшительные формы имеют совсем другую — «интимную» — функцию. Ср. в чешском *хлебичек*, *пивечко*, *масичко* «масло», *татинек* «папаша», *тетичка* «тетушка», *стрейда* «дядя».

Ваша статья уже сдана в набор.

Кончаю, задержал Вас. Простите. Желаю Вам всего самого хорошего, передайте сердечный привет проф. Мещерскому. Я недавно просматривал работу Чехерля о «Иудейской войне». Знаете такую?

Если оттиски придут, сообщите. Пока не будем высылать.

Искренне Ваш А. Исаченко

PS В свое время я писал о чеш. *synovec* «племянник», *bratranec* «двоюродный брат», *sesternice* «двоюродная сестра» и связывал это с групповым браком, матриархатом и проч.

3 января 1977

Дорогой и глубокоуважаемый Анатолий Алексеевич!

Ваше письмо от 19 декабря получил и приношу Вам благодарность за Ваши пожелания. Позвольте же и мне пожелать Вам от всей души всяче-

ски благ, личных успехов, удовлетворение и главное здоровья в этом для всех нас еще таинственном 77 году.

Очень Вам благодарен и за книгу Булахова, которую я по Вашей просьбе отдал в библиотеку, рекомендовав ее студентам. Она, кажется, вполне толковая. Все Ваши письма (от 8, 20 и 23 ноября) передо мною. Мне пришлось в декабре совершить поездку по Австрии с лекциями в Вене и Зальцбурге, а затем наступила каникулярная пора, которую я всецело посвятил доделке первой части своей книги. К моему ужасу, получилось около 800 машинописных страниц, о чем я вчера же не без внутреннего трепета сообщил своему издателю. Как Вам известно, книгу писать не так легко, а жаль было бы, если бы вдруг издатель, убоявшись бездны премудрости, попросил либо существенно сократить, либо вообще снял бы титул. Но издатель — джентльмен, меценат, любитель славянской филологии, и я уповаю на его великодушие.

Лекции возобновляются 10 января, чтобы окончательно прекратиться в этом семестре в конце месяца (я такие конструкции называю «инфинитивом иронии судьбы»). Весь февраль у нас свободен, и мы с женой собираемся к Адриатическому морю, в Аббацию, ныне Опатию, где цветут мимозы, камелии и всякая прочая прелесть. А от нас на машине 5 часов езды. Вот там и отдохну.

Вот уже несколько лет, как я устраиваю в апреле некое сонмище русистов (профессоров, доцентов, аспирантов, ассистентов), где в общем соло провожу с ними занятия по какой-нибудь теме. В прошлом году была русская метрика 20 века, до этого — история русского языка, в этом году — вид и залог. Приезжают маститые немцы, усердно записывают и потом этим живут семестр или два у себя в университетах. Но слово предоставляется также молодежи: ей дается возможность выступить с докладом по выбору (но с тематическим ограничением). В этом году будем проводить занятия во второй половине апреля — съезжаются из Норвегии, Швеции, Дании, Германии, Швейцарии, Польши, Италии, Югославии, а австрийским юным русистам мы даем стипендии. Все это требует много энергии, но видны результаты и выработался весьма продуктивный «дух».

Спасибо Вам за чудную карточку — я очень люблю эту архитектуру, хотя мало ее знаю. Я-то сам именно коренной (родился на берегах Невы), но объездить Север не успел. Правда, в 1917 г. проехал через Череповец, но что-то мало помню. Диалектологически поездки в эти края, должно быть, не лишены интереса. А шепелявить Вы научились?

Подводя итоги своего сравнительно краткого здесь пребывания, прихожу к выводу, что многое из задуманного не удалось. Я мечтал поставить славистику в этой стране и особенно русистику на новую «платформу», подчеркивая необходимость настоящих практических знаний хотя бы одного славянского языка. Во всех комиссиях и комитетах я проводил именно эту линию, но безрезультатно. Местные недослависты предпочитают считать, что практическое знание языка — обуза, что для этого существу-

ют лектора, а славист-профессор должен владеть «теорией», т. е. различать еры в писаниях Иоанна Экзарха. Вот Вы имели счастье повстречаться с мадам Хюттль — ведь это позор. Она усидчива, роется в старых словарях и что-то там даже находит, но никакого полета, часто абсурдные выводы, свидетельствующие о незатронутости во многих областях истории и теории языка и проч. Но мадам Хюттль еще не самая слабая. Боюсь, что после моего ухода (на пенсию, допустим) дела придут здесь в первобытное состояние: будут мусолить Экзарха или там аористы, и все. Тут у нас ведь еще своеобразное задание: в Каринтии (столицей которой и является Клагенфурт) проживает небольшое меньшинство словенцев (в свое время я написал небольшую монографию о их диалектах). Есть тут и государственная гимназия словенцев — самая передовая средняя школа в стране. У нас каждый год несколько выпускников этой школы начинают занятия. Я говорю по-словенски без акцента, стараюсь внедрить некие нормы современного языкознания в исследования словенского языка в плане синхронии и диахронии. Сами словенцы чрезвычайно консервативны и недавно обнаружили фонему. Хотелось бы подготовить полнокровного лингвиста, ибо в их национальных центрах это пока невозможно. Но вот молодцы, начинают заниматься, есть талантливые, но через год-два их заедает местная мелочная политика, они почти бросают университет, и никакого толку от них нет. И это меня удручает и заставляет усомниться в целесообразности моей здесь педагогической работы.

Дошел ли до Вас первый выпуск 3-го тома журнала? Я повторяю, что могу Вам выслать партикулярный экземпляр, если Вы этого пожелаете.

Не помню, писал ли я Вам, что я здесь на общего языковеда и славистику «представляю» лишь отчасти. Есть весьма толковые юные лингвисты, я их знакоблю с принципами так называемой «пражской» школы, которую создали Трубецкой, Якобсон да Карцевский, но и «хомствую» в меру. Упор делается на фонологию (у меня очень недурная лаборатория с новейшими анализаторами и с рядом пока еще не усовершенствованных синтезаторов). Кроме этого, мне приходится проводить ряд занятий по современному немецкому языку. Так вышло, что у германистов все только литераторы или допотопные историки языка, а всю нагрузку по структурному анализу современного языка несу в общем я. Вы не думайте, это не халтура, у меня много публикаций по немецкой фонологии, морфологии, синтаксису. Но приходится разбрасываться, а это не впрок. Здесь своеобразная проблематика, так как население говорит на диалекте, весьма отдаленном от литературного языка, и возникают всевозможные социолингвистические и педагогические проблемы в связи с внедрением лит. языка в школу. Это все не так просто, как у Вас. Тут родители протестуют, что учитель «запугивает» детишек каким-то им (детишкам) совершенно непонятным языком, что дети интеллигентных семей пользуются привилегиями и проч.

Перечитывал «Угрюм-реку» Шишкова (1951). Считаю эту книгу может быть самой талантливой послевоенной книгой. О ней почему-то молчали и

молчат. Но один язык чего стоит. Если Вам не приходилось ее читать, возьмите, Вы ведь жилали в Сибири. Ручаюсь за успех.

Все собираюсь выслать Вам копию моей статьи о *be* и *have*.

Ну вот, опять что-то разболтался, но с Вами и письменно побеседовать приятно. Предайте мои пожелания членам своей кафедры (института), проф. Мещерскому и другим, меня помнящим.

Шлю искренний привет и остаюсь Ваш А. Исаченко.

23 февраля 1977

Дорогой Анатолий Алексеевич! Все Ваши письма получил. Приношу великую благодарность за книгу Булахова, которую отдал нашей библиотеке, и только жалею, что оттиски так до Вас и не дошли. Посылаю свои «Избранные работы»²⁸. Я руководствовался скорее внешними признаками при выборе статей: степень недоступности, время публикации, объем. Может быть, Вы найдете там что-нибудь интересующее Вас.

Позвольте мне сперва ответить на Ваше письмо от 19 декабря. Я рад, что богоспасаемый град наш Вам понравился. Действительно, здесь крупный духовный центр, контакт со всем миром. В апреле я уже пятый раз устраиваю так называемую «лингвистическую неделю», на которую съезжаются профессора, доценты, аспиранты, лекторы из 7–9 стран. Провожу занятия я один, пригласив лишь одного коллегу в качестве гастролера. В этом году генеральная тема — вид и время в русском языке. Об этом очень много писали в последние годы и создалась неразбериха. Вот и будем разбирать, что к чему привешено. В октябре здесь была общереспубликанская лингвистическая конференция с участием двухсот языковедов. А надо Вам сказать, что я был в 1971 г., когда вернулся из Лос-Анджелеса, единственным профессором не-педагогом. В то время хотели создать некое чудовище, занимающееся просвещением, образованием, педагогией, социологией, а вот сейчас у нас полностью работают все филологические кафедры (русский, словенский, сербохорватский, немецкий, англо-американский, французский, итальянский и общее языкознание, а мы пока лишь на 4-м курсе!). Библиотека, правда, швах, но есть «средства», и надо думать, что годиков через десять будут и библиотеки.

А я вот, коренной петербуржец, родился там и был вывезен. А дорогу к нашему дому от Московского вокзала нашел вслепую, всю запомнил. И как петербуржец Москвы не люблю. Вырос я уже здесь, в Австрии. И с детства владею словенским языком и местным диалектом. Начал-то я свою научную карьеру именно в диалектологии. А теперь возвращаюсь в места столь знакомые и повсюду нахожу друзей.

²⁸ A. V. Isačenko. *Opera selecta. Russische Gegenwartssprache, Russische Sprachgeschichte, Probleme der slavischen Sprachwissenschaft* (Forum Slavicum, ed. D. Tschizewskij. Band 45). München, 1976.

В своем письме от 6 ноября Вы коснулись моего сборника. Есть сведения, что в скором времени выйдет «настоящий» сборник, где информация будет более обильна. Сейчас в Европе происходит перестройка типографского дела с «набора» на «композер», и это производит нежелательные перебои в издательском деле. Профессиональные союзы борются с грозящей многим типографам безработицей, пытаются задержать переход на композеры, но развитие нельзя задержать. Этими обстоятельствами объясняется задержка с печатанием «настоящего» сборника, который я Вам непременно вышлю.

Получили ли Вы мою статью насчет *have* и *be*? Если не получили, попробую выслать вторично.

Что касается славянских местоимений, то ни в балтийских, ни в других известных мне индоевропейских языках я такого распределения по родам не нашел. И причины остаются мне неясными.

Элементы Вульгаты в переводах могут иметь и вполне рациональное объяснение. Ведь солунские братья нашли на Мораве (мы так говорим) христианство, проникшее по крайней мере за три поколения до их прихода через посредство ирландских миссионеров. О том, что эти ирландцы перевели основные молитвы и ряд других текстов, не может быть ни малейшего сомнения (я об этом писал в *Вопросах славяноведения* 1963 г.). Таким образом, не исключено, что у сотрудников братьев кроме Септуагинты могли быть и экземпляры Вульгаты. Старик Погорелов (причинивший мне лично много горя) знал блестяще греческий язык и его наблюдения заслуживают внимания. «Пословно» или «не пословно» трудно решить в общем виде. В ряде случаев греческий словопорядок в евангельских текстах поразителен.

Очень Вам благодарен за Ваши замечания относительно русской диглоссии. Разумеется, эта диглоссия — письменная. При всеобщем стремлении сгладить или даже скрыть наличие двух языков на Руси, двуязычность следует всячески подчеркивать. Что я и сделал в только что сданной мною первой части «Истории русского языка (до 1700 г.)». Противопоставление «кодифицированный» — «некодифицированный» для меня не играет решающей роли. Швейцарский диалект, на котором говорят и интеллигенты, достаточно кодифицирован. Работа Успенского и Лотмана о «Царстве теней» прекрасна, но и я иногда думаю, что авторы увлекаются выявлением семиотических оппозиций: их уж слишком много. Вообще, должен Вам сказать, что культурологический структурализм меня мало привлекает, ибо не выработана пока общая теория, так что ценные и интересные наблюдения подчас носят несколько импровизированный характер.

Я ни минуты не сомневаюсь в том, что за мое (весьма дифференцированное!) отношение к церковнославянскому меня будут «крыть» и знатоки, и (особенно) невежи. Что ж поделаешь: кому-то надо было сказать во всеуслышание, что восточнослав. и церковнослав. не просто «два разных, но близких» языка, а что здесь имеется противопоставление естественного

(разговорного или близкого к нему) славянского языка с искусственным, созданным по образцу греческого, никогда не бывшего «родным» языком какого-либо социума, языка, усвоение которого не просто сводится к замене групп *трат* на *торот*, а к весьма продолжительному и упорному труду, к незаурядной способности усвоить категории мышления, стиля, «топои», ясность изложения, периоды, организацию текста, абсолютно отсутствующие в любом памятнике восточнослав. языка. В «Слово (о полку Игореве)» я не особенно верю и поэтому оставляю его в стороне как текст крайне спорный. Ну, Вы, надеюсь, сами прочтете, да кому я все это пишу! Только вот что: после выступления Обнорского создан некий чуть ли не «патриотический» ореол вокруг «древнерусского языка», породивший уже и мифических «древнерусов» (у Черковской или Жукасовой, сие не важно), и высказывания типа «церковнославянский и есть национальный литературный язык древней Руси» и вообще полное смешение понятий в области истории именно литературного языка. Очевидно трудно от этого вполне освободиться даже самым самостоятельно мыслящим авторам. Со стороны все это гораздо проще. Хотелось бы избавить отечественную науку от всевозможных квази- и псевдо- именно в области истории языка.

История со студенткой и неологизмами Маяковского — замечательная, и Ваш вывод столь же неожидан, как убедителен. Недавно пришлось писать рецензию на словарь Чудовского Нового Завета, причем автор (считающий *афедронь* именем географическим) не стесняясь называет памятник Чудовским заветом. Все это, несомненно, плоды просвещения. Но интерпретируя 17 век иностранцам, нельзя не смягчить дифирамбических оценок, даваемых весьма серьезными людьми произведениям Аввакума. Ведь Робинсон называет его крупнейшим «писателем». Я с первого знакомства с текстом питал к Аввакуму ярко выраженное чувство брезгливости: ведь он не просто захолустный попик, а духовное лицо, общавшееся и с патриархом, и с царем. Но его призывы к вчерашнему, его абсурдно-мелочной формализм (сцена с чашей и дискосом), его «при» с чертом, наконец, его ярко выраженный мазохизм («бьют, а не больно») отталкивали меня от личности, еще в самом конце 17 в. призывавшего соотечественников к регрессу. А его «вяканье», простите, настолько посредственное, что увлечься тут нечем. Слов нет, Аввакум является весьма «русской» фигурой, но иностранец не может понять смысл или бессмыслицу его деятельности, не сопоставив фактуру его произведений с современными ему духовными ценностями в других странах. Недавно мне пришлось держать в руках ценнейший (ибо уникальный) экземпляр словенской Библии, переведенной Далматином и напечатанной в Виттенберге в 1584 г. чуть ли не шестью разными шрифтами необыкновенной четкости и красоты. Вот у словенцев в 16 в. был свой литературный язык (с 1551 г., когда появляется первая лютеранская книга на словенском языке, прошло более 30 лет и успела создаться настоящая норма). И мне было обидно, что вот у русских ничего подобного не было — не было своего литературного языка, не было

своей Библии. А совсем недавно мы с женой ездили к Адриатическому морю, посетили там Аквилею (где, вероятно, пристали солунские братья на пути в Паннонию), Равенну и маленький городок Пореч в Югославии. Там сохранился совершенно необыкновенный византийский храм с богатой золотой мозаикой, но уже с латинскими надписями на фресках, с посвящением 511 года. Алтарь напоминает алтарь Киевской Софии (только там греческие надписи), но никто в Югославии не считает эту архитектуру «древнехорватской», ибо построен храм до прихода славян в эти края. А вот Софийский собор часто называется образцом «древнерусской» архитектуры, хотя, вероятно, разве что плотники и каменщики были славяне, хотя и тут возможны импортные «мастера каменные». Представляется, что последовательная борьба с фальсификацией истории просто необходима. Побывали и в Венеции (как раз во время карнавала, о котором так неуклюже писал стольник Толстой), видели «хари» и «театрум» и поняли, до чего чуждо все это должно было быть для неопытного боярина. Прошу меня понять: разумеется, любое явление должно оцениваться в пределах той системы, в которой оно заключено, но система-то сама нуждается в интерпретации. Ведь были возможности, ведь можно было поучиться у поляков (скромно называемых литвой), у шведов. Но не буду искать ответа на вопрос о смысле русской истории... Признаюсь, что наши задушевно-полемиические разговоры меня стимулируют, за что приношу Вам искреннюю благодарность. Будьте здоровы, пишите о себе, о своей диссертации. Передайте привет проф. Мещерскому.

Искренне Вас уважающий А. Исаченко.

9 марта 1977

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Васильевич!

Надеюсь, что Вы хорошо отдохнули в Опатии вблизи острова Крка, любезного моему сердцу благодаря трудам И. Вайса. Мы отдыхаем на месте, катаясь по выходным дням на лыжах вблизи Поклонной горы. За городом вообще прекрасно — зима щедрая и многоснежная.

Я с большими мучениями заканчиваю подготовку к печати «Истории русского литературного языка» А. И. Соболевского. Главная моя задача — дать библиографический фон работе, чтобы было видно состояние разработки предмета к 1889 г., когда создавался курс, а тем самым появилась возможность оценить дальнейший прогресс. К моему удивлению, оказалось, что за прошедшие 90 лет исследований по языку автора или памятника было немного: до революции занимались скорее литературной историей текста, в наше время диссертации посвящают какой-нибудь частной грамматической форме. Школа Виноградова по «языку писателя» не родила почти ничего стоящего, хотя диссертаций были десятки.

С сожалением я обнаружил, что первая тетрадь Цейтшрифт фюр сл. филологи, тома 35-го, где Ваша статья о грецизме в Мстиславовой грамо-

те, в Л-де отсутствует. Будьте любезны, изложите мне в письме кратко содержание: я включил ссылку на Вашу работу в библиографию, а прочесть не могу. Можно ли судить о ее содержании по Вашей статье в честь Копецкого и по примечанию в статье в честь Ларина? Также и еще одна просьба в связи с моей текущей работой: не помните ли Вы в какой из арифметик 17 века есть задача о гусях: летит гусь, навстречу сто гусей. «Здравствуйте, сто гусей!» — говорит гусь. Они отвечают: «Нас не сто, а столько, да полстолька, да четверть столька», и т. д. Соболевский ссылается на эту задачу, а я не могу ее найти.

В связи с этой работой я так безобразно затянул с ответом на Ваши письма. Для эпистолы мне нужен не только досуг, а еще некоторое равновесие души, которое сейчас было нарушено утомительным и механическим по большей части трудом. Передо мною Ваши письма от 2 декабря прошлого года и 3 января с. г. Ваши суждения о соотношении социально-политической ситуации и судьбах литературных языков у славян исключительно интересны, я очень благодарен Вам за них. После Ваших разъяснений касательно Аввакума и некоторых других вопросов истории русского литературного языка могу сказать, что целиком с Вами соглашаюсь. К сожалению, нужно признать, что основной тон нашей науки о древностях — апологетический. Кажется, это возникло с легкой руки акад. А. С. Орлова, при котором в Пушкинском Доме в начале 30-х годов возобновилось изучение древнерусской литературы. Ему приходилось подчеркивать эстетические и прочие достоинства древних текстов, чтобы бдительные недруги не обвинили в протаскивании поповщины. За Орловым так и покатилося, а тут за дело взялись патриоты.

Грустно, однако, было читать о Вашем разочаровании успехами славистики в Австрии. Впрочем, нынешняя Ваша деятельность там все-таки непродолжительна, в дальнейшем можно надеяться на лучшее. Впрочем, положение наших молодых коллег зарубежом вызывает сочувствие: нехватка русской литературы, полная зависимость от печатных источников, а также жизненные соблазны и условности, на которые жалуются многие из приезжающих сюда, — все это создает непростые условия для работы. Единственное, что в какой-то мере облегчает положение, это возможность научных командировок в изучаемые страны. Кстати, занимаются ли у Вас словенской диалектологией и полевыми работами? Ежегодные диалектологические экспедиции Ленинградского университета дают подчас студентам больше, чем десятки аудиторных занятий.

Да, я получил первый номер 3-го тома РЛ с Вашей рецензией, за что большое спасибо. К сожалению, Ваша рецензия справедлива во всем, но список ошибок можно множить и множить. В лексикографическом плане в Словаре совершенно не рассматривается вопрос о слове и его вариантах (поэтому очевидная описка АКАПАЛИПСИС дается как отдельное слово), полностью отсутствует грамматическая характеристика. Датировки редакций и изводов текстологически сложных текстов все сплошь неверны. Не-

вежество в определении значений превосходит воображение. При этом, как говорят, «составители» пользовались материалами, подготовленными еще под руководством Ларина. Дальше, где им придется действовать самостоятельно, дело пойдет еще хуже. Выход 4-го выпуска сильно задерживается, видимо, стараются кое-что подправить, напуганные отрицательной реакцией. Ваша рецензия, как кажется, пользуется большим успехом, хотя обидевшись на саркастический тон, который на этот раз не так уж резок, авторы не считают для себя обязательным — так мне передавали — прислушиваться к существу критики.

Как это ни странно, но на мой взгляд, состояние картотеки 11–17 вв. теперь не таково, чтобы на ее основе можно было сделать серьезный словарь. Все-таки если не говорить о популярном издании для «любопытных» (на что хватило бы 50–70 листов и работы одного человека), единственное, чем стоило бы заниматься, это тезаурусом 11–17 вв. Мне почему-то кажется, что словарь 11–14 вв., на который Вы возлагаете надежды, будет немногим лучше.

Только что вышел из печати проект Словаря 18 века, который высылаю Вам одновременно с письмом. Несмотря на сильно сокращенный объем его и особенно незначительное количество пробных статей, думаю, Вы сможете его оценить как серьезное научное предприятие. Сам Словарь 18 в. подвергся в январе серьезной опасности: было выдвинуто требование о прекращении работ по составлению словаря (составляется уже буква Д) в связи с превышением заданного объема. Отделение литературы и языка АН решило, однако, словарь не закрывать, но несколько увеличить проектный объем, доведя его до 600 печатных листов (вместо первоначальных 500). Ю. С. Сорокин и группа по составлению Словаря просили тысячу листов, на этот объем собственно и рассчитан опубликованный проект. Позже, вероятно, в мае выйдет сборник Группы 18 века, содержащий статьи с разъяснением некоторых сторон проекта. Возможно, что к концу года удастся созвать небольшую конференцию специалистов разных профилей для обсуждения проекта.

Еще по поводу уменьшительных суффиксов. Мне неизвестна Ваша статья о чешских *сыновец*, *сестернице* и др. в связи с матриархатом и проч. Укажите, пожалуйста, место ее публикации, надеюсь, что это издание у нас имеется. Кстати, известно ли Вам о довольно новом явлении русской разговорной (литературной) речи — использовании уменьшительных суффиксов для «мелкобуржуазной интимизации», как приблизительно выразились Вы в письме, наподобие чешск. *хлебичек*, *пивечко* и т. п.? Теперь у нас в столовых, ресторанах посетители просят обычно ножичек, вилочку, тарелочку, бутылочку и т. п., в автобусе — билетик и др. Проездные абонементные талоны для поездки в автобусе склеиваются в книжки, которые в Москве называют *книжечка* и проч. На это обратила внимание покойная М. А. Соколова, профессор ЛГУ, вероятно, Вам известная, но сопоставила с такими формами Домостроя как *сальце*, *хлебушек*, которые, по ее мне-

нию, означают партитивность. Кажется, на этот счет у нее написана статья, не знаю лишь, где опубликована. Вообще поразительно обилие общих изоглосс у русского просторечия и литературных чешского и польского языков в довольно широком диапазоне языковых явлений. Кстати, описанная Вами на чешском литературном материале семантическая конденсация имеет параллели в основном в русском просторечии, вроде *курилки*, *дежурки*, *временки* и т. п. Еще более любопытны некоторые синтаксические явления, общие польскому лит. языку и северо-западной диалектной зоне России (употребление предлогов и др.). Мне кажется, что собранные вместе, такие материалы дали бы возможность оценить реальное значение церковнославянского языка для языковых норм рус. лит. речи.

По поводу «Угрюм-реки» Шишкова, упомянутой Вами, признаюсь, что я не в восторге от этого монументального историзма, порожденного у нас, как мне кажется, «Петром I» А. Н. Толстого. Язык у Шишкова романтизирован и имеет условно-народный характер. Кстати сказать, сейчас у нас сибирские авторы пользуются успехом, вновь после 20-х гг., когда были Вс. Иванов, Л. Сейфуллина, П. Васильев и др. Думаю, вам известно имя безвременно ушедшего В. Шукшина, соединявшего в своих рассказах Чехова и Феллини, прославившегося также фильмом «Калина красная». Шукшин — с Алтая. Безвременно погиб также молодой драматург из Иркутска Вампилов, пьесы которого ставят сегодня многие театры. Некоторые из них очень хороши. Кроме того, сейчас очень популярны сибиряки Астафьев и Распутин, последний мне действительно нравится. Язык конкретный и точный, прекрасное и безошибочное знание народной речи. Содержание повестей: умирание традиционного уклада жизни и наступающая пустота, хотя об авторе нельзя сказать, что он целиком на стороне уходящего. К сожалению, купить книги этих авторов (также как многие другие, стоящие хотя бы незначительного внимания) у нас здесь невозможно: спрос огромен, расходуется мгновенно, нужно «иметь связи», чтобы «достать» что-нибудь. Так, для примера укажу, что за последние два-три года разные, довольно полные, сборники Анны Ахматовой вышли общим тиражом около 500 тысяч экземпляров. Но в продаже их нет. Их можно разыскать на черном рынке по 5–7 кратной стоимости. Из современных авторов также очень рекомендую Юрия Трифонова: мастер социального и психологического анализа, обличитель пороков интеллигенции. «Чистое» искусство известно мало, лишь в поэзии, довольно бессодержательной, и живописи.

Увы, оттиски до меня не дошли. Очень жаль, особенно потому, что и Вам от этого хлопоты и огорчения. Придется оставить эту затею, разве что дожидаться оказии. Что касается журнала, то я очень ценю Вашу любезность, но без всякого труда могу обходиться библиотечным экземпляром: как член библиотечного совета я пользуюсь им первый. Возможно, найдётся лицо, более моего нуждающееся в личном экземпляре.

С искренней преданностью А. Алексеев

28 марта 1977

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Васильевич!

Как я сообщил Вам в конце моего предыдущего письма от 9 марта, я получил Ваши оттиски: рецензию на словарь 11–17 вв., «О параллелизме синхронных и исторических звуковых процессов» и «Омонимия как источник ошибок в переводе»²⁹. Большое спасибо, как раз последняя из этих статей была мне неизвестна. В своем письме от 23 февраля, недавно полученном мною, Вы упоминаете также о посылке оттиска о языках типа ИМЕТЬ и БЫТЬ, таковой до меня не дошел, также как «Избранные работы». Надеюсь, что в пути.

Ваша рецензия многим лицам, которые сами не могли или не имели времени, чтобы разобраться в словаре, раскрывает глаза, с каждым днем убеждаюсь в ее полезности. Надеюсь, что она с большой пользой отразится на судьбе самого словаря.

Я закончил подготовку к изданию лекций по истории лит. языка Соболевского. Мне кажется, выход этой книги будет иметь некоторое значение для рассеяния многих мифов и заблуждений, против которых Вы столь рыцарственно сражаетесь. Кажется, мне удалось показать, что вопрос о природе современного литературного языка Соболевский не связывает с древнейшим периодом восточнославянской письменности, но с периодом 17–18 веков. Как мне кажется, преобладание интереса к древнейшему периоду даже в тех случаях, когда речь идет о современном лит. языке, обязано авторитету Шахматова, а также работам Обнорского. Далее логическая цепь разворачивается так: поскольку современный лит. язык есть результат развития древнерус. лит. языка, постольку это одно и то же (в принципе) явление. Ученые Украины и Белоруссии также считают в своей массе, что украинский и белорусский лит. языки также зародились в обще-восточнославянскую эпоху. И действительно: чем они хуже? Если рус. лит. язык был уже тогда, действительно, почему не быть украинскому и белорусскому? Извините, что занимаю Вас пересказом ходячих заблуждений, и без того Вам надоевших, но мне хотелось бы подчеркнуть, что приятие лишь одного пункта — о лит. языке как явлении национальной эпохи, что приятие лишь этого пункта освобождает от массы вытекающих из него нелепиц. С грустью я убедился, что роль Шахматова в поощрении многих неверных взглядов была довольно велика: его кадетский либерализм заставлял склоняться на сторону «украинофильствующих», как тогда выражались, что очень укрепляло их позиции. В одном из писем И. Е. Евсева, библио-

²⁹ А. В. Исаченко. О параллелизме синхронных и исторических звуковых процессов в русском языке // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics* 20, 1975. P. 13–22; А. Исаченко. Homonymität als Quelle von Fehlübersetzungen (Althochdeutsches in der Freisinger Denkmälen) // *Aus dem Namengut Mitteleuropas* (edd. M. und H. Hornung) (=Kärntner Museumschriften 53). Klagenfurt, 1972. S. 35–43.

ста, попалось интересное замечание: «Почтеннейшему Александру Алексеевичу теперь не до науки, он занят тем, чтобы вышибить Пуришкевича из Думы». Соболевский в это время (1905–06 гг.) был также с головой вовлечен в партийную борьбу, являясь активным членом Союза русского народа. Враждебность двух научных школ — Шахматова и Соболевского — поддерживалась также враждебностью политических позиций. Мне кажется, хотя доказать это не легко, что торжество Шахматова происходило на политической почве, но в академической среде этого не понимали.

По поводу Вашего недоверия к структуральной культурологии (или культурологическому структурализму) мне вспомнилось одно наблюдение. Недавно в Пушкинском Доме состоялся доклад под названием «Пасхальный смех». Не знаю, имеете ли Вы возможность наблюдать за работой Лихачева последних лет, если — да, то Вы сразу вспомните его книгу о древнерусском смехе, пародиях и т. п. в духе Бахтина, а следовательно, увидите, что доклад из его школы. Под апокрифическим и святотатственным названием скрывается рассуждение о масленице. Таким образом, сразу выявляется основная ошибка работы: Пасха и масленица — явления различных и враждебных систем — рассматриваются в рамках одной системы (или структуры) только потому, что существуют в одно и то же время в одном и том же обществе. Вероятно, их можно включить в одну и ту же структуру, но она должна быть столь обширна и сложна, что едва ли доступна целиком научному рассмотрению. В случае этого доклада ошибка выявляется легко. Она объясняется молодостью автора (к тому же это дама), но как только речь в таких работах заходит об отдаленных эпохах, где обязательно присутствуют не замечаемые исследователем лакуны в материале, ошибок не избежать уже и великому эрудиту. Между прочим, на докладе присутствовал Успенский. Пересказывая мне потом впечатления, он был в большом негодовании и говорил, что хотел внушить, что так работать нельзя. Публика, слышавшая его выступление, вынесла твердое убеждение в его обширных познаниях, а вежливые громы и молнии были восприняты как зарницы и, может быть, как заря.

Эти мои впечатления от доклада, на котором я не был, выплыли вновь, когда я читал в Вашем письме о Аввакуме. Аввакум как языковое явление входит ли в какую-нибудь систему, в какую именно? Не есть ли он просто знак разрушения системы? Не есть ли он просто вполне уединенное явление, не соприкасающееся ни с чем, как склонен его рассматривать Соболевский? Мне кажется, что оценка Аввакума может быть различной в зависимости от решения этих вопросов.

Мне кажется, что и столыжник Толстой есть прежде всего знак разрушения, дисгармонии. Прежде у нас в ходу были широко представлены мнения о том, что Петровская эпоха во всех почти областях — перерыв традиции. Теперь, по мере все более глубокого ее познания находится все больше явлений, которыми она связана с предшествующей и последующей эпохами, при этом взамен наступает критический и эстетический реляти-

визм. Интересно, что те из старых жанров, которые дожили до Петровской эпохи с минимальными чертами разложения, не производят того отвратительного впечатления, как жанры новые. Я имею в виду, например, язык хождения диакона Ивана Лукьянова в Иерусалим (опубликовано в Русском архиве за 69–70 гг.), созданного чуть ли не в 1710 г.: прекрасный выразительный язык, очень живой, не слишком церковнославянизирован. Я бы сказал, что это просветленный Аввакум.

Мне здесь воочию приходится наблюдать, как некрасивы потомки смешанных браков из русских и финнов (карел, вепсов, чуди и других, населяющих здешние места). Напротив, очень хороши метисы, родившиеся от русского и тюрка или кавказца. Подобно в истории русского языка. До поры до времени русский прекрасно смешивался с греческим и довольно отвратительно с европейскими языками. Понадобились труды всего 18 века и Пушкина, чтобы смесь стала неплохой.

Наконец, Александр Васильевич, соглашаясь с тем, что всякое явление должно оцениваться в пределах той системы, в какую оно заключено, Вы добавляете, что сама система нуждается в интерпретации. Это добавление вызывает у меня вопросы. Является история языка инструментом интерпретации системы? Или им является история литературы? Или история культуры? Выводы, сделанные на основе языковых данных, можно ли распространять на культуру и даже историю? Кажется, что эти вопросы относятся к области дурных вопросов, они интерпретируются либо историософией, либо каждым из нас персонально, находя здесь колыбель и могилу. Мне кажется характерным, что «История русского самосознания» Трубецкого, представляющая собою опыт интерпретации всей системы, в области истории рус. лит. языка очевидно не самостоятельна, отражая воззрения А. С. Будиловича «Общеславянский язык». Разве это не удивительно? Ведь Трубецкой великий языковед.

Смелость возражать и делиться с Вами некоторыми несовременными мыслями даете мне Вы своим признанием — очень для меня лестным — что наши беседы Вас «стимулируют».

Ваш искренне А. Алексеев

14 апреля 1977

Глубокоуважаемый и дорогой Анатолий Алексеевич!

Оба Ваши письма (от 9 и 28 марта) я получил. Очень рад, что отписки не затерялись. Надо думать, что Вы в скором времени получите и вторую посылку. Очень Вы меня обрадовали сообщением об отзыве на мою рецензию Словаря. Дай Бог, чтобы хоть некоторые положения были приняты к сведению. А как обстоит дело со словарем Аванесова?

С большим нетерпением жду выхода в свет Вашего издания новых лекций Соболевского. Я совершенно уверен, что тут уж не будет «недоразумений», но ведь их не было и раньше. Я не стал бы так решительно обви-

нять Шахматова: несмотря на свои политические настроения он все же успел написать очень много. Правда, он обладал незаурядной фантазией, и все его гипотезы о миграциях, все его (младogramматические) «объяснения» фонетических изменений оказались неверными. Но он ведь не преуменьшал роли цсл. языка, а несколько прямолинейно проводил некую параллель. Зло началось с Обнорского и не случайно. Вспомните: орден (вернее, премия), сугубо патриотический тон, автохтонность, мы сами с усами, русский лит. язык древнейшей поры — все это как нельзя лучше соответствовало господствующему тогда настроению, и кроме Ларина и Селищева (не опубликованных в свое время) не нашлось оппонентов. Мне всегда стыдно и за Лихачева (которого я уважаю как знатока и крупного ученого), и за Кузнецова. Вот что Кузнецов писал в примечаниях к «Древнерусском языке» Якубинского: «Есть все (!) основания думать, что могущественное (!) и высоко культурное (!) государство (!) антов располагало *какими-то* формами письменности. Но каковы они были, пока мы сказать не можем» (с. 354). Я много раз и в самых разнообразных контекстах приводил это позорнейшее место. Разве кто-нибудь *требовал* от покойного Кузнецова написать именно такую фразу? Разве ему было несдобровать, если бы он ее не написал? Нет, такого не было. Вот до чего может прийти «омрачение», как говорил Остап Бендер. Обнорский в русистике только немного лучше Марра в языкознании. Я мог бы Вам рассказать о несчетных спорах, диспутах и прениях на тему рус. лит. языка с соотечественниками, приезжавшими поучать чехов и словаков. В конце концов нас клеймили не вполне научными эпитетами. Вы очень мило пишете о моих «рыцарственных» сражениях. Но мне кажется «донкихотский» было бы более подходящим эпитетом.

Вообще же моя затея писать историю языка «в отрыве от действительности» представляется мне более или менее авантюристской. Ведь буквально не с кем поговорить, не с кем посоветоваться, приходится впитывать премудрость из книг. Вот Вы мне писали о «галгофе» у Маяковского (с замечательным комментарием), пишете о «смехе», задумываетесь о возможности создать культурно-историческую канву на основании филологических фактов, а у меня даже нет РФВ. Но все же приходится писать, ничего не поделаешь.

А именно филологию (или, если угодно, лингвистику) в качестве надежнейшей дисциплины в деле реконструкции ценностей, противопоставлений, специфики культур прошлого я не стал бы отрицать. Ведь разницу между западной и восточной церковью и всем, что из этого вытекает (включая сюда и отношение к «глуму») можно вывести из очень немногих филологических фактов вроде несоответствия греческого заблуждения (амартиа) и лат. пекатуса: первое человечно и позволительно, второе — элемент правовой системы, требующей санкций. Вот почему, между прочим, нет у нас «вечных мук», хотя с другой стороны (и позже) отсутствие «чистилища» дает иные результаты, как показал Б. А. Или возьмите «на-

сущный» и «ежедневный»: кафолики так и молятся о булке, и никто им ничего не разъясняет. Я проштудировал почти уже необъятную литературу насчет эпюсиос и вынес впечатление, что это, конечно же, «суперсубстан-тиалис». Вот вам ряд ключей или ключиков к общекультурной типологии. Меня давно возмущает увлечение Лихачева и его малюток так называемой «сатирической литературой» типа «Службы кабаку». Как вообще можно заниматься такой безвкусицей? Это ведь вовсе не «смех». А откуда масляница? Она и тут, у католиков. По-видимому, уступка церкви, какая-то по-блажка, вуалирующая аскетизм. Это — смех. И обжорство. И липовая целомудренность. В католической церкви это началось в 14 в., как и процессии, и праздники «Тела Господня», как и либерализация поста (можно и молочное, и яйца, отсюда до наших дней держится обычай дарить крашенные яйца на пасху). Как это произошло на Руси — не вѣдаю. Да еще вопрос: когда вообще засвидетельствована впервые масляница с ее катаниями, блинами, обжорством и возлияниями. У Герберштейна об этом ни слова.

Не помню, писал ли я Вам (или Б. А.?) о рождественских обычаях. В одном старинном немецком журнале я нашел весьма подробное описание рождественских обычаев 1855 г. Как хозяйка заранее ходила по родственникам, приглашая их на Рождество, как няня обходила те же семьи и приглашала девушек (нарядное дело), «раздавая» при этом «по наряду поклонны». Как эти семейные встречи носили явно эротический характер, тут же обсуждались возможные бракосочетания. Сам праздник 25 декабря назывался «Великий день» и тут люди разгавливались. К вечеру назначалось гуляние (на санях и пешком), девицы спешили в «званный дом». Это в общем то настроение, которое описывается у Гоголя в «ночь перед Рождеством». Интересно, что так было и у католиков везде в Европе, а сейчас это сохранилось, насколько могу судить, только у французов («ревейон»): в Париже в сочельник ходят в ресторан, бросают серпентин и конфетти, к полуночи стреляют. В других странах этот обычай сдвинулся на неделю: так справляют сейчас Новый год. Но заметьте (может я об этом уже Вам писал, простите в таком случае): ни о каких подарках, ни о какой елке, ни тем более о «деде Морозе» и речи быть не может. Елка в Австрии появилась впервые в 1815 г., когда венский полицеймейстер сообщил канцлеру Меттерниху в доверительной записке, что в доме кн. Лихтенштейнской (лютеранки) было сожжено «одно из этих языческих деревьев». Я сам мог наблюдать в Словакии, как елка в сороковые годы постепенно проникала из города в деревню, а в восточную Словакию попала уже после войны, да и то не везде. Елка, которую у Вас считают «старинным русским обычаем» — чисто лютеранского происхождения. В 16 веке украшали еще фруктовые деревья, вешая на них яблочки, причем в саду. Очень медленно она перебирается в комнату, появляются свечи (языческое начало?), а в Англию елка попадает очень поздно. Когда появляются подарки, не скажу. Нем. «вейнахтсманн» и англо-сакс. «Санта Клос», как видно из имени, восходят к культу св. Николая, 6 декабря, и именно в этот день в Англии раздавали

подарки: в башмаки, которые надо было положить под камин, клали фрукты, орехи, печенье. Пунцовое облачение всех этих Санта Клосов и дедов Морозов — это облачение католических епископов (здесь, в Австрии, 6 декабря такой епископ появляется в сопровождении двух чертей, карающих непослушных ребятишек). Когда я в возрасте 9 лет попал в Австрию и вдруг во всех магазинах увидел чертенят, трезубцы, адское пламя и красные языки, я просто перестал понимать, как мои родители могли оставить меня в сатанинской стране, и помню, в день 6 декабря впервые в жизни зашел в католическую церковь (которую до тех пор я не признавал), но там пахло ладаном и горели свечи — может, все ж таки нечто вроде храма, и там горько молился за местное население, попавшее в лапы сатаны. Все эти обычаи по неизвестным мне причинам были гораздо позже (не раньше конца 19 века) перенесены на Рождество, и только совсем недавно этот праздник превратился в интимный праздник узкого круга семьи. И здесь не обошлось без филологического искажения: «и на земли мир и человеком благоволение» переводится (на немецкий, чешский и др.) как «на земле мир людям доброй воли». И вот под Рождество обязательно появляются в газетах передовицы, предназначенные «людям доброй воли». Так что пора просветить Ваших соотечественников об истоках «древнерусской» елки и «сугубо народного деда Мороза». А с масленицей, вероятно, произошло то же.

Я с Вами абсолютно согласен в том, что в языковом отношении несмотря на петровский волапук старые жанры и старая речь твердо держались. Но они следовали еще старой норме, а новой пока не было, да и не могло быть. Трогательно, как самому императору не даются некоторые социо-лингвистич. подробности: в письмах он постоянно сбивается с *вы* на *ты* и др.

А вот насчет метизации. Ведь не только под Ленинградом — во всей северной и центральной полосе то, что мы называем *русским*, на самом деле является смесью угро-финнов с восточными славянами, при чем черты первых устойчивее. Об этом писал весьма интересно Менделеев. В языке — другое дело. Вам непривычно мыслить в таких категориях, но заметьте, что метизацией русского с европейским до середины 18 в. занимались украинские и белорусские попы, лишённые какого-либо вкуса, чувства изящности, просто настоящих образцов. Совершенно иной характер такая метизация принимает в тот момент, когда за дело берутся аристократы, элита, люди с кругозором, со знанием европейской культуры, говорящие лучше по-французски, чем по-русски. Русский литературный язык, как это ни грустно, создан дворянством для дворянства, и не возражайте мне ссылками на всяких Третьяковских, Ломоносовых и прочих «разночинцев». Почитайте письма Фонвизина сестре из Парижа, почитайте записки Болотова, княгини Долгорукой, труды Татищева. Этот литературный язык слагался, на мой взгляд, вовсе не в самой «литературе», где слишком давали себя знать предвзятые (и, как показал Б. А. Успенский, нереализованные)

программы. Норма создавалась в записках, не предназначенных для печати, в дневниках, мемуарах и, до некоторой степени, в не слишком требовательных переводах. Писать о литературном языке 18 века нельзя, ориентируясь на авторов. Это не норма. И заметьте еще: в то время, как в бюргерской Германии начиная с 17 века ведется борьба против «галломании», применяется пуризм как знак анти-феодальный, в России аристократия, совершенно равнодушная к иностранным элементам, ибо двуязычная, не принужденно впитывает французский элемент, и даже не морфемы, не слова, не обороты, а какую-то элегантность выражения, стремление к ясности, ведь галлицизмы это не только «па» и «бра». Вы понимаете: элита сама решает, сама выбирает, что еще можно совместить с хорошим вкусом (галлицизм), а с другой стороны определяет, где границы того русского колорита, который еще приемлем, не смешон, не провинциален. Почему-то отвергается совершенно правильное *пуцать*, вместо *прихаживать*, *принашивать* появляется *приходить*, *приносить* (и наши видовики так и не могут понять, в чем дело), и прочее, и прочее. А успех Пушкина можно объяснить только так. Что существовал тогда значительный круг лиц, преимущественно молодежи, для которой пушкинские галлицизмы казались «своими», вкус которого совпадал со вкусом того круга, из которого вышел сам Пушкин. Отсюда успех.

В конце своего письма Вы затрагиваете весьма сложные вопросы. Является ли история языка орудием интерпретации системы. Языковед не может идти по другому пути. Литературные критерии еще слишком расплывчаты и сами подлежат интерпретации, чаще превратной. Только через язык я могу заглянуть в глубь культурной истории наших предков, восстановить организацию семьи, хозяйства, ремесла, производства тех людей, которых по языку можно считать нашими предками. Я совершенно согласен с теми, кто считает необходимым вплотную заняться историей права, историей искусства, историей материальной культуры. Но тут я не специалист. А интерпретация необходима. Глупо как-то локализовать переход «е» в «о» в каком-то химически чистом пространстве. Слишком много фактов, которые сами напрашиваются «быть интерпретированными», и эти факты — языковые. Я и основные расхождения между западной и восточной церковью пытаюсь подвести под филологические категории (тут *филолке* совсем не при чем). Уж так вышло. И если в моих попытках интерпретации Вы найдете сомнительные, спорные или просто безграмотные утверждения, напишите, вздымая указующий перст.

Позвольте еще раз поблагодарить Вас за ценные мысли, которые Вы высказываете в своих письмах, за этот для меня столь важный диалог. Учтите еще раз, что я работаю «в отрыве».

Искренне Вам преданный А. Исаченко

PS Письмо дописано 12 мая

5 мая 1977

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Васильевич!

С тех пор, как я отправил Вам свое последнее письмо 28 марта, я получил том Ваших избранных сочинений. Очень признателен и благодарен за подарок! Желая и надеюсь, что и следующий том, а может быть, — два, увидит свет, равно как и «настоящий» сборник в Вашу честь.

Хотя в томе собрано почти все, что имеется в наших библиотеках, держать эти Ваши работы всегда под рукой в собственном распоряжении — великое удобство и удовольствие. Отпали некоторые библиографические вопросы, которые я задавал Вам прежде. По подбору статей видно, что том рассчитан в основном на западного читателя. Для изучения эволюции Исаченко-ученого было интересно познакомиться с Вашей статьей 40-го года о двойственном числе в Слове о полку Игореве³⁰. Обстоятельство и точность были свойственны Вам и тогда, но с тех пор Вы не тратите время на пустяки, Ваши работы с 50-х годов отличаются особым лаконизмом при насыщенном содержании.

Хочу кстати спросить Вас о том, кто первый определил понятие лит. языка применительно к русскому лит. языку? Мне кажется, что именно Вы в ответе на вопрос в 1958 г. (Вопросы языкознания)³¹.

Как прошла у Вас лингвистическая неделя? Было ли произнесено что-нибудь новое о виде и времени русского глагола?

Я занят переводом книги Карла Менгеса (Колумбийский университет) об ориентализмах Слова о полку Игореве³², вероятно, Вам известной. Книга небольшая, 12 листов, стараюсь закончить к лету.

На этом заканчиваю. Искренне Ваш А. Алексеев

20 июня 1977

Дорогой Анатолий Алексеевич!

Спасибо за письмо от 5 мая (как летит время!). Вы, разумеется, правы: «Избранные работы» рассчитаны в первую очередь на здешнего читателя, которому многое недоступно. Вы упоминаете о «Слове». Я нахожусь в чрезвычайно выгодном положении: раз «доказав» его подлинность, я имею полное римское право сейчас в ней усомниться. Знаю, что некто Колесов восстанавливает ударения в «Слове», откуда и явствует его неоспоримая подлинность. В свой «Истории русского языка» я не привожу примеров

³⁰ А. В. Исаченко. Двойственное число в Слове о полку Игореве // Заметки к Слову о полку Игореве. Вып. 2. Белград 1941, с. 34–48.

³¹ [А. В. Исаченко.] Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских народов? // Вопросы языкознания, 1958, № 3, с. 42–45.

³² К. Г. Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979. (пер. с английского А. А. Алексеева)

из «Слова» как памятника темного и спорного. А знаете ли Вы, что ВВВ³³ страшно хотел напечатать Зимина в полном объеме лишь для того, чтобы утереть нос Роману (Якобсону), страстному стороннику древности Слова?

Насчет литературного языка могу сказать только то, что, например, Дин Ворт или Никита Ильич цитируют как будто мою дефиницию. Других я не знаю, если не считать хороших наблюдений Аванесова об «отборе».

Лингвонеделя прошла великолепно. Приезжал мой бывший аспирант из Калифорнии, Галлант, о котором Вы, вероятно, еще услышите, читал два доклада о двух типах префиксальных словообразований: *забросить/забрасывать* и *забросать*. Получилось очень стройно и убедительно. Работу он начал под моим руководством. Другой мой сотрудник, Николай Михайлович Сальников, убедительно показал, что пассива с выражением агенса в творит. падеже до 18 века не было и что не случайно все примеры во всех работах ограничиваются рабочими или плотниками, строящими дом. Мой комментарий: пассив вообще (и в других языках, как английский) привнесен извне, из латыни, и усвоен лишь лит. языком. Негры в США пассивом не пользуются. В русском языке он является подражанием западным языкам (латыни, франц., нем.). Поэтому он и стал «глубинным», ср. невозможность сказать *он мною любитя, он мною был люблен, он мною бьется* (причем в английском такие конструкции нормальны). Те, кто увлекается глубинными структурами, по общему складу своего невежества не учитывают исторические факты, такие, например, как создание русского лит. языка во второй половине 18 века. Казалось бы, тип *лодку унесло течением* архаичен, а на самом деле первый, изолированный, пример относится к 14 в. В ликвидации русского пассива я вижу серьезный шаг вперед. Не будем играть в пассив, это маргинальное, книжное явление.

Ориентализмы Менгеса меня давно интересовали, но как-то все не могу собраться прочитать книгу толком. Да и сам я не ориенталист.

Занятия у нас кончаются в конце месяца, но до этого будет симпозиум в память Нахтигала (*по колен борода Райко Райкович*). Я его хорошо знал и буду читать о связи словенского языка с русским 16 века. Неожиданно? Виделся, наконец, с Н. И. (Толстым), и должен сказать, что встреча носила крайне душевный характер. После симпозиума уединяюсь у себя на «даче» (домишко в чудной местности), чтобы писать второй том своей «Истории». Там сейчас изумительно: летают светлячки, зреет смородина, растет салат и по вечерам тепло-тепло.

Буду надеяться, что публикация Ваших работ осуществится в ближайшем будущем. А жаловаться можно и нужно — помогает.

Искренне Вам преданный А. Исаченко

³³ В. В. Виноградов.

24 июня 1977

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Васильевич!

Ваше письмо от 14 апреля / 12 мая с. г. шло более месяца, так что получил я его лишь на днях. Надеюсь, что за это время до Вас дошло мое письмо от 5 мая, в котором я благодарил Вас за присылку чудесной книги — Ваших избранных работ. Надеюсь, что Вы также получили отправленный мною около того же времени проект Словаря русского языка 18 века.

В вашем письме содержатся интересные и новые для меня наблюдения о проникновении в русскую среду некоторых светских праздничных обычаев из протестантской преимущественно среды. Возможно, что именно Петербург был тем местом, где легче всего происходило это взаимодействие культур. Недавно я перечитывал «Островитян» Лескова и обратил внимание как раз на изображаемую им близость быта и культурных интересов русского и немецкого населения в этом городе. До сих пор в университете и др. местах часть нынешних стариков — выпускники Питер-школе, реформатской школы и подобных учебных заведений. Вспоминается также жизнеописание Жуковского, вышедшее из-под пера покойного Б. Зайцева: не только тихий Жуковский, но и неистовый Воейков был подвержен немецкому влиянию. Забавно, что у славяноросса Шишкова жена была лютеранка. Тема, кажется, обширная. Особенно кстати вспомнить посмертную прекрасную публикацию Б. О. Унбегауна «Ломоносов и Лютер»³⁴: так и видишь, как жена-немка читает на ночь Библию разгульному и, возможно, безбожному супругу. Вообще, роль немецкого элемента и в славянофильстве, и в создании представления об особой русской религиозности, о русской душе и русском Боге (в частности, у Тютчева) должна быть весьма велика вплоть до начала XX в. (религиозное паломничество Рильке к Толстому и Дрожжину). Труднее, конечно, проследить контакты на низком социальном уровне, о чем задумались Вы.

Мне попадалось сообщение об одной немецкой брошюре около 1740 г., где описаны народные гулянья в Петербурге, в масленицу или Рождество, точно не помню, в привычном почти этнографическом своем облике. Интересно вспомнить также знаменитый ледяной дом того же года. Во всей организации этого праздника сказались народные обычаи, но возможно, что и немецкие. Интересно также рассмотреть всю балаганщину вокруг Петра, создававшуюся по его инициативе, по его вкусу и, заметно, под влиянием немцев. Можно вспомнить также первоапрельскую шутку Екатерины Первой с поджогом каких-то декораций около Литейного двора. Затея была явно не знакома русскому населению в 1725 г. С обычаями этого рода могло быть то же самое, что с некоторыми явлениями фольклора: опускание сверху вниз и закрепление в как бы оригинальных формах.

³⁴ В. О. Unbegaun. Lomonosov und Luther // Zeitschrift für slavische Philologie. Vol. 37, No. 1 (1973). S. 159–174.

Упоминание о масленичном обжорстве попадалось где-то у Третьяковского, помню также целую проповедь св. Тихона Задонского против масленицы (около 1765 г.).

Я вполне разделяю Ваши взгляды на роль обиходного дворянского языка в становлении современного рус. лит. языка, а также внелитературных жанров, особенно эпистолярного. Наиболее интересным материалом в этом отношении мне кажутся женские письма конца 60-х и 70-х годов 18 века, опубликованные в разных томах «Архива Куракина». Они заметно отличаются от мужских писем. И в тех, и в других стиль явно соотносится с адресатом: важные письма кажутся просто пародией, семейные письма написаны замечательно легко. Интересно, что письма Фонвизина к Панину и к родным почти не различаются языком и стилем: у него преобладала литературная установка и, может быть, позерство. Женские письма в «Архиве Куракина» можно вполне сравнить с тем языком, каким Толстой изобразил дворянское общество в «Войне и мире». Я только думаю, что в круг этих важных в дальнейшей перспективе источников не стоит включать труды Татищева, даже записки Н. Долгорукой или же современные им записки Нащокина. Ведь как раз в одной из Ваших недавних работ Вы говорили о том, что Ломоносов еще не связан непосредственно с современным рус. лит. языком. Безусловно, это относится и к его современникам. Зарождение того, что унаследовано современностью, — самый конец 1760-х гг.; но и то лишь отдельные единичные явления.

Мне кажется также, что не следует противопоставлять разночинцев Третьяковского, Ломоносова дворянству. Ведь разночинной или демократической идеологии, противопоставленной дворянской, не существовало. В эстетической программе Третьяковского можно, кажется, усмотреть оппозицию дворянской эстетике, — именно в его вне-сословности или все-сословности, но кажется, что существенных различий между ним и Кантемиром или Татищевым не было. Дело, видимо, и в том, что возникновение дворянской культуры и идеологии нужно относить лишь к 40–50 гг. столетия. Третьяковский и Ломоносов противопоставлены дворянской культуре не идеологически, а хронологически. Однако историю осмеяния Тилемахиды нужно относить к этому культурно-идеологическому или эстетическому конфликту. Между прочим, в этом году я написал статью о стилистике Тилемахиды, повторяя в качестве вывода старую мысль блестящего Пумпянского: Третьяковский в Тилемахиде создал русский гомеровский стиль. Любопытно, что в составе Тилемахиды оказалось около 50 вставок размером от одной строки до 21 (вступление), введенных от себя Третьяковским. Источники этих вставок мною определены пока лишь наполовину, это Вергилий и римские поэты.

В «Вопросах языкознания», номер 3, появилась рецензия на словарь 11–17 вв., о ней можно сказать, что вежливая. При всем желании похвалить, рецензенты все же сделать этого не смогли. Похвалы расплывчатые, замечания точны. Однако самое важное — тон. Он благожелателен, и этого

достаточно как для авторов-составителей, так и для покровителей и основной читательской массы. Впрочем, кажется, что 4-й выпуск словаря сделан несколько тщательнее, чем предыдущие.

В недавнем номере Славии (1977, 1) статья Е. И. Мельникова «Записи древнерусских книжных писцов середины 11 века» производит довольно грустное впечатление. Занимаясь припиской Упыря Лихого о *еже ис куриловицы*, Мельников игнорирует прекрасную заметку Соболевского (ИОРЯС, том 26, кн. 2), в которой с математической точностью доказано, что кирилловицей названа именно кирилловица, а не глаголица. Я обратил на это внимание в связи с вопросом по этому как раз поводу, который я задал Вам примерно год назад.

Вполне и искренне сочувствуя Вашему отрыву «от действительности», как выражаетесь Вы, я бы счел для себя за благо быть Вам полезным в библиографических работах, в приготовлении выписок и проч. К сожалению, изготовление ксерокопий затруднено: аппаратов имеется очень немного, стоят к ним бесконечные очереди, а дозволенные объемы копирования крайне ограничены. При моих довольно тесных связях с библиотеками исполнение Ваших запросов не будет мне в тягость.

Наконец, последний вопрос: не имеете ли Вы в виду написать что-нибудь по поводу *етикусиос*? Предмет интересный.

Желаю Вам всего наилучшего, будьте здоровы, Ваш А. Алексеев

19 июля 1977

Дорогой друг,

Ваше, как всегда содержательное и ободряющее письмо я получил уже в своем Тускулуме, куда скрылся немедленно по окончании занятий. Правда, следовало еще принять участие в симпозиуме, посвященном памяти Р. Нахтигала. Там у меня были очень сердечные встречи, и я с большой любовью вспоминаю те дни. По существу однако и эта встреча, объединившая не более 25 специалистов самых различных профилей, направлений, школ, национальностей, языков и толков, не дала ровно ничего. Каждый говорил о своем, некоторые даже на лужицком, а я счел целесообразным выступить и на словацком языке, тем более что словаков почему-то не было. Почти не было прений, а если и были, то не слишком содержательны. Мне все больше кажется, что единственно целесообразными являются монотематические сборища, вот вроде нашей Лингвохе, где в течение пяти дней группа специалистов обсуждает один какой-нибудь узкий круг проблем. Кстати, на будущий год собираюсь читать на Лингвохе о синтаксисе 18 века (о чем ниже).

Проект Словаря 18 века получил, но не успел вникнуть. Кажется, вполне толково. Крайне Вам благодарен.

Новые рождественские (по вашему, новогодние) обряды проникли во все известные мне страны Европы от протестантов и в разное время. Мне

еще пришлось быть свидетелем некоего синкретизма, когда в католической и лютеранской Словакии в городах уже зажигали елку, а по деревням еще ходили ряженые с «бедламом» (Вифлеемом), т. е. миниатюрной сценой с яслями на палочке, причем в колядках принимал участие, мешая им, обязательный Кубо (= Якоб) в овчинке наизнанку, шутник-самоучка. Никаких елок там не было, под скатерть клали солому, на большой миске подавали фрукты и лук (!), ужин начинали с облаток с медом, при чем девушки норовили помазать парней этим медом по лбу, чтобы «прилипли». А потом с фонарями шли к полночной мессе, по снегу, в скрипучий мороз. Это было в сороковые годы. Расспросы знакомых дали неожиданные факты. В Екатеринославе в 80-е годы уже в барских домах зажигали елку, но подарков не было. Все это весьма интересно и заслуживает проследить, как из Санта Клауса получился Дед Мороз, занимательно. Вообще в 19 в. происходит временной сдвиг праздников (Николин день — сочельник, сочельник — Новый год). В Германии еще до недавнего времени существовал Кнехт Рупрехт, очевидный святой и член свиты Николая.

Посылаю Вам бандеролью статью Фишер-Ёргенсен о *n-t-k* и *b-d-g* в североном. языке. Отозвались-таки хамы из Л. А.?

В записках В. А. Нашекина под 1720 г. очень красочно описана свадьба князь-папы, П. И. Бутурлина. Был там машкерад с голландскими костюмами, но были и отечественные развлечения в духе Дурова или Попова: «На берег вышедъ ѳздили поѳзды цугами на медвѳдяхъ, на собакахъ, на свиньяхъ, (...) которые такъ обучены были, что весьма послушно въ запряжкѳ ходили». Между прочим, я считаю развитие рождества на Западе за последние десятилетия типичным случаем «гезункенес культургут»: глубоко религиозный праздник превращается сперва в чисто детский (елка, сюрпризы, подарки, стишки «в лесу родилась елочка») и, наконец, в возмутительный коммерческий балаган. В Калифорнии прямо невероятно было видеть северных оленей цугом запряженных в сани с Санта Клозом, при чем вся эта феерия была протянута от пальмы к пальме. А при виде чернокожего Деда Мороза я просто не знал, что подумать. Причем в англосаксонском рождественском фольклоре откуда-то взялся «добрый король Вячеслав» (Wenceslaus).

Удивительно именно то, что ходульный Ломоносов не связан непосредственно с современным русским литературным языком, а вот, скажем, частные бумаги Татищева или Фонвизина уже звучат совсем по современному. Мне кажется, что это отнюдь не единичные явления, а закономерный феномен: если не пишешь для печати, если не отстаиваешь каких-то принципов, то пишешь по-человечески. А «Архив Куракина» я посмотрю.

Не лежит у меня сердце к Третьяковскому. Все его «манифесты» и «программы» оказались пустословием, в конце концов он примкнул к церковникам. И вообще: как же это так он учился у католических священников латыни? А не униат ли он сам? Вот только его симпатии к Адодурову

примиряют меня. Вообще и Трелиаковский, и Кантемир и иже с ними — аттерли анридабл.

Появились и другие рецензии на Словарь 11–17 вв., в большинстве случаев пропитанные казенным подхалимажем.

Вы спрашиваете о Мельникове. Это очень милый пожилой преподаватель гимназии, сохранивший интерес, так сказать, и пописывающий то об одном, то о другом. Живет он в провинции и, если он уже ушел в отставку, располагает временем для глубокомысленных раздумий. Ссылка на заметку Соболевского (курилица) мне очень под руку: выпишу копию и проштудирую.

Не премину воспользоваться Вашим великодушным предложением и попрошу Вас дать мне следующие две справки:

Точную библиографию статьи В. П. Зубова в «Историко-астрономч. исследования» VIII, год? С. 221–239.

Его же «Древнерус. памятник 15 в.» в «Историко-математ. исследованиях» 1950, с. 407–480. Может быть, Вам не будет так уж трудно найти и прислать мне библиографию.

А что мне писать по поводу *епиусиос*? На этот счет имеется почти необозримая богословская литература всех мастей, и не мне лезть в это дело. Интересно однако, что слово было переведено в старо-чешской Кралицкой библии как *надподстатный*. В древненемецких переводах встречается *эмессиг*, т. е. постоянный, вечный.

Статья набрана, но, как Вам известно, все еще имеются задержки. Похоже, что номер выйдет осенью. Заметку о Шор мы похерим.

В конце августа в Вене состоится VIII международный съезд лингвистов. После хаотических переживаний на VII съезде в Болонье мне совсем не хотелось туда ехать, но я здесь считаюсь чуть ли не Нестором, и мне просто необходимо хоть денька на два показаться. Будут милые встречи. С Ярцевой, например. Или с Гухман. Если представится случай, я не премину, как уже было сказано выше. А читать я там буду (перед случайной аудиторией) об «изменениях в синтаксисе». Я ведь отчасти приемлю трансформационный метод и считаю, что одним из основных источников синтаксических изменений является синтаксическое калькирование с более престижного литературного языка. В русском языке просто не было пассива типа *X глаголется изреком*. Это, как и многое другое, результат 18 века. Вот почему пассив этого типа в русском языке имеет столько лексических и синтаксических ограничений. Попробуйте: *Ваня бьется своим отцом, ее нагота видится (была видима) всеми, да и пресловутый дом, строящийся плотниками* малоубедителен. Ключ к современному русскому синтаксису находится в языке 18 века. Там вырабатываются стереотипы, конструкции, образцы, совершенно неизвестные раньше, под влиянием французского, немецкого, латинского языка (языков), и очень немногие из этих образцов попадают в «глубинные» слои языка. По большей части они остаются на поверхности, т. е. в письменных текстах или в речи лиц, при-

выкших к письменному языку. Вот почему я хочу посвятить будущую Лингвоху синтаксису 18 века. «Первое и главнейшее мне кажется быть сие...»

Совершенно невероятно читать у разных американских или английских «специалистов» о том, что в цсл. существовали «правила трансформации» типа «мнози моляахж и + ему прити в дома ихъ» (Супр.) и что «следовательно» в древнем цсл. существовало «правило», ставящее субъект инфинитива в дат. падеж. Это недавно написал некто Комри, хомствующий неуч, совершенно не подозревающий о существовании греческого синтаксиса, ниже о том, что весьма часто встречается при инфинитиве винительный (*кого мя глаголите быти*). Полемицировать с такими типами не стоит, но дать им по зубам в журнале следует.

Как обстоит дело с Соболевским? Когда можно ожидать? Боюсь, что мне уже не удастся использовать этой важной публикации.

Меня, между прочим, упрекали в том, что я в журнале порицал Самсонова, якута, которого надо всячески поддерживать. Да не его я порицал, а тех, кто дает «имприматур» на любую дрянь.

А как у Вас насчет досточтимого Ивана Ивановича? Воскрешается? Вот о нем я бы мог Вам сообщить массу пикантностей, да не стоит.

Будьте здоровы, отдыхайте, закаляйтесь как сталь и продолжайте свои столь многогранные штудии и чтения. Желаю Вам всего самого лучшего.

Искренне Вас уважающий А. Исаченко.

PS Только что выяснилось, что «Архив Куракина» трудно достать без более подробных библиографических указаний. Будьте любезны, присоедините и эти указания к вышеупомянутым.

30 июля 1977

Дорогой и многоуважаемый Александр Васильевич!

На днях пришло Ваше письмо от 20 июня. Я так и думал, что Ваше определение русского литературного языка — первое. Обратили ли Вы внимание на неплохой учебник по истории рус. лит. языка трех авторов — Бёка, Флакенштейна и Фрейданка, изданный в Лейпциге в 1974 г.? Ваше определение приводится там с некоторой дополнительной разработкой. Вообще, это, как кажется, лучший из появившихся до сих пор учебников предмета.

Что касается «Слова», то осторожное отношение к нему ВВВ было здесь хорошо известно и очень заметно. Иногда он называл этот текст среди памятников древнерусской письменности, но никогда в рассмотрении его не заходил дальше заглавия. Попадалась ли Вам на глаза фантастическая теория Л. Н. Гумилева о происхождении «Слова»? Он датирует текст серединой 12 в. и рассматривает его как анти-монгольскую листовку, написанную неким Эзопом и сместившим из конспирации события на полве-

ка назад. Самое смелое в этой теории — допущение жанра, не имевшего прецедента в древнерусской письменности. Впрочем, само «Слово», даже если его понимать, как предлагает Еремин, принадлежностью эпидейктического жанра, все равно остается уединенным именно в жанровом отношении и, следовательно, в своей поэтике и стилистике. Что касается языка, то здесь несмотря на обилие темных мест менее всего находится предлогов для сомнения. В работе Менгеса вопрос о подлинности не рассматривается, но анализ ориентализмов говорит в пользу подлинности языка. Предполагаемое русское издание будет заметно расширено сравнительно с первым, английским, изданием 1951 г. Сам Менгес был здесь прошедшим летом, и я имел удовольствие с ним познакомиться. Среди множества его интересных рассказов самым впечатляющим было воспоминание о допросе в гестапо в 1936 г.

Тема доклада Галанта очень интересна, надеюсь, он будет опубликован в РЛ. Хорошо также, что Н. М. Сальников обращается к 18 веку при рассмотрении залога, в эту эпоху, вероятно, сложились категории глагола современного лит. языка, между тем считается, что морфология СРЛЯ целиком сложилась уже в 17 в. Любопытно употребление видовых форм в ремарках русских пьес начала 18 в., всегда совершенного вида: *тут выйдет гарлекин и скажет* и т. п. С другой стороны, в фольклоре вид несовершенный там, где ожидался бы совершенный: *широко Волга разливалась*. У нас семантика перфекта связана лишь с совершенным видом. Мне кажется, что если следить за судьбой глагола в цсл. текстах, неожиданностей не встретишь, они появляются лишь с русским глаголом. Поэтому мне кажется, что утрата форм типа *хаживать*, о чем Вы писали в прошлом своем письме, обязана влиянию цсл. глагола, где отсутствовали такие формы. Именно поэтому они были редкостью в письменном языке и широко употреблялись в устном в первой половине 19 века. Собирается ли Л. В. Ньюэн, публиковавшийся в РЛ по вопросам вида в 18 в., выйти за пределы истории науки и заняться изучением материала?

Проф. Ведель из Регенсбурга любезно откликнулся на мой запрос о Погорелове, с которым я обратился к нему по Вашему совету. Оказалось впрочем, что его попытки навести справки о Погорелове результатов не дали.

Желаю Вам успешной работы над историей русского языка в прелестном зеленом домике. Повторяю, что могу делать для Вас выписки.

Ваш А. Алексеев

11 августа 1977

Дорогой и многоуважаемый Анатолий Алексеевич!

Очень рад за Вас, что Вы отдыхаете в Крыму. Мне там не пришлось побывать, но могу себе представить, что невзирая на многолюдность природа там осталась прекрасной. Только вот, говорят, берега там каменные, так что нельзя выкупаться «на пляжу». А я вот все сижу у себя в Доброве (до-

мик только на карточке вышел зеленый, на самом деле он слегка бежевый), с азартом читаю довольно-таки нудных авторов 18 века, и успел настроить уже три главы второго тома. Корректуры первого ожидаю на днях. Кроме того, «погодъ благоприятствующей», буквально под ногами стали прорасти рыжики и белые грибы, от чего мы с женой немалую для себя плезуру извлечь могли. Опять-таки форель: в этом году она как-то расплодилась, и за час можно наловить положенную порцию — три штуки. Собираюсь остаться здесь дондеже, т. е. пока не станет слишком холодно. Был недавно в Вене и пришел в ужас: вот уже десять лет строят метро, чинят улицы, везде пыль, грязь, безобразие, испортили прекрасную площадь св. Карла, выстроили напротив удивительного храма какую-то водоблюющую неразбериху из пластики. Невероятно. Я был влюблен в этот город, а сейчас рад, что живу не там.

Хочется сказать Вам несколько слов о Слове. Я не говорю как Мазон, что это подделка 18 в., но мне многое в этом тексте кажется сомнительным и вызывает недоумение. Я не тюрколог и об этимологиях Менгеса судить не берусь. За последнее время меня настроило скорее в пользу древности этого текста (вернее, прототекста) известное изречение: «Се мое а се мое же». У вас, да и вообще везде, это переводится так: «это мое, а это тоже мое», что бессмысленно. Вот уже десять лет, как я борюсь за признание существования «хортативно-финальных частиц» *a, u, tu, to*. Наблюдательный Борковский (и одна его ученица), посвятивший «союзу» *a* немало труда, так и не заметил, что, например, в берестяной грамоте 9 вторую часть первого предложения *a to za nim* следует читать «пусть останется за ним». В Мстиславовой грамоте читаем *a bǫgъ буди за тѣмъ*, т. е. «пусть Бог будет защитником». В новгородской грамоте Варлама в самом конце то же, и в ПВЛ — *passim*. *Се мое а се мое же* свидетельствует о жадности князей: «вот это мое, так пусть и это будет моим». Только такое чтение имеет смысл, а «это мое, а и это мое» бессмыслица. Значит, в Слове употребляется частица *a* «пусть» в специфическом значении, не замеченном поколениями русистов. Повторяю: я опубликовал статейку об *a, u* лет десять назад, но как в стенку горох: никто не прочел, никто не принял во внимание, хотя, на мой взгляд, объяснение напрашивается само собой (*a* соединяется либо с 3-м лицом императива или с 3-м лицом индикатива). Вот это *a се мое же* склоняет меня скорее в сторону «верующих». Тем не менее я не привожу примеров из Слова, чтобы не осрамиться, когда в бумагах какого-нибудь вельможи найдут либо тюркский оригинал, либо французскую модель, либо еще что-нибудь в этом духе. Читал я «Азь и Я»³⁵ и удивлялся. Мешает мне чрезмерная «красивость» некоторых мест, какой-то «плач Ярославны» (где это слыхано?), какие-то готские девы, мысли по древу, языческая настроенность (это в конце 12 века!) и, как указываете Вы сами, полная беспомощность при попытке жанровой иденти-

³⁵ О. Сулейменов. Аз и Я. Алма-Ата, 1975.

фикации текста. А ведь в литературе древней Руси (я принципиально не говорю «древнерусской литературе») немало таких совершенно изолированных в жанровом отношении текстов: и Моление Даниила Заточника, и поучение Владимира Мономаха, да и Задонщина. И небезынтересно, что в ряде случаев сохранился лишь один единственный список! А спиритизм — другое дело! Еврипида можно получить и на спиритическом сеансе, если хоть один из участников сеанса знает Еврипида. А как со Словом?

За присылку проекта Словаря 18 века покорнейше благодарю. Судя по всему, это будет серьезная работа, но мне уже не удастся ее использовать для книги. Я совершенно восхищен работой Мальцевой-Молоткова-Петровой. Такого изобилия материала и так искусно обработанного по данному периоду еще не было. Увидите — передайте мои восхищения. Вообще по словарю 18 века можно работать уже сейчас (и у Вас есть прекрасная работа по общественной лексике). Но вот по синтаксису имеется одна хорошая работа, изданная в Польше, да и только. А ведь синтаксис 18 века является ключевым для синтаксиса СРЛЯ. Именно тут, именно в после-ломоносовский период складывается (под решающим воздействием французского) то, что мы называем современным русским синтаксисом. А пассив — это не морфология, это плоть от плоти синтаксиса, причем только письменного. Если не считаться со всякими там у *волков идено* и *мы не жрамыш*, то получается, что весь пассив (трехчленный: агенс — глагол — пациенс) возникает в русском языке лишь в 18 веке. Постепенно отмирают церковнославянские конструкции с *от* и в нецерковные тексты внедряются конструкции с твор. падежом. Это — синтаксис. Пассив — перифраза актива, совершенно неизвестная говорам (или даже языку американских негров). Конструкции с пассивом являются «книжными» и отличаются необыкновенным количеством «блокировок». Почему не сказать *Наташа любит Ванькой* или *Преступник был виден рядом свидетелей*? Пассив так и не стал в русском языке вполне продуктивной категорией, а правила «блокировки» неизвестны. Мне даже кажется, что приводимый во всех учебниках классический пример *дом строится плотниками* — не слишком убедительный. Кто так говорит? Может быть, мы избегаем пассива в случаях, когда оба именных члена личные: *Девочка моется мамашей* или *Наташа бьется старшим братом*, — вот ведь именно тут и следовало бы предполагать самый что ни на есть пассив! Оказывается, нет: *Председатель избирается членами комиссии*. Все это довольно туманно. Но ясно, что пассив — синтаксическое явление и не так уж прост, как об этом пишут. Или возьмите творительный падеж в предложениях с *являться*, *казаться*, *прикидываться* и проч. Еще у Ломоносова вы прочтете: *Это кажется быть главным*. Ясно, ведь именно так конструкция и звучит полатыни и по-немецки (с *быть* как предикат после известных глаголов, ср. *Markus bonus esse videtur*). А при инфинитиве сказуемое всегда стоит в твор. падеже: *надо быть паинькой*, *если хочешь быть счастливым*, *быть героем трудно*. Вот я и считаю, что творит. предикат после известных

глаголов в современном языке объясняется дополнительным усечением (обязательным!) инфинитива БЫТЬ, как в других языках: ср. чеш. *zdá se býť zdráv*, *he seems to be ill*, *he seems ill*. Вообще переоценка причастных оборотов, приложения с *будучи*, даже такие, казалось бы, пустяковые факты как порядок слов в *красная в полоску материя* берут свое начало в правилах синтаксиса 18 в. В морфологии мелочи: *-тъхъ/-ахъ*, *-ы/-ами*, сдвиги в употреблении *-у* в партитиве и локативе, но все это не слишком системно. О совершенном виде в ремарках 18 в. я писал довольно подробно в своем «Грамматич. строе»³⁶. Это, в общем, как в современном чешском или словацком, или польском: *войдет поя* (!). Такие ошибки типичны были для моих слушателей. Совершенно естественно сказать (перевожу): «Сидим спокойно и беседуем, вдруг *войдет* Ян. Он почти каждый вечер *придет* с опозданием». Ремарки я считаю полонизмами. В прекрасных текстах Фонвизина (письма к сестре) я то и дело наталкиваюсь на такие видовые «ошибки», за которые я бы провалил чешского студента, а у Фонвизина много и других полонизмов. Насчет *хаживать* надо еще подумать. Ломоносов в Росс. грамматике считает формы типа *хаживал* особым временем и приводит (параграф 323) такие жуткие формы как *плетал*, *скребал*, *грызал*, даже *лыгал* (лгу), *сысал* (сосу), *берегал* и др. Все это — не церковнославянские глаголы. А в чешском или словацком аналогичные итеративные формы возможны почти от всякого глагола кроме модальных и не только в прошедшем времени.

Ньюман не слишком даровит, и я не знаю его планов. Вряд ли выйдет что-нибудь толковое. Жаль, что и Ведель не мог Вам помочь. Последний мой совет: обратитесь к проф. Холтхаузену (Holthusen) в Мюнхене Slavistisches Institut, и справьтесь у него. Ведь должны же быть где-то старожилы. Против всех своих привычек на этот раз припоминание нечто. С Погореловым у меня были свои счеты. Он всячески был против моего назначения в Братиславе и прибегал к приемам политической клеветы, доносов и опасных выступлений в печати. Один мой учебник был им заклеен за то, что напечатан «по большевистской орфографии». Так мне и не удалось перенести свою доцентуру в Братиславу до освобождения. Сам он был многодетен зело, а его супружница была чуть ли не сестра или кузина Андрея Белого, но до брака с Погореловым жила с каким-то подозрительным саксофонистом. Имя ее было Бронислава Матфеевна (нет, не сестра, а сестра жены, то есть короче говоря, свояченица). Так за ее злой язык ее называли Карла Бронепоездона. Мы случайно даже жили в одном доме, и мадам стала распространять слухи, что Исаченко мол «развели клопов». Клопы, правда, были, но мы их унаследовали от предыдущих жильцов. И вот страшная месть. Я набрал в футляр от градусника несколько дюжих здоровенных клопов, высыпал в конверт, а конверт просунул ночью в шелку

³⁶ См. о перфективном презенсе: *А. Исаченко*. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. Bratislava, 1960. С. 448 и слл.

дверей квартиры Погореловых. Во всем доме запахло керосином, и разговоры насчет «разводки» прекратились... Он до войны, первой, действовал в качестве русификатора в Варшавском университете, вообще хорошо знал греческий, а на лекциях по литературе считал, что все, что написано после Даниила Заточника, — декаданс. Чудовскую Псалтырь, однако, издал хорошо. Потом он с семьей бежал в Германию, и здесь следы стираются. Да. Его бо-фис (короче говоря, муж евойной дочки), писавший стишки под именем Бред (!) стрелял в французского президента и был-таки гильотинирован в 1932 г. в Париже. В Братиславе Погорелов написал довольно занятную статью о возможном прямом влиянии Вульгаты на первые переводы евангелий³⁷. Материал, как кажется, довольно убедительный. Есть, конечно, и другие объяснения.

Ну, заболтался. Это плоды уединения, неразговорчивых форелей (сик) и еще меньше разговорчивых грибов.

Будьте здоровы, храните крымскую зарядку на берегах Невы.

С древним высокопочтением пребываю А. Исаченко

PS Откликнитесь на предыдущее письмо, прошу Вас

8 сентября 1977

Дорогой и многоуважаемый Александр Васильевич!

Наш отдых в Крыму прошел хорошо, хотя погода не благоприятствовала, и мы стали настоящими «моржами». Самым интересным было небольшое путешествие по Крыму. В Бахчисарае мы видели ханский дворец со знаменитым фонтаном, четыре неточных копии украшают Павильонный зал Зимнего дворца. Красивы витражи 16 века. Имеется также портал, выполненный известным итальянцем Алоизом (Алевизом) Новым, построившим позже Архангельский собор в московском Кремле, где он повторил в главном этот портал. В окрестностях Бахчисарая находится несколько давно покинутых полупещерных городов на скальных плоскогорьях. Наиболее интересны — Чуфут-кале, населенный до прошлого века караимами, и Мангуп-кале, бывший в 14–15 вв. столицей княжества Феодоро, но вымерший после занятия турками. Крым поражает многообразием этнических групп, населивших эту местность. Современный Крым, напротив, прост и однообразен, лишь флора процветает.

Тем временем пришли от Вас два письма — от 19 июля и 11 августа, содержащие Ваши соображения об эволюции рождественских обычаев, синтаксических явлениях, воспоминания о семействе Погореловых. В свя-

³⁷ В. А. Погорелов. Из наблюдений в области древнеславянской переводной литературы. I. Латинское влияние в переводе евангелия. II. Употребление форм прошедшего сложного в тексте евангелия. // Sbornik Filosofické fakulty University Komenského v Bratislavě, III, 32, 6 (1925). S. 207–226.

зи с Вашим замечанием, что Кантемир и Тредиаковский «аттерли анри-дебл» — совершенно нечитабельны (выражение весьма популярное сегодня), я бы хотел обратить Ваше внимание на перевод Кантемира «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля, выполненный, вероятно, около 1730 г. и опубликованный в 1740, особенно на его дипломатические депеши из-за границы, которые по языку далеко опережают свое время, а также на язык Тредиаковского в переводах Древней и Римской историй Шарля Роллена, которые гораздо проще и легче, чем художественное творчество этого поповича.

Спешу ответить на Ваши библиографические вопросы.

Зубов В. П. Вопрос о «неделимых» и бесконечном в древнерусском литературном памятнике XV века // Историко-математические исследования. Вып. 3. Москва, 1950. С. 407-430. Речь идет о переводе сочинения ал-Газали «Маккасид ал-фаласиф», выполненном жидовствующими.

Зубов В. П. Неизвестный русский перевод «Трактата о сфере» Иоанна де Сакробоска // Историко-астрономические исследования. Вып. 8. Москва, 1962. С. 221–239. Речь идет о космографии XVI века, переведенной, возможно, с еврейского текста. См. о ней у Соболевского. Переводная литература. С. 409–412.

Архив князя Ф. А. Куракина. Книги 1–10. СПб., 1890–1902. Под ред. М. И. Семевского (книги 1–3), В. Н. Смольянинова (книги 4–10). Это многотомное издание включает в себя бумаги известного дипломата Б. И. Куракина (1676–1727), начиная с книги 5 в каждом томе примерно половину объема занимают бумаги А. Б. Куракина (1752–1818). Издание остановилось в самом начале. Посылаю ряд наиболее показательных, на мой взгляд, выписок из бумаг А. Б. Куракина. Женские письма показывают большую подверженность французскому синтаксису, но с более «русской», так сказать, простой лексикой, что в целом смахивает на язык «Войны и мира» или Лермонтова. В мужских письмах (которые выглядят более архаичными) сказывается влияние школы, учет книжной моды. Писем на русском языке в этом издании меньше, чем на французском. Интересно отметить, что одна из княгинь Куракиных сказала: «Мы и по-французски умели любить Россию и русский народ». Эти слова приведены в предисловии к книге 5 (с. XXII, примеч. 2). К сожалению, орфография писем полностью правлена.

Искренне Ваш А. Алексеев

25 сентября 2977

Дорогой Анатолий Алексеевич,

Широкое спасибо за Ваше письмо от 8 сентября и за присланные выписки. Чрезвычайно ценные материалы и интереснейшие комментарии с Вашей стороны. Я очень рад, что несмотря на капризы природы Вам уда-

лось провести в Крыму приятные дни. Работа в саду мне почему-то не по вкусу. У нас этот сад (он же огород) регулярно к концу сезона зарастает непроходимым сорняком, а коэффициент полезного действия (КПД) — почти нулевой. В этом году выращивали петрушку, и вот на днях мне удалось выдернуть ну две горсточки каких-то малопривлекательных корней. А цветы цветут сами, я их только поливаю и иногда удобряю. Оказывается, не только в Альпах, но и на солнечном юге лето бывает холодноватым, это уже не погода, это климат.

Историю Крыма я знаю эдак до 2 в. до н. э. Совершенно не понимаю, как и когда туда попали готы, как и когда осели караимы, как там действовали генуэзцы. О караимах знаю больше: у меня были друзья — караимы. Очень симпатичный, талантливый народ, вкусно кормят, но древнеевр. текстов почти не понимают. Они ведь до-талмудической формации.

Фонтан мне напомнил изумительную постановку в театре г. Кошице в Словакии в 1957 г. Вообще я аллергичен к классическому балету, просто не могу смотреть на постановки разных птицеферм (например, Лебединое озеро), но вот как-то попал на Бахчисарайский фонтан и был потрясен. Правда, на сцене весьма реалистично что-то горело, но эта одалиска или как ее там танцевала совершенно замечательно, причем в пачках, но без фуэте, и ручки не коромыслом, а вполне в современной постановке и с современной техникой. И сам хан, смахивающий на запорожца, весьма внушительно плясал. Мне очень захотелось побывать в том замке.

О грозящем наводнении в Ленинграде мы здесь слышали по телевидению, я думал о Вас и о других друзьях, и мерещились сцены из «Медного всадника». Но слава Богу, пронесло.

Не сердитесь на «анридебл», ведь это нам с Вами интересно и забавно прочесть Фонтенеля в русском переводе, а заграничных русистов таким делом забавлять трудно. Да и дипломатические депеши представляют вряд ли «чтиво», привлекающее современного студента. Точно также уже нельзя читать Готшеда, многое из Лессинга. А вот французов той поры сколько угодно! Слово *читабельный* я знаю и употребляю с детства, а вот словечко *смотрибельный*, приводимое в грамматике как ни как «литературного» языка (1970, 202), считаю просто хулиганством.

Прошу учесть мою общую установку на языковые процессы 18 века. Если проследивать каждого автора в отдельности, то сам предмет изучения (образование лит. языка) рассыпается, появляется в личинах разнообразных темпераментов, традиций, политических установок, степеней образованности и т. п. Я, разумеется, не могу обойти молчанием отдельных авторов, но мне кажется, что их «манифесты» и языковая политика находятся в отрыве от, а то и в противоречии с наблюдаемыми в их же собственном языке фактами (простите удобный англицизм). Поэтому я сосредоточиваюсь на нелитературные тексты (научные и проч.), на тексты, не предназначенные к печати (мемуары, корреспонденция, дневники), на анонимные переводы. Тут я получаю факты более или менее свободные от

предвзятых установок (ср. Сумарокова или Ломоносова). Вот почему, между прочим, я не хочу задерживаться на румынских князьях и астраханских попovichах (а почему ТрEDIAKовский учился у католических монахов?).

Крайне Вам признателен за библиографические справки, отсюда это было бы очень сложно. Мне удалось получить один том архива Куракина, но пока не успел вникнуть. Во всяком случае крайне важны Ваши замечания относительно половых признаков, так сказать, текста.

Был в качестве одного из «хозяев» на Венском лингвистич. конгрессе. Я, правда, был лишь на нескольких лекциях и в одной секции просидел полдня. Но на меня это сонмище произвело удручающее впечатление. Все «лезут», навязывают другим свои малохольные идейки или с видом пророка повторяют давно известное. Я, откровенно говоря, вынес для себя очень мало и то скорее по более специальным вопросам. Не было ни Якобсона, ни Хомского (этот вообще по конгрессам не разъезжает), ни Халле, а были разные немецкие нео-лингвисты, т. е. лица. Еще вчера не слышавшие о Бодуэне и Трубецком, а сегодня уже рисующие внушительные диаграммы и «убивающие» слушателя замысловатыми (американскими) терминами. Немцы производят на меня впечатление африканских герилльерос, умеющих пользоваться автоматом, но не знающих таблицы умножения. Я сам читал на тему «Синтактик чейндж», где пытался показать, что в литературных языках (таких как латынь, древненем., древнеангл., русский 18 века) эти чейнджи происходят почти регулярно под влиянием более развитых и престижных литературных языков и что, например, англ. *Mark seems to have been ill* не является применением каких-то «самобытных» английских правил, а просто давней калькой с латыни *Marcus infirmus fuisse videtur*. Была дискуссия, интересная. Оказывается, даже в английском (по подсчетам какой-то группы) пассивные конструкции занимают в лучшем случае 20% всех конструкций с личной формой глагола. Кольми паче нам грешным...

В будущем году будет еще съезд славистов в Загребе — опять массовые заседания с нулевым КПД, возгласы «си ю лейта» и прочее. Надо обсуждать заранее установленную проблематику, близкую всем участникам, а не устраивать наукообразные цирцензес.

В Вене мне удалось, надеюсь, привести в порядок свой журнал, обеспечить его дальнейшее появление.

Как продвигается Соболевский? Не надо ли Вам чего? Пишите!

Искренне Ваш А. Исаченко

12 октября 1977

Дорогой Анатолий Алексеевич!

Примите мою благодарность за присылку новой книги нашего общего друга Бориса Александровича. Просто трогательно видеть, как в наши не слишком уж сентиментальные дни поддерживается традиция печатания посмертных работ крупных ученых, не предается забвению имя тружени-

ка, даже если с точки зрения некоторых молодых выдвигаемые покойным автором идеи и не являются «последним словом» науки. Этот пиетет меня всегда трогал в русской научной жизни. С удовольствием прочел введение в историческую лексикологию — ну, насколько это лучше, чем то, что в свое время писал Черных. Ведь Б. А. был, между прочим, весьма грамотен и в области индогерманистики, не говоря о литовском языке, и несомненно много думал об общелингвистических вопросах. Знаете, что в моем семинаре висел плакат, где было указано, что чтение исторической грамматики и исторической лексикологии Черных не карается прямо, но считается абсолютной потерей времени. Странно только то, что, например, *лютый зверь* из Поучения и Соважа очевидно не «дошел» и что в современных переводах и глоссариях продолжают читать «лютый зверь»³⁸. Это очевидно общая судьба правильных этимологий. Вы не заметили? Неправильные этимологии, ну, например, *ни зги не видно*, всем известны и постоянно повторяются лингвистами-самоучками. Но стоит только появиться правильной этимологии, она не принимается, публика выслушивает с вежливым недоверием, чтобы при случае снова пустить в ход мифы. А почему не печатают его программы по изучению языка города? Почему не воспроизводится его работа о воровском аргю? Вот в чем Б. А. был действительно пионером, не имевшим среди русских языковедов предшественников. И так приятно получить портрет Б. А.

По стечению обстоятельств мне тоже, вероятно, придется заняться подготовкой к печати некоторых избранных работ Н. С. Трубецкого по истории русского языка и по общелингвистическим вопросам. Только происходит это не из пиетета, а по весьма материалистическим соображениям: одно издательство рассчитывает на покупателя.

Мне удалось достать несколько томов Архива Куракина. Меня мало интересуют его хулиганства, которые один венгерец назвал «куракинизмами», почему-то приводимые во всех учебниках (*был инаморат, читаданка*). Но между прочим мне кажется, что русское влюбиться связано именно с ит. *инн-аморато*, не знаю другого языка, где имеется префикс со значением направления. Ваши наблюдения о разнице в языке между мужскими и дамскими корреспондент(к)ами подтверждаются. Я Вам очень признателен за это ценнейшее для меня указание.

Вы мне как-то писали, что я очень строго сужу о языке стольника Толстого, что надо, так сказать, «изнутри» понимать ситуацию. Именно в эти дни я вернулся к Статейным спискам этого дипломата, но я никак не могу

³⁸ Речь идет о предложенной Б. А. Лариным интерпретации сочетания *лютый зверь* в конкретном значении 'рысь' в некоторых контекстах, в том числе – в Поучении Владимира Мономаха и Словаре Московитов 1586 г., составленном Жаном Соважем (Б. А. Ларин, Из истории слов // *Памяти акад. Л. В. Щербы*, Л., 1951. С. 192–194; Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII вв. СПб., 2002. С. 71; Лекции по истории русского литературного языка, с. 182).

смягчить своего суждения. Ведь он не может выразить по-русски понятие «этаж» (пишет *пять житей*), венский Гофбург для него *домь цѣсарьскій*, венецианские каналы — просто *улицы*. Подхрамывает морфология, совершенно недопустим синтаксис, обои — *толстая чеканная бумага*. Гондола у него почему-то *гундаль* (мы здесь живем в четырех часах от Венеции и неоднократно там бывали, я немного говорю по-итальянски, понимаю местный диалект, но формы *гундаль* никогда не слышал). Балдахин на гондоле — *чердакъ*. Не буду говорить о его фантастических представлениях по вопросам географии. Нельзя не видеть всего этого убожества на фоне ну хотя бы тех же венецианских *театрумовъ*, Гольдони, изумительных венецианских типографий 17–18 веков, итальянской кухни того времени и т. п. Я знаю, будут меня обвинять в том, что, мол, «клеветшу», что «очерняю» и проч. Но тексты, которые мною приводятся, помещены в хрестоматии Бархударова-Обнорского и, следовательно, носят даже официальный характер. А мне стыдно, просто стыдно, что такое было и что наши предки вилоккой ковыряли в носу...

Начался семестр. Мы переехали в новое шикарное здание, студентов прибавилось, но гениев пока не видать. Погода здесь стоит летняя (до 27 С), а у Вас «поди» уже зима.

Что бы Вам прислать такого? Вы мне напишите, что Вам нужнее: тюркизмы, 18 век или история отечественной лингвистики. Когда выйдет книга Менгеса? Как хорошо, что именно Вы ее переводили! Шлю Вам самый сердечный привет и ожидаю Ваших «дезидерат(ов)».

Искренне Вас уважающий А. Исаченко

20 октября 1977

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Васильевич!

Очень рад, что мое письмо дошло до Вас и сведения, содержащиеся в нем, были для Вас полезны. Надеюсь, смогу помочь Вам в дальнейшем.

По поводу затронутых в Вашем письме вопросов.

Мне кажется, что караимы представляют интересный вопрос не только сами по себе, но и для русистики. Чем они являются на самом деле, установить не просто, так как этот вопрос запутан разными вненаучными интересами. Одни считают, что это секта, возникшая в 8 веке и продолжающая традиции древних саддукеев, другие (Фиркович и др.), что караимы — наследники древних хазар, почему и говорят на тюркском языке. Третьи (Шишман в Париже), что караимы — наследники кумранской общины. Известно, что в конце 15 в. великий князь Витовт перевел часть караимов из Крыма в Литву — Трокай, Галич, Луцк. Не были ли связаны эти переселенцы с начавшейся в этих примерно местах и несколько позже литературной традицией переводов с древнееврейских оригиналов астрологических, отчасти мистических сочинений? То есть с литературой ереси жиждовствующих? Вопрос осложняется тем, что в это же время и даже

несколько раньше на западнорусских землях появляются еврей-ашкеназы (хронология и статистика представлена в одной из работ Карского). Удивительно, но никто из занимавшихся ересью жидовствующих не обратил серьезного внимания на все эти вопросы.

Я от всей души согласен с Вами, что манифесты 18 в. находятся в заметном противоречии с языковой практикой тех же самых лиц. В этом у нас постоянное расхождение с Б. А., который, являясь по преимуществу культурологом, больше интересуется манифестами, программами и выдающимися культурными фигурами. Он не игнорирует языковой материал, но акценты ставит как культуролог. Мне, однако, не хотелось бы отодвигать литературные авторитеты за пределы истории лит. языка. Не программы, но их практика оказывала влияние на носителей лит. языка, давала образец, создавала моду и служила предметом подражания.

Через неделю я готовлюсь произнести доклад о стилистическом статусе заимствований в языке русской литературы. Хотелось бы обратить внимание на то, что классическая русская лирика не употребляет новых заимствований, иногда это заметно и в прозе. Положение это сложилось в 18 в., когда впервые возникает необходимость литературного освоения заимствований. Ломоносов не упоминал о заимствованиях и не употреблял их — по крайней мере в оде. Тредиаковский в предисловии к переводу «Аргениды» (1750) объявляет, что не употребил заимствований по стилистическим причинам. При этом основным способом усвоения иноязычности в цел. язык является калькирование, но для русского — заимствование, то есть принятие. В этом смысле Ломоносов и Пушкин принадлежат одной эпохе (вопреки одному Вашему высказыванию).

На днях мне предстоит оппонирование на защите довольно неплохой диссертации по древнему синтаксису. Приведено много случаев замены греч. пассива славянским активом, и это толкуется как «творческое отношение». Я собираюсь указать, что ситуация детерминирована славянским синтаксисом. Думаю, что было бы поучительно проделать такую работу по какому-нибудь переводу с французского 18 в.

Что Вы думаете по поводу целевого инфинитива? Отдельные его случаи можно найти в древнерус. периоде под влиянием греческого оригинала и в процессе замены супина. Мне кажется, что индоевроп. целевой инфинитив возник на базе конструкции *accus. cum infinitivo*. Г. Бройер (Bräuer) утверждает, что при двухсубъектной синтаксической форме употреблялось придаточное цели, при односубъектной — целевой инфинитив³⁹. Мне это кажется странным.

⟨конец письма не сохранился⟩

³⁹ H. Bräuer. Untersuchungen zum Konjunktiv im Altkirchenslavischen und im Altrussischen. Teil I: Die Final- und abhängigen Heischesätze (Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen u. Literaturen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität Berlin. Bd. 11). Wiesbaden, 1957.

1 ноября 1977

Дорогой Анатолий Алексеевич!

Ваши письма всегда доставляют мне исключительное удовольствие, и мне кажется, что этот наш эпистолярный диалог вносит какие-то новые для меня нотки в мои раздумья и мою работу. Спасибо Вам за отзывчивость и охоту поделиться со мною своими, для меня очень ценным, соображениями.

Караимами я в сущности никогда не занимался, но теперь почувствовал, что вопрос «жидовствующих», освещаемый почему-то всегда с позиций весьма ортодоксальных, заслуживает совершенно нового подхода. О работе Геннадия у меня имеются кое-какие интересные данные, но не в этом дело. Я почему-то всегда думал, что общины, имевшие влияние на переводческую деятельность, были ашкеназим, хотя толком истории переселения из Германии в восточную Европу не знаю. Мне известны хорошие работы о языковых контактах, но скорее иудео-польских. Да именно в этой среде и возникли «жидовствующие», и их роль, к сожалению, далеко не изучена.

Вы сами понимаете, что я не могу обойти молчанием «маститых» авторов 18 в., но с другой стороны, я также не могу и не хочу строить свои гипотезы на изучении языка отдельных индивидов. Разумеется, они, эти индивиды, оказывали влияние на вкус (мне представляется, что вообще вопрос вкуса (примеч.: слог — это и есть вкус!) является чуть ли не центральным в 18 в., хотя должен признать, что адекватного определения вкуса дать не могу). Я ведь тоже стремлюсь к известного рода культурологии, может быть более тесно определяемой языкознанием, и не раз мне приходилось вести ожесточенные споры о том, имеет ли право какой-то там филолог делать культурологические (обобщающие, оценочные) выводы. Все зависит, конечно, от эпохи и подхода. Шишков, как ни крути, никакого влияния на ход развития языка не имел. И его собственная проза не лишена галлицизмов. Следовательно: очень прошу Вас не думать, что я отодвигаю лит. авторитеты за пределы лит. языка. Только (в духе литературоведов 20-х годов) я не хочу ограничиться изучением «генералов». С этим, я полагаю, согласитесь и Вы. Меня чрезвычайно увлекает Ваше настаивание на «женском» читателе (опять вопрос вкуса), хотя и сам я не раз подчеркивал установку писателей-карамзинистов да и самого А. С. на женскую аудиторию. Вспомните соответствующие строфы из Е. О.

Ах, этот апологетический дух или душок! Не будь его, я бы и не стал писать своей книги (кстати, докончил читку верстки и надеюсь). Почему так важно, что, мол, «и» мы имели то-то и то-то (героический эпос, пассивные конструкции)? Мне, оторванному от действительности, не всегда легко связать грамматическую категорию с какой-то ценностью (валёр). Моей статье о пассиве не ждите: Бог знает, когда она появится, да и вообще это только доклад на съезде, совершенно не рассчитанный на серьезного читателя. Важно (и, видимо) четко установлено следующее: до 18 века

пассивные конструкции типа «дом строится рабочими» отсутствовали в русском языке. Сохранились перифрастические конструкции с причастием и указанием деятеля, но формы на *-ся* с указанием деятеля ограничены небольшим набором «книжных» глаголов (возглавляется, рецензируется) при полной невозможности сказать *Ваня любит_{ся} (бьется, чешется, уважается) братом*.

Относительно калек у меня за последнее время появляются такие мысли: к цел. прибегают в том случае, если франц. выражение содержит латинизм (ну, скажем, *уязвимый*, раз фр. *vulnerable*, а рана — *blessure*), *Млечный Путь* не *Chemin de lait*, а *Voie lacté*) и это могло повлиять на выбор «регистра». Естественно, абсолютной закономерности в этом нет, но я не исключаю возможности переноса франц. стилистических категорий на русские.

Целевой инфинитив я всегда считал испорченным супином, а вот конструкция с *чтобы* плюс инфинитив, *для того, чтобы* плюс инфинитив, *вместо того, чтобы* плюс инфинитив, *прежде, чем* плюс инфинитив я считаю галлицизмами (*что* + inf. встречается и раньше, но вероятно, не без влияния польск. *żeby* + inf.). Но ведь дело не в галлицизмах, как думает бедный Филин. Важна вся социо-лингвистич. модель французского языка: так можно сказать и то же самое можно написать. Вот к чему стремился и Карамзин, вот чего достиг Пушкин. Не всем ночным птицам доступны столь головоломные соображения. Могу Вас успокоить: Филин ухает, а ветер носит.

Будьте здоровы, буду ждать очередных наблюдений. Искренне Вам преданный А. Исаченко

4 ноября 1977

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Васильевич!

Я был очень рад получить вместе с Вашим письмом от 12 октября с. г. летний фотоснимок, где Вы располагаетесь почти на ленинградском ландшафте. Ваш бодрый и жизнерадостный вид внушает оптимизм гораздо больше, чем синее небо и голубая вода за Вашей спиной.

Я рад также, что книга избранных работ Б. А. Ларина доставила Вам возможность приятного чтения и приятных воспоминаний. С сожалением нужно признать, что в общем и целом Б. А. не оставил после себя учеников, хотя целую толпу поклонников, ревнивых почитательниц. Конечно, его талант и разносторонняя ученость давали почву для восхищения, в то время как его историко-филологический метод не слишком привлекал учеников, охотнее собиравшихся там, где можно в пять минут постичь блестящую методологию и новый метод очередного -изма. Вскоре после прихода в университет Н. А. Мещерского в 1963 г. отчасти под влиянием его курса «Древнеславянская переводная письменность» русисты возобновили изучение греческого языка, благо нашелся один молодой талантливый пе-

дагог. Хотя интересы этого нового направления целиком и полностью находятся в сфере традиции (мне помнится, что Вы не слишком одобрительно отзывались о подобном направлении при журнале «Анцайгер фюр сл. Филологи»), на фоне обычной необразованности отечественных русистов оно кажется приятным и полезным исключением, а интерес к текстам богословским и св. писания кажется здоровой альтернативой исключительно «светскому» направлению школы Лихачева. Представляется даже возможным возрождение славянской библеистики в России. Это важно, потому что здесь находится большинство славянских древних рукописей, к тому же исследователи Болгарии и Югославии проявляют равнодушие к древним источникам. Вообще, наука в Югославии выглядит провинциально, хотя положение научных работников там лучше, чем здесь. Похоже, там господствуют интересы третьего сословия — покой, комфорт и независимость.

Впрочем, вероятно, это естественно. Гораздо удивительнее, что в русской культуре несмотря ни на что в течение двух последних столетий аристократизм является не только чем-то престижным, но действенным фактором культурного развития. Я думал об этом во время подготовки доклада о стилистическом статусе заимствований в лит. языке, о чем я писал Вам в прошлом письме. В 19–20 вв. любовь к иностранным словам как черта аристократизма была свойственна именно мещанству, как это видно в стихах Бенедиктова, Северянина и т. п. Важным моментом могло быть то, что авторитетная критика разночинного лагеря — Белинский, Чернышевский — неизменно оказывалась на стороне аристократии (ср. напротив Полевой).

По поводу Ваших справедливых нареканий стольнику Толстому я могу заметить, что дело выглядит так, как если бы теперь Россия ничуть не отставала от Европы в отношении этих вопросов. На самом деле отставание существует и сегодня, только не захватывает область гондол, театров и прочих светских прелестей, освоенных русскими недорослями с удовольствием и скоро. Отставание наблюдается в нескольких аспектах, могу назвать некоторые из них. Во-первых, язык отвлеченной мысли, философии. Когда возникает необходимость обращения к нему, то вытаскивается лексикон о. Павла Флоренского, о. Сергея Булгакова и др., но это уже не свое и устарело. Во-вторых, при переводе Менгеса я обнаружил, как много собственных имен из области тюркологии, китаистики не представлено в русской научной традиции. В-третьих, помните ли Вы послесловие к русскому переводу «Лолиты» Набокова: он думал, что по-русски писать было бы легче, оказалось наоборот (приведены некоторые соображения). Наконец, вспоминаю Орвелла «1984» с интересным экскурсом о языке. То, что у Орвелла порождено фантазией, подтверждается современным русским словоупотреблением. Учитывая это, я смиряюсь и воздерживаюсь от критики злополучного стольника.

Перевод Менгеса я закончил, и уж второй раз не взялся бы за это дело. Впереди ужасы издательского цикла. Книга выйдет через год, т. е. почти

молниеносно. Кстати, автора Вы могли видеть в Вене, где он читает что-то в ун-те.

Если бы Вы могли мне послать Ваши «Митен унд Татзахен» и, может быть, оттиск из Цейтшр. фюр сл. Фил. статьи о предыстории⁴⁰, я был бы счастлив. У нас это ходит по рукам, но мимо меня.

Искренне Ваш А. Алексеев

15 ноября 1977

Дорогой Анатолий Алексеевич!

Если Вас не слишком обременяет этот способ «мыслеобмена», то позвольте мне отозваться на Ваше письмо от 4 ноября, не соблюдая приличествующих в подобных случаях сроков.

Меня крайне порадовало некое возрождение греко-славянских штудий при Вашем университете. Ведь у вас работал Тронский, которого я очень ценю, и надо полагать, что латинист сумел окружить себя и другими классиками. А мне приходилось в Куйбышеве, кажется, беседовать с одним из учеников Тронского, который произвел на меня самое положительное впечатление. Несомненно, интересы и личность проф. Мещерского помогли материализоваться эллинистике. Мне кажется, что при всей необходимой «традиционности» современная слав. филология, работающая с древними текстами, может и должна сказать новое слово: тут и малоразработанная область синтаксиса (с привлечением некоторых современных методов), тут и несуществующая пока цсл. фразеология, тут — главное — весь комплекс вопросов развития цсл. языка на русской почве. Я надеялся, что историей цсл-го вплотную займется Никита Ильич, ан нет, он, видите ли, ударился в «этнолингвистику» (?). Мои критические замечания относительно постановки изучения церковнославянского в Германии и Австрии относятся не только к авторам «Анцайгера». Конечно, изучать «философию» (славянскую!) Иоанна Экзарха или его символику (славянскую), не принимая во внимание стопроцентно греческие образцы — занятие малообещающее. Во всех университетах, в том числе американских, где мне приходилось работать, цсл. язык поставлен именно на «ерах» и «сигматических аористах». А о чем там говорится — совершенно несущественно. Лант, например, заставляет учеников «порождать» форму прич. прош. времени действ. залога от глагола *обръсти* или *извръгнѣти*, применяя им сформулированный набор правил. Но понять и перевести такую фразу, как «имъже бо сѣдомъ сѣдите сѣдятъ вамъ» никто из слушателей не в состоянии. Я всю жизнь

⁴⁰ А. Issatschenko. Mythen und Tatsachen über die Entstehung der russischen Literatursprache // Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Sitzungsberichte. Band 298, Abh. 5, Heft 3, Wien, 1975; Vorgeschichte und Entstehung der modernen russischen Literatursprache // Zeitschrift für slavische Philologie 37, 1974. S. 235–74.

(как уже писал) отстаивал принцип, что русисту цел. нужен не для «еров», а для понимания совр. словаря, цитат и проч. Ко мне не так давно специально приехал переводчик со списком непонятных ему русских фраз. Например, он никак не мог осмыслить фразы «им же несть числа». Он, конечно, понимал, что несть есть усеченная форма от инфинитива нести, но почему нести числа? Ни в каком словаре он не нашел формы *обряцить*, совершенно не понимал, что значит *иже с ним* или *с товарищи*, *пределы ихже не преjdeши* (ваши почему-то пишут *их же*, *его же*, но ведь *-же* здесь постфикс, а не частица), *селение праведных идеже несть ни скорбь...* представлялось ему монстром. А это переводчик, пользующийся репутацией «знатока русского языка». Прочесть текст панихиды или литургии для русиста гораздо полезнее, чем копать в Супрасльском кодексе. Но, увы, эти мои установки не привились (сами «специалисты» по старослав. очевидно не справились с задачей), и этот изумительный язык будут и впредь читать по складам (дынеси, отыче наши) с несосветимой расстановкой ударений (и рече сытънику), и все будет так же бездарно, излишне, неинтересно, как и доселе... У меня грецистов довольно много (еще не успели ликвидировать этот язык во всех гимназиях), но им не так легко переключаться с классического на койне, и новозаветный текст им труден. Но зато все владеют латынью — «понемногу».

Мне кажется, что как раз болгары довольно серьезно занимаются и библистикой. Это связано с тем, что у них, во-первых, всегда имеются прекрасные грецисты, а также с общей национальной установкой их филологии. Югославия, Вы правы, производит провинциальное впечатление. Кроме Павла Ивича я не знаю ни одного крупного филолога. Словенцы, эта «генс филологика», полностью выдохлись и с головой ушли в пуризм, созерцают пражская задняя, рисуют треугольники фонем для каждого населенного и ненаселенного пункта, а также полемизируют с Исаченко относительно его ереси о несловинском происхождении Фрейзингских листов. Слов нет, устроиться нужно до, т. е. сперва обзавестись ассортиментом джентльмена (машина, квартира, дача, моторная лодка, жена) и потом уже приступить и к научной работе. Есть, правда, труженики, но они страдают комплексом малых наций, либо живут апологетикой, либо создают фантастические этимологические словари. Знаете ли, что за 33 года в Люблянском университете «промовировали», как говорят у нас, десять (10) докторов по всем славянским дисциплинам, из коих 7 — литераторы.

Ваша тема «аристократизм» перекликается с темой Набокова. Надо Вам сказать, что я открыл Набокова в 25-м году, но первую статью о нем (тогда еще В. Сирине) написал в 1934, в Праге⁴¹. Это оказалась вообще самая первая теоретическая работа о творческих приемах Сирина. На докладе, читанном мною (на тему кратких прилагательных) в Ельском (Иэльском —

⁴¹ А. Isačenko. V. Sirin (V. Nabokov) // Listy pro umění a kritiku 13-14, Prague, 1934, 311–317.

проклятая кириллица!) университете в 67 году, председатель проф. Рене Веллек так меня и представил как «найсампервейшего» «исследователя» Набокова, благо он, Веллек, как раз в 34-году был главным редактором того журнала, в котором появилась моя статья. В Сирина я просто влюблен, мне не верится, что русская литература может пройти мимо него. Я пристально следил за творчеством Сирина, пока он не переключался в Итаку и не превратился «обратно» в Набокова. Затем я читал его английские вещи, знатоки говорят, что он самый выдающийся стилист английской литературы. Большинство публики знает его по «Лолите», мне не понравилось, и — о чудо! — о русском переводе я узнал от Вас! Тут у него появились какие-то кафковские нотки (он уверяет, что Кафки не читал), появилась спесивость, самомнение (не неоправданное), даже несвойственные ему «вещие» нотки. Видел целый час его «персоналити шоу» по ТВ на английском языке, но в конце он не удержался и прочел стихи по-русски — «вещие»... И вот вчера или позавчера я закончил его «Дар» — одно из самых гениальных произведений, в которое вмонтировано незаурядное исследование о Чернышевском (вернулись к теме разночинного лагеря). Не сомневаюсь, среди русских интеллигентов вряд ли большинство примет его изложение, иногда принимающее форму издевки, но всегда остающееся в рамках какой-то непонятной ласки и снисходительности к этому индивиду. Скажу прямо: «Что делать» я не читал и читать не собираюсь. Но Вы просто должны прочесть этот шедевр речевой мимикрии, презрения не к самому Ч., а к тем, кто им торгует, и, разумеется, подтверждается Ваша мысль о глубоко аристократической ориентации и его самого, и Герцена, и даже Добролюбова. Мой здешний коллега-славист, «специалист по русской литературе», знал о Набокове только по «Лолите» и не подозревал, что есть и вещи на русском языке (их подавляющее). Хотелось бы засесть и написать провокацию о Сирина, постараться выявить его специфику, ни с кем не сравнимую), отыскать его место в русской литературе, которое тот занимает. Взять хотя бы четыре тома его комментариев к «Евгению Онегину»! Ему, конечно, близок Пушкин и Фет, а не Лермонтов и Некрасов. Но у меня и без того столько всевозможных планов, что придется заранее отказаться от весьма соблазнительного гурманства.

Еще о несчастном стольнике. У меня нет под рукой литературы: этот стольник не тот ли, кто поймал цесаревича Алексея и предал его папаше? Не помню, где, но мне пришлось читать такое биографическое толкование личности Льва Толстого: предок со стороны отца палач, а со стороны матери (Оболенские) — святая. Не знаю...

Меня очень интригует Ваш перевод Менгеса. Не знал, что Вы занимаетесь этим «китоложеством», как выразился однажды Маяковский. Советую почитать «Аз и я». А насчет ущербности русского языка (если я Вас правильно понял) я с Вами не могу согласиться. Передать можно все, что надо, просто разные диапазоны реалий в разные периоды. А цезура произошла именно после стольника, и Фонвизин довольно бойко и уж конечно

грамотно писал о театральной жизни Парижа. С самим Менгесом я не встречался, не знаю, как его искать.

Пересылаю Вам особой бандеролью нужные Вам оттиски, а также мое «Слово» по поводу пятидесятилетия друга и коллеги Генриха Бирнбаума. Найдете ошибки, сообщите. Писал я «Слово» в прошлом году в граде Ангельсцѣмъ, т. е. в Лос Анджелес, который у Вас почему-то пишется -ос.

У нас выпал первый снег, но не держится. Вскоре выйдет номер 3–4 нашего журнала. Выслать?

Простите мою болтовню. Я, кажется, переоценил Ваше терпение.

Искренне Ваш А. Исаченко

30 ноября 1977

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Васильевич!

Ваше письмо от 1 ноября уже больше недели как получено мною, но мысли мои рассеивались, и я не мог собраться с ответом. В первой половине ноября я совершил путешествие в Красноярск, чтобы навесить там многочисленных и престарелых родных. Громадные размеры страны делают такие путешествия довольно трудными. Город впервые произвел на меня довольно приятное впечатление: в нем наконец-то стало заметно стремление к некоторой эстетике и даже респектабельности: открываются театры, появился филармонический оркестр, в магазине можно найти книги, изданные в ГДР и славянских странах. В годы моей юности, как и в до-революционное время все культурные кадры формировались из ссыльных. Это, кстати, приводит к тому, что немногочисленная сибирская интеллигенция часто оказывалась довольно независима и либеральна.

По возвращении я занялся обработкой собранных списков Песни песней. Уже могу сказать с определенностью, что существует два перевода: первый — древний, содержит четый текст, второй — русский, на что указал уже Соболевский, содержит текст с толкованиями Филона Карпафийского. Первый перевод представлен двумя редакциями — болгарской (3 списка) и русской (около 15 списков). Кажется, что древний перевод не является плодом творчества болгар эпохи царя Симеона, его нужно в соответствии с показаниями паннонского жития Мефодия приписывать деятельности последнего. На основе языка это, правда, не легко доказать. Я не рискую вполне доверяться Ягичу (Ентштеюнгсгешихте)⁴², разносившему слова на «древние» и «новые». Единственное, что можно сказать, это что в лексике нет ярких болгаризмов. Привлекает внимание форма *сла* вместо *сплж*, которая могла возникнуть на основе западнослав. формы без л-эпентетикум и в результате болгарского смешения юсов. В связи с этой рабо-

⁴² V. Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.

той и прочел Ваши сочинения о Фрейзингских листках (1943) и о зачатках письменности в Великой Моравии (1948)⁴³.

Надеюсь, что Ваше мнение о деятельности архиеп. Геннадия будет высказано в «Истории рус. языка», работа над которой идет так успешно. Одно время меня увлекала мысль И. Е. Евсеева о том, что Геннадиевская библия — плод деятельности римской конгрегации пропаганды, а сам Вениамин — агент конгрегации. Однако собственное знакомство с кодексом убедило меня в том, что Евсеев был до крайности увлекающийся человек. Все тексты «жидовствующих» имеют признаки западно-русского происхождения, тогда как «еретики» были новгородцы и москвичи. Можно думать, что они пользовались прибывшими из западной Руси текстами, но это неплотворно.

Попадалась ли Вам книга Фрайдхофа (Мюнхен, 1972)⁴⁴ о сравнении Геннадиевской и Острожской библий? Я читал одобрительные рецензии, кажется, в Речнике славистичнем, но одна заметка самого Фрайдхофа, кажется, в «Анцайгер фюр слав. филологи», том 7, показалась мне поверхностной⁴⁵: он, не подозревая об опытах Евсеева, тщится доказать, что Вениамин имел с собою глаголич. тексты чуть ли не из Сазавского монастыря и правил по ним евангелия. В доказательство приводит случаи совпадения в Геннадиевской библии (ев. от Матфея или Луки) с Никольским евангелием (вариант В по изданию Даничича). Между тем, все такие совпадения известны целой группе текстов, из них старший — Константинопольское ев. 1383 г. Эта справа возникла либо в самом Константинополе, либо на Афоне в 14 в., но может быть связана с Ресавским монастырем.

Возвращаясь к 18 веку, хочу выразить восхищение Вашим наблюдением, что с французского калькировались латинизмы (или интернационализмы). Вероятно, это происходило не в той среде, которая заимствовала галантерейную лексику. Получается, что во второй половине 18 в. заимствования шли через разговорную речь, а кальки через письменную (мне кажется плодотворным это разделение разговорной и письменной речи, проводимое Б. А. (Успенским)).

Согласен с Вами, что «вкус» — центральное понятие для истории рус. языка 18 в., хотя некоторые авторы это понятие не признавали, а именно Третьяковский и архаизаторы второй половины века. Описанные Левиным в «Очерке»: Радищев, Бобров и др.

Желаю Вам здоровья, успешного завершения «Истории».

Ваш А. Алексеев

⁴³ A. Isačenko. Jazyk a pôvod Frizinských pamiatok // *Spisy Slovenskej Akadémie vied a umeni*, vol. 1. Bratislava, 1943; Začatky vzdelanosti vo Veľkomoravskej ríši. Turč. Sv. Martin, 1948.

⁴⁴ G. Freidhof. Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/81): Die Bücher Paralipomenon, Ezra, Tobias, Judith, Sapientia und Makkabäer. Frankfurt am Main, 1972.

⁴⁵ G. Freidhof. Zu einem südslavischen Einfluß in der Handschrift der Gennadius-Bibel (1499) // *Anzeiger für slavische Philologie*. Bd. 6 (1972). S. 160–162.

7 декабря 1977

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Васильевич!

Ваше письмо от 15 ноября меня глубоко взволновало. В нем затронуты близкие мне предметы и в исключительно симпатичном (родственном) духе.

Прежде всего это относится к покойному Набокову. Было приятно узнать, что Вы положили начало изучению его творчества. К сожалению, я незнаком с литературой об этом авторе. Всякий раз, как я пытаюсь представить себе истоки Набокова-писателя, мне приходит на память едва ли не вся русская литература. И кажется, что лишь Лев Толстой не оказал никакого влияния. Набокова можно связать с кругом писателей 10–20 гг. из СПб-Ленинграда: Сологуб, Скалдин, Кузмин, Вагинов, Андрей Николев (литературный псевдоним классика А. Н. Егунова, издавшего в 1958 г. после многих лет ссылок и заключений исследование «Гомер в русских переводах»), возможно, Добычин. Прозрачностью стиля Набоков близок писателям из общества «Знание», а также Б. Зайцеву. В послесловии к своему переводу «Лолиты» Набоков говорит, что когда взялся за повесть, жалел, что не пишет по-русски, но когда стал переводить, увидел, что в области естественных наук и противоестественных наклонностей, а также в спорте русский язык сильно отстает от английского. И это на свой лад повторяет ситуацию 18 века: опережение — отставание. Несколько лет назад на столетнем юбилее Горького писатель Леонид Леонов произнес «Слово о Горьком», тоже проникнутое стремлением преодолеть отставание.

Увы, я не читал «Дара», хотя уже давно пытаюсь найти эту книгу, отсутствующую в библиотеках и торговле. По случайному совпадению именно сейчас я читаю Чернышевского. Для изучения жизни разночинной интеллигенции это дает даже больше, чем романы Достоевского. Не в форме, но в существе мировоззрения очень много общего с житийным жанром. Чернышевский — «самодельный» человек вроде известных «праведников» Лескова. Сюда же можно отнести знаменитого теперь философа Федорова, мечтавшего о воскресении всех мертвых, Циолковского, собиравшегося перенести жизнь человечества в космос; Чернышевский, между прочим, трудился над изобретением перпетуум мобиле. Это что-то вроде русского Савонаролы или Франциска Ассизского. При своем атеизме он действует по модели святого с поправкой на Милля и Бентама.

Изучение церковнославянского языка в России. Вы совершенно правы, это очевидная и злободневная задача. Она неотделима от изучения истории русского литературного языка. Диссертация Б. А. Успенского была вкладом в решение этой задачи. Я тоже хотел бы заняться этим, но не получается из-за других дел. Я начал бы с конца — с Елизаветинской Библии 1751 г. Для подготовки издания из Киева были вызваны два иеромонаха. Взяв за основу Острожскую библию (в московском переиздании 1663 г.), они вносили в нее правку по всем имевшимся под рукой изданиям Септуагинты и даже по Масоретскому тексту. Все черновые варианты находятся

сегодня в Синодальном архиве, в течение года я просмотрел там всю правку, обращая особое внимание на случаи, где мотивировка («резоны») имела такую форму: «по свойству славянского языка». Пока у меня, однако, не было времени оценить результаты этих наблюдений.

Н. А. Мещерский советует мне заняться также Никоновской книжной справой в лингвистическом плане. Можно заметить, что некоторые чтения возникли первоначально в Киеве в период вхождения в Константинопольский патриархат, и лишь позже были перенесены в Москву. Например, чтение пасхального тропаря «смертию смерть поправ» (вместо «смертию на смерть наступив») попало в киевской рукописи 1507 г., а в Москве известно лишь в эпоху Никона. Возможно, какая-то ревизия текстов была произведена при написании Великих миней митроп. Макария. Впрочем, самое главное в существовании цсл. языка — это его тождественность самому себе в течение восьми веков. В этом я убеждаюсь теперь, когда пытаюсь на основе языковых данных установить историю текста Песни песней, о чем упоминал Вам в прошлом письме. Разумеется, отсутствие эпентетического -л- не может быть моравизмом в рукописи 14 в., это обычная болгарская черта.

Из Вашего упоминания о Тронском я понял, что Вам осталась неизвестна его судьба. С середины 50-х годов он уже не работал в университете, но до своей смерти в 1970 г. состоял в Институте языкознания Академии наук, отчего и занимался в последние годы жизни индоевропеистикой. Тогда же был удален из университета С. Я. Лурье, другой очень видный классик. Говорят, что это делалось не без участия Б. А. Ларина, но едва ли в этом можно быть уверенным. Известный Вам по Куйбышеву ученик Тронского серьезно занимается усвоением античности в России 18 в.

Я очень благодарен за «Митен» и «Форгешихте», но Ваше Слово о Г. Бирнбауме еще до меня не дошло.

Ваш искренне А. Алексеев

Материал получен 17.06.2023

Anatoly A. Alexeev
St Petersburg University
(St Petersburg, Russia)
alexeev.anatoly@gmail.com

**CORRESPONDENCE OF A. V. ISACHENKO WITH A. A. ALEXEEV
(1976-1977)**

Received on June 17, 2023

Адреса университетов и институтов
Addresses of universities and institutes

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, Рождественка 12
Institute of Oriental Studies, RAS
12 Rozhdestvenka, Moscow, 107031, Russia

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, Волхонка 18/2
Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences
18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
Lomonosov Moscow State University
1/51 Leninskiye gory, Moscow 119991, Russia

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург Университетская наб. 11
Saint Petersburg State University
11 Universitetskaya emb., St.-Petersburg 199034, Russia

American University
4400 Massachusetts Ave NW, Washington, DC 20016, USA
Американский университет
4400 Массачусетс Авеню, Северо-Западный Вашингтон, округ Колумбия 20016, США

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу rusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры отисков в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовок статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45–58] или [Иванов 2012: 45–58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34–38; 2012: 78–81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012а: 45–58; 2012б: 12–15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45–58] утверждает, что...».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English.
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45–58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45–58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34–38; 2012: 78–81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45–58; 2012b: 12–15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45–58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Русский язык в научном освещении
№ 1. 2024

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*
Редактор номера *Е. И. Державина*
Корректор *М. Л. Максимова*
Оригинал-макет подготовлен *В. Ю. Гусевым*

Подписано в печать 28.06.2024. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага офсетная № 1, печать офсетная
Усл. п. л. 27. Заказ №